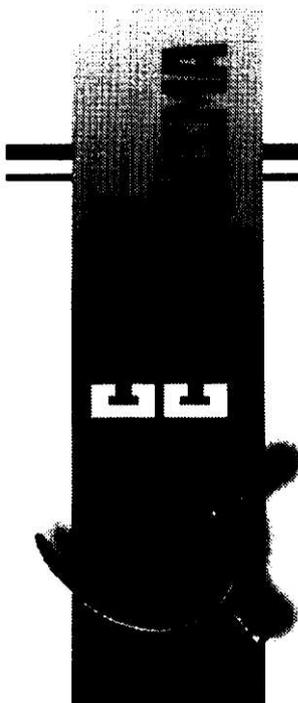


АНДРЕЙ ЛАНЬКОВ



# АВГУСТ, 1956 ГОД. КРИЗИС В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ



Москва  
2009

ББК 63.3(0)63  
УДК 94(082.1)  
J122

**Ланьков А. Н.**  
J122 **Август, 1956 год: Кризис в Северной Корее** / А. Н. Ланьков. - М.:  
Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд  
Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009.- 350 с.; ил.  
(История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-0907-2

КНДР часто воспринимается как государство, в котором сталинская модель социализма на протяжении десятилетий сохранялась практически без изменений. Однако новые материалы показывают, что и в Северной Корее некогда были силы, выступавшие против культа личности Ким Ир Сена, милитаризации экономики, диктаторских методов управления. КНДР не осталась в стороне от тех перемен, которые происходили в социалистическом лагере в середине 1950-х гг. Преобразования, развернувшиеся в Советском Союзе после смерти Сталина, произвели немалое впечатление на северокорейскую интеллигенцию и часть партийного руководства. В этой обстановке в КНДР возникла оппозиционная группа, которая ставила своей целью отстранение от власти Ким Ир Сена и проведение в КНДР либеральных реформ советского образца. Выступление этой группы окончилось неудачей и вызвало резкое ужесточение режима.

В книге, написанной на основании архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются драматические события середины 1950-х гг. Исход этих событий во многом определил историю КНДР в последующие десятилетия.

ББК 63.3(0)63  
УДК 94(082.1)

ISBN 978-5-8243-0907-2

© А. Н. Ланьков, 2009  
О Российская политическая  
энциклопедия, 2009

## **ВВЕДЕНИЕ**

Середина и конец 1950-х гг. стала для социалистического лагеря временем глубоких перемен. На протяжении нескольких лет после смерти И.В.Сталина в 1953г. политическая, социальная и культурная ситуация в большинстве социалистических государств радикальным образом изменилась. Возможно, что нашим современникам, свидетелям драматического распада мировой социалистической системы, перемены тех лет кажутся не столь уж и впечатляющими. Однако у тех, кому довелось жить в социалистических странах и до, и после «хрущевских реформ», никогда не возникало сомнений в принципиальной важности тех изменений, что произошли там между 1953 и 1960 гг. Именно в середине 1950-х гг. утвердились те основные принципы, на основе которых социалистический лагерь продолжал функционировать вплоть до своего распада в 1989-1991 гг.

Эти изменения в большей степени были результатом «кампании по борьбе с культом личности и его последствиями», которая развернулась в Советском Союзе после 1953 г. и достигла своей кульминации в 1956-1957 гг. Эта кампания и связанные с ней политические и социальные реформы имели своей целью создание новой, более гуманной и более эффективной модели государственного социализма. В рамках этой модели были резко расширены границы дозволенного в культуре, науке, искусстве и общественной жизни, ушли в прошлое массовые репрессии, и правительства социалистических стран по большому счету перестали обращать внимание на частную жизнь своих подданных, если те только не бросали прямого вызова официальной идеологии и существующему строю. Однако реформаторы подразумевали, что основы социалистического строя в его ленинско-сталинской интерпретации должны оставаться неизменными, несмотря на все послабления. В экономике никто не подвергал сомнению господство государственной собственности и центрального планирования, а во внутренней по-

литике подразумевалось, что марксистско-ленинская партия должна сохранять особый статус и осуществлять постоянный контроль над обществом.

События в Москве стали толчком к переменам, которые быстро распространились по всему социалистическому лагерю, который в тот период состоял из десятка стран в Восточной Европе и Восточной Азии. Результатом десталинизации стало то, что социалистический лагерь, доселе строго контролировавшийся Москвой, утратил свое былое однообразие. В некоторых странах — например, в Болгарии или ГДР — местные правящие круги пошли по стопам Москвы и в конечном счете создали (точнее, импортировали из СССР) более либеральную постсталинистскую версию государственного социализма. В некоторых других государствах социалистического лагеря местное руководство заняло более радикальную позицию и со временем смогло уйти от сталинской модели заметно дальше, чем Советский Союз хрущевских и брежневских времен (примером здесь может служить Венгрия). Наконец, в некоторых социалистических странах высшие руководители выступили за то, чтобы сохранить верность прежним принципам и при этом порою даже показали себя бо'льшими сталинистами, чем Сталин. При этом в большинстве подобных режимов сталинская идеология была со временем дополнена новым компонентом — местным национализмом, так что возникший таким образом синтез правомерно называть «национальным сталинизмом»<sup>1</sup>. По пути «национального сталинизма» пошли Албания, Румыния, Корея, отчасти — Китай и Вьетнам (хотя в последних двух странах речь могла идти только о советском влиянии, а не о советском контроле, причем во Вьетнаме условия военного времени оказывали огромное влияние на всю местную специфику). Как ни парадоксально, деятельность и либеральных реформаторов, и приверженцев «национального сталинизма» объективно имела схожий результат — разрушение единообразия раннего социалистического лагеря и ослабление главенства Москвы, которое в сталинские времена казалось совершенно нерушимым. Коммунистический мир в середине 1950-х гг. необратимо изменился.

Неуверенность и сомнения среди правящих кругов сочетались в эти переломные годы со вспышками массовых выступлений про-

<sup>1</sup> Термин «национальный сталинизм» достаточно широко используется и современной исторической литературе для описания тех коммунистических режимов, что существовали в Румынии, Албании и Северной Корее. См., в частности: Tismaneanu Vladimir. Understanding national Stalinism: reflections on Ceausescu's socialism // Communist and Post-Communist Studies. N° 2. 1999.

теста. В 1956 г. население Венгрии и Польши открыто выступило против своих коммунистических правительств под националистическими и демократическими лозунгами. В Венгрии повстанцы фактически установили контроль над столицей страны, и только прямая военная интервенция Советского Союза спасла режим от гибели. В Польше кризис в итоге разрешился мирным компромиссом, но осенью 1956 г. ситуация и там могла окончиться вооруженной конфронтацией. При этом идеи, вдохновлявшие участников выступлений протеста, могли существенно различаться. Например, другим проявлением «кризиса середины пятидесятых» можно считать события в Грузии, где в марте 1956 г. местная молодежь выступила против политики десталинизации, в защиту «чести и доброго имени» покойного диктатора, которого они искренне считали своим великим соотечественником и благодетелем. Вне зависимости от идеологической окраски, сама принципиальная возможность массовых политических акций была совершенно новым явлением. До 1956 г. открытый протест против существующего режима в большинстве социалистических стран невозможно было представить (а там, где дело до него все-таки доходило, как в Германии в 1953 г., такие выступления подавлялись немедленно и беспощадно).

Наиболее существенные перемены в социалистическом лагере произошли в 1956 г. Именно этот год стал годом XX съезда КПСС, годом «закрытого доклада» Хрущёва<sup>1</sup> и официального осуждения Сталина; годом венгерского восстания и массовых беспорядков и стачек в Польше; годом нарастания напряженности в Китае; годом первого советско-югославского примирения.

Северная Корея, самая восточная страна социалистического лагеря, не оставалась в стороне от этих событий. Середина 1950-х гг. была важнейшим поворотным моментом в истории КНДР. Когда в 1953 г. окончилась Корейская война, КНДР, несмотря на некоторые местные особенности и исключительную бедность, в целом вполне вписывалась в общепринятые рамки «народной демократии» (или, скорее, «зависимого сталинизма»). Однако после 1956 г. страна начала быстро меняться. Как известно, КНДР вместе с Албанией, Румынией и Китаем относилась к тем социалистическим странам, которые тогда пусть и с разной степенью радикализма, но выступили против новой антисталинской линии Москвы. Руководство этих стран осталось верно прежним сталинистским принципам, которые все более активно дополнялись националистической риторикой. Особенно четко этот курс на построение «национального сталинизма» стал проявлять-

ся в Корее с начала 1960-х гг., но основания для него были заложены в ходе событий середины и конца 1950-х гг.

Поворотным моментом в истории Северной Кореи стала неудачная попытка смещения Ким Ир Сена, которая была предпринята в августе 1956 г. группой высших партийных руководителей. «Августовские события» стали единственным случаем открытого выступления против Ким Ир Сена за все время почти полувекового правления «Великого Вождя». Попытка оппозиции изменить политический курс окончилась неудачей, но ее последствия оказали огромное влияние на судьбу страны. «Августовский заговор» был важнейшей вехой в политической истории Кореи, его провал означал конец прежней политической системы и рождение пхеньянской версии «национального сталинизма».

Открытое выступление части высшего руководства против Ким Ир Сена стало возможным благодаря той атмосфере, что царила в столицах «стран социалистического лагеря» в середине 1950-х гг. Неуверенность и беспокойство сочеталось с ощущением неизбежности перемен. Многие надеялись на то, что государственный социализм сталинского образца удастся радикально реформировать, создав его новый, более гуманный, менее репрессивный вариант. В подобной атмосфере неизбежными были и вспышки массовых движений, и рост общественной активности во всех сферах жизни, и политические авантюры среди высшего руководства. Мотивы тех, кто выступал в поддержку реформ, были самыми разными: одних вдохновляли национальные идеалы, другие мечтали об «очищенном от извращений» коммунизме и «возвращении к Ленину», третьи намеревались каким-то образом соединить социализм и демократию, четвертые просто надеялись воспользоваться неопределенной ситуацией в собственных интересах. Тем не менее всех реформаторов объединяло неприятие сталинской системы, которую они считали и аморальной, и неэффективной. Эта политическая атмосфера являлась прямой угрозой тем силам и группам, что находились у власти, и в большинстве социалистических стран середина 1950-х гг. стала временем, когда руководители первого поколения, «маленькие Сталины» Восточной Европы, были отстранены от власти.

Ким Ир Сен, как мы знаем, не только пережил кризис, но и воспользовался им для резкого усиления своей личной власти. Оказавшись полновластным хозяином положения, он повел свою страну в новом направлении, которое существенно отличалось от политического курса, избранного большинством стран Восточной Европы.

Перемены в КНДР оказали немалое влияние на международную ситуацию в Восточной Азии. После разгрома «августовской оппозиции» СССР и КНР попытались выступить в защиту оппозиционеров, но все их действия ни к чему не привели. Провал советско-китайского дипломатического вмешательства наглядно продемонстрировал, что Ким Ир Сен обеспечил себе прочные внутриполитические позиции и больше не является марионеткой в руках внешних сил. Стало очевидным и то, что в новых условиях у Москвы больше нет возможности навязывать свою волю «самой восточной из социалистических стран». В новых условиях Ким Ир Сен начал осторожно, но планомерно освобождаться от ставшего обременительным советско-китайского контроля. На смену «зависимому сталинизму», который был установлен в КНДР еще в конце 1940-х гг., постепенно приходил «национальный сталинизм». Первые признаки этих перемен проявились еще до кризиса 1956 г., а после кризиса эти тенденции заметно усилились. Кроме того, назревавший конфликт между Москвой и Пекином предоставил Ким Ир Сену дополнительные возможности для дипломатического маневрирования. Через несколько лет, в начале 1960-х гг., окончательно сформировалась та политика равного удаления от обоих коммунистических великих держав, которая на протяжении последующих трех десятилетий была основой всей внешнеполитической стратегии Пхеньяна.

В еще большей степени последствия кризиса 1956 г. сказались на внутренней политике КНДР. Главным результатом кризиса стало невиданное укрепление режима личной власти Ким Ир Сена и формирование культа личности Вождя, который по своей интенсивности вскоре заметно превзошел сталинские прототипы. После разгрома «августовской оппозиции» ни одна политическая группировка более не посмела поставить под сомнение лидерство Ким Ир Сена, правление которого со временем стало самым длительным во всей истории социалистического лагеря и завершилось беспрецедентной передачей власти по наследству.

Последствия кризиса середины 1950-х гг. во многом определили направление развития Северной Кореи на следующие десятилетия. Именно в тот период были заложены основы пхеньянской модели сталинского социализма, которая впоследствии стала известна как «социализм чучхе». Не случайно, что само слово «чучхе» в своем позднейшем «политическом» значении, как символ корейской «самости», было впервые употреблено в речи, с которой Ким Ир Сен выступил в разгар кампании против советских корейцев 28 декабря 1955 г.

В результате событий 1956-1957 гг. КНДР постепенно превратилась в уникальное государство. Северная Корея стала крайне милитаризированной страной, со всепроникающей системой полицейского контроля, с неистовым культом личности и с особой идеологией, которая с течением времени все дальше отходила от ортодоксального марксизма-ленинизма. Происшедшие в КНДР в конце 1950-х гг. изменения привели к ослаблению советского (и китайского) влияния, но эта новообетенная свобода от внешнего диктата не принесла населению страны каких-либо материальных или социальных преимуществ. Скорее наоборот — рядовой житель Северной Кореи заплатил немалую цену за ту самую внешнеполитическую независимость, к которой так стремились и которой так дорожили Ким Ир Сен и его окружение. С позиций сегодняшнего дня очевидно, что программа государственного социализма была в любом случае экономически неэффективной, но при этом нельзя не отметить различия в степени неэффективности, которые существовали между национальными вариантами государственного социализма. К несчастью, оказалось, что после кризиса 1956 г. Северная Корея выбрала самый неудачный вариант этой в целом неудачной экономической схемы.

Главной задачей данной работы является рассмотрение событий, которые привели к открытому конфликту в северокорейском руководстве в августе 1956 г., а также политических и социальных последствий этого конфликта. Иначе говоря, данная работа посвящена описанию тех событий, которые привели к рождению северокорейского «национального сталинизма».

Характер доступных на сегодняшний момент источников неизбежно заставляет нас уделять основное внимание событиям политической истории. Острая нехватка источников является серьезной проблемой для всех исследований по истории КНДР. Пройдет не одно десятилетие, прежде чем станет возможным создание комплексных работ по социальной или культурной истории Северной Кореи. Для успешного проведения таких исследований требуется большое количество источников и материалов, сейчас практически недоступных, а также тщательная подготовительная работа. На этой же стадии нам неизбежно придется ограничиваться историей политической, хотя в тех случаях, когда в нашем распоряжении имеются подходящие материалы, в работе будут затрагиваться также вопросы социальной эволюции северокорейского общества.

К сожалению, кризис 1956 г. и связанные с ним события до недавнего времени оставались малоизученными. Было хорошо известно, что в августе 1956 г. произошла неудачная попытка отстране-

ния Ким Ир Сена от власти, а в сентябре за ней последовал совместный советско-китайский демарш: с течением времени слухи об этих событиях получили широкое распространение и иностранные наблюдатели составили общее представление о происшедшем. «Августовский эпизод» упоминается во всех общих работах по истории КНДР. Публикации по истории Северной Кореи также обычно упоминают о тех изменениях, что произошли в северокорейском обществе в конце 1950-х гг. Так, например, начавшееся с 1956—1957 гг. усиление китайского влияния и постепенный поворот северокорейского руководства к национализму отмечаются практически всеми исследователями, занимавшимися историей КНДР. Однако до настоящего времени не было возможности детально проанализировать эти события и ту политическую ситуацию, на фоне которой они разворачивались. Практически все материалы, относящиеся к ключевым эпизодам тех решающих лет, оставались недоступными для ученых.

Ситуация изменилась в начале 1990-х гг. На протяжении 1992—1995 гг. и 1998—2000 гг. автору данной книги удалось найти в российских архивах значительное количество важных материалов, относящихся к событиям середины 1950-х гг. В период «перестройки и гласности» в начале 1990-х гг. были частично рассекречены и временно открыты для исследователей часть материалов советского посольства в Пхеньяне, равно как и некоторые другие документы из архивов советского МИДа. К сожалению, доступные материалы зачастую носят фрагментарный характер, и многие из важных источников на сегодняшний день остаются недоступными. К их числу относятся, например, практически все телеграммы, которыми обменивалось посольство СССР в Пхеньяне и Министерство иностранных дел в Москве; все относящиеся к тому времени материалы ЦК КПСС; все документы КГБ и иных советских разведывательных служб; итоговые посольские отчеты. Кроме того, период либерализма в архивах бывшего СССР продлился недолго, и во второй половине 1990-х гг. доступ ко многим ранее открытым материалам снова стал чрезвычайно ограниченным.

Наиболее распространенным типом источников, находящихся в архиве МИДа, являются так называемые «записи бесед». Такие «записи» делались дипломатами после официальных и полуофициальных встреч. Обычно они представляли собой машинописные тексты и составлялись в течение нескольких дней после самого разговора на основании тех заметок, которые делались дипломатом во время беседы или сразу же после нее. В заголовке «Записи» всегда содержалась основная информация (имя и должность) о со-

ветском дипломате и его корейском собеседнике, а также дата встречи. Рукописные заметки обычно уничтожались после того, как был готов машинописный текст, однако, как мы сможем убедиться в дальнейшем, из этого правила были некоторые исключения. «Записи бесед» считались документами «секретными» или «совершенно секретными» (второй и третий уровень четырехступенной советской классификации секретности). Насколько нам известно, ни один из документов, которые легли в основу настоящей книги, ранее не публиковался и не был использован историками.

Кроме документов, обнаруженных нами в архивах МИДа, в данной книге использовались и материалы из газеты «Чунъян ильбо». Группа журналистов этой газеты в начале 1990-х гг. сделала копии ряда документов из архива МИДа. На основе этих копий была создана база данных, которая сейчас доступна ученым. В целом коллекция «Чунъян ильбо» не очень велика, но в ней содержатся некоторые документы, на которые я не обратил должного внимания во время моей работы в архиве.

В данной книге использовались также записи интервью, которые автор в 1987-2006 гг. провел с бывшими советскими дипломатами, северокорейскими эмигрантами в СССР и членами их семей. В 1960-х и 1970-х гг. в СССР проживало несколько сотен эмигрантов из КНДР - в основном советских граждан корейского происхождения, которые работали в КНДР на руководящих постах, но в конце 1950-х гг. были вынуждены вернуться в Советский Союз. Некоторые из них предоставили автору интересные сведения, которые вряд ли можно было получить другими путями.

Другим источником, который широко использован в данной книге, является официальная северокорейская печать, главным образом - статьи «Нодон синмун», органа ЦК Трудовой Партии Кореи и главной газеты страны, а также официального партийного журнала «Кынлочжа». Излишне говорить о том, что пресса в КНДР, как и в любом сталинистском государстве, подвергалась строжайшей цензуре и партийному контролю. Широко распространенное выражение «официальная печать» в данных условиях является тавтологией, поскольку никакой другой прессы при сталинистском режиме существовать просто не могло. Однако в сочетании с другими источниками и ретроспективным анализом событий пресса дает неожиданно много информации. Такая ситуация является побочным продуктом двойственной роли печати в коммунистических странах, которую описывает знаменитая фраза Ленина о том, что газета является не только «коллективным пропагандистом», но

и «коллективным организатором». Как «коллективный пропагандист» официальная печать могла, а зачастую и должна была искажать факты и вводить читателей в заблуждение; но, будучи одновременно с этим «коллективным организатором», она должна была хотя бы туманно и неопределенно указывать на то, в каком направлении следует двигаться партии и ее сторонникам. Язык, который использовался для этого, был, по существу, особым кодом. Этот код хорошо понимали искушенные современники, отлично знавшие стандартный партийный жаргон, умевшие читать между строк и выделять подлинный смысл официальных формулировок. Обучение этому искусству толкования формулировок являлось важной составляющей так называемого «политического просвещения» в социалистических государствах. Незначительное изменение той или иной формулировки могло иметь гораздо большее значение, чем содержание текста, а для опытного читателя расположение статьи на странице уже само по себе могло являться важным сигналом.

Однако нельзя не признать, что, несмотря на все усилия, объем доступной нам информации остается весьма ограниченным. Помимо уже упоминавшихся трудностей с доступом к советскими документам остаются совершенно недоступными китайские материалы, имеющие в данном случае особое значение. Наконец, нет пока никакой возможности работать в архивах самой Северной Кореи, которая, несмотря на перемены последнего десятилетия, остается обществом репрессивным и крайне закрытым. Нет сомнений, что с течением времени станут доступными новые документы московских архивов (не говоря уже об архивах пхеньянских и пекинских), и некоторые из этих документов заставят нас пересмотреть многие представления о политической истории Северной Кореи в конце 1950-х гг. Однако и ставшие доступными в последние годы материалы содержат значительный объем новой информации об «августовском инциденте», роли оппозиции в северокорейском руководстве летом 1956 г., а также о той общественной и политической ситуации, которая, с одной стороны, сделала возможным выступление против Ким Ир Сена, а с другой - предопределила его неудачу.

Имеющаяся у нас информация распределяется крайне неравномерно: об одних событиях мы знаем гораздо больше, чем о других. Это досадно, но неизбежно. Например, из-за того, что советские дипломаты тщательно отслеживали подготовку августовского пленума, мы имеем достаточно надежную информацию о внутривнутриполитической ситуации в июне и июле 1956 г. - такая информация хорошо отражена в «записях бесед». Однако при оперативном об-

суждении с Москвой происходящих событий советское посольство в КНДР обычно использовало шифртелеграммы, которые остаются засекреченными и по сей день. Инструкции Москвы также отправлялись в Пхеньян телеграфом и в силу этого остаются недоступными для исследователей. Это означает, что мы многого не знаем о советской реакции на развертывавшиеся в Пхеньяне драматические события.

Следует отметить, что в нашем распоряжении нет полного отчета о решающем противостоянии, которое развернулось на пленуме ЦК утром 30 августа 1956 г., хотя нет сомнений в том, что эти события с максимальной полнотой описаны в тех шифртелеграммах, которые отправлялись в МИД в конце августа и начале сентября 1956 г. Не имея возможности работать с этими документами, мы реконструировали ход событий по менее надежным источникам (которые, кстати, тоже впервые вводятся в научный оборот). Другой пример - это материалы о состоявшемся в сентябре 1956 г. пленуме ЦК ТПК, на котором присутствовала советская делегация во главе с Анастасом Микояном. Нет сомнений, что где-то в Москве хранится детальный отчет об этой важной поездке. Однако поскольку группа А. И. Микояна официально называлась «партийной» (а не «правительственной») делегацией, то этот документ оказался в партийных архивах, которые были закрыты даже в начале 1990-х гг. В результате доступные нам материалы о самих пленумах существенно уступают по полноте имеющейся у нас информации о событиях, которые предшествовали пленумам и последовали за ними. В то же самое время мы располагаем достаточно подробными сведениями о репрессивных кампаниях, которые были развернуты после провала «августовской оппозиции». При этом особое внимание в документах уделяется положению советских корейцев в 1956—1960 гг., в то время как судьбы остальных фракций часто остаются вне поля зрения доступных нам источников. Можно приводить и другие примеры, но главной проблемой остается неравномерность освещения событий, связанная в первую очередь с самим характером доступных нам источников.

Автор продолжает свою работу и надеется, что рано или поздно сможет получить доступ к большему числу материалов и, возможно, опубликует существенно дополненную версию данной книги. Однако вполне возможно и то, что появления новых источников нам придется ждать многие годы, если не десятилетия (события последних лет сделали меня в этом отношении скептиком). Тем не менее даже доступная сегодня информация позволяет по-новому взглянуть на один из наиболее важных поворотных моментов в по-

литической и социальной истории КНДР. Автор решил опубликовать эту работу в надежде, что скоро она будет дополнена новыми публикациями и исследованиями по данной теме. В то же время надо принимать во внимание то обстоятельство, что выводы, сделанные на основе имеющихся источников, неизбежно носят предварительный характер, что очень часто в этой книге мы вынуждены задавать вопросы, на которые пока нет четкого ответа.

Другим неизбежным недостатком данной работы, который ее автор полностью осознает, является присущий ей «советский угол зрения». Внутренние события северокорейской истории часто рассматриваются здесь со специфически советских позиций. Такой подход представляется неизбежным как из-за характера использованных источников, так и из-за личного опыта автора. Остается надеяться, что коллеги из других стран продолжат эту работу и ее итогом станет более гармоничная и сбалансированная картина северокорейской истории.

В то время как многие факты, касающиеся кризиса 1956 г., до недавнего времени оставались неизвестными, общая канва этих событий рассматривается в нескольких общих исследованиях по истории КНДР. Среди таких работ следует упомянуть классический двухтомник Роберта Скалапино и Ли Чон-сика (R. Scalapino and Lee Chong-sik. «Communism in Korea»), написанную Со Дэ-суком политическую биографию Ким Ир Сена (Suh Dae-suk. «Kim Il Sung: The North Korean Leader»), и другие общие труды по истории Северной Кореи<sup>2</sup>. В числе современных южнокорейских исследований необходимо отметить опубликованную в 1995 г. работу Ким Хак-чжуна «Пятьдесят лет истории Северной Кореи» («Пукхан 50нён са», 1995 г.) и книгу Чхве Сона «Политическая история Северной Кореи (Пукхан чонъчхи са», 1997 г.). Две последние книги основаны на недавних исследованиях южнокорейских, японских и западных авторов и опираются на новые данные по ранней истории Северной Кореи.

Наконец, нельзя не упомянуть и того, что в последние годы ряд западных и южнокорейских исследователей опубликовал важные работы по истории рассматриваемого нами периода. В большинстве случаев эти работы также опираются на новые источники, которые стали доступны в последнее время. В качестве примера такого исследования надо упомянуть, например, объемные и край-

<sup>2</sup> Scalapino Robert and Lee Chong-sik. Korean Communism. Vol. 1. Berkeley: University of California Press, 1972; Suh Dae-suk. Kim Il Sung: The North Korean Leader. New York: Columbia University Press, 1988.

не интересные монографии Балоша Шалонтия и Со Тон-мана (обе книги основаны на их диссертациях). Работа Балоша Шалонтия основывается на изучении рассекреченных материалов венгерского посольства в Пхеньяне, а Со Тон-ман использует в основном корейские документы и официальные северокорейские публикации.

В Южной Корее с конца 1990-х гг. наблюдается некоторое увеличение интереса к истории Северной Кореи. Особая роль в этом принадлежит Институту Дальнего Востока при Университете пров. Южная Кённам, который стал сейчас ведущим центром таких исследований. В частности, Институт Дальнего Востока выпускает интересный журнал «Проблемы современной Северной Кореи» («Хёндо Пукхан ёнгу»). Несмотря на название журнала, большинство публикуемых в нем статей посвящено не современной политике и экономике, а истории Северной Кореи.

Среди публикаций, касающихся кампании против советских корейцев 1955 г. необходимо отметить соответствующую главу монографии Брайана Майерса «Хан Соль-я и северокорейская литература», а также пространную статью Масао Оконоги «Северокорейский коммунизм: в поисках его прототипов»<sup>3</sup>. В этих работах используется интересный материал и исследуются разные аспекты вопроса: книга Майерса посвящена главным образом политике в области литературы, тогда как Масао Оконоги сосредоточивается на рассмотрении промышленной политики КНДР в период после Корейской войны.

Я хочу выразить благодарность людям, без поддержки и содействия которых эта книга никогда не была бы написана. Это — мои корейские коллеги проф. Ю Киль-чжэ, проф. Ким Сок-хян, проф. Со Тон-ман, чьи советы и помощь были мне крайне необходимы. Также я очень признателен замечательным людям, с которыми я работал в Австралийском национальном университете, и в особенности профессору Вильяму Дженнеру (William Jenner), д-ру Кену Велсу (Dr. Kenneth Wells) и д-ру Син Ки-хёну (Shin Gi-hyun). Я глубоко благодарен моим российским друзьям и коллегам В. Я. Найшулю, О. В. Плаксину, А. Соловьёву, А. Н. Илларионову, М. М. Кисилёву, Б. М. Львину, Н. А. Добронравину, помогавшим получить доступ к необходимым материалам, дававшим ценные советы и оказавшим разнообразную моральную и интеллектуальную поддержку.

<sup>3</sup> Brian Myers. *Han Sol-ya and North Korean Literature*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994; Masao Okonogi. *North Korean Communism: in Search of its Prototype // New Pacific Currents*. Honolulu: University of Hawaii, 1994.

Я хочу выразить признательность свидетелям и участникам событий в Северной Корее в 1950-х гг. и их семьям. В работе использованы материалы не всех моих бесед с этими людьми, но эти разговоры позволили мне лучше почувствовать и понять атмосферу Пхеньяна 1950-х гг., а также мировоззрение людей, чья деятельность рассматривается в этой книге. Я выражаю свою особую признательность Кан Сан-хо, В. П. Ткаченко, Лире и Майе Хегай, В. В. Ковыженко, Г. К. Плотникову, Ким Чхану, Сим Сучхолу и многим другим.

Огромную помощь мне оказал Балош Шалонтай, венгерский исследователь, изучающий историю социалистического лагеря в 1950-х гг., который не только предоставил ценную информацию о своих последних находках в восточноевропейских архивах, но и нашел время для того, чтобы внимательно прочитать рукопись книги и дать глубокие и чрезвычайно полезные комментарии.

Наконец, свою особую благодарность я выражаю А. А. Зобниной, которая потратила немало времени и сил на черновой перевод данной рукописи на русский язык.

## О ТРАНСКРИПЦИИ

Проблема транскрипции корейских имен - одна из самых неоднозначных в российской корееведческой традиции. В отличие от стран Запада, где до недавнего времени в научных публикациях (да, в общем, и во всей серьезной прессе) безраздельно господствовала «система МакКьюна-Рейшауэра» («McCune Reichauer system»), мало кто в СССР в описываемый нами период пользовался транскрипционной системой А. А. Холодовича, хотя эта система уже существовала. На практике имена корейцев записывались так, как они слышались советским дипломатам. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что в большинстве случаев дипломаты и журналисты ориентировались на произношение советских переводчиков, которые происходили из числа советских корейцев и являлись носителями достаточно своеобразного северо-восточного диалекта. Вдобавок корейские имена записывались в три слога. Ситуацию осложняли и весьма серьезные различия между фонетическими системами русского и корейского языка. Русская транскрипция, в частности, не отражала принципиальных для корейца различий между переднеязычным и заднеязычным «н», а также огубленным и неогубленным «о».

В результате многие корейские имена появлялись в документах в трудноузнаваемом виде — например, известная политическая деятельница этой эпохи Пак Чжон-э была известна в русской прессе как «Пак Ден Ай». Восстановление оригинального корейского написания имени на основании одной только той транскрипции, которая встречается в документах 1950-х гг., обычно невозможно. Вдобавок нередкими были и ситуации, когда имя одного и того же человека появлялось в советских документах в разных написаниях. Например, известный государственный деятель середины 1950-х гг., имя которого в транскрипции А. А. Холодовича записывается, как «Пак Ый-ван», фигурирует в документах то как «Пак Ы Ван», то как «Пак И Ван».

В данной работе мы придерживались следующего подхода. Корейские имена в тексте книги даются в принятой сейчас практической транскрипции А. А. Холодовича, но в ссылках на названия документов и в цитатах из них сохраняется та форма, которая была использована в оригинальном тексте. В тех случаях, когда разница между транскрипцией А. А. Холодовича и принятым в 1950-е гг. написанием слишком велика, при первом упоминании персонажа традиционное написание имени указывается в скобках. В указателе имен включены как новые, так и старые формы транскрипции.

Единственным исключением из этого правила является написание имени северокорейского лидера, которого мы в соответствии с давней традицией именуем «Ким Ир Сен», а не «Ким Иль-сон», как того требует транскрипция Холодовича.

Однако такой подход не решает одной немаловажной проблемы: практическая (т. е. упрощенная) транскрипция А. А. Холодовича не всегда позволяет восстановить оригинальное корейское написание и произношение имени. В подавляющем большинстве случаев такое произношение автору удалось выяснить из корейскоязычных материалов — в первую очередь, из публикаций северокорейской прессы изучаемого периода. Для специалистов необходима более точная транскрипция, поэтому в приложении имена даны также и в соответствии с принятой в зарубежном корееведении системе латинской транскрипции («McCune Reichauer system»)

Для обеспечения единообразия в орфографии в тех случаях, когда принципы написания слов в Южной и Северной Корее различаются, используются правила, принятые в Южной Корее (например, «Нодон Синмун», а не «Родон синмун»). Единственное исключение сделано для распространенной корейской фамилии «Ли», которая в южнокорейском варианте звучит как «И».

В цитатах из документов имена приводятся в том виде, в каком они присутствуют в оригинальном тексте. В тех случаях, когда различия настолько велики, что это может привести к путанице, в скобках указывается стандартная транскрипция имени упомянутого персонажа.

## **1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН: СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ И ЕЕ РУКОВОДСТВО В СЕРЕДИНЕ 1950-х гг.**

Корейская Народная Демократическая Республика была формально образована 9 сентября 1948 г., вскоре после того, как 15 августа того же года в Сеуле было объявлено о создании другого корейского государства — Республики Корея. Возникновение двух соперничающих корейских государств, стремящихся распространить свою власть на весь Корейский полуостров, имело как внутренние, так и внешние причины. С одной стороны, противостояние в Корее было частью глобального противостояния СССР и США (недавних союзников, которые к тому времени уже стали противниками в холодной войне). С другой — образование двух корейских государств отражало те конфликты, которые раздирали корейское общество изнутри и которые нашли свое выражение в жестком противостоянии левых и правых сил на полуострове.

В целом, «корейский сценарий» не очень отличался от сценария германского: в обеих странах две «оккупационные зоны» были первоначально созданы военными и на первых порах воспринимались как временные образования. В обеих странах эти зоны стали территориальной базой для формирования двух соперничающих государств, в роли покровителей и спонсоров которых выступали СССР и США (в случае с Кореей следует также принять во внимание ту достаточно самостоятельную роль, которую после 1949 г. там играл Китай). Однако при всем сходстве ситуация в Корее существенно отличалась от германской: соперничество левых и правых в Корее было куда острее, чем в Германии, а сама страна воспринималась в столицах сверхдержав как слабая и относительно малозначимая. Это восприятие сыграло свою печальную роль

;  
j  
j  
\  
/

в истории страны, так как на Корейском полуострове сверхдержавы пошли на вооруженный конфликт, отважиться на который в Германии и в Центральной Европе никто не посмел. Впрочем, изначально решающую роль в развязывании конфликта сыграли сами корейцы - как известно, в 1948-1950 гг. Ким Ир Сен затратил немало энергии на то, чтобы добиться от Сталина одобрения своих наступательных планов.

Корейская война, начавшись в июне 1950 г. нападением Севера на Юг, переросла в международный конфликт после того, как властям сначала Южной, а потом и Северной Кореи пришлось обратиться к своим зарубежным покровителям с просьбой о помощи, которая одна только и могла спасти их режимы от полного уничтожения. Война была кровавой, а «счастье боевое» служило почти всем ее участникам. Почти все корейские города и деревни переходили из рук в руки по меньшей мере дважды. Результатом войны стали миллионы убитых и раненых, разрушенные до основания города, массовый террор, к которому прибегали обе стороны. Масштаб разрушений не имел прецедентов во всей корейской истории, но по большому счету война окончилась безрезультатно. Корея была опустошена и разорена, но по-прежнему осталась разделенной.

Социальная и политическая система КНДР была создана в 1948-1950 гг. усилиями советских генералов, армейских политработников и политических советников. Многие элементы проводившейся ими политики пользовались поддержкой большей части местного населения. Некоторую роль играла и местная инициатива. Однако в целом Северная Корея, будучи единственной страной в Азии, которая оказалась занята Советской Армией, испытала те же перемены, что произошли и на других территориях, которые в результате Второй мировой войны оказались в зоне советского влияния. Сталинские государственные и общественные институты были восприняты Северной Кореей лишь с незначительными изменениями и с минимальным учетом местных особенностей. В КНДР начала 1950-х гг. присутствовали все признаки, характерные для режимов советско-сталинского типа:

- однопартийная система (существующая на практике, но не закрепленная формально, так как в стране действовали две марionеточные партии);
- плановая экономика, государственная собственность на средства производства в промышленности;

- настойчивая пропаганда сталинской версии марксизма-ленинизма и преклонение перед СССР, организованные по советскому образцу учреждения;
- функционирующие во всех сферах жизни (от корейского аналога ДОСААФ до корейской копии пионерской организации);
- государственная поддержка атеизма. Политическую систему КНДР в этот период можно описать как «зависимый сталинизм».

Идеологической основой проходивших в КНДР преобразований служила теория «народной демократии», которую Сталин и его идеологи создали на основе более ранней теории «единого фронта». В середине 1940-х гг. эта концепция распространялась главным образом на страны Восточной Европы, занятые Советской Армией. Согласно теории «народной демократии», все недавно возникшие коммунистические общества рассматривались как незрелые и даже не вполне еще социалистические. Чтобы успешно «построить социализм» им нужно было пройти через длительный период социальных преобразований, самыми важными из которых являлись национализация промышленности и коллективизация сельского хозяйства. Такая перестройка общества и экономики могла осуществляться постепенно, в течение относительно долгого периода. В условиях системы «народной демократии» мог сохраняться частный сектор в промышленности (обычно в форме мелких предприятий), розничной торговле и сельском хозяйстве. В политике при этом допускалось существование нескольких политических партий помимо правящей коммунистической, хотя все эти партии должны были находиться под контролем коммунистов и признавать их «руководящую роль».

С одной стороны, концепция «народной демократии» служила теоретическим обоснованием для необходимых компромиссов и позволяла учитывать местные особенности. Политически неизбежные отклонения от канонического социализма советского образца в рамках этой концепции легко оправдывались тем обстоятельством, что происходили они в странах «незрелого социализма». С другой стороны, теория «народной демократии» подчеркивала фундаментальное различие между полностью социалистическим Советским Союзом и еще не сформировавшимися «полусоциалистическими» обществами «строящих социализм» государств Восточной Европы и Восточной Азии. Таким образом, теоретически обосновывалось особое положение СССР и статус Москвы как лидера международного коммунистического движения и социалистического лагеря.

## 1. Исторический фон: Северная Корея и ее руководство... 21

Политическая ситуация в КНДР на протяжении первого десятилетия существования режима «народной демократии» не очень отличалась от ситуации в странах Восточной Европы, хотя местная специфика, конечно же, присутствовала. К особенностям КНДР, в частности, относились: очень быстрое создание массовой марксистско-ленинской партии; решительная замена «старого» государственного аппарата и бюрократии; жесткая и весьма успешная атака на церковь и религиозные группы; специфический характер земельной реформы, сочетавшей резкое ограничение частного землевладения с относительно мягким отношением к «классовому врагу».

Некоторые из этих северокорейских особенностей являлись следствием китайского влияния, которое было достаточно заметным уже на ранних этапах северокорейской истории. Впрочем, преувеличивать значение местной специфики не следует. В целом, политическая и социальная структура Северной Кореи вполне соответствовала требованиям теории «народной демократии».

Национализация крупной и средней промышленности завершилась в КНДР на очень раннем этапе - еще в конце 1946 г. Мелкая частная розничная торговля и частное ремесло просуществовали, несмотря на некоторые ограничения, вплоть до конца 1950-х гг.

Непосредственно после окончания Корейской войны, в декабре 1953 г., доля частного бизнеса в розничной торговле составляла 32,5 %, но вскоре она начала сокращаться<sup>4</sup>. Коллективизация сельского хозяйства началась в 1954 г. и к декабрю 1955 г. 49 % крестьянских семей вступили в сельскохозяйственные кооперативы<sup>5</sup>.

Политику КНДР определяла местная марксистско-ленинская партия, известная как Трудовая партия Кореи. Как и в других социалистических странах, в Северной Корее формально существовали демократические выборные органы власти, в том числе выборный парламент — Верховное Народное Собрание. Однако на выборах всех уровней на одно место претендовал только один кандидат, кандидатура которого заранее определялась партийными органами соответствующего уровня. Сама партия также формально имела немало демократических институтов, являвшихся

<sup>4</sup> ChosOn chOnsa [Полная история Кореи]. Т. 28. Pyongyang: Kwahak paek kwa sajon ch'ulp'an sa, 1981. С. 187.

<sup>5</sup> Официальные данные из: NongBp hyOpdonghwa undong-ui sungli [Победа движения за коллективизацию сельского хозяйства]. Т. 1. Pyongyang: ChosOn Nodongdang Ch'ulp'ansa, 1958. С. 34.

наследием более ранних, то есть досталинских (иногда даже доленинских) традиций революционного марксизма. Однако к 1940-м гг. все эти институты давно уже превратились в пустую формальность и никакой роли в реальной политической жизни не играли.

Важнейшей особенностью Северной Кореи было существование в руководстве страны нескольких четко выраженных политических группировок, фракций. Теоретически создание фракций осуждалось всеми ленинскими партиями еще с начала 1920-х гг., и обвинение во «фракционности» было одним из самых серьезных. Однако это не означало, что руководство коммунистических партий на самом деле отличалось полным единством взглядов и не образовывало каких-либо коалиций.

В случае с Кореей проблемы фракционной деятельности всегда отличались особой остротой. Вся ранняя история корейского коммунистического движения представляла собой ожесточенную борьбу разнообразных группировок. На протяжении первой половины 1920-х гг. главной целью соперничающих фракций было официальное признание Коминтерна, превращавшее марксистский кружок или ассоциацию таких кружков в «настоящую», то есть международно признанную, коммунистическую партию. В течение нескольких лет Коминтерн пытался урегулировать постоянные конфликты, раздиравшие немногочисленное корейское коммунистическое подполье и корейскую левую эмиграцию. В конце концов эту задачу удалось решить, и весной 1925 г. при посредничестве Коминтерна представители соперничавших группировок смогли договориться о создании Коммунистической партии Кореи. Однако просуществовала партия недолго. Фракционная борьба в ней продолжалась с прежней силой, и соперники досаждали руководству Коминтерна в Москве своими жалобами и доносами. В результате в декабре 1928 г., после того как даже вмешательство Коминтерна не смогло примирить противников и смягчить напряженность, руководство Коминтерна пошло на необычный и весьма радикальный шаг — оно официально распустило Коммунистическую партию Кореи.

Все попытки восстановить партию, предпринимавшиеся в 1930-х гг., сталкивались с той же проблемой — бесконечная вражда фракций, которая разгоралась от малейших политических или идеологических разногласий, а чаще всего отражала столкновения амбиций руководителей. К моменту падения японского колониального режима в августе 1945 г. в Корее не существовало организованной Коммунистической партии. В стране действовали только неболь-

шие подпольные группы левого толка, заметно более многочисленные на юге, особенно в Сеуле, традиционном политическом и культурном центре Кореи.

Таким образом, дух фракционизма, позднее известный как «чоньпхачжуи», был характерным признаком корейского коммунистического движения до 1945 г. Эта особенность политической культуры наложила свой отпечаток и на историю Северной Кореи. К 1945 г. в северной части страны, неожиданно оказавшейся под советским контролем, не было ни влиятельных коммунистических организаций, ни коммунистических лидеров общенационального значения. К августу 1945 г. практически все видные коммунистические деятели страны действовали в Сеуле, который оказался в зоне американской оккупации. Поэтому, когда после 1945 г. советское руководство попыталось создать дружественное (желательно - коммунистическое) правительство в оказавшейся под контролем СССР северной части страны, ему пришлось искать коммунистов корейского происхождения за пределами собственно Кореи и организовывать их спешное возвращение на историческую родину. Это означало, что северокорейская политическая элита в первые годы существования КНДР почти целиком состояла из людей, прибывших из разных стран и накопивших к 1945 г. весьма несхожий политический и жизненный опыт.

В августе 1946 г. в результате объединения Коммунистической партии Северной Кореи и Новой народной партии Северной Кореи была создана Трудовая Партия Северной Кореи, руководство которой включало в себя четыре группировки. Эти группировки не только сильно различались по социальному, культурному, образовательному уровню своих членов, но и имели во многом различную политическую ориентацию. При этом членство в той или иной группировке определялось не столько личным выбором политика, сколько его биографией — в первую очередь тем, где он жил и чем занимался до 1945 г. Известно всего лишь несколько случаев, когда фракционная принадлежность того или иного политика вызывала сомнения. Такая неопределенность была следствием некоторых уникальных обстоятельств его биографии.

При этом надо отметить, что фракции существовали именно в *руководстве* партии и государства, то есть в Центральном Комитете, в аппарате Кабинета Министров, среди армейского командования. Они являлись образованием правящей верхушки, и численность каждой из них измерялась лишь сотнями человек (130-140 человек в «партизанской фракции», около 150-200 - в советской, около

500 — в яньаньской)<sup>6</sup>. Основная масса членов партии, численность которой на 1957 г. достигла миллиона, в эти группировки не вошла: рядовые члены и кадровые работники низшего звена были местными корейцами, которые до 1945 г. никакого отношения к коммунистическому движению не имели. Однако в руководящих органах партии и государства, в первую очередь в ЦК, военном командовании и руководстве провинциальных парторганизаций практически все заметные посты в середине 1950-х гг. занимались ветеранами коммунистического движения, которые непременно принадлежали к одной из четырех группировок.

Среди четырех фракций в первые дни освобождения наиболее активно проявила себя «внутренняя» (или «подпольная») группировка. Она состояла из бывших коммунистов-подпольщиков, действовавших до 1945 г. на территории собственно Кореи. Эти люди были похожи на советских «большевиков старой гвардии» или же на восточноевропейских «старых подпольщиков», то есть тех коммунистов Восточной Европы, которые в годы войны действовали непосредственно на оккупированной территории. Пронесенная через всю жизнь верность коммунистическим идеям сочеталась у этих людей с высоким интеллектуальным уровнем и образованностью — в своем большинстве они стали марксистами в двадцатые годы, обучаясь в японских университетах (вузов в самой Корее тогда почти не было), а для того, чтобы попасть в такой университет, требовались незаурядные способности.

Коммунистические группы продолжали действовать в Корее и после того, как в 1928 г. коммунистическая партия была распущена Коминтерном. В августе 1945 г., когда внезапное поражение Японии и ее формальная капитуляция создали в стране политиче-

<sup>6</sup> Оценка численности выходцев из Южной Кореи в руководстве КНДР, см.: Запись беседы В. А. Васюкевича (первый секретарь посольства) с Пак Чан Оком (секретарь ЦК ТПК), 4 апреля 1953 г. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0102. Оп. 9. Д. 9, папка 44. По поводу численности партизанской группировки, см. известную работу Вада Харуки: Wada Haruki. Kim Il Sŏng-gwa manju hang'il chŏnjaeng [Ким Ир Сен и антияпонская война в Маньчжурии]. Seoul: Ch'angjak-kwa pip'yŏn sa, 1992. С. 294-298.

При цитировании материалов из архива, которые сыграли особую роль в написании данной работы, мы придерживаемся следующих принципов. Во-первых, имена участников бесед в сносках записываются так, как они записаны в оригинальном документе. Во-вторых, в скобках указываются должности обоих собеседников — опять-таки так, как они указаны в оригинале. В-третьих, в цитатах не проводится никакой правки, они приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригиналов.

ский вакуум, левые лидеры воспользовались ситуацией и, собравшись в Сеуле, немедленно объявили о воссоздании Коммунистической партии Кореи. Наиболее заметной фигурой этих корейских коммунистов был Пак Хон-ён («Пак Хен Ён» в советской печати тех лет), впоследствии приобретший едва ли не легендарный статус среди корейских левых. В 1945 г. Пак стал лидером возрожденной партии. С октября 1945 г. и до конца весны 1946 г., свое подчинение сеульскому ЦК во главе с Пак Хон-ёном формально признавали даже коммунистические организации «советской зоны оккупации». Только к концу весны 1946 г. коммунисты северной части страны при поддержке советских военных властей создали независимую Коммунистическую партию Северной Кореи, которая продолжала тесно взаимодействовать с Коммунистической партией Южной Кореи, но ей формально не подчинялась. Несколько месяцев спустя, после объединения с Новой Народной партией, речь о которой пойдет ниже, Коммунистическая партия была переименована в Трудовую партию Северной Кореи.

Изначально в этой партии состояло не слишком много членов внутренней группировки, так как до 1945 г. лишь немногие из коммунистов-подпольщиков действовали на Севере. В первые годы после освобождения основной ареной их деятельности по-прежнему оставался Сеул, где они действовали в составе Коммунистической партии Южной Кореи (с конца 1946 г. — Трудовая партия Южной Кореи). На протяжении 1945—1948 гг. партия эта быстро росла и, несмотря на постоянные преследования со стороны американских оккупационных властей и проамериканских правых группировок, представляла собой внушительную политическую силу. К 1948 г. Трудовая партия Южной Кореи, к тому времени находящаяся в подполье, начала партизанскую войну против сеульского режима. К тому времени ряды внутренней группировки пополнились: наряду с небольшим числом ветеранов-коммунистов, которые были связаны с левым движением еще до освобождения, в нее влились и представители нового поколения. Эти люди вступили в партию в 1945—1950 гг., и за спиной у них, как правило, был опыт подпольной или партизанской борьбы на Юге в годы, предшествовавшие Корейской войне. Эта южнокорейская молодежь тем не менее была тесно связана с ветеранами сеульского подполья, и в целом воспринималась как органичная составная часть группировки.

С течением времени репрессии правительства Ли Сын-мана и американской оккупационной администрации вынудили многих коммунистических лидеров перебраться на Север. В итоге, в 1949 г.

Трудовые партии Севера и Юга официально объединились в единую Трудовую партию Кореи (далее — ТПК) и бывшие подпольщики вошли в состав ее руководства.

Вторая фракция в руководстве ТПК была известна как «партизанская группировка». Эта группировка состояла из бывших партизан, которые в 1930-х гг. сражались с японскими силами в Маньчжурии, а также из тех, кто занимался там сбором разведывательной информации и организацией снабжения партизанского движения. Вопреки позднейшим официальным версиям корейской истории, у корейских коммунистов не было собственных партизанских организаций: в соответствии с принципами коммунистического интернационализма, партизаны-корейцы сражались в частях, созданных китайской компартией. Как правило, отряды формировались по национальному признаку, но руководила этим движением Компартия Китая (далее — КПК), членами которой являлись и корейские партизаны (сам Ким Ир Сен вступил в Компартию Китая в 1932 г. и формально оставался ее членом до 1945 г.). Большинство маньчжурских партизан-корейцев к концу 30-х годов было вынуждено перебраться на территорию СССР, где они и оставались вплоть до освобождения Кореи в 1945 г. Хотя партизаны и являлись этническими корейцами, но большая их часть к началу 1930-х гг. проживала не в самой Корее, а в Маньчжурии, где тогда существовала многочисленная корейская диаспора. Оказавшись в Советском Союзе, бывшие партизаны стали солдатами и офицерами Советской Армии. На протяжении нескольких лет они служили в 88-й бригаде, особом подразделении Советской Армии. Базировалась 88-я бригада недалеко от Хабаровска. Командиром был китайский коммунист Чжоу Бао-чжун, в прошлом — один из самых известных руководителей партизанского движения в Маньчжурии. В состав бригады входил корейский батальон, которым руководил молодой, талантливый и удачливый командир, вошедший в историю под своим партизанским псевдонимом Ким Ир Сен (при рождении будущему северокорейскому руководителю дали имя Ким Сон-чжу). К 1945 г. Ким Ир Сен занимал лидирующее положение в партизанской группировке.

При этом до 1945 г. маньчжурские партизаны почти не контактировали с коммунистическим движением в самой Корее. Хотя корейцы и сражались в составе партизанских отрядов под руководством КПК, они практически ничего не знали ни об эмигрантской корейской интеллигенции в Яньани, «столице Красного Китая», ни тем более о подпольном коммунистическом движении в Сеуле и других крупных городах Кореи. Партизаны происходили из социальных

низов (как правило, были бывшими крестьянами), и не имели никакого систематического образования. Большинство из них было практически неизвестно за пределами их родных деревень<sup>7</sup>.

Окончательная победа партизанской фракции, изначально самой слабой из четырех, была predetermined в начале 1946 г., когда Ким Ир Сен, пользуясь советской поддержкой, обеспечил себе место верховного руководителя Северной Кореи. Несмотря на отсутствие у бывших партизан административного опыта и образования, Ким Ир Сен начал постепенно выдвигать своих бывших соратников на ключевые посты в государственном и партийном руководстве<sup>8</sup>.

Третьей группировкой в северокорейском руководстве была «яньаньская фракция», которая состояла из представителей левой корейской интеллигенции. Они эмигрировали в Китай в 1920-1930-х гг. и провели много лет в штаб-квартире китайских коммунистов, городе Яньани. В рамках Китайской коммунистической партии этими людьми было создано несколько специфически корейских «национальных» организаций, самой значительной из которых являлась «Северокитайская Лига независимости Кореи».

Это были культурные и хорошо образованные люди, а их лидер Ким Ту-бон (Ким Ду Бон) являлся одним из самых выдающихся корейских лингвистов своего времени. Их мировоззрение и ценности были близки к тем, которых придерживались члены «внутренней группировки», так как «яньаньцы» и бывшие подпольщики

<sup>7</sup> Данные, которые собрал Вада Харуки, ведущий специалист по истории корейского партизанского движения в Маньчжурии, показывают, что среди 36 партизан, чье социальное происхождение нам известно, 30 человек являлись выходцами из деревень или городских низов. Только у одного из партизан было высшее образование и всего несколько человек сумели поступить в среднюю школу. Как пишет Вада Харуки: «У большинства партизан не было возможности получить образование до вступления в отряд». Wada Haruki, Kim И Sŏng-gwa manju hang'il chŏnjaeng. С. 302—303.

<sup>8</sup> Строго говоря, «партизанская фракция» состояла из двух частей: собственно партизаны (то есть те, кто непосредственно воевал в Маньчжурии) и так называемая «капсанская группа», которая включала в себя маньчжурских и северокорейских подпольщиков, которые обеспечивали партизан разведданными и снаряжением, вели пропагандистскую работу среди местного населения, но не воевали непосредственно, с оружием в руках. Различие между собственно партизанами и их помощниками стало заметным в конце 1960-х гг., когда большинство «капсанцев» было репрессировано. Однако этот раскол произошёл много позже, когда «партизанская фракция» уже полностью контролировала ситуацию в стране. В 1950-е гг. разделение на «воевавших партизан» и «подпольщиков» было неактуальным (во всяком случае, в известных нам материалах 1950-х гг. это деление не упоминается).

обычно происходили из одних и тех же социальных слоев, имели очень похожее прошлое, и в 1920-е гг. действовали в одних и тех же группах и организациях. Однако долгое изгнание и тесное взаимодействие с китайским коммунистическим движением наложило отпечаток на мировоззрение «яньаньских корейцев», сделав их более восприимчивыми к идеям, которые доминировали в маоцзэдуновском Китае. Кроме того, у многих из них установились близкие отношения с будущими руководителями КНР: Яньань представляла собой небольшой город, этос китайских коммунистических руководителей в те времена был подчеркнуто эгалитаристским и демократическим, так что высшие руководители КПК были вполне доступны для корейских эмигрантов.

Менее образованная, но не менее влиятельная часть «яньаньской группировки» включала в себя тех этнических корейцев, что воевали в рядах Китайской Красной армии, будущей НОАК. Среди них, пожалуй, наибольшей популярностью пользовался генерал, который был широко известен под своим псевдонимом Му Чжон (настоящее имя Ким Му-чжон), один из высших командиров китайской 8-й армии. Впоследствии Му Чжон сыграл значительную роль на начальном этапе Корейской войны. Накануне Корейской войны Му Чжон и другие командиры с опытом гражданской войны в Китае составляли основу высших командных кадров северокорейской армии. В конце 1940-х гг. из Китая в Корею было переведено несколько соединений НОАК, которые состояли из этнических корейцев. Впоследствии эти «китайские дивизии» стали важнейшей составляющей частью Корейской народной армии (северокорейских вооруженных сил) и сыграли решающую роль в боях за Сеул летом и осенью 1950 г.

Члены «яньаньской фракции» вернулись в Корею в 1945-1949 гг. В начале их политическая деятельность там сталкивалась с некоторыми ограничениями, так как излишне сильное китайское влияние не вполне приветствовалось Советским Союзом даже в этот ранний период. Тем не менее весной 1946 г. выходцы из Яньани, оказавшись в Северной Корее, создали Новую Народную партию - организацию в целом марксистско-ленинскую по своей идеологической ориентации, но менее радикальную, чем существовавшая на Севере Коммунистическая партия. В августе 1946 г. Коммунистическая и Новая Народная партии слились, образовав Трудовую партию Кореи. Лидер «гражданского крыла» яньаньских изгнанников Ким Ту-бон стал первым номинальным главой ТПК. Фактическое первенство в партийном аппарате с самого основания объединенной партии принадлежало Ким Ир Сену, но формально

высшим руководителем партии будущий Великий Вождь стал только в 1949 г. Позже, после официального провозглашения КНДР в 1948 г., Ким Ту-бон был «избран» Председателем Президиума Верховного Народного Собрания, то есть формально стал главой вновь созданного северокорейского государства.

Четвертая фракция — «советская» — состояла главным образом из бывших советских школьных учителей и партийных работников низшего и среднего звена, отобранных из многочисленной корейской диаспоры Средней Азии и направленных в Корею советскими властями в 1945—1948 гг. Эти люди должны были выступать в роли советников, передавая советский опыт формирующимся государственным и партийным институтам Северной Кореи. Можно предположить, что их присутствие также мыслилось как дополнительный инструмент контроля над новым «братским правительством». В общем и целом советские корейцы отличались хорошим образованием, имели значительные технические познания и обширный практический опыт управленческой работы. Они являлись главными проводниками советского опыта и сыграли немалую роль в формировании институциональных традиций северокорейского общества. Отпечаток, который деятельность этих людей наложила на северокорейскую политическую культуру и институциональную практику, оказался чрезвычайно устойчивым, он пережил период политического влияния «советской группировки» и во многом заметен и в наши дни.

Многие члены «советской фракции» провели большую часть своей жизни в Советской России, где они родились или, по крайней мере, получили образование. Они обычно были вторым или даже третьим поколением корейских иммигрантов, обрусели в культурном отношении, и даже иногда не очень хорошо владели корейским языком. До конца 1950-х гг. советские корейцы сохраняли тесные связи с СССР, изредка ездили к своим родственникам в Среднюю Азию, формально оставались советскими гражданами (хотя вопрос об их гражданстве стал неопределенным после того, как многие из них не получили новые советские паспорта взамен старых, срок которых истек). В своих семьях «советские корейцы» говорили, главным образом, по-русски, а своих детей они обычно отправляли учиться в «юк ко чжун» (6-я средняя школа Пхеньяна), где занятия велись по советским программам и на русском языке. Как правило, члены «советской группировки» чувствовали себя несколько чуждыми корейской культуре. С другой стороны, благодаря своему практическому опыту и неплохому образованию в большинстве случаев они становились эффективными и удачли-

выми руководителями. Среди советских корейцев первоначально самой заметной фигурой был Хо Ка-и — решительный и компетентный партработник среднего звена из Средней Азии, бывший секретарь райкома<sup>9</sup>.

Фракционная принадлежность любого северокорейского руководителя была очевидна для всех, поскольку она определялась его биографией, а не индивидуальным выбором: человек, в конце 1930-х гг. сражавшийся вместе с партизанами в Маньчжурии, был по определению членом «партизанской фракции»; партийный работник, получивший образование в СССР и являвшийся, по крайней мере до 1948 г., советским гражданином, автоматически считался членом «советской фракции» и так далее. Члены фракций, в основном, общались между собой и продвигали своих соратников за счет сторонников других фракций.

К 1945 г. члены фракций накопили весьма непохожий жизненный и политический опыт, поэтому определенная напряженность в отношениях между представителями разных фракций была неизбежной. У интеллигентов из внутренней или яньаньской группировок было мало общего с малообразованными, но закаленными жизнью партизанами или же с прошедшими через горнило репрессий советскими бюрократами сталинского закала. Порой представители разных фракций в самом буквальном смысле слова говорили на разных языках: русский был естественным средством общения для советских корейцев, гордившихся своим российским происхождением и полученным в СССР образованием, в то время как выходцы из Яньани говорили по-китайски и находились под немалым влиянием маоистских идей. Все они, возможно, за исключением подпольщиков из «внутренней фракции», были в Северной Корее чужаками, так как они провели несколько десятилетий в изгнании или же вообще родились за границей. Впрочем, даже местные коммунисты-подпольщики по преимуществу были выходцами с Юга и далеко не всегда чувствовали себя достаточно комфортно на Севере.

Кроме того, до 1945 г. представители различных фракций практически не знали друг друга. До 1945 г. корейские эмигранты в Яньани могли иметь какие-то смутные представления о парти-

<sup>9</sup> Хо Ка-и [Алексей Иванович Хегай] (1908-1953) родился в Хабаровске в семье школьного учителя. В начале 1920-х гг. стал комсомольским активистом, а 1930-е гг. — партийным работником. В 1945 г. был направлен в Корею и вскоре стал одним из лидеров ТПК.

занской борьбе в Маньчжурии, но сами они не были непосредственно знакомы с партизанскими лидерами. До 1945 г. и эмигрантская интеллигенция в Яньани, и маньчжурские партизаны почти не имели связи с коммунистическим подпольем в самой Корее. Ни одна из трех фракций практически ничего не знала о советских корейцах, которые, в свою очередь, до 1945 г. не имели непосредственных контактов со своей «исторической родиной» (исключением были те немногие, кто в 1930-х и 1940-х гг. работал в советских спецслужбах). Немалую роль в этом сыграла проводившаяся в СССР с конца 1920-х гг. политика самоизоляции страны, а также своего рода «негативный отбор», вызванный событиями середины 1930-х гг.: те из советских корейцев, кто поддерживал пресловутые «связи с заграницей», имели куда меньше шансов уцелеть во время массовых репрессий 1936—1938 гг. (среди корейцев эти репрессии отличались особой свирепостью). Слабые связи между группировками в Корее накануне освобождения подготовили питательную среду для фракционализма, который стал серьезной проблемой в северокорейской политике после 1945 г.

В 1945—1946 гг. после некоторых колебаний советские военные власти остановили свой выбор на Ким Ир Сене. Надо отметить, что эта поддержка оказала решающее влияние на его судьбу: при других обстоятельствах относительная молодость Ким Ир Сена (в 1945 г. ему было 33 года) и отсутствие у него связей в стране не позволили бы ему достичь вершин политической власти. Ким Ир Сен был выбран на роль будущего лидера Северной Кореи главным образом из-за того, что служил в Советской Армии и сумел установить хорошие отношения с советскими военными, хотя и его личные качества сыграли в этом решении немалую роль (в конце концов к тому времени он уже был бесспорным лидером бывших маньчжурских партизан). С личного возвышения Ким Ир Сена началось медленное, но систематическое выдвижение представителей партизанской группировки на ключевые позиции в государственном, партийном и военном аппарате. Однако в первое десятилетие своего правления Ким Ир Сен был не более чем «первым среди равных». В состав правящей элиты входили представители всех четырех группировок (в Центральном Комитете 1948 г. их численное соотношение было практически равным), внутри каждой группировки сохранялись свои тесные внутренние связи. В связи с этим у Ким Ир Сена были основания сомневаться в том, насколько лояльны к нему многие члены высшего руководства страны. Пока Ким Ир Сен не избавился от потенциальных соперников, его власть не могла быть ни полной, ни гарантированной.

Поэтому Ким Ир Сен уже с начала 1940-х гг. начал постепенную подготовку к устранению всех тех руководителей, которые не принадлежали к его собственной фракции (то есть не были участниками партизанского движения в Манчжурии). Первый удар был нанесен по внутренней фракции, позиции которой были особо уязвимы из-за отсутствия у нее иностранной поддержки.

Весной и летом 1953 г. были арестованы наиболее заметные руководящие работники из числа бывших подпольщиков. Против сторонников Пак Хон-ёна, а позже и против самого основателя Корейской Компартии были выдвинуты абсурдные обвинения в «сотрудничестве с японской тайной полицией», «шпионаже в пользу США и Южной Кореи», «подготовке террористических акций» и прочих преступлениях. В полном соответствии с традициями того времени в августе 1953 г. Ким Ир Сен организовал показательный процесс над бывшими коммунистами-подпольщиками, очень похожий на судебные процессы, которые проходили тогда в других странах «народной демократии» («дело Сланского» в Чехословакии, «дело Райка» в Венгрии, «дело Костова» в Болгарии). Обвиняемые выступили с обычными самоуничижительными исповедями, были признаны виновными и, за одним исключением, приговорены к смерти. В 1955 г. состоялся сравнительно скромный процесс над самим Пак Хон-ёном, который также был приговорен к расстрелу.

Показательные процессы 1953 и 1955 г. сопровождались крупномасштабными репрессиями против выходцев с Юга. В результате к 1955-1956 гг. подавляющее большинство бывших подпольщиков, выходцев с Юга было или репрессировано или, по меньшей мере, снято с руководящих должностей. В большинстве случаев поводом для репрессий служили личные и деловые связи, которые поддерживали заметные выходцы с Юга с низложенными лидерами «внутренней группировки» (существование таких связей не вызывает сомнений).

Кроме этого, кампания против бывших подпольщиков имела и другую цель. Корейская война едва не закончилась катастрофой, но Ким Ир Сен никогда не признавал своей ответственности за тот разгром, которому подверглись северокорейские вооруженные силы осенью 1950 г. Полной катастрофы удалось тогда избежать только потому, что Пекин решил отправить в Корею свои войска, однако к моменту прибытия китайских частей северокорейские вооруженные силы фактически прекратили свое существование. Чтобы сохранить свою репутацию, Ким Ир Сен был вынужден возложить вину за катастрофу на часть своего окружения. В роли «козлов отпущения» оказались представители двух групп: во-первых, выход-

цы с Юга, а во-вторых, некоторые «яньаньские» генералы, в том числе и Му Чжон. Подпольщиков-южан обвиняли в том, что те не сдержали своих обещаний и не смогли поднять вооруженное восстание на Юге, которое, как они уверяли в 1948-1950 гг., должно было начаться сразу же после открытия военных действий<sup>10</sup>. На яньаньских генералов, занимавших ключевые посты в северокорейской армии в первые месяцы войны, была возложена ответственность за военные поражения октября и ноября 1950 г. Надо отметить, что особой вины на генералах не было: опубликованные в 1990-х гг. советские и китайские документы показывают, что реальная ответственность за поражение лежала на Ким Ир Сене, который до последнего игнорировал весьма разумные советы Сталина и сначала отказывался отводить основные силы с Юга, а потом настаивал на самоубийственных попытках обороны Сеула<sup>11</sup>.

Важным свидетельством усиления независимости Ким Ир Сена стало устранение Пак Ир-у и Хо Ка-и, которые в то время были весьма заметными фигурами соответственно в яньаньской и советской фракциях. Лидер советских корейцев Хо Ка-и, который в 1949—1950 гг. являлся третьим по значению человеком в партийном руководстве, в конце 1951 г. был подвергнут жесткой (и весьма надуманной) критике, понижен в должности, а в 1953 г. погиб при подозрительных обстоятельствах. Высшему партийному руководству тогда официально было объявлено, что Хо Ка-и совершил самоубийство, однако многие, включая всех членов его семьи, считали (и считают), что он был тайно убит агентами Ким Ир Сена<sup>12</sup>.

<sup>10</sup> Излишне говорить, что пропаганда КНДР никогда не признавала, что Корейскую войну начал Север. В соответствии с официальной точкой зрения Пхеньяна части «марионеточной южнокорейской армии» коварно вторглись на Север, но доблестная Корейская Народная Армия немедленно отбросила агрессоров и стремительно перешла в успешное контрнаступление, которое позволило ей всего несколько часов спустя пересечь границу. Этой линии КНДР придерживается и сегодня, несмотря на публикацию большого количества советских и китайских документов, которые в деталях показывают, как готовилась Корейская война.

<sup>11</sup> См., например, подробную статью А. Мансурова: Mansourov Alexander. Stalin, Mao, Kim, and China's Decision to Enter the Korean War, September 16 - October 15, 1950: New Evidence from the Russian Archives // Cold War International History Project Bulletin. Issue 6. Winter 1995-1996.

<sup>12</sup> Борьба между фракциями в ТПК рассматривается многими авторами. Для более полного ознакомления с этой проблемой могут быть порекомендованы две работы, которые уже давно стали классическими: Suh Dae-suk. Kim Il Sung: The North Korean Leader. New York: Columbia University Press, 1988, особенно стр. 55—175; и Scalapino Robert and Lee Chong-sik. Korean Communism. Vol. 1. Berkeley: University of California Press, 1972.

Значение Пак Ир-у среди китайских корейцев было не столь большим, как та роль, которую Хо Ка-и играл в советской группировке. Тем не менее Пак Ир-у и Хо Ка-и объединяла одна общая черта: оба политика имели хорошие связи с китайским и советским руководством соответственно. Во время Корейской войны Пак Ир-у, будучи корейским представителем в объединенном китайско-корейском военном командовании, выступал в качестве связующего звена между китайскими и северокорейскими генералами. Его часто воспринимали как «человека Мао» из-за его неплохих отношений с Великим Кормчим и другими высшими руководителями КНР. Такое положение Пак Ир-у превращало его в потенциально политически опасный элемент, поэтому Ким Ир Сен сделал все возможное, чтобы сначала ограничить влияние Пак Ир-у, а потом, в начале 1955 г., добиться его формального удаления с руководящих постов. Дальнейшая его судьба неизвестна, но похоже, что он вскоре выехал в КНР. По крайней мере, полтора года спустя Ли Сан-чжо, видный деятель яньаньской группировки, занимавший пост посла КНДР в СССР и ставший невозвращенцем, написал в своем письме Ким Ир Сену: «Тов. Пак Иру тоже хотели убрать с пути, но к счастью, с помощью зарубежных друзей он спасен. Этот факт не для кого не составляет тайну» (стиль и орфография оригинала)<sup>13</sup>. Скорее всего, под «зарубежными друзьями» имелись в виду именно китайцы — мало кто из тогдашних северокорейских политиков мог соперничать с Пак Ир-у по «весомости» связей в руководстве КНР. Одновременно с отстранением Пак Ир-у критике был подвергнут и фактический лидер яньаньцев Чхве Чхан-ик (Цой Чан Ик), хотя в его случае критика не привела ни к каким «оргвыводам», и свои политические позиции он сохранил.

Осуждение Хо Ка-и и Пак Ир-у по явно надуманным обвинениям продемонстрировало, что после окончания Корейской войны Ким Ир Сен уже мог занимать более независимую от своих зару-

<sup>13</sup> Письмо Ли Сан Чо Ким Ир Сену. Приложение к Записи беседы Б. Н. Верещагина (советник МИД) с Ким Хен Мо (заведующий консульским отделом Посольства КНДР). 19 октября 1956 г. Архив Внешней Политики Российской Федерации. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

Далее в сносках должности северокорейских официальных лиц представлены так, как они зафиксированы в записях бесед. Имена должностных лиц в сносках также записываются в той форме, которая использована в оригинальном документе, но в некоторых случаях далее приводится и транскрипция их имён по правилам системы А. А. Холодовича.

бежных покровителей позицию. И Хо Ка-и, и Пак Ир-у опирались на иностранную поддержку и представляли для Ким Ир Сена потенциальную опасность - не столько в качестве соперников, сколько в качестве каналов, по которым в Москву и Пекин могли передаваться нежелательные для Ким Ир Сена оценки северокорейской ситуации. Однако до 1950 г. Ким Ир Сен почти ничего не мог предпринять против тех высокопоставленных функционеров, за спинами которых стояла Москва или Пекин. К 1953—1954 гг. ситуация изменилась, и падение Хо Ка-и и Пак Ир-у было знаком этих перемен. В то же время в 1953—1954 гг. Ким Ир Сен все еще не мог пойти на масштабное преследование членов советской или яньаньской фракций. Поддержка Москвы и Пекина была для него жизненно важна, и у него были все основания предполагать, что в случае атаки на любую из этих группировок реакция «старших братьев» будет быстрой, решительной и суровой.

В начале 1950-х гг. роль фактического лидера яньаньской группировки перешла к Чхве Чхан-ику, представителю первого поколения корейских коммунистов. Он играл немалую роль среди сеульских подпольщиков-коммунистов уже в середине 1920-х гг. и принадлежал к «отцам-основателям» корейского левого движения. Со временем Чхве Чхан-ик перебрался в Китай, где стал одним из лидеров «Северокитайской Лиги независимости Кореи» — прообраза Новой Народной партии. После слияния Новой Народной и Коммунистической партий, Чхве Чхан-ик стал одним из самых заметных представителей яньаньской фракции в руководстве ТПК: Конечно, теоретически самым уважаемым среди яньаньских лидеров оставался Ким Ту-бон, но на практике престарелый лингвист не очень интересовался политикой (точнее, — политическими интригами) и, судя по всему, был вполне удовлетворен своим положением номинального главы бывших яньаньских изгнанников.

Для «советской фракции» падение Хо Ка-и стало невосполнимой утратой. По сравнению с яньаньскими эмигрантами и маньчжурскими партизанами советской фракции не хватало внутренней сплоченности. После гибели Хо Ка-и в 1953 г. наиболее заметной фигурой среди советских корейцев стал его старый соперник Пак Чхан-ок («Пак Чан Ок»), бывший советский школьный учитель, а потом — сотрудник советской разведки, со временем занявший пост председателя северокорейского Госплана и ставший членом Политбюро ТПК. Однако, несмотря на свои немалые амбиции, Пак Чхан-ок не обладал авторитетом и харизмой Хо Ка-и и не смог стать ему полноценной заменой.

Корейская война во многом изменила внутреннюю ситуацию в Северной Корее: экономически страна была разорена, человеческие потери были огромны, но в политическом отношении позиции правительства в результате конфликта заметно усилились. Отчасти это объясняется тем, что в Корейской войне участвовали не советские, а китайские войска. Не Москва, а Пекин пришли на выручку северокорейскому режиму, оказавшемуся перед лицом, казалось бы, неминуемой гибели. В итоге китайское политическое влияние в Пхеньяне возросло, а советское, наоборот, снизилось. Это давало Ким Ир Сену и его окружению возможность маневрировать между двумя великими державами, умело используя их постепенно усиливавшиеся противоречия. На словах Москва и Пекин в середине пятидесятых еще клялись в вечной дружбе, но в их союзе уже начали появляться первые, пока невидимые постороннему глазу трещины.

Северокорейское правительство во время войны накопило значительный опыт. В ходе боев укрепился, набрался навыков и количественно вырос государственный и партийный аппарат, а также спецслужбы. Война привела к серьезным кадровым изменениям в северокорейской элите. Верхний слой государственного и партийного аппарата по-прежнему составляли ветераны из четырех фракций, участники коммунистического движения с 1920-х или 1930-х гг. Однако на посты среднего уровня в армии и госаппарате в годы войны пришли новые люди. Люди эти были в основном молоды, и их взгляды формировалось уже после 1945 г. под влиянием новой официальной идеологии — сталинского марксизма-ленинизма, смешанного с корейским национализмом. Мировоззрение этих молодых бюрократов и офицеров было сформировано войной, которая привила им дух дисциплины, жертвенности, выполнения приказов любой ценой. Важно, что Ким Ир Сен был единственным человеком, которого молодое поколение северокорейских чиновников знало как национального лидера.

Стоит добавить, что из-за переменчивости военной удачи в годы войны большинство районов страны побывали под контролем обеих сражающихся сторон. Парадоксальным образом это обстоятельство способствовало внутреннему усилению обоих соперничающих режимов. Большинство недовольных могли покинуть Север вместе с толпами беженцев, избавив таким образом власти от потенциального источника проблем. На протяжении 1945-1951 гг. от 10 до 15 % всего населения Северной Кореи покинуло страну,

уйдя на Юг<sup>14</sup>. Фактически северокорейская радикальная антикоммунистическая оппозиция изгнала сама себя. Поэтому в 1954 г. Ким Ир Сен (или, что то же самое, северокорейский режим) имел основания чувствовать себя спокойнее, чем в 1948 г.

Логика, которой Ким Ир Сен руководствовался в своем стремлении уничтожить все фракции, кроме своей собственной, была проста: в условиях острого соперничества группировок и непрекращающихся интриг все остальные группировки неизбежно воспринимались Ким Ир Сенем не просто как соперники в борьбе за власть, а как источник потенциальной опасности для собственного политического и даже физического выживания (как известно, в сталинской политической истории низвергнутый с политического Олимпа руководитель редко умирал своей смертью). Немалую роль играли также традиции фракционности, глубоко укоренившиеся в корейской политической культуре. Масла в огонь подливало и то обстоятельство, что две из четырех фракций имели тесные отношения с могущественными соседями и могли рассматриваться как потенциальные или реальные агенты Москвы и Пекина.

К 1955 г. Ким Ир Сен уже расправился с руководством «внутренней группировки» и, скорее всего, раздумывал, что же делать дальше. За спиной как советской, так и яньаньской группировок стояли великие державы, от которых в то время и лично Ким Ир Сен, и его режим чрезвычайно зависели. Это означало, что эти две фракции были гораздо менее уязвимы, чем «внутренняя группировка», которая была уничтожена без особых проблем в 1953-1955 гг. Однако к концу 1955 г. и международная обстановка, и ситуация в самой Корее настолько изменились, что Ким Ир Сен решил бросить вызов влиянию «советских» и «китайских» корейцев.

<sup>14</sup> По различным оценкам, на протяжении 1945—1950 гг. от 456 тыс. до 829 тыс. жителей Севера эмигрировали на Юг. Для периода 1950—1953 гг. оценки колеблются между 400 тыс. и 650 тыс. Если мы примем минимальные оценки, на протяжении этого периода около 900 тыс. северян — или около 10 % всего населения Севера — ушли на Юг. Существовал и заметно меньший по масштабам, но все равно значительный приток южан на Север, который также объективно способствовал усилению режима: большинство тех, кто уходил на Юг являлись потенциальными врагами коммунистической власти, в то время как с Юга прибывали ее потенциальные сторонники. Сами северокорейские власти считали, что в Северной Корее в середине 1950-х гг. находилось около 100 тысяч выходцев с Юга (эта цифра содержится, например, в: Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Вон Хен Гу (зам. Заведующего Орготделом ЦК ТПК). 21 июня 1958. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75). Критический анализ существующих оценок внутрикорейской миграции в тот период см., например: Foley James. Ten Million Families: Statistic or Metaphor? // Korean Studies. № 1. 2001.

Советское влияние в Корее к 1955 г. было по-прежнему заметным, но куда менее сильным, чем, скажем, в 1946 г. или в 1950 г. Прошли те времена, когда работники советского посольства регулярно просматривали и редактировали тексты выступлений северокорейских лидеров, советские военные советники санкционировали все назначения на командные посты среднего и высшего уровня<sup>15</sup>, а Политбюро ЦК ВКП(б) формально утверждало важнейшие политические решения правительства КНДР<sup>16</sup>. Тем не менее все советское по-прежнему считалось образцовым, советские традиции и институты тщательно копировались во всех сферах северокорейской жизни (факт, который в те времена никто и не собирался скрывать), а самым изучаемым иностранным языком был русский. Огромным влиянием в стране пользовалась русская и советская культура, распространение которой щедро субсидировалось государством. Советские книги, советские фильмы, советские пьесы и советские песни были в КНДР повсюду. В 1955 г. переводы советских книг составили большинство изданий, выпущенных в КНДР. В 1957 г. советские фильмы составили 60% всего северокорейского кинопроката, в то время как на долю местных картин осталось всего лишь 10 % (остальные 30 % были импортом из других «народных демократий»)<sup>17</sup>. Многие молодые корейцы, в том числе и большинство отпрысков корейской элиты, обучались в советских вузах. Пресса КНДР уделяла огромное внимание жизни Советского Союза. Даже такие специфические события, как годовщины малоизвестных русских писателей и критиков XIX в., считались достойными широкого освещения в северокорейской печати.

Некоторые бывшие советские корейцы, формально находившиеся на северокорейской службе, периодически посещали советское

<sup>15</sup> Интервью с Сим Су-чхолом. 23 января 1991, Ташкент. В конце 1950-х гг. Сим Су-чхоль был начальником Управления кадров Генштаба КНА (вооруженных сил Северной Кореи).

<sup>16</sup> Только один пример подобного рода: 3 февраля 1948 г. советское Политбюро приняло решение «разрешить (курсив мой. — А. Л.) Народному Комитету Северной Кореи создать Департамент национальной обороны и в день окончания сессии Народного Собрания провести в городе Пхеньяне митинг и парад корейских национальных войск» (копия документа из частной коллекции). Только после этой резолюции Москвы 8 февраля 1948 г. Пхеньян официально провозгласил создание отдельной северокорейской армии (Корейской Народной Армии, КНА).

<sup>17</sup> Balazs Szalontai. *Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet-DPRK Relations and the Roots of North Korean Despotism, 1953-1964*. Stanford: Stanford University Press, 2005. P. 22.

посольство и вели там продолжительные беседы с дипломатами (официальные записи этих бесед широко использовались при подготовке данной работы). Однако было бы преувеличением считать, что посольство систематически использовало подобные контакты для воздействия на северокорейскую внутреннюю ситуацию. По крайней мере, в доступных ныне документах, составленных после 1953 г., почти нет следов таких попыток (о некоторых неоднозначных ситуациях речь пойдет далее). В большинстве случаев, как показывают доступные нам источники, советские дипломаты оставались пассивными слушателями своих корейских собеседников и старались избегать того, чтобы давать какие-либо рекомендации или высказывать собственную оценку ситуации.

В 1950-е гг. в западной и особенно в южнокорейской прессе был чрезвычайно популярен образ советского посольства как некоего теневого правительства Северной Кореи. Западная и сеульская пропаганда часто представляла советских дипломатов в виде бдительных надзирателей и всемогущих кукловодов, которые якобы контролировали все движения пхеньянских властей. Однако из доступных материалов очевидно, что эта картина не соответствует действительности. Нечто подобное действительно имело место на ранних этапах корейской истории, в конце 1940-х гг., но к середине 1950-х гг. ситуация радикально изменилась. Новая политика «невмешательства во внутренние дела братских стран», провозглашенная Хрущёвым, не была просто демагогическим лозунгом. Конечно, это «невмешательство» имело свои, довольно тесные рамки, в чем со временем убедилось население большинства восточноевропейских стран, однако эпоха мелочной опеки и контроля закончилась в Восточной Европе вскоре после смерти Сталина в 1953 г., а в Корее, по-видимому, это произошло еще раньше.

Можно предположить, что осторожная позиция советских дипломатов, их нежелание давать рискованные оценки и принимать ответственные решения отражали не только новую политику советского руководства. Во многом эта осторожность была продиктована личной карьерной стратегией сотрудников посольства. Среди дипломатов в те времена было мало специалистов по Корее, которые начали появляться в посольстве только в конце 1950-х гг., причем поначалу на невысоких должностях. Мало кто из работавших в Пхеньяне в середине 1950-х гг. дипломатов был участником освобождения Кореи в 1945 г. или работал в советских учреждениях в 1945-1948 гг., то есть в период, когда шло формирование государственных институтов КНДР. В конце 1950-х гг. большинство посольского персонала составляли люди, которые не имели

ни достаточных специальных знаний, ни особого личного интереса к Северной Корее.

Создается впечатление, что середина и конец 1950-х гг. были не лучшими временами для советского посольства. До 1953 г. Корея рассматривалась Москвой как стратегически важный регион, в котором развертывалось открытое противостояние с главным геополитическим противником СССР. В те времена посольство и иные советские учреждения комплектовались чиновниками сталинского закала: квалифицированными, жесткими (или даже жестокими), невероятно работоспособными, готовыми как принимать решения, так и нести за них ответственность. Наиболее известными представителями этой когорты являлись Т. Ф. Штыков, А. М. Игнатъев, Г. Ф. Шабшин и Г. И. Тункин. Большинство из этих людей покинуло Корею во время или сразу после Корейской войны, и на смену им пришли специалисты куда меньшего калибра. В начале 1960-х гг. ситуация стала опять улучшаться, и не последнюю роль в этом сыграл приток специалистов-корееведов, которые хорошо владели корейским языком и были заинтересованы в своей работе. Для этих людей - как карьерных дипломатов, так и сотрудников академических учреждений — Корея была объектом профессионального интереса, более того — важной частью их жизни, и это во многом скрашивало для них монотонность повседневной жизни посольства. В 1970-х и 1980-х гг. посольство в КНДР отличалось от других советских дипломатических миссий именно присутствием там большого количества специалистов-страноведов. Однако в этой книге речь идет о периоде 1953-1960 гг., когда посольство переживало не лучшие времена.

Отношение к Северной Корее в то время наглядно отражалось в шутках, весьма популярных среди советских дипломатов 1950-х гг. Посольские остряки насмешливо называли КНДР «кндырой», а другая же шутка была еще откровенней: «Курица не птица, Пхеньян не заграница». Понятно, что остряки подразумевали не географическую или политическую близость Кореи и СССР, а отсутствие настоящего «заграничного» лоска и перспектив карьерного роста.

Для большинства советских дипломатов Пхеньян 1950-х гг. был просто очередным местом службы, причем далеко не самым престижным. С точки зрения карьерного роста, для советских дипломатов наиболее рациональной стратегией было избегать таких действий, которые могли бы поставить под угрозу перспективы их продвижения по службе и в идеале перевода в более престижное место.

Жизнь дипломатов в Северной Корее действительно была скучной и не слишком выгодной (по крайней мере, по сравнению с другими столицами). После налетов американской авиации в 1951-1953 гг. Пхеньян был практически уничтожен и представлял собой груды развалин. Экономическая ситуация оставляла желать лучшего: если у дипломатов и была валюта, они все равно не могли приобрести высококачественные товары, которых просто не было в пхеньянских магазинах. Действовавший внутри посольства магазин Востокинторга не отличался разнообразием товаров: так, когда в этот магазин «завезли» дамские чулки, для женского персонала посольства и член семей дипломатов в магазине была установлена норма «две пары в одни руки» (советник Лазарев тем не менее, воспользовавшись служебным положением, приобрел 12 пар - факт, который вызвал немалые пересуды в сов. колонии)<sup>18</sup>. Наверное, нашим читателям (кроме самых молодых) нет нужды объяснять, какое значение в СССР имел доступ к иностранной валюте и западным потребительским товарам. Многие дипломаты надеялись, что им со временем удастся покинуть столь унылое и скудное место, в котором они оказались по капризу судьбы и Управления кадров.

Конечно, и в те времена в посольстве работали также добросовестные, трудолюбивые и настойчивые дипломаты, которые стремились анализировать корейскую ситуацию и влиять на нее в интересах СССР (в этой связи можно упомянуть имена В. И. Пелишенко и особенно Е. Л. Титоренко, в несколько более поздние времена - В. П. Ткаченко), но в целом у советских чиновников были серьезные основания для того, чтобы проявлять осторожность и, следовательно, оставаться пассивными. В конце концов каждому чиновнику хорошо известно, что шанс получить наказание за *бездействие* обычно меньше, чем риск нарваться на неприятности из-за *неправильного действия*.

Свой отпечаток на ситуацию в посольстве, равно как и на советско-корейские отношения в целом, накладывали также те стремительные и непредсказуемые перемены, которые происходили тогда в политике и в официальной идеологии Москвы. Сохранявшаяся в Кремле политическая нестабильность делала опасно неопределенной границу между «политически правильным» и «поли-

<sup>18</sup> Запись беседы В. Петухова (советник дальневосточного отдела МИД СССР) с Л. Г. Гольдиной (возвратившаяся из КНДР сотрудница посольства СССР). 28 марта 1955 г. Коллекция «Чунан ильбо» (далее — КЧИ), документы за 1955 г. № 561/дв, 4/IV.55.

тически ошибочным», так что у советских дипломатов были все основания бояться, что те или иные действия, допустимые и даже похвальные сегодня, со временем могут быть расценены как неадекватные, неправильные, даже «преступные» (в конце концов со времен сталинского разгрома МИДа в 1936-1938 гг. тогда прошло всего лишь два десятилетия). Эти опасения были оправданы и понятны, но, без сомнения, они негативно влияли на поведение советских дипломатов и порою не давали им реагировать на быстро меняющуюся ситуацию в Корее.

В то же время можно предположить, что, с точки зрения СССР, ситуация в Северной Корее не вызывала тогда особенной тревоги — по крайней мере, по сравнению с бурлящей Восточной Европой, где в середине 1950-х гг. стали все отчетливее проявляться антисоветские тенденции и общая нестабильность. В Польше, Венгрии и отчасти в Восточной Германии Советский Союз воспринимался как очередное историческое воплощение традиционного противника - России. Это неизбежно вело к националистическому брожению, которое усилилось, когда народ чувствовал неуверенность самих властей. Другие социалистические страны Восточной Европы тоже проявляли недовольство правящими режимами, и советские представители при местных правительствах никогда не переоценивали популярность и стабильность установленных Москвой режимов. В Северной Корее ситуация была иной. Местный национализм, весьма сильный, был традиционно направлен в основном против японцев, а внутренняя антикоммунистическая оппозиция была крайне слабой и не воспринималась как потенциальный источник проблем.

Конечно, помимо народного недовольства существовала еще одна потенциальная опасность для советских позиций в социалистических странах — «национальный коммунизм» югославского, титовского толка, и в настоящее время мы осознаем, что в КНДР подобная опасность была вполне реальной. По сути, именно такой сценарий там и осуществился со временем: Северная Корея, сохранив верность основным принципам советского социализма в его ортодоксальной сталинской версии, тем не менее вышла из-под советского влияния и стала проводить независимую (по сути — националистическую) политику, которая во многих случаях противоречила советским интересам. Однако в 1953-1955 гг. не было никаких оснований ожидать, что Ким Ир Сен станет «корейским Тито». Северная Корея, только что пережившая разрушительную войну, казалась слишком зависимой от советской помощи. Положение самого Ким Ир Сена - изначально достаточно малоизвест-

#### 1. Исторический фон: Северная Корея и ее руководство... 43

ного и второстепенного лидера, выбранного советской военной администрацией, казалось бы, также должно было исключать любые «антисоветские» поползновения с его стороны. Сегодня мы знаем, что этот расчет оказался ошибочным, но тогда подобная логика выглядела вполне убедительной.

Не следует забывать, что в те времена Северная Корея являлась одной из беднейших стран всего социалистического содружества. Основной причиной были гигантские разрушения, причиненные Корейской войной. В 1953 г. валовой национальный продукт КНДР составлял менее половины от уровня предвоенного 1949 г. В беседах с дипломатами северокорейские руководители признавали, что значительная часть населения систематически недоедает (в мае 1952 г., например, Пак Хон-ён заметил, что 27 % крестьян в стране голодают)<sup>19</sup>. Американские бомбардировки привели к тому, что не только в Пхеньяне, но и в большинстве городов страны не осталось ни одного неповрежденного строения, а подавляющее большинство горожан жило в землянках и подземных укрытиях<sup>20</sup>. Свирипствовали болезни, так как в условиях военного времени и серьезнейшей нехватки медицинского персонала только военнослужащие подлежали госпитализации. Острой проблемой стал туберкулез: в конце войны северокорейский врач сообщил венгерскому дипломату, что даже в армии потери от туберкулеза в последние полгода войны превысили потери от собственно боевых действий<sup>21</sup>.

Острой проблемой оставалась нехватка квалифицированного персонала, в первую очередь — научно-технического. До 1945 г. японские колониальные власти из политических соображений не поощряли развитие высшего образования в Корее, а те немногие корейцы, которые такое образование имели, в большинстве своем происходили из обеспеченных слоев населения и в 1945-1951 гг. ушли в Южную Корею. В апреле 1950 г. северокорейский министр иностранных дел сказал венгерскому дипломату, что в стране нет *ни одного* инженера-строителя и всего *двое* инженеров-железнодорожников<sup>22</sup>. Несмотря на немалые усилия по подготовке специалистов и в КНДР, и за ее пределами, главным образом в Советском Союзе, кадровая проблема сохраняла свою остроту на протяжении всего описываемого нами периода (как мы увидим, в конце 1950-х гг. политика Пхеньяна привела к дополнительным осложнениям в этом вопросе).

<sup>19</sup> Balazs Szalontai. Kim И Sung in the Khrushchev. Era. P. 44.

<sup>20</sup> Ibid. P. 43-46.

<sup>21</sup> Ibid. P. 44.

<sup>22</sup> Ibid. P. 22.

После 1953 г., года смерти Сталина, новая обстановка, складывавшаяся в Советском Союзе, привела к радикальным изменениям политического ландшафта во всем социалистическом лагере. Политическая система большинства социалистических стран (за исключением Китая, Северного Вьетнама и Югославии) с самого момента их возникновения была устроена таким образом, что на ней неизбежно сказывались крупные внутривнутриполитические перемены в Москве. Разумеется, хрущевская политика десталинизации не могла не затронуть социалистический лагерь.

Реформы в СССР начались почти сразу же после смерти Сталина, но в первые 2—3 года темп перемен был достаточно медленным, поскольку Хрущёв был вынужден учитывать возможную оппозицию со стороны своих соперников, да и, вероятно, сам еще не был полностью уверен в правильности выбранного курса. Поэтому в 1953-1955 гг. можно было недооценить важность этого процесса — особенно если наблюдать за ним из восточноевропейских столиц. Однако через пару лет стало ясно, что у Хрущёва и его сподвижников намерения самые серьезные и что он действительно собирается радикально обновить советский социализм. Были прекращены массовые репрессии, опустели лагеря политзаключенных, ослаблена цензура, расширились контакты с внешним миром, появились некоторые возможности для независимой неполитической общественной деятельности. Советское руководство отказалось от наиболее сомнительных элементов сталинского идеологического наследия, в том числе и пресловутой концепции «постоянного обострения классовой борьбы в социалистическом обществе», которая долгое время служила теоретическим обоснованием массовых репрессий.

Однако особое внимание в социалистическом лагере вызывала провозглашенная Хрущёвым новая модель отношений СССР с «братскими социалистическими странами», а также новая концепция руководства. Новая модель предусматривала отказ от мелочной опеки, отзыв большинства советских советников, которые выступали в роли контролеров и надсмотрщиков, а также расформирование созданных при Сталине совместных компаний, которые к тому времени воспринимались в Восточной Европе как инструмент советской экономической эксплуатации. Все эти мероприятия и руководство, и население «братских стран» только приветствовало.

Отношение к новой модели руководства было более сложным. «Культ личности» (этот не слишком точный эвфемизм был придуман как раз в то время), чрезмерное восхваление и обоже-

## 1. Исторический фон: Северная Корея и ее руководство... 45

ствление всемогущего, всезнающего вождя были осуждены официально, и новым идеалом было провозглашено «коллективное руководство». Политическая структура коммунистического государства в послесталинскую эпоху оставалась авторитарной, но богоподобный и всемогущий Вождь на вершине управленческой пирамиды был заменен (по крайней мере, теоретически) властью Политбюро или другого подобного коллективного органа. Понятно, что подобные перемены не вызывали восторга в большинстве социалистических государств, руководители которых до 1953 г. последовательно копировали советскую модель, превращая себя в «маленьких Сталиных».

Это относилось к КНДР, где культ личности Ким Ир Сена начал формироваться на очень ранней стадии. Например, основанный в 1946 г. в Пхеньяне университет, первое высшее учебное заведение Северной Кореи, было названо в честь будущего Великого Вождя. Балаш Шалонтай отмечает в этой связи, что в Венгрии, например, университет в честь местного лидера впервые назвали только в 1951 г., причем Университет имени Ракоши располагался в одном из провинциальных городов и не имел особого значения. Уже с 1946-1947 гг. во время официальных мероприятий в КНДР наряду с портретами Сталина, Ленина и Маркса вывешивались портреты Ким Ир Сена, причем с его портретами не соседствовали изображения других высших руководителей КНДР. В отличие от Вьетнама, Китая и большинства стран Восточной Европы, в Северной Корее даже на ранних этапах ее истории не существовало традиции вывешивать портреты группы высших руководителей<sup>23</sup>. Наконец, первая статуя Ким Ир Сена появилась в КНДР в декабре 1949 г. — и это при том, что памятников Сталину, как ни парадоксально в КНДР не было. В отличие от большинства социалистических стран в КНДР культ Ким Ир Сена не сопровождался культурами малых вождей, его «верных соратников»<sup>24</sup>. С учетом этих обстоятельств понятно, что призывы к «искоренению культа личности» восторга у Ким Ир Сена не вызывали.

В Пхеньяне немалое беспокойство вызывала и другая составляющая новой советской идеологии — так называемая теория «мирного сосуществования», которая утверждала, что в новых условиях появляются возможности для того, чтобы избежать крупных военных столкновений между социалистическими и капиталистическими странами. До этого, несмотря на все шумные кам-

<sup>23</sup> Balazs Szalontai. Kim И Sung in the Khrushchev Era. P. 20.

<sup>24</sup> Ibid. P. 242.

пании под знаком «борьбы за мир», которые были столь характерны для последних лет правления Сталина, войны между капитализмом и социализмом официально считались неизбежными и даже отчасти полезными для окончательной победы коммунизма. Согласно доктрине «мирного сосуществования» полная победа социализма могла быть одержана посредством мирного соревнования с капитализмом, что, правда, не исключало ограниченных военных конфликтов в тех регионах, которые казались стратегически не столь важными. В конце 1950-х гг. Хрущёв искренне надеялся «догнать и перегнать» развитые капиталистические страны в экономическом соревновании. В те годы советская экономика развивалась весьма динамично, так что эти надежды выглядели вполне обоснованными.

Власти большинства социалистических стран в принципе не возражали против перехода к мирным формам соревнования с «мировым империализмом». Однако для Северной Кореи, которая находилась в состоянии жестокой конфронтации с Югом, эта теория выглядела опасной попыткой потакания «американским империалистам», поиском компромисса с врагом. В середине 1950-х гг. Пхеньян вряд ли планировал новое нападение на Юг, но высокий уровень военных расходов свидетельствовал о том, что такая возможность не исключалась в будущем. Кроме того, в Пхеньяне не могли исключать и вероятность атаки со стороны Юга — ведь режим Ли Сын-мана даже формально не признавал права КНДР на существование. В этой ситуации в Пхеньяне опасались того, что утверждение принципов «мирного сосуществования» в качестве части официальной коммунистической доктрины снизит шансы на то, что Советский Союз окажет КНДР прямую поддержку в случае нового военного столкновения с Югом и его американскими покровителями. Таким образом, теория «мирного сосуществования», вполне разумная по своей сути, была истолкована в Пхеньяне как возможное «теоретическое обоснование» предательства интересов младшего партнера во имя сохранения лучших отношений с США и прочими «империалистическими государствами».

Какими бы неопределенными и противоречивыми ни были бы идеалы, провозглашаемые хрущевской Москвой, они представляли угрозу для лидеров старого закала. «Маленькие Сталины» Восточной Европы оказались перед рискованным выбором. Они могли либо попытаться приспособиться к новым веяниям и провести свою собственную десталинизацию, либо же, наоборот, дистанцироваться от Москвы и сохранить верность старому сталинско-

му курсу. Обе стратегии были весьма опасны. В том случае, если руководство той или иной восточноевропейской социалистической страны официально одобряло новую линию Москвы и поддерживало критику сталинизма, ее руководителям было бы трудно объяснить свои собственные слова и действия, предпринятые в те, еще недавние времена, когда их страна послушно следовала сталинским курсом. Подобная ситуация создавала благоприятные условия для оппозиционных выступлений. Во многих социалистических странах партийная оппозиция, которую поддерживали как недовольные из числа номенклатуры, так и более широкие слои населения, не преминула использовать эту возможность и отстранила от власти представителей старой гвардии. Именно такой поворот приняли события в Польше и Венгрии, отчасти — в Болгарии. Не менее рискованным представлялся и отход от СССР, поскольку советская экономическая, политическая и военная поддержка была важным условием выживания большинства коммунистических режимов. К тому же в создавшихся условиях никто не мог определить рамки дозволенного Москвой и предсказать, как советское руководство отреагирует на нестандартное поведение.

Наконец, политическую ситуацию осложнял и острейший продовольственный кризис, который поразил КНДР в начале 1955 г. Уже в январе 1955 г. правительство КНДР обратилось к СССР и КНР с просьбой о предоставлении продовольственной помощи и приняло решение о сокращении норм выдачи зерна по карточкам. Говоря о причинах неурожая, председатель корейского Госплана Пак Чхан-ок сказал советскому послу: «Фактический урожай в 1954 г. был не 2,9 млн тонн, как ожидалось, а 2,6–2,7 млн тонн. Однако крестьяне облагались натуральным налогом из предполагавшегося урожая 2,9 млн тонн. Размер натурального налога фактически составил 30–32 % урожая вместо предусмотренного законом 25–27 %. Поэтому крестьяне неохотно продавали хлеб государству сверх сданного ими натурального налога [...] недостаток продовольствия объясняется также необходимостью увеличить помощь зерном крестьянам-беднякам, объединившимся в сельскохозяйственные производственные кооперативы»<sup>25</sup>.

Специальным постановлением от 5 декабря 1954 г. Кабинет министров КНДР запретил свободную торговлю рисом на рын-

<sup>25</sup> Запись беседы С. П. Суздалева (посол СССР в КНДР) с Пак Чан Оком (зам. председателя Кабинета министров и председатель Госплана КНДР). 31 января 1955 г. КЧИ, документы за 1955 г.

ках. Нарушителей этого запрета привлекали к ответственности<sup>26</sup>. К весне 1955 г. рис практически исчез из продажи и в государственных магазинах, и на рынках. Рабочие и служащие государственных предприятий получали рис по карточкам, хотя и по пониженным нормам, но в деревнях и небольших городах положение стало критическим. На протяжении полутора месяцев с начала апреля и до середины мая в венгерскую больницу в Саривоне поступило более 20 человек с диагнозом «крайнее истощение». В документах иностранных посольств говорится о том, как крестьяне весной 1955 г. отправлялись в горы на поиски съедобных трав, корней и даже коры деревьев. По данным венгерского посольства, в пров. Сев. Хамгён появились беженцы, которые уходили из охваченных голодом уездов. Бывали случаи, когда эти люди теряли сознание и умирали на обочине. Осенью 1954 г. килограмм риса в частной торговле стоил 40-50 вон, а к концу весны 1955 г. его цена возросла до 400 вон, то есть примерно в десять раз<sup>27</sup>. Именно голод вынудил Ким Ир Сена отложить его поездку в СССР, которая была первоначально намечена на начало весны 1955 г.<sup>28</sup>

В июле министр иностранных дел КНДР Нам Ир, знакомя нового советского посла с ситуацией в КНДР, заявил: «Вследствие неурожая в ряде провинций в прошлом году значительное количество населения КНДР нынче голодало». К осени 1955 г. ситуация

<sup>26</sup> Запись беседы В. А. Васюкевича (1-й секретарь Дальневосточного отдела) с А. К. Гришаевым (советник председателя Центрального Комитета потребительской кооперации КНДР). 8 февраля 1955 г. КЧИ, документы за 1955 г. А. К. Гришаев, будучи советником в северокорейской системе потребкооперации, во время поездки в Москву встретился с сотрудником МИДа и описал продовольственную ситуацию в КНДР. Впрочем, из контекста беседы не ясно, всегда ли крестьян наказывали за нарушение запрета. Создается впечатление, что наказания носили спорадический характер («Имеют место факты, когда крестьяне привлекаются к ответственности за невыполнение нормы продажи риса государству и за торговлю рисом на рынке. Все это вызывает недовольство среди населения»).

<sup>27</sup> Подробное описание голода 1955 г. на основании новых документов из дипломатических архивов см.: Balazs Szalontai. Kim И Sung in the Khrushchev Era, P. 62-67.

<sup>28</sup> 8 марта 1955 г. Ким Ир Сен сказал советскому послу Суздаеву: «Ким Ир Сен сообщил мне, что в связи с необходимостью разрешения ряда внутренних вопросов и, главным образом, исправления серьезных политических ошибок, допущенных Трудовой партией по отношению к крестьянству при проведении заготовок хлеба, в результате которых в деревне возник недостаток продовольствия и зерна для посева, он не сможет выехать в Москву ранее середины апреля». См.: Дневник посла С. П. Суздаева за 28 февраля — И марта 1955 г. Запись от 8 марта. КЧИ, документы 1955 г.

#### 1. Исторический фон: Северная Корея и ее руководство... 49

нормализовалась, хотя жизнь корейской деревни оставалась очень бедной. Немалую роль в этом сыграла экстренная продовольственная помощь, предоставленная КНДР Китаем и Советским Союзом.

Характерно, что все эти признания и просьбы о помощи звучали в основном за закрытыми дверями, в то время как официально власти не признавали самого факта голода. Правда, 26 апреля 1955 г. в «Нодон синмун» была напечатана статья о продовольственных проблемах, вина за которые возлагалась на якобы расточительное поведение потребителей, которые неэкономно расходовали продовольствие. Однако кому-то из руководства даже такая осторожная и, в общем, лживая формулировка показалась слишком радикальной, так что номер со спорной статьёй был изъят из распространения всего лишь через час после того, как был напечатан<sup>29</sup>. Официально считалось, что никаких проблем с продовольствием в КНДР не существует. Не исключено, что причина такой скрытности - вообще-то, вполне характерной для сталинистских режимов — была связана и с тем обстоятельством, что излишняя откровенность могла быть использована недовольными для критики руководства и лично Ким Ир Сена.

<sup>29</sup> Об инциденте с отзывом номера «Нодон синмун» см.: Balazs Szalontai. Kim И Sung in the Khrushchev Era. P. 71.

## **2. 1955: СОВЕТСКАЯ ФРАКЦИЯ ПОД УДАРОМ**

Первая попытка руководства Северной Кореи отреагировать на новую, отчасти непонятную и потенциально опасную международную обстановку относится к концу 1955 г. До этого Ким Ир Сен и его окружение, в общем, игнорировали начавшуюся в Советском Союзе кампанию по десталинизации. Первые признаки пхеньянской реакции появились к концу 1955 г., и эти мероприятия Пхеньяна не сулили ничего хорошего ни тем, кто надеялся на либерализацию режима, ни тем, кто хотел просто следовать советской линии, какой бы эта линия не была. События осени 1955 г. и зимы 1955-1956 гг. стали первым признаком того, что Северная Корея намерена отдалиться от своего главного покровителя, Советского Союза.

Первым проявлением данной тенденции стала короткая, но интенсивная кампания, которую Ким Ир Сен и его соратники провели против ряда заметных членов советской группировки. Конечно, советская группировка вряд ли рассматривалась Ким Ир Сеном как единственный источник опасности. В северокорейской политической жизни в условиях постоянного ожесточенного соперничества фракций источником проблем могла стать любая группировка, и Ким Ир Сен это хорошо понимал. Снятие Пак Ир-у с поста и атаки на Чхве Чхан-ика в начале 1955 г. продемонстрировали, что Ким Ир Сен не особо доверял и «китайским корейцам». Однако ситуация, сложившаяся к 1955 г., означала, что наибольшую политическую опасность для Ким Ир Сена представляли именно «советские корейцы».

Как и в других социалистических странах, политическая и социальная структура в КНДР изначально строилась по советскому образцу, и культ личности Ким Ир Сена копировал культ личности Сталина. Поэтому любое принижение авторитета Сталина представляло собой смертельную опасность для престижа самого Ким

Ир Сена. У него были веские причины бояться того, что соперники используют явные аналогии со Сталиным, чтобы обвинить Ким Ир Сена в создании и насаждении собственного культа личности. Последующие события в Кореи и в других социалистических странах показали, что эти страхи были вполне обоснованными.

После Корейской войны на ключевых постах в Трудовой партии Кореи и в государственном аппарате КНДР находилось приблизительно 150-170 советских корейцев. В первые годы существования КНДР они опирались на поддержку советских военных учреждений, но к 1955 г. их позиции несколько ослабели — в основном вследствие постепенного возвышения бывших партизан и других лиц, поддерживавших Ким Ир Сена. Ким Ир Сен и его «ближний круг» никогда не чувствовали особой симпатии по отношению к советским корейцам, но именно продолжавшаяся в СССР десталинизация сделала последних особенно опасными в их глазах. В силу своих тесных контактов с Советским Союзом советская фракция легко подпадала под влияние «советского духа» и в силу этого могла служить проводником опасных для режима хрущевских нововведений. К тому времени стало ясно, что Хрущёв планирует и осуществляет весьма радикальные реформы, стал очевидным разрыв со сталинскими традициями, происходивший в СССР. Мы можем предположить, что в этих новых условиях Ким Ир Сен решил, что не может позволить себе и дальше делать вид, что в «братских социалистических странах» не происходит ничего серьезного. При этом ему казалось наиболее вероятным, что именно советские корейцы подхватят идеи либеральных реформ, начнут критику «культа личности» и проповедь «коллективного руководства» или создадут иные проблемы.

К концу 1955 г. стало ясно, что Ким Ир Сен, систематически укреплявший свою власть и поэтапно устранявший все потенциальные угрозы своему политическому влиянию, готовит атаку на советскую фракцию. На этом этапе нельзя с уверенностью сказать, стремился ли он к ее полному разгрому или же только хотел ограничить ее политическое влияние и преподать урок всем потенциальным нарушителям спокойствия (последнее представляется нам более вероятным).

Та стратегическая линия, которую руководство Северной Кореи стало проводить с середины 1950-х гг., была не только вынужденным ответом на десталинизацию в СССР, но и логическим развитием прежней политики Ким Ир Сена и его окружения. Ким Ир Сен был не только умелым манипулятором, ловко игравшим на противоречиях своих соперников и покровителей. При всех своих

личных амбициях и немалом властолюбии, Ким Ир Сен был искренним националистом, который по своей воле большую часть жизни провел, сражаясь за независимость Кореи в тяжелейших условиях. В самом конце своей долгой жизни, когда классический коммунизм уже решительно вышел из моды, Ким Ир Сен называл себя «националистом» открыто и с гордостью. Вряд ли это признание Вождя стало откровением для тех, кто хорошо знаком с корейской и шире с восточноазиатской историей последнего столетия. В данном отношении Ким не слишком отличался от Мао Цзэдуна, Хошимина, Пол Пота и других «крестьянско-коммунистических» революционеров, деятельность которых сыграла такую большую роль в истории Восточной Азии XX в. Для многих, если не для большинства коммунистов Восточной Азии, марксизм-ленинизм был в первую очередь эффективной антиимпериалистической доктриной, теорией борьбы скорее за *национальное*, чем за *социальное* освобождение, за *национальное*, а не за *социальное* равенство. Для революционеров стран Восточной Азии первой половины XX в. национализм вполне органично сочетался с коммунизмом. Ким Ир Сен не был исключением.

Вероятно, что Ким Ир Сен, будучи националистом, воспринимал любое иностранное влияние как губительное или, по меньшей мере, нежелательное. Конечно, он был готов сотрудничать с СССР (или, точнее, позволял советским представителям использовать себя) постольку, поскольку это сотрудничество помогало ему достигнуть власти или же поскольку оно служило интересам Кореи в его собственной интерпретации. Однако идеалом Ким Ир Сена было сильное и не зависящее от зарубежных спонсоров северокорейское государство.

С 1945 г. Ким Ир Сену приходилось терпеть советское присутствие, порою принимавшее достаточно назойливые формы, но к середине 1950-х гг., когда его внутривластные позиции укрепились, он решил, что пришла пора изменить курс и отдалиться от своих бывших покровителей. Перемены в СССР не только сделали этот пересмотр политической стратегии необходимым, но также и создали условия для его практической реализации.

На протяжении всей своей долгой политической карьеры Ким Ир Сен показал себя блестящим мастером политической тактики. Он часто использовал один и тот же (неизменно успешный) прием: определив, кто из его врагов в данный момент представляет собой наибольшую угрозу, он создавал вокруг себя широкую коалицию, направленную против намеченной жертвы. Таким образом, Ким Ир Сен позволял менее опасным врагам уничто-

жить врагов более опасных. Ярким примером использования этой тактики был разгром внутренней фракции в 1953—1955 гг. Обвинения в шпионаже и вредительстве, предъявленные тогда бывшим коммунистам-подпольщикам, ветеранам коммунистического движения, отличались крайней неправдоподобностью и даже абсурдностью. Однако эти обвинения были с энтузиазмом поддержаны членами остальных фракций, которые воспринимали выходцев с Юга как потенциальных конкурентов или просто надеялись расширить свое влияние после устранения с ключевых постов многочисленных партработников-южан. Планируя атаку на советских корейцев, Ким Ир Сен опирался не только на преданных ему бывших партизан, которые без его поддержки не имели бы никаких политических перспектив. Немалую роль в короткой кампании против советских корейцев сыграли и представители яньваньской фракции, активно выступившие против своих соперников из числа бывших советских корейцев.

Взаимные подозрения и острое соперничество всегда отравляли отношения между советскими и китайскими корейцами. Лидеры яньваньской фракции, наиболее важным из которых в то время был Чхве Чхан-ик, использовали любую возможность для того, чтобы настроить Ким Ир Сена против советской группировки. Советские корейцы, в свою очередь, пытались убедить Ким Ир Сена в некомпетентности или ненадежности членов яньваньской фракции. Например, в конце 1955 г. в ходе продолжительной беседы с Ким Ир Сеном Пак Чхан-ок, фактический глава советской фракции, активно критиковал действия «китайских корейцев»<sup>30</sup>.

Масао Ононоги в своей статье (одной из немногих академических публикаций, в которых затрагивается кампания 1955 г. против советских корейцев) предлагает свое объяснение причин конфликта. Он полагает, что расширение политической самостоятельности Северной Кореи, в результате которого Ким Ир Сен и его окружение надеялись усилить свою власть, было связано с развернувшейся в то время в руководстве КНДР дискуссии о новой экономической стратегии. В 1954 г. и 1955 г. Ким Ир Сен поддерживал политику приоритетного развития тяжелой промышленности в ущерб производству предметов массового потребления, занимая таким образом классическую сталинистскую позицию. Эта политика основывалась на вполне понятной логике: собственная тяже-

<sup>30</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чан Оком (заместитель премьера Кабинета Министров КНДР и член Президиума ЦК ТПК). 12 марта 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

лая промышленность стала бы залогом политической самостоятельности страны и создала бы основу для противостояния иностранному (на практике — советскому) влиянию. Альтернативой классическому сталинизму с его культом угольных шахт и металлургических комбинатов служил подход, при котором большее внимание уделялось бы развитию производства товаров народного потребления. Именно этот подход стал пользоваться все большей популярностью в Советском Союзе после смерти Сталина. В КНДР в поддержку такого подхода выступал лидер советской группировки Пак Чхан-ок, который в то время являлся председателем северо-корейского Госплана и, следовательно, главным экономическим стратегом КНДР<sup>31</sup>. По мнению Масао Ононоги, атака на советскую фракцию была во многом отражением споров об экономической стратегии.

Конечно, наблюдения Масао Ононоги представляют для нас немалый интерес. Как мы увидим далее, вопрос о приоритетах в экономическом развитии действительно был политически важным и весьма дискуссионным. Однако показательно, что известные нам советские материалы уделяют очень мало внимания спорам об экономической политике. Кажется, что эти разногласия не воспринимались в посольстве серьезно и остались почти незамеченными. Кроме того, кампания против советских корейцев началась только в конце 1955 г., в то время как споры об экономической стратегии в основном развертывались в 1954 г. Таким образом, именно события в СССР и необходимость ограничить влияние этих событий на северокорейскую внутреннюю политику послужили толчком к кампании против советской фракции.

Представляется вероятным, что решение Ким Ир Сена начать эту кампанию было также спровоцировано относительно малозначительным событием - сопротивлением, которое партработники из числа советских корейцев оказали планируемому повышению Чхве Ён-гона, бывшего маньчжурского партизана и одного из самых преданных помощников Ким Ир Сена. Разумеется, кампания против советской группировки как таковая не была результатом этого относительно незначительного бюрократического кон-

<sup>31</sup> Детальное описание споров по экономическим вопросам и некоторых идеологических тенденций 1954—1955 гг. можно найти в статье Масао Ононоги: Masao Okonogi. North Korean Communism: in Search of Its Prototype // *New Pacific Currents*. Honolulu: University of Hawaii, 1994; а также в старой, но интересной работе Нам Кун-у: Koon Woo Nam. *The North Korean Communist Leadership, 1945-1965: A Study of Factionalism and Political Consolidation*. Alabama: University of Alabama Press, 1974. P. 103-104.

фликта, а была частью продуманной стратегии Ким Ир Сена и его окружения, однако ситуация с Чхве Ён-гоном вполне могла стать поводом к развязыванию кампании. По крайней мере, некоторые наблюдатели-современники связывали начало кампании против советских корейцев именно со спорами вокруг введения Чхве Ён-гона в состав Политбюро.

Как позднее рассказывал советскому дипломату Пак Ён-бин («Пак Ен Бин» в документах тех лет), Ким Ир Сен впервые порекомендовал ввести Чхве Ён-гона в состав Политического Совета (официальное название Политбюро ТПК до апреля 1956 г.) «перед Апрельским (1955) пленумом», то есть в конце зимы или в начале весны 1955 г. Это предложение тогда вызвало серьезное противодействие со стороны советской группировки. Тем не менее в ходе Апрельского (1955) пленума Ким Ир Сена все-таки удалось ввести Чхве Ён-гона в состав Политсовета. В сентябре 1955 г. он поднял вопрос о дальнейшем продвижении Чхве Ён-гона и намекнул на его возможное назначение премьер-министром (вместо самого Ким Ир Сена, который тогда являлся одновременно главой и партии, и правительства), но снова столкнулся с сопротивлением таких советских корейцев, как Пак Чхан-ок, Пак Ён-бин<sup>32</sup> и Пак Чжон-э<sup>33</sup>.

<sup>32</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Ен Бином. 25 февраля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68. Запись беседы С. Н. Филатова с Пак Чан Оком 12 марта 1956 г. В этих двух документах содержится противоречивое описание позиции Пак Кым-чхоль, видного деятеля яньваньской фракции. 25 февраля 1956 г. Пак Ён-бин заявил, что годом ранее Пак Кым-чхоль выступил против введения Чхве Ён-гона в состав Политсовета. В марте 1956 г. Пак Чхан-ок, наоборот, утверждал, что Пак Кым-чхоль был единственным в Политсовете сторонником этого предложения. Это противоречие может быть каким-то образом связано с тем фактом, что Пак Ён-бин предположительно был в хороших личных отношениях с Пак Кым-чхольем (который даже навещал опального Пак Ён-бина в больнице), в то время как Пак Чхан-ок не скрывал своей неприязни к нему.

<sup>33</sup> Трудно сказать, к какой фракции относилась Пак Чжон-э (принятая в то время транскрипция — Пак Ден Ай, настоящее имя — Вера Цой) — единственная в северокорейской истории женщина, достигшая политических вершин самостоятельно, а не в силу своих семейных связей. Иногда ее относят к внутренней фракции, так как на протяжении десятилетия она вела подпольную работу в самой Корее. Иногда ее включают в состав партизанской группировки, с членами которой она поддерживала близкие отношения с первых лет существования КНДР. Наконец, в силу ее советского происхождения, полученного в СССР образования и обстоятельств появления в Корее, куда она была когда-то направлена из СССР на разведывательную работу, она может быть отнесена к советским корейцам. В любом случае Пак Чжон-э с очень раннего времени демонстрировала безоговорочную поддержку Ким Ир Сена.

Для нас сейчас очевидно, что Ким Ир Сен настаивал на введении Чхве Ён-гона в состав Политбюро потому, что такое решение усилило бы позиции бывших маньчжурских партизан, в руки которых постепенно переходила вся полнота власти в стране. Однако на пути к возвышению Чхве Ён-гона имелось одно серьезное, хотя и чисто формальное препятствие. Официально считалось, что Чхве Ён-гон вообще никогда не состоял в Трудовой партии Кореи, не говоря уже о ее Центральном Комитете. С 1946 г. он был лидером Демократической партии, одной из двух «непролетарских партий», которые формально существовали в КНДР.

Демократическая партия была основана известным правым националистом Чо Ман-сиком в ноябре 1945 г. В течение некоторого времени Демократическая партия являлась реальной политической силой, которая по многим вопросам даже осмеливалась противостоять советской военной администрации и ее протекции — местным коммунистам. Этот недолгий период независимости партии закончился в январе 1946 г., когда Чо Ман-сик вступил в прямой конфликт с советскими властями, резко выразив несогласие с обсуждавшимися тогда планами установления формальной опеки над Кореей. Этот конфликт с советской военной администрацией завершился арестом Чо Ман-сика. После этого Демократическая партия была подвергнута чисткам, но сохранилась в качестве особой политической структуры. Это было сделано для того, чтобы сохранить видимость широкого Единого фронта, а также, чтобы держать под контролем значительное число потенциально враждебных элементов, которые тяготели к якобы «некоммунистической», но официально разрешенной партии. Чхве Ён-гон, бывший маньчжурский партизан-коммунист, в свои школьные годы был учеником Чо Ман-сика и в ноябре 1945 г. по настоянию властей был назначен заместителем Чо Ман-сика в Демократической партии. После ареста Чо Ман-сика Чхве Ён-гон автоматически стал новым руководителем партии. В этом качестве, как лидер «дружественной партии», он играл важную роль в формально-ритуальной части северокорейской политики и даже официально занимал должность командующего северокорейскими вооруженными силами в начале Корейской войны. Однако в отличие от Ким Таль-хёна, руководителя другой «дружественной партии» Чхондогё-чхонудан, Чхве Ён-гон обладал и вполне реальным политическим влиянием. Будучи партизаном-коммунистом с маньчжурским стажем, старым и испытанным соратником Ким Ира Сена, он являлся одним из самых видных представителей партизанской фракции в руководстве ТПК (и это при том,

что формально он не входил ни в это руководство, ни в партию вообще).

К середине 1950-х гг. Демократическая партия выполнила свою отвлекающую роль и, по сути, прекратила свое существование в виде политической партии. Численность ее быстро уменьшалась, чему сознательно способствовало и ее собственное руководство<sup>34</sup>. В новой ситуации не было необходимости держать политика Чхве Ён-гона в такой, в общем-то, малозначительной организации.

Понятно, что с самого начала Чхве Ён-гон был «агентом влияния» ТПК в Демократической партии, и его главной задачей было не допускать превращения Демократической партии в независимую политическую силу. Вопрос о том, был ли Чхве Ён-гон одновременно и членом ТПК, остается открытым. Некоторые документы позволяют предполагать, что Чхве Ён-гон даже формально, хотя и негласно, считался членом ТПК в те времена, когда он был главой Демократической партии. Например, в одном из документов советского посольства, составленном в мае 1956 г., содержится достаточно недвусмысленное заявление на этот счет: «Посольству известно, что, будучи председателем ЦК Демократической партии, Цой Ен Ген (Чхве Ён-гон. - *А. Л.*) являлся членом Трудовой партии Кореи»<sup>35</sup>. Другим подтверждением этого предположения может служить разговор, который состоялся в ноябре 1957 г., когда сотрудник советского посольства встретился с Нам Он Еном (Нам Семен Тимофеевич), одним из руководителей северокорейской разведки. Он сообщил о начинающейся реорганизации своего ведомства, причем из беседы выяснилось, что на тот момент главой одной из северокорейских разведывательных служб был Тен Сон

<sup>34</sup> В мае 1956 г. один из руководителей Демократической партии открыто рассказал советскому дипломату о мерах, которые само руководство партии предпринимает для ограничения ее численности: «Как только член Демократической партии поступает на завод или вступает в сельскохозяйственный кооператив, то с ним проводится работа, чтобы он вышел из партии». См.: Запись беседы В. К. Лисилова (секретарь посольства) с Ким Сен Юром (председатель Пхеньянского городского комитета Демократической Партии Северной Кореи). 8 мая 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

<sup>35</sup> Этими словами, написанными от своего имени, третий секретарь посольства В. К. Лисиков завершил запись беседы с северокорейским чиновником, в которой обсуждалось перемещение Чхве Ён-гон в аппарат ТПК. См.: Запись беседы В. К. Лисилова (третий секретарь) с Ким Сен Юром (председателем пхеньянского городского комитета Демократической партии Северной Кореи) 8 мая 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68. В транскрипции Холодовича имя собеседника Лисилова следует записывать как Ким Сон-юль.

Он, который официально считался заместителем председателя ЦК Демократической партии Северной Кореи. На недоуменный вопрос советского дипломата Нам Он Ен ответил: «[Тен Сон Он] был раньше заместителем Цой Ен Гена в Демократической партии, но сейчас он там фактически не работает, да и не имеет ничего общего с Демократической партией, т. к. он старый коммунист и так же, как и Цой Ен Ген был в Демократической партии по заданию ЦК Трудовой партии Кореи»<sup>36</sup>.

Даже если Чхве Ён-гон не был членом ТПК в строгом смысле, то есть не имел партбилета и не значился в соответствующих списках, его принадлежность к ТПК была вопросом чисто техническим. Если уж советские дипломаты не имели сомнений по поводу фактической принадлежности Чхве Ён-гона к Трудовой партии, то маловероятно, чтобы высокопоставленные партработники из числа советских корейцев оставались в неведении относительно его истинной роли. Однако формальное членство Чхве Ён-гона в Демократической партии давало им великолепный повод для того, чтобы выступить против его введения в состав Политсовета (Политбюро) ЦК ТПК - и они использовали этот повод с максимальной эффективностью. Вопрос о партийности Чхве Ён-гона часто упоминался в тех дискуссиях, что развертывались за закрытыми дверями пхеньянских партийных кабинетов в 1955—1956 гг.

Кроме этого, советские корейцы утверждали, что Чхве Ён-гон не справится с новым назначением из-за своего недостаточного образования, указывали на проблемы, которые в прошлом возникали из-за его «слабой работы»<sup>37</sup>. С полной уверенностью согласиться с этими обвинениями или опровергнуть их сейчас невозможно, однако следует напомнить, что среди бывших партизан Чхве Ён-гон был едва ли не самым образованным человеком. Так что, скорее всего, дело было вовсе не в личных недостатках Чхве Ён-гона, а в его политической позиции.

Решительное противодействие продвижению Чхве Ён-гона отражало главную проблему северокорейской политики того времени — постоянные конфликты фракций. Чхве Ён-гона рассматривали как давнего противника советской группировки — и, скорее всего, не без оснований. Еще в 1954 г. Чхве Ён-гон, действуя со-

<sup>36</sup> Запись беседы Огнева Ю. И. (атташе посольства) с Нам Он Еном (зам. начальника управления информации при Кабинете Министров КНДР). 6 июня 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

<sup>37</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Ен Бином. 25 февраля 1956 г.

вместно с лидером яньаньской фракции Чхве Чхан-иком, попытался добиться удаления нескольких заметных советских корейцев с их постов (по крайней мере, в этом его тогда подозревали сами руководители советской группировки)<sup>38</sup>. Понятно, что советские корейцы не слишком стремились увидеть на одном из высших государственных постов человека, считавшегося их недоброжелателем. С точки же зрения Ким Ир Сена, попытка воспрепятствовать повышению Чхве Ён-гона была направлена на ослабление позиций бывших партизан и поэтому была сродни открытому вызову его собственной власти.

Однако, как уже отмечалось, главной политической проблемой для Ким Ир Сена была угроза, исходящая от десталинизации, которая развертывалась в Москве. Многие действия партработников из числа советских корейцев в середине 1950-х гг. только усиливали подозрения Ким Ир Сена, который опасался, что советские корейцы послужат каналом распространения новых московских веяний в Северной Корее. Из документов посольства видно, что многие из них начали в 1955 г. открытое обсуждение вопросов, связанных с культом личности. Некоторые даже настаивали на том, что кампанию по борьбе с «культом личности» следует развернуть и в КНДР. Многие советские корейцы принимали официальные лозунги за чистую монету, но иногда мотивы их деятельности были не столь альтруистическими, так как некоторые надеялись извлечь выгоду из этих новых условий. Тем не менее и идеалисты, и оппортунисты поддались новым веяниям, идущим из Москвы, новой атмосфере надежды и ожидания перемен. В некоторых случаях умудренные жизнью политики демонстрировали поразительную наивность. Так, Пак Ён-бин, назначенный в феврале 1955 г. на пост главного идеолога партии - заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК ТПК, отважился предложить Ким Ир Сэну положить конец излишнему восхвалению Ким Ир Сена. Годом позже сам Пак Ён-бин так описал этот эпизод: «Во всей печати у нас неправильно освещается вопрос о роли народных масс и роли личности в истории. Главным и определяющим в борьбе за объединение Кореи, за строительство новой жизни отводится не народным массам, а Ким Ир Сэну. Я, а также Пак Чан Ок в возможных и подходящих выражениях и в своих действиях высказывали неправильность такого направления нашей идеологической работы.

<sup>38</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чан Окком (заместитель премьера Кабинета Министров КНДР и член Президиума ЦК ТПК). 12 марта 1956 г.

Когда меня утвердили в должности зав. отделом агитации и пропаганды ЦК ТПК (февраль 1955 г.), то я непосредственно столкнулся с этим вопросом. На одном из заседаний Политсовета я официально поставил вопрос о необходимости выступить в печати с разъяснением по данному вопросу. Ким Ир Сен согласился с этим предложением. На очередном совещании работников ЦК я информировал об указаниях Ким Ир Сена по этому вопросу. В данное время я могу сказать, что после моего ухода из ЦК в печати снова и в более широком масштабе стал возвеличиваться культ личности<sup>39</sup>. Понятно, что эти идеи едва ли могли понравиться будущему Великому Вождю, Солнцу Нации. Как сказал Пак Ён-бин, «Думаю, что т. Ким Ир Сен на мое предложение отнесся болезненно» (стиль оригинала)<sup>40</sup>.

Советские корейцы, находившиеся на менее значительных постах, тоже проявляли признаки «зараженности» опасными идеями десталинизации. В декабре 1955 г. за разговоры о культе личности со своими сотрудниками был уволен главный редактор журнала «Новая Корея» (пропагандистский еженедельник, выходивший наряду иностранных языков) Сон Чин-пха. Любопытно то, что он был заодно обвинен и в... «антисоветских настроениях», так что секретарь партийной организации редколлегии назвал Сон Чин-пха «антисоветским элементом». Кроме того, Сон Чин-пха обвинили во «враждебных действиях» по отношению к Хан Соль-я, который тогда являлся председателем Союза писателей КНДР. В частности, Сон Чин-пха обвинили в том, что он якобы препятствовал публикации романа Хан Соль-я «Тэдонган». В результате Сон Чин-пха уволили с должности главного редактора журнала и исключили из партии<sup>41</sup>. Позднее он обратился за разрешением вернуться в СССР. Это разрешение ему было сначала дано, но позже с одобрения советского посольства аннулировано корейскими властями, так что Сон Чин-пха отправился в сельскую местность для «трудового перевоспитания». Этот термин не означал тюремного заключения: Сон Чин-пха отправили заниматься физическим трудом в качестве рабочего на одном из промышленных пред-

<sup>39</sup> Годом позже Пак Ён-бин сам рассказал об этом советскому дипломату. Запись беседы Филатова С. Н. (советник посольства) с Пак Ён Бином. 25 февраля 1956 г.

<sup>40</sup> Там же.

<sup>41</sup> Запись беседы А. М. Петрова (советник посольства) с Сон Ден Фа (бывший редактор журнала «Новая Корея»). 15 декабря 1955 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

приятый за пределами Пхеньяна (очевидное влияние маоистского Китая, с его верой в очистительную силу неквалифицированного физического труда)<sup>42</sup>.

В связи с делом Сон Чин-пха мы впервые сталкиваемся с именем Хан Соль-я и вообще с «литературной темой», которой предстояло сыграть такую значительную роль в событиях конца 1955 г. и начала 1956 г. Положение северокорейской литературы этого периода было плачевным даже по сравнению с литературой других «стран народной демократии». Не случайно все попытки продавать переводные северокорейские произведения в Советском Союзе и других социалистических странах оказывались коммерчески убыточными: несмотря на все усилия государственной пропаганды и щедрые дотации, северокорейская литература не воспринималась всерьез даже в «братских социалистических странах», в которых читатели, казалось бы, привыкли к крайне идеологизированным литературным текстам<sup>43</sup>.

В административном отношении литература и искусство в КНДР были организованы в соответствии с советскими традициями. Решающую роль играл могущественный Союз писателей, своего рода квазигосударственное «министерство литературы», которому принадлежал ряд издательств и которое занималось как материальным обеспечением писателей, так и идеологическим руководством литературой. Членство в Союзе писателей было немалой привилегией, и только полноправным членам Союза был открыт доступ к публикации произведений в ведущих издательствах и журналах. Кроме того, контроль над литературным процессом осуществляли и официальные органы цензуры, аппарат Министерства

<sup>42</sup> Запись беседы Л. С. Бякова (первый секретарь посольства) с Сон Дин Фа (бывший редактор журнала «Новая Корея»). 15 февраля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68. В некоторых документах посольства имя Сон Чин-пха также транскрибируется, как «Сон Ден Фа».

<sup>43</sup> В этой связи я хочу привести цитату из венгерского документа того времени, который мне любезно предоставил Балаш Шалонтай: «Одним источником ошибок было то, что в 1954 г. они решительно отвернулись от прогрессивных традиций прошлого. Они хотели создать новую литературу и искусство без использования прошлого опыта. [...] В искусстве они порвали с классическим направлением, имевшем глубокие традиции и высокие достижения, и на пустом месте начали развивать социалистический реализм. [...] Мы считаем, что новый социалистический реализм должен был основываться на классической корейской литературе, писателям следовало бы более тщательно изучать прогрессивные традиции». Это показывает, что даже для чиновников из других сталинистских стран северокорейский литературный пейзаж выглядел сухим и скучным.

культуры и пропаганды (оно именовалось именно так!), а также соответствующие подразделения партийной бюрократии. В середине 1950-х гг. решающую роль в этой системе играл Хан Соль-я, председатель Союза писателей КНДР, который на тот момент являлся самой влиятельной фигурой на северокорейской культурной сцене.

Писателем Хан Соль-я был весьма посредственным, но зато он проявил немалые таланты политика и показал себя в высшей степени ловким карьеристом. Хан Соль-я родился на Юге и в молодые годы увлекался левыми идеями, весьма популярными среди корейской интеллигенции на рубеже 1920-х и 1930-х гг., когда даже колониальная администрация сквозь пальцы смотрела на заигрывание с марксизмом (постольку, поскольку такое заигрывание не вело к прямым политическим акциям). Вскоре времена изменились, писать о героических организаторах забастовок и о страданиях корейских крестьян стало опасно, но Хан Соль-я быстро сориентировался в ситуации и к концу 1930-х гг. уже был известным прояпонским автором, романы которого повествовали о том, как много Японская империя делала для своей колонии. Как и многие из его собратьев-интеллигентов, в 1945 г. он опять совершил очередной поворот на 180° и вскоре оказался у руля северокорейской литературной политики. Несмотря на свое «южное» происхождение, с самого начала своей карьеры на Севере Хан дистанцировался от бывших подпольщиков из внутренней группировки и стал одним из самых первых и самых рьяных творцов культуры личности Ким Ир Сена<sup>44</sup>. Эта тактика помогла ему не только уцелеть во время ликвидации внутренней группировки, но и получить официальное признание в качестве «величайшего писателя современной корейской литературы». Этот титул он теоретически разделял с романистом Ли Ки-ёном («Ли Ги Ен» в советских текстах того времени), но последний, будучи куда более талантливым писателем, сознательно и последовательно сторонился административных интриг. Однако все усилия, все восхваления Ким Ир Сена в конечном счёте оказались бесполезными: в 1962 г. Хан Соль-я неожиданно исчез, его книги были изъяты из библиотек, а его имя не упоминалось в Северной Корее в течение нескольких десятилетий<sup>45</sup>. Причины его исчезновения остаются неизвестны

<sup>44</sup> Полное и содержательное исследование литературной и политической роли Хан Соль-я можно найти в книге Брайана Майерса: Brian Myers. Han S6l-ya and North Korean Literature. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994.

<sup>45</sup> Ibid.

и по сей день. Однако все это случилось позже, а в 1954—1958 гг. Хан Соль-я был на пике своей карьеры и сыграл важную роль в кампании против советских корейцев.

Хан Соль-я и его окружение (включавшее в числе прочих критика Ом Хо-сока и писателя Пак Си-ёна) с конца 1940-х гг. являлись наиболее влиятельной частью северокорейской литературной бюрократии. Главными конкурентами этой группы выступали южнокорейские авторы, которые прибыли в Пхеньян в 1945—1950 гг. и были тесно связаны с парторботниками из внутренней группировки. К числу этих авторов относились Лим Хва, Ким Нам-чхон, Ли Тхэ-чжун, а также ряд менее известных и менее влиятельных писателей. Судьбу этой группы в конечном счете определили их давние связи с южнокорейскими коммунистами. Один из них — Лим Хва стал обвиняемым на «большом процессе» 1953 г. и вместе с другими бывшими руководителями южнокорейских подпольщиков был приговорен к смертной казни. После репрессий, которые обрушились на внутреннюю группировку в 1953—1954 гг., ее бывшие сторонники лишились политического прикрытия и оказались беззащитными перед нападками Хан Соль-я и его окружения. После 1953 г. литературные произведения сторонников репрессированных подпольщиков подвергались в КНДР сокрушительной политической критике.

Официальные критики находили в текстах Ким Нам-чхона, Ли Тхэ-чжуна, Лим Хва и других опальных авторов множество «идеологических ошибок» и даже «подрывную пропаганду». Попавшие в немилость писатели-южане изображались как бывшие коллаборационисты и сторонники японского колониального режима, которые после освобождения естественным образом превратились в пособников «американского шпиона» Пак Хон-ёна. Излишне говорить, что обвинения в «литературном вредительстве» и в попытках «проташить враждебную пропаганду» были безосновательными. Большинство тех сочинений, которые опальные писатели опубликовали после 1945 г., представляли собой скучную и крайне политизированную пропаганду, и в этом отношении не слишком отличались от произведений Хан Соль-я и его сторонников. Единственное отличие заключалось в том, что Ли Тхэ-чжун и Ким Нам-чхон были заметно талантливее своих преследователей — но даже и это обстоятельство не очень сказывалось на их поздних произведениях. Выдвинутые против них обвинения в коллаборационизме в период до 1945 г. содержали в себе немалую долю истины, но они были бы справедливы и в отношении самих обвинителей. Действительно, некоторые сочинения, написанные Ли

Тхэ-чжуном в военные годы, содержат пропаганду величия Японской империи, но яркие описания самоотверженности японских солдат присутствуют и в рассказах, которые в то же самое время писал Хан Соль-я (а также в первом варианте его автобиографического романа «Башня»).

В целом, конфликт между южнокорейскими писателями и приверженцами Хан Соль-я был результатом столкновения писательских амбиций. Личные отношения между некоторыми известными южнокорейскими писателями и Хан Соль-я испортились еще в начале 1930-х гг., и ожесточенная борьба за влияние в литературной бюрократии Северной Кореи едва ли могла способствовать улучшению этих отношений. Падение внутренней группировки означало, что противники Хан Соль-я лишились политической поддержки, чем руководство северокорейской литературной бюрократии и воспользовалось. Здесь наглядно проявилась тесная связь между большой политикой и политикой литературной. Сначала, в 1954-1955 гг. события «большой политики» (расправа с Пак Хон-ёном и его «внутренней группировкой») дали Хан Соль-я удобный повод устранить своих литературно-политических соперников. Впоследствии, в 1955—1956 гг., возникла зеркальная ситуация: реальные или выдуманные проблемы в литературной области были использованы как предлог для атаки на политическую группировку (на советских корейцев), хотя реальные причины этой атаки лежали в политике большой.

Как мы увидим далее, открытое наступление на политические позиции советских корейцев началось в декабре 1955 г., но есть основания полагать, что подготовка к нему началась несколькими месяцами ранее. В апреле 1955 г. в ходе очередного пленума ЦК ТПК Пак Чхан-ок, глава северокорейского Госплана и фактический лидер советских корейцев, был подвергнут критике за то, что он якобы представил руководству неправильные (чересчур оптимистичные) данные о состоянии дел в сельском хозяйстве КНДР. Эти обвинения были связаны с голодом 1955 г., но на настоящий момент не ясно, в какой степени Пак Чхан-ок действительно несет ответственность за искажение статистических данных. Вполне возможно, что председатель Госплана фальсифицировал отчетность, но не исключено, что ему досталась роль того самого «стрелочника», ведь в условиях голода, о котором в руководстве знали все, Ким Ир Сену было необходимо отвести обвинения от своей персоны и найти подходящих виновных.

На том же апрельском пленуме попал в немилость и Пак Ир-у, «человек Мао в Корее» и видный руководитель яньаньской фрак-

ции<sup>46</sup>. В июле Пак Ир-у был помещен под домашний арест<sup>47</sup>, а дальнейшая его судьба на настоящий момент неизвестна, хотя из косвенного замечания в позднейшем письме Ли Сан-чжо создается впечатление, что Пак Ир-у был спасен в результате вмешательства китайской дипломатии.

В августе Ким Ир Сен уже собирал досье на Пак Чхан-ока<sup>48</sup>. 24 января 1956 г. Пак Ый-ван сказал советскому дипломату, что «[в]от уже более двух месяцев ЦК ТПК и почти все первичные парторганизации занимаются обсуждением поведения ряда советских корейцев»<sup>49</sup>. Если «два месяца», о которых упомянул Пак Ый-ван, соответствуют действительности, то кампания или, по крайней мере, подготовка к ней, началась в ноябре 1955 г.

То, что именно Пак Чхан-ок стал главной целью запланированной атаки, объясняется, вероятно, его ведущим положением среди советских корейцев и его явным стремлением к лидерству. 21 ноября Ким Ир Сен подверг критике работу северокорейского Госплана, во главе которого стоял Пак Чхан-ок. Несколькими днями позже Ким встретился с ним для личной беседы. По словам самого Пак Чхан-ока, Ким Ир Сен разговаривал с ним довольно враждебным тоном. При этом он вовсе не касался проблем экономического планирования, но охотно рассуждал на тему прошлых «ошибок» в литературной политике, которая не имела прямого отношения ни к Пак Чхан-оку, ни к большинству советских корейцев. Он обвинял Пак Чхан-ока в излишнем внимании к идеологически подозрительным авторам-южанам, а также в том, что советские корейцы не оказали достаточной поддержки Хан Соль-я и иным «политически правильным» авторам<sup>50</sup>. Этот разговор был предвестником приближающейся кампании.

<sup>46</sup> Paek Chun-gi. Ch'onggi On hu 1950 ny'ondae Pukhan-ui ch'ongch'i py'ondong-gwa kwon'ok chaep'an. [Политические перемены и изменения в структуре власти в Северной Корее в 1950-е гг. после (Корейской) войны] // Ny'ondae Pukhan y'ongu. Vol. 2. № 2 (1999, весна). С. 32.

<sup>47</sup> Там же, сноска С. 36—37. Между прочим, институт домашнего ареста был вполне обычным для Северной Кореи, но практически не известным в Советском Союзе сталинских времен.

<sup>48</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чан Оком (зам. премьер-министра Кабинета Министров КНДР и член Президиума ЦК ТПК). 12 марта 1956 г.

<sup>49</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Ы Ваном (зам. премьер-министра). 24 января 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

<sup>50</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чан Оком (зам. премьер-министра Кабинета Министров КНДР и член Президиума ЦК ТПК). 12 марта 1956 г.

2 декабря 1955 г. в Пхеньяне начался пленум Центрального Комитета ТПК. Пленумы ЦК созывались несколько раз в год для обсуждения наиболее важных вопросов политической стратегии, причем за закрытыми дверями допускалась определенная степень откровенности. Кроме того, Центральный Комитет был местом, где высшие партийные руководители могли делать достаточно решительные и критические политические заявления и где текущую ситуацию можно было анализировать куда более нелицеприятно, чем на открытых мероприятиях.

Декабрьский (1955) пленум продолжался два дня, 2 и 3 декабря, но официальное сообщение о нем появилось в «Нодон синмун» только 7 декабря. В пронизанной духом секретности политической культуре тех лет подобные задержки не были редкостью (более того, они являлись вполне обычной практикой). Они вполне соответствовали и советской политической традиции того времени. И краткое официальное сообщение в «Нодон синмун»<sup>51</sup>, и последующие публикации северокорейской печати упоминали только два пункта повестки дня декабрьского (1955) пленума: вопрос о подъёме производительности сельского хозяйства и «организационный вопрос» (кор. «чочжик мунчже» — на коммунистическом бюрократическом жаргоне это несколько неопределенное выражение обычно употреблялось в отношении назначений и отставок). Появление в повестке дня сельскохозяйственной темы было вполне естественно в свете того, что творилось в северокорейской деревне в начале 1955 г. Кроме обсуждения вопросов, касающихся сельского хозяйства, пленум объявил о созыве в следующем году третьего съезда ТПК. На протяжении последующих двух месяцев официальная пресса упоминала декабрьский пленум лишь в связи с темами, которые были связаны с сельским хозяйством<sup>52</sup>, и только в середине февраля в печать стали проникать намеки на то, что на пленуме рассматривались и другие вопросы.

Большинство материалов посольства показывают, что на пленуме речь шла отнюдь не о сельском хозяйстве. В этих документах проблемы сельского хозяйства упоминаются редко, если упоминаются вообще, основное же внимание уделяется тому обстоятельству, что пленум обсуждал «ошибки» некоторых высокопоставленных должностных лиц в литературной политике. При этом все без исключения обвиняемые — Пак Чхан-ок, Ки Сок-пок, Пак Ёнбин, Чон Юль и Чон Тон-хёк — были видными членами советской

<sup>51</sup> Нодон синмун. 7 декабря 1955 г.

<sup>52</sup> Нодон синмун. 6 января, 7 января, 23 января, 1956 г.

фракции<sup>53</sup>. Кроме того, еще один член советской фракции — Ким Ёль - был обвинен в финансовых злоупотреблениях и исключен из Центрального Комитета и ТПК (позже в отношении него было открыто уголовное дело)<sup>54</sup>.

Главным вопросом пленума стала «ошибочная политика» в области литературы, которая якобы проводилась советскими корейцами. Однако нападки не ограничивались только литературными вопросами, так как советским корейцам были предъявлены и другие, более серьезные обвинения. По тем замечаниям, которые Пак Чхан-ок вскоре сделал в беседе с советским дипломатом, нетрудно понять суть выдвинутых против него обвинений: «Я не могу согласиться с рядом обвинений, которые выдвинуты против меня в этом решении [...] я никогда не вел фракционной борьбы и не выступал против политики партии. Не извращал политику партии в отношении единого фронта, не вставал на путь примирения и сговора с врагами. Все эти десять лет работы в Корее я не жалея себя боролся за политику партии»<sup>55</sup>. Хан Соль-я нападал на советских корейцев с особой яростью. Информация, предоставленная посольству участниками пленума, позволяет говорить о том, что в числе наиболее активных обвинителей был сам Ким Ир Сен.

Не совсем понятно, почему в качестве предлога для нападения на советских корейцев Ким Ир Сенем была выбрана именно политика в области литературы. Такой выбор представляется странным, даже парадоксальным, потому что большинство советских корейцев, будучи выпускниками советских техникумов и институтов, не имели полноценного корейского образования и в некоторых случаях даже не могли на должном уровне писать по-корейски. Мало кто из них имел сколько-нибудь ясное представление о современной им северокорейской литературе. Работа большинства советских корейцев тоже была слабо связана с культурной политикой, которая до 1953—1954 гг. оставалась полем деятельности внутренней и яньаньской фракций. Эта ситуация вполне понятна, так как именно у членов этих двух фракций обычно имелось хорошее гуманитарное корейское образование, в то время как у предста-

<sup>53</sup> Запись беседы С. Н. Филатова с Пак Ен Бином. 25 февраля 1956 г.

<sup>54</sup> Paek Chun-gi. Ch'ongj'On hu 1950 nySndae Pukhan-ui ch'ongch'i py5ndong-gwa kwonlyOk chaep'an [Политические перемены и изменения в структуре власти в Северной Корее в 1950-е гг. после (Корейской) войны]. С. 36—37.

<sup>55</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чан Оком (заместитель премьера Кабинета Министров КНДР и член Президиума ЦК ТПК). 12 марта 1956 г.

вителей двух других фракций с этим были проблемы: бывшие партизаны в своем большинстве не имели даже среднего образования, а советские корейцы хотя обычно и были неплохо образованы, но принадлежали к русско-советской культурной традиции.

Правда, многие партработники из числа советских корейцев в отдельные периоды своей деятельности в КНДР занимались вопросами идеологии и в этом качестве иногда касались и литературных дел. В 1952 г. и 1953 г. такие «идеологические работники», как Пак Чхан-ок (глава отдела пропаганды и агитации Центрального Комитета), Ки Сок-пок (главный редактор «Нодон синмун») и Чон Юль (зам. министра культуры и пропаганды) участвовали в нескольких дискуссиях по вопросам литературной политики. Они, в частности, критиковали Хан Соль-я и его приверженцев (включая знаменитую танцовщицу Чхве Сын-хи) или же пытались защитить противников Хан Соль-я от его гнева. В одном таком случае Ки Сок-пок выступил на защиту рассказа Ким Нам-чхона «Мёд», который был подвергнут разгромной критике. В рассказе речь шла о том, как раненый солдат Корейской народной армии укрывается в крестьянском доме, где его выхаживает крестьянка. Сюжет этот, вполне реальный и неоднократно использованный в советской военной литературе, вызвал раздражение официальной критики, которая утверждала, что доблестные солдаты северокорейской армии никогда бы бросили раненого товарища<sup>56</sup>. Реально вся эта кампания была развязана все тем же Хан Соль-я, известным ненавистником Ким Нам-чхона.

Однако в целом участие советских корейцев в литературной политике было ограниченным. Хотя некоторые современные историки северокорейской литературы изображают партработников, их советскую фракцию, как решительных сторонников Ли Тхэ-чжуна, Ким Нам-чхона и других опальных писателей, очевидно, что связи советских корейцев с южнокорейскими писателями не были очень сильными. Кажется, что степень близости между политиками из советской группировки и опальными литераторами из числа бывших подпольщиков преувеличена историками, в том числе и потому, что связи этих двух групп постоянно подчеркивались официальной северокорейской пропагандой.

Даже если советские корейцы и были на ранних этапах каким-либо образом вовлечены в споры по поводу литературной полити-

<sup>56</sup> Подробное описание этого и других столкновений в области литературной политики см: Brian Myers. *Han S61-ya and North Korean Literature*. P. 79-82.

ки, к концу 1955 г. эти столкновения по большей части были забыты. В феврале 1956 г. на это обстоятельство в беседе с Ким Ир Сенем прямо указывал Пак Ый-ван: «т. Пак Чан Ок действительно является способным и волевым работником и, если он допускал ошибки, — а их у него было много — грубость, зазнайство, бюрократизм и т. д., то они, эти ошибки, как раз за последние полтора-два года проявлялись меньше, чем это было в 1950—1953 гг., что т. Пак Чан Ок значительно улучшил свою работу, освоил такой большой участок работы, как Госплан и т. д. И вот тогда, когда человек значительно выправился и лучше стал работать, ему начинают предъявлять обвинения 7-8-летней давности. Это вот мне не понятно»<sup>57</sup>. «Семь или восемь лет назад», — это, конечно, преувеличение, но фактом остается то обстоятельство, что к 1955 г. с проблемами литературы или искусства были связаны лишь немногие советские корейцы. В декабре 1955 г. Пак Чхан-ок был Председателем Государственного планового комитета (Госплана) КНДР, Ки Сок-пок являлся начальником военной академии, а Ким Чэ-ук занимал пост заместителя министра сельского хозяйства. Один лишь Пак Ён-бин, будучи главой отдела агитации и пропаганды ЦК ТПК, был непосредственно связан с литературой, косвенно отвечая за политику в сфере культуры и идеологии. Все остальные обвиняемые были далеки от корейского искусства.

Атака на советских корейцев не была внезапной, она подготавливалась в течение некоторого времени. Выше уже упоминалось, что, по словам Пак Чхан-ока, сбор соответствующих материалов руководство начало еще в августе 1955 г. Подготовка кампании продолжалась на протяжении всей осени. В частности, в октябре 1955 г. Ким Ир Сен предложил Пак Чхан-оку представить доклад о деятельности Союза писателей Кореи. Очевидно, что это предложение являлось ловушкой: скорее всего, Ким Ир Сен планировал вынудить Пак Чхан-ока высказать свое мнение о литературе, чтобы впоследствии использовать эти его высказывания для придания обвинениям против советских корейцев большей основательности. Тот факт, что Ким Ир Сен обратился с этим предложением в октябре, в очередной раз показывает, что подготовка к атаке на Пак Чхан-ока и других советских корейцев началась за несколько месяцев до декабрьского пленума. Однако в октябре Ким Ир Сену не удалось завлечь Пак Чхан-ока в западню, тот заявил, что «совершенно не знаком с деятельностью указанного союза и недо-

<sup>57</sup> Запись беседы С. Н. Филатова с Пак Ы Ваном. 21 февраля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

статочно знаком с литературой корейских писателей. На этом разговор и кончился»<sup>58</sup>. Маловероятно, чтобы Пак Чхан-ок почувствовал ловушку, по всей видимости, его ответ был просто честным признанием некомпетентности в литературных делах.

Возможно, что «ошибки в руководстве литературной политикой» в качестве предлога для начала кампании были выбраны Ким Ир Сену под влиянием известной советской кампании 1946-1948 гг., направленной на разоблачение и пресечение инакомыслия среди интеллигенции. Ким Ир Сен и другие высокопоставленные северокорейские руководители сохранили яркие воспоминания об этой кампании, которая контролировалась и направлялась А. А. Ждановым, многолетним покровителем первого советского посла в Пхеньяне Т. Ф. Штыкова. С другой стороны, на образ мысли и на решения Ким Ир Сена могла повлиять и «кампания по исправлению стиля», которую проводил Мао в начале 1940-х гг. (там тоже в качестве предлога использовались литература и искусство). Если принять во внимание необычно активную позицию, которую занял тогда Хан Соль-я, то можно допустить, что этот «официальный гений» тоже имел некоторое влияние на планы Ким Ир Сена и мог оказать влияние на выбор темы для готовившейся кампании. В любом случае, конкретная тема кампании была вопросом тактическим. Важным было то, кто будет подвергаться критике, чье влияние будет ограничиваться. Вопрос о том, какие обвинения будут для этого использованы, был второстепенным.

Декабрьский пленум был только началом кампании. В соответствии с давно установившейся традицией, ее следовало развивать дальше. Следующим шагом было многочисленное собрание партийных работников высшего звена, которое, по сведениям посольства, прошло в Пхеньяне 27-28 декабря и официально именовалось «расширенным Президиумом Центрального Комитета ТПК». Не вполне ясно, что означает термин «президиум» в некоторых советских документах, но похоже, что он относится к Президиуму ТПК. В отличие от КПСС ТПК имела тогда трехзвенную структуру руководящих органов: Центральным Комитетом руководил Президиум (в 1953 г. он насчитывал 13 человек), который, в свою очередь, контролировался Политическим Советом (только 5 человек в 1953 г.). Эта система была отменена Третьим съездом ТПК в 1956 г., но позднее восстановлена. В общем, разделение на Постоянный Комитет

<sup>58</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чан Оком (заместитель премьера Кабинета Министров КНДР и член Президиума ЦК ТПК). 12 марта 1956 г.

и Политсовет соответствовало советскому разделению на «членов Политбюро» и «кандидатов в члены Политбюро» (даже упоминавшиеся выше пропорции были примерно теми же, что и соотношение «членов» и «кандидатов в члены» в Политбюро ЦК КПСС). Обычно Президиум был малочисленным органом, но в некоторых случаях происходили «расширенные заседания», на которые рассылались персональные приглашения, в том числе и видным партийным деятелям. В декабре 1955 г. собралось необычайно большое число участников — более четырехсот двадцати человек<sup>59</sup>.

Хорошо известно, что 28 декабря 1955 г. стало датой важного события в северокорейской истории. Это день, когда был создан или, скорее, получил новое значение<sup>60</sup> термин «чучхе», который в будущем стал названием северокорейской официальной идеологии. 28 декабря Ким Ир Сен произнес длинную речь, озаглавленную «Об устранении формализма и догматизма в идеологической работе и укреплении чучхе». Первоначально речь эта не была опубликована в открытой печати и предназначалась для закрытого распространения среди партийных работников<sup>61</sup>. Об этом можно догадаться, просмотрев публикации официальной прессы того периода: в северокорейских газетах начала 1956 г. можно обнаружить туманные ссылки на некие «высказывания Ким Ира Сена», сопровождаемые цитатами, которые взяты, как мы теперь знаем, из речи 28 декабря.

<sup>59</sup> Запись беседы С. Н. Филатова с Пак Ен Бином. 25 февраля 1956 г. Пак Чхан-ок в марте 1956 г. тоже оценивал число участников, как «около 400». См. запись беседы С. Н. Филатова с Пак Чхан-оком. 12 марта 1956 г.

<sup>60</sup> Сам по себе термин «чучхе» не был изобретением Ким Ира Сена, он существовал задолго до знаменитой речи («чучхе» означает «субъект»). В работах корейских националистов «чучхе» или близкое к нему «чучхесон» обычно связывалось с корейским своеобразием или уникальностью, и лучшим переводом этого термина на русский язык, пожалуй, является «самобытность». Однако Ким Ир Сен придал этому слову новое значение. Он использовал этот термин для описания определенной идеологии или, скорее, новой политической линии, поскольку сама идеология так никогда и не была определена до конца.

<sup>61</sup> Правящие коммунистические партии имели сложную систему по управлению доступом к политической информации. Ее главной задачей было снабжать руководителей, некоторых активистов и в отдельных случаях всех членов партии той информацией, которую не следовало знать населению в целом. Самой массовой формой были «письма ЦК», адресованные всем членам партии. Эти письма зачитывались вслух на собраниях низовых партийных организаций и предназначались всем членам партии. Информация для руководящих кадров поставлялась в ряде ежедневных, еженедельных и ежемесячных закрытых изданий.

Например, 29 января 1956 г. «Нодон синмун» на второй странице опубликовала статью о конференции, проведенной пхеньянским горкомом ТПК. Было указано, что эта конференция прошла «недавно», но конкретной даты в статье не называлось. Конференция была посвящена борьбе против формализма (кор. хйбньсикчжуыи) и догматизма (кор. кёчжочжуыи) - те же ключевые слова использовались в речи Ким Ир Сена от 28 декабря. При этом показательно, что сам термин «чучхе» в статье не упоминался. В статье содержались ссылки на «недавние» (кор. чхвегын) замечания Ким Ир Сена о необходимости борьбы с этими двумя пороками, но где и когда он сделал эти замечания, не указывалось. Однако использованные в статье формулировки показывают, что автор текста в газете хорошо знал речь 28 декабря. Некоторые части статьи практически являлись скрытыми цитатами из речи. Например, в статье провозглашается необходимость «устранения формалистских и догматических ошибок» (кор. хйбньсикчжбкимйб кёчжочжуыи кельхам-ыль тхвечхи-хаго), что является прямой перефразировкой заглавия речи Ким Ир Сена (кор. кёчжочжуыи-ва хйбньсикчжуыи-рыль тхвечхи-хаго).

Отсутствие упоминаний «чучхе» в этой статье является типичным. Термин «чучхе», столь знаменитый впоследствии, вообще мало использовался в этих ранних публикациях. Новое истолкование этого термина как главного политического и идеологического понятия появилось гораздо позднее. В течение первых нескольких месяцев ключевыми словами были, скорее, «формализм» и «догматизм», а не «чучхе».

Прошло несколько лет, прежде чем слово «чучхе» превратилось в главный северокорейский идеологический и политический термин, а для обозначения особой идеологии его стали применять вообще десятилетием позже. В «Популярном словаре политических терминов», изданном в Пхеньяне в 1959 г., то есть через четыре года после «декабрьской речи», слово «чучхе» отсутствует вовсе. В «Словаре корейского языка» (1961—1962) это слово присутствует и имеет среди прочих современное определение слова как названия политической идеологии, однако это значение еще считается второстепенным<sup>62</sup>. Превращение «чучхе» в относительно стройную идеологию, а затем и в официальную философию КНДР произошло только во второй половине 1960-х гг. благодаря масштабным коллективным усилиям пхеньянских идеологов.

<sup>62</sup> Taejung ch'ongch'i yong'o sajon [Популярный словарь политических терминов]. Pyongyang: Choson Nodongdang ch'ulp'ansa, 1959; Choson mal sajon [Словарь корейского языка]. Pyongyang: Kwahakwon ch'ulp'ansa, 1961—1962. Т. 4. С. 382.

Тем не менее именно речь Ким Ир Сена от 28 декабря стала первым официальным текстом, в котором содержались недвусмысленные упоминания принципа «чучхе». В последующие десятилетия официальная пропаганда стала утверждать, что Ким Ир Сен использовал этот принцип (и даже создал «философию» чучхе) еще в годы маньчжурской кампании, но эти утверждения не подтверждаются никакими документами, так что днем появления чучхе можно считать именно 28 декабря 1955 г. Впоследствии речь эта много раз издавалась и переиздавалась (в каждом случае в отредактированном виде, с соответствующими поправками). Несмотря на все политическое и историческое значение речи от 28 декабря, последующие официальные публикации по каким-то причинам хранили молчание относительно точных обстоятельств, при которых эта речь была впервые произнесена. И поныне в официальных публикациях упоминается лишь, что это была «речь перед партийными агитаторами и пропагандистами» (кор. тань сОнчжбн сбнжонь ильгун апх-есо хан йбнсбль).

Поскольку маловероятно, чтобы в один и тот же день Ким Ир Сен одновременно выступил на двух разных собраниях, можно с уверенностью предположить, что его знаменитая «речь о чучхе» была произнесена на том мероприятии, которое в советских документах описывалось как «расширенный Президиум ЦК ТПК», созданный для обсуждения литературной политики. К сожалению, в советских документах содержится лишь максимально сжатое изложение выступления Ким Ир Сена на «расширенном Президиуме», и с абсолютной уверенностью установить тождественность этого выступления и знаменитой «чучхейской речи» 28 декабря не представляется возможным. Однако это предположение очень вероятно. Эту гипотезу подтверждает и содержание речи 28 декабря, которое известно из последующих публикаций ее текста<sup>63</sup>.

<sup>63</sup> Нет необходимости останавливаться на подробном рассмотрении самой речи, так как она не только публиковалась множество раз, но и анализировалась в большом количестве хорошо известных работ, например, в классической биографии Ким Ир Сена, написанной Со Дэ-суком. Suh Dae-suk. Kim Il Sung: The North Korean Leader. New York: Columbia University Press, 1988. P. 143—144. Текст речи рассматривается по изданию: Kim Il Sŏng chojak sŏnjip [Избранные труды Ким Ир Сена]. Pyongyang: Chosŏn Nodongdang ch'ulp'ansa, 1967. Т. 1. С. 567. Так как работы Ким Ир Сена очень часто переиздавались в соответствии с последними изменениями политической линии, мы используем самое раннее из доступных нам изданий. Однако, поскольку приведенное выше издание вышло после падения Хан Соль-я в 1962 г., из него исключены положительные упоминания о попавшем в опалу литературном сановнике.

В своей основе «речь 28 декабря» была националистической, с частыми обращениями к национальному чувству и патриотизму, ее основой был призыв к всемерному изучению корейской истории и культуры. Ким Ир Сен прямо заявлял, что чрезмерное восхваление всего советского и/или русского наносит ущерб развитию корейской культуры и умаляет национальное величие Кореи. Это замечание, несмотря на то, что было адресовано узкому кругу высокопоставленных партработников, означало радикальный разрыв с политикой предшествующего десятилетия, важным компонентом которой являлось безоговорочное прославление СССР. Большая часть речи посвящалась критике Пак Чхан-ока, Ки Сок-пока и Пак Ён-бина — главных «отрицательных героев» начавшейся кампании. Они обвинялись в том, что в недостаточной мере были корейскими патриотами, а также в том, что были слишком либеральными по отношению к буржуазной идеологии и искусству, и поддерживали таких «реакционных» писателей, как Ли Тхэ-чжун. Кроме того, Ким Ир Сен утверждал, что Пак Ён-бин под влиянием советской теории «мирного сосуществования» предпринял попытку смягчить позицию КНДР в отношении американского империализма. Хотя Ким Ир Сен не отважился критиковать саму теорию «мирного сосуществования» в целом, он достаточно ясно намекнул на то, что эта теория неприемлема для условий Кореи. Особо досталось Пак Чхан-оку. По словам Ким Ир Сена, Пак Чхан-ок, «связавшись с реакционным буржуазным писателем Ли Тхэ-чжуном», «[не желал] изучать культуру и историю нашей страны». Ким Ир Сен подчеркнул, что Пак Чхан-ок и не мог правильно применить термины, заимствованные из классического китайского языка (ханмуна) из-за недостатка классического школьного образования (последнее утверждение было верным в отношении подавляющего большинства корейцев, получивших образование за границей)<sup>64</sup>. Кроме этого, в ре-

<sup>64</sup> Kim И Song chOjak sOnjip. С. 567-568, 572.

Необходимо упомянуть, что, по словам его сына Пак Иль-сана, Пак Чхан-ок получил базовое конфуцианское образование и гордился своим знанием китайских иероглифов (ханчжа). (Беседа с Пак Иль-саном. Петербург, 4 февраля 2001 г.) Такие знания были действительно весьма необычны для советского корейца его поколения и происхождения. Можно предположить, что Ким Ир Сен обвинял Пака в недостаточном знании иероглифов специально, чтобы дополнительно унижить его и показать, что Пак Чхан-ок, несмотря на все свои претензии, все-таки являлся чужаком, «ненастоящим корейцем» и не понимал «истинной» корейской культуры. Конечно, Пак вряд ли мог соперничать с искусственными интеллектуалами, закончившими лучшие корейские и японские школы, да и у самого Ким Ир Сена с иероглификой и древнекитайским все было очень неплохо.

чи содержался стандартный набор обвинений против давно умершего «раскольника» Хо Ка-и и недавно казненного «шпиона» Пак Хон-ёна (он был расстрелян приблизительно двумя неделями ранее, около 15 декабря 1955 г.)<sup>65</sup>.

Формально посвященная политике в области культуры эта речь затрагивала и более важные проблемы<sup>66</sup>. Речь содержала руководство к действию для партийной номенклатуры: северокорейская партия и государство должны быть «национализированы» и приведены в соответствие с национальными традициями и в их политически правильной, «прогрессивной» интерпретации. Северокорейский коммунизм должен быть превращен в национальную (и даже где-то националистическую) идеологию. Пришло время покончить с автоматическим копированием советских образцов и с обязательной русофилией, Северной Корее следует создать свой вариант коммунистической идеологии, который бы ставил ее национальные интересы выше интересов иных стран, в том числе и СССР. Эти идеи были крайне привлекательны для партийных руководителей среднего и низшего эшелонов, которые в отличие от партработников высшего звена родились и выросли в Корее, получили в лучшем случае только среднее образование и не имели опыта жизни за границей. Происходившее в Корее для них было в первую очередь революцией национальной, а никак не частью некоего глобального процесса. Выступив главным выразителем этих идей, Ким Ир Сен (сам «местный» кореец, уроженец пхеньянских окраин) позиционировал себя как защитника «корейского духа» и корейской самобытности от иностранного вмешательства и его внутренних проводников. Это позволяло ему активно разыгрывать националистическую карту для того, чтобы таким образом ограничить опасное советское влияние. Впрочем, было бы упрощением считать, что Ким Ир Сен в своих действиях руководствовался одним только циничным политическим расчетом. Можно пред-

<sup>65</sup> Официальная информация о суде над Пак Хон-ёном была опубликована 18 декабря (Нодон синмун. 18 декабря 1955 г.), но дата казни бывшего руководителя корейской компартии пока точно не известна.

<sup>66</sup> Пэк Чун-ги отмечает: «Внешне дискуссия выглядела как обсуждение литературной политики, но главный вопрос далеко выходил за границы области литературы и искусства. Дискуссия означала, что разногласия внутри партийного руководства, проявившиеся в результате политических ошибок и экономических неудач, вылились в идеологическую конфронтацию». Paek Chun-gi. «Ch6ngj6n hu 1950 nyOndaе Pukhan-ui chOngch'i pyCndong-gwa kwonlyOk chaer'an [Политические перемены и изменения в структуре власти в Северной Корее в 1950-е гг. после (Корейской) войны]». С. 39.

положить, что во многом поворот к национализму отражал искренние воззрения самого Ким Ир Сена. Тем не менее момент для апелляции к национальным чувствам был выбран весьма умело. К концу 1955 г. советское влияние стало ассоциироваться не только с назойливым насаждением русской культуры (по поводу которого в речи Ким Ир Сена содержится немало ехидных и, по сути, верных замечаний), но и с проповедью новой, более либеральной, политической модели, которая представляла прямую угрозу и для Ким Ир Сена, и для его окружения.

Другой важной проблемой, затронутой в «речи 28 декабря», было отношение к «старым революционерам», под которыми Ким Ир Сен подразумевал своих соратников, бывших маньчжурских партизан. С крайним неодобрением он говорил о дискриминации, которой те подвергаются из-за своего плохого образования и отсутствия административных навыков, и о сопротивлении бюрократии их выдвижению на высшие посты. Скорее всего, такое сопротивление действительно имело место и было отчасти обоснованным, так как бывшие партизаны действительно не отличались высоким образовательным уровнем и связанными с этим профессиональными достоинствами. Однако Ким Ир Сен категорически потребовал выдвигать «ветеранов революционной борьбы» на высшие партийные и государственные посты, утверждая, что участие в антияпонском вооруженном сопротивлении само по себе является достаточным основанием для занятия ключевых административных должностей. Это заявление стало еще одним подтверждением того особо привилегированного статуса, который в 1954—1955 гг. начал закрепляться за бывшими соратниками Ким Ир Сена.

Ким Ир Сен заявил, что некоторые из подвергшихся критике на декабрьском пленуме ЦК должны выступить с «самокритикой». Этот жребий выпал Ки Сок-поку, Пак Чхан-оку, Чон Юлю и Чон Тон-хёку. Единственным исключением был Пак Ён-бин, находившийся в то время в больнице и поэтому не принимавший участия ни в декабрьском пленуме, ни в заседании «расширенного президиума». Его даже не уведомили о принятых на пленуме решениях, опасаясь за состояние его здоровья<sup>67</sup>. Крайне злобным нападкам на пленуме подвергся Пак Чхан-ок. В марте 1956 г., то есть через несколько месяцев после описанных событий, в беседе с советским дипломатом он вспоминал: «По предложению т. Ким Ир Сена я, тт. Пак Ён Бин, Ки Сек Пак, Тэн Дон Хек и Тен Юр должны были выступить с признанием своих ошибок. Заседание

<sup>67</sup> Запись беседы С. Н. Филатова с Пак Ён Бином. 25 февраля 1956 г.

было подготовлено, и мне как первому выступающему было задано около 100 вопросов. Меня обвиняли, что я хотел стать первым лицом в государстве, если не первым, то вторым. Для этого я подбирал верные себе кадры из числа советских корейцев. Я и Пак Ён Бин, прикрываясь коллективностью в руководстве, выдвигали себя и умаляли роль вождя т. Ким Ир Сена. Мы были, как указывали некоторые выступающие, проводниками буржуазной идеологии в партии» (стиль подлинного документа)<sup>68</sup>. Пак Чхан-ок упорно отрицал своё участие в «антипартийной деятельности». С особой ожесточённостью нападал Хан Соль-я, «живой классик» северо-корейской литературы, испытывавший глубокую неприязнь к советским корейцам и всегда готовый обрушиться на жертву очередной «чистки» (впрочем, в конце концов он и сам стал такой жертвой). По словам самого Пак Чхан-ока, по время заседания «Хан Сер Я сказал, что Пак Чан-ок хотел быть первым человеком в государстве, выдвигал себя и своими действиями принижал роль т. Ким Ир Сена. „Он указал, что Пак Чан-ок и Пак Ён Бин не давали партии и народу выражать свои хорошие чувства и отношения к своему вождю и т. д.»<sup>69</sup>.

Как уже упоминалось, несмотря на то, что эта речь сразу не была опубликована, ее распространяли в партийных организациях, так что она была хорошо известна всем членам корейской правящей элиты и, вероятно, функционерам среднего звена.

За декабрьским пленумом и «расширенным Президиумом ЦК ТПК» 28 декабря в январе последовали новые официальные мероприятия. 18 января 1956 г. ЦК ТПК принял резолюцию, озаглавленную «О дальнейшем усилении борьбы против реакционной буржуазной идеологии в литературе и искусстве». По своему духу и тону резолюция 18 января почти полностью совпадала с речью Ким Ир Сена. Однако примечательно, что эта резолюция не только не публиковалась, но даже вообще не упоминалась в открытой печати<sup>70</sup>.

Примерно в это же время Пак Ён Бин был заочно (в тот момент он находился в больнице) исключен из состава Политического

<sup>68</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чан Оком (зам. премьера Кабинета Министров КНДР и член Президиума ЦК ТПК). 12 марта 1956 г.

<sup>69</sup> Там же.

<sup>70</sup> Даже в вышедшей в начале 1980-х гг. «Общей истории Кореи» в достаточно просторном, с десятков страниц, разделе, посвященном «борьбе против формализма и догматизма» в конце 1955 г., эта резолюция упоминается мимоходом (не приводится даже ее полное название). См.: ChosOn chOnsa [Полная история Кореи]. Т. 29. С. 295.

совета (Политбюро) и выведен из ЦК ТПК. Другие партработники из советской группировки также подверглись различным взысканиям и наказаниям<sup>71</sup>.

Стандартная советская практика партийной работы, заимствованная и Северной Кореей, предусматривала, что решения и документы, принятые на очередном пленуме, равно как и произнесенные там речи партийных лидеров, «изучались» на низших уровнях. В январе 1956 г. по стране прошли собрания низовых парторганизаций, на которых прорабатывались документы декабрьского пленума. Об этих собраниях много писала корейская печать, хотя и не упоминая о проблеме советских корейцев и вопросах литературной политики, которые до поры до времени были теоретически скрыты от широкой публики. Документы пленума были восприняты как сигнал к началу массивной атаки на советских корейцев и на тех, кто был слишком тесно связан с ними. Такой поворот событий дал многочисленным соперникам советской группировки хороший предлог для сведения личных и политических счетов. Высокопоставленных советских корейцев активно критиковали, обвиняя в «насаждении фракционности» и в разнообразных идеологических прегрешениях.

Кампания против советских корейцев, развернутая в партийных организациях, достигла высшей точки к концу января. В течение этого месяца многие видные советские корейцы были вызваны в свои партийные организации для самокритики или подвергнуты допросам по поводу их «ошибок», главной из которых были прошлые связи с Хо Ка-и. Особенную активность в этой кампании проявлял пхеньянский горком ТПК, в аппарате которого в то время преобладали члены яньаньской фракции (отношения между «советскими» и «китайскими» корейцами, как уже говорилось, не отличались особой теплотой). Следует помнить, что в соответствии с советской административной практикой столичному горкому партии подчинялись партийные организации центральных министерств и ведомств. В начале 1956 г. пхеньянский горком предписал партийным организациям различных министерств и ведомств «расследовать» прежние связи между советскими корейцами и покойным Хо Ка-и. Такие расследования действительно имели место и некоторые советские корейцы были вынуждены давать показания по этому поводу<sup>72</sup>.

В середине января Ким Ир Сен вызвал только что выписавшегося из больницы Пак Ён Вина и в течение трёх часов беседовал

<sup>71</sup> Запись беседы С. Н. Филатова с Пак Ен Бином. 25 февраля 1956 г.

<sup>72</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Ы Ваном (зам. премьера). 24 января 1956 г.

с ним, настаивая на том, чтобы Пак Ён Бин «признал свои ошибки». Вначале Пак Ён Бин отрицал все предъявленные ему обвинения, но в конечном итоге сдался и 18 января выступил перед Политбюро с покаянием. Между тем Пак Чхан-ок упорно отвергал любые обвинения. Во время заседания Политбюро 18 января он попросил разрешения оставить пост Председателя Госплана. Через несколько дней Ким Ир Сен принял его отставку<sup>73</sup>.

При этом на протяжении первых двух месяцев кампания против советских корейцев носила закрытый характер. Как уже отмечалось, официально Декабрьский пленум был посвящён исключительно вопросам сельского хозяйства. Знаменитая речь Ким Ир Сена от 28 декабря («речь о чучхе») оставалась неопубликованной еще несколько лет. «Ошибки» советских корейцев обсуждались на узких собраниях партийных функционеров, знать о которых рядовым партработникам и уж тем более членам партии теоретически не полагалось. Поскольку в ТПК тогда насчитывалось более миллиона членов и поскольку количество партийных работников, имевших доступ к информации о пленуме, исчислялось десятками тысяч, избежать распространения слухов было невозможно, но официально до середины февраля ни о какой кампании объявлено не было. Все события разворачивались за закрытыми дверями, и информация о критике, направленной против советских корейцев, распространялась по конфиденциальным партийным каналам<sup>74</sup>.

<sup>73</sup> Здесь есть известное противоречие. По словам самого Пак Чхан-ока, его отставка произошла сразу после заседания Политического совета 18 января. Пак Чхан-ок не только отчетливо описал детали своей отставки, но и сделал это 12 марта 1956 г. спустя всего лишь три месяца после самих событий, поэтому маловероятно, чтобы у него были проблемы с памятью. Также сомнительно, чтобы он сознательно обманывал своего советского собеседника — информацию о дате отставки было легко проверить (Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чан-оком (заместитель премьера Кабинета Министров КНДР и член Президиума ЦК ТПК). 12 марта 1956 г.). В то же время Масао Ононоги ссылается на распоряжение правительства КНДР (опубликовано 3 марта 1956 г.), которое датирует отставку Пак Чхан-ока 4 января (Masao Okonogi. *North Korean Communism*. P. 187, 204, сноска 30). Не исключено, что распоряжение правительства, формально оформившее отставку, на самом деле было подготовлено задним числом, однако полной ясности с датой отставки Пак Чхан-ока нет.

<sup>74</sup> Следуя советскому образцу, ТПК и иные правящие коммунистические партии имели сложную систему распределения закрытой информации, то есть информации, не предназначенной для беспартийных или в некоторых случаях рядовых членов партии. Существовали закрытые информационные «письма» и «бюллетени» с разным тиражом и разным уровнем доступа. Число людей, имевших доступ к тем или иным закрытым партийным документам, колебалось от нескольких десятков до нескольких десятков тысяч человек.

Возможно, такая политика проводилась из внешнеполитических соображений, ведь открытая атака на партработников из числа советских корейцев могла быть расценена Москвой не просто как наступление на позиции советской фракции в руководстве КНДР, но и как попытка подорвать влияние СССР. Также можно предположить, что открытый конфликт в партии был нежелателен и в связи с подготовкой Третьего съезда ТПК. В любом случае на этом этапе кампания проходила за закрытыми дверями партийных кабинетов.

Уже в январе 1956 г. некоторые советские корейцы сочли создавшееся положение настолько опасным или, по меньшей мере, неблагоприятным для себя, что обратились с формальной просьбой о возвращении в СССР. Согласно установленной тогда процедуре, разрешение на возвращение должно было одновременно выдаваться и корейскими, и советскими властями, хотя, скорее всего, стороны принимали решение независимо друг от друга и лишь потом согласовывали его. Всего с такими заявлениями обратились по меньшей мере семь советских корейцев. Мы не располагаем полным списком тех, кто обратился с такой просьбой, но примечательно, что в число кандидатов на отъезд не вошли самые значительные фигуры в советской группировке, в том числе и жертвы развертываемой кампании — Пак Чхан-ок, Пак Ён-бин или Ки Сок-пок. Это был не первый случай, когда советские корейцы по своей воле возвращались в СССР, но на этот раз число желающих вернуться было необычайно велико.

Похоже, что все эти события не очень взволновали советское посольство, и оно решило оставаться в стороне, хотя некоторые дипломаты, как видно из материалов посольства, отслеживали ситуацию. Не вполне понятно, была ли такая пассивность следствием осознанного политического выбора и стремления не вмешиваться во внутренние дела КНДР или же являлась результатом уже упоминавшегося нежелания большинства советских дипломатов предпринимать рискованные и чреватые последствиями шаги. В ходе кампании некоторые советские корейцы (в частности, Пак Чхан-ок, Пак Ёй-ван и Пак Ён-бин) посещали посольство в надежде найти там поддержку, но эти попытки так и остались безрезультатными. Напротив, 9 февраля, при встрече с Нам Иром (северокорейским министром иностранных дел, одним из немногих советских корейцев, которые дистанцировались от советской фракции уже на самых ранних этапах), советский поверенный в делах А. М. Петров прямо заявил, что «[л]ица, из числа советских корейцев, допустившие проступки, не могут их укрывать путем

выезда в Советский Союз. По нашему мнению, они должны отвечать за проступки на месте и оправдать оказанное им доверие и могут быть использованы на меньшей работе». В тот же день он почти дословно повторил данное заявление самому Ким Ир Сену («Я ответил, что, по мнению Советского правительства, лица, из числа советских корейцев, допустившие проступки, не могут их укрывать путем выезда в Советский Союз. Следовательно, каждый, допустивший проступок, должен отвечать за него на месте и может быть использован на меньшей работе, чем это было до свершения проступка»). В ответ Ким Ир Сен заявил, что в таком случае северокорейские власти не будут выдавать советским корейцам разрешения покинуть КНДР и аннулируют уже выданные разрешения такого рода. Исполнявший обязанности посла А. М. Петров поддержал это решение и зафиксировал свое согласие с Ким Ир Сеном в официальном дневнике<sup>75</sup>.

По-видимому, типичным для тогдашней советской позиции было поведение первого секретаря посольства И. С. Бякова во время его встречи с Сон Чин-пха. Беседа эта состоялась после возвращения Сон Чин-пха после «трудового перевоспитания», куда тот был отправлен за критику культа личности Ким Ир Сена (об этом эпизоде мы уже говорили выше). В ходе беседы Сон Чин-пха попытался поднять вопрос о поведении советских корейцев и об отношении к ним корейцев местных, а также выяснить мнение Бякова о той враждебной позиции, которую власти КНДР заняли в отношении советской группировки и советского влияния в целом. Это были важные, но политически чрезвычайно щекотливые вопросы, и Бяков проявил обычную для своих коллег осторожность: он категорически отказался обсуждать эту тему и заставил Сон Чин-пха замолчать. В официальном отчете о беседе он попытался обосновать свое мнение для начальства. Бяков писал: «Я сделал ему замечание, что он должен с большей ответственностью относиться к своим словам, особенно после того, как ему указали в ЦК ТПК на безответственные разговоры с зав. отделом печати МИД КНДР относительно культа личности в Корее»<sup>76</sup>. Смысл отповеди был очевиден: «Держи свое мнение при себе и не поднимай опасных тем». Сон Чин-пха не стал биться лбом об стену и проявил благоразумие. Как указывает Бяков, выслушав отповедь дипломата, «Сон Дин Фа (Сон Чин-пха. — *А. Л.*) согласился с моим заме-

<sup>75</sup> Дневник временного поверенного в делах А. М. Петрова. 9—15 февраля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

<sup>76</sup> Запись беседы И. С. Бякова с Сон Дин Фа. 15 февраля 1956 г.

чанием и поблагодарил за совет»<sup>77</sup>. Не все работники посольства вели себя таким образом, некоторые из них были готовы, по крайней мере, выслушать своих собеседников до конца, но в доступных нам документах нет упоминаний о том, что посольство каким-либо образом поддерживало советских корейцев или поощряло обсуждение ими проблем культа личности.

Наступление на советских корейцев тем временем продолжалось. 15 февраля кампания против них приобрела новое измерение: она стала публичной, то есть широкая публика была поставлена в известность. До этого критические материалы с нападками на советских корейцев появлялись лишь во внутривнутрипартийных информационных материалах, которые, по крайней мере теоретически, предназначались только членам ТПК. Изменение характера кампании было проведено в наиболее решительной форме: статья с резкой критикой советских «уклонистов» и отчетом об их «ошибках» в литературной политике появилась на первой полосе «Нодон синмун».

Передовые статьи центральных изданий правящих коммунистических партий всегда были важнейшими индикаторами текущих политических тенденций, «голосом власти» в его наиболее чистом виде, так что знающие люди читали их с исключительным вниманием. Статья о прегрешениях советских корейцев по многим параметрам отличалась от обычных публикаций «Нодон синмун» и не могла не привлечь к себе особого внимания. Во-первых, статья эта была заметно больше по объему: она занимала три полные колонки вместо обычных двух. Всего в «Нодон синмун» между 15 января и 15 февраля 1956 г. было опубликовано шестнадцать передовых статей, но такого размера достигали лишь четыре из них. Во-вторых, статья была необычна и своим подходом. Обычно «проблемы», «ошибки», «искажения» и, соответственно, лица, обвиняемые в их совершении, упоминались в нескольких абзацах, скрытых где-нибудь в середине статьи, большая часть объема которой посвящалась очередным «славным победам» или «великим достижениям». Однако в данном случае статья сразу начиналась с описания разнообразных ошибок, якобы имевших место в литературной политике. Уже сам ее заголовок звучал угрожающе: «Искореним ядовитое влияние буржуазной идеологии в литературе и искусстве!» Были нарушены в статье и некоторые другие неписанные традиции официальной печати. Обычно в официальных публикациях имена обвиняемых сановников не упоминались напрямую до тех

<sup>77</sup> Запись беседы И. С. Бякова с Сон Дин Фа. 15 февраля 1956 г.

пор, пока эти сановники не были осуждены и сняты со своих постов. В самом крайнем случае их имена появлялись в печати накануне принятия «оргвыводов». Однако в статье от 15 февраля приводились имена виновных, покровителей «буржуазных писателей». Обвинения и формулировки были непривычно жесткими, как будто упоминавшиеся в статье партработники были уже «разоблаченными врагами народа».

Статья утверждала, что Пак Чхан-ок, Пак Ён-бин, Ки Сокпок, Чон Тон-хёк и Чон Юль всячески восхваляли «буржуазных писателей» Ли Тхэ-чжуна, Ким Нам-чхона и Лим Хва и принижали значение КАРФ (организации левых писателей, которая действовала в колониальный период и в которой начинали свою карьеру Хан Соль-я и некоторые его сторонники). Авторы передовицы настаивали, что эти партийные работники (все без исключения — советские корейцы) «активно участвовали в антипартийных действиях, будучи в идеологическом сговоре с Лим Хва, Ли Тхэ-чжуном, Ким Нам-чхоном и другими агентами клики Пак Хон-ёна», и что, «нападая на верных партии писателей, они активно поддерживали и защищали деятельность Лим Хва»<sup>78</sup>. Последнее обвинение было особенно серьезным, ведь официально Лим Хва считался «американским шпионом». Хо Ка-и (покойный лидер советской фракции) был упомянут в статье в одном ряду с Пак Хон-ёном, лидером уничтоженной внутренней фракции, который также официально был «предателем и американским шпионом». Это был ясный намек на то, что лидер советских корейцев Хо Ка-и тоже вёл подрывную деятельность и мог даже оказаться «изменником» в точном смысле слова. Руководителя советских корейцев не называли «шпионом» напрямую (учитывая его советское происхождение и тесные связи с СССР, такое заявление было бы прямым вызовом Москве), однако его посмертно обвинили в «антипартийной деятельности» (кор. пандань хэньви). Передовая статья от 15 февраля также была первой публикацией корейской открытой печати, которая сообщила населению о том, что на декабрьском пленуме ЦК обсуждались и идеологические вопросы<sup>79</sup>.

Казалось, что эта статья «Нодон синмун» выводила кампанию против советских корейцев на новый уровень. В том же самом номере газете, который по случайному стечению обстоятельств

<sup>78</sup> Лим Хва, выдающийся корейский поэт, подпольщик-коммунист и высокопоставленный функционер Трудовой партии Южной Кореи в 1953 г. был осужден как «японский агент» и «американский шпион».

<sup>79</sup> Нодон синмун. 15 февраля 1956 г.

вышел в первый день работы знаменитого «антисталинского» XX съезда КПСС, появилась и большая (полторы газетных страницы полного формата) статья самого Хан Соль-я. В основе статьи лежала речь, которую Хан Соль-я произнес тремя неделями ранее, 23 января на «собрании активистов литературы, искусства, печати и пропаганды», проходившем в Пхеньяне. Официальный глава северокорейской литературной бюрократии воспользовался возможностью свести старые счеты со своими поверженными соперниками Ким Нам-чхоном, Лим Хва и особенно с недавно попавшим в опалу Ли Тхэ-чжуном. В речи Хан Соль-я также содержались нападки на некоторых других политических и литературных деятелей, включая лидеров советской фракции Хо Ка-и и Пак Чхан-ока: «Несколько раз партия указывала товарищу Пак Чхан-оку на необходимость укрепления партийности в сфере литературы и искусства. К тому же партия неоднократно отмечала и критиковала непартийные действия этих товарищей. Однако товарищ Пак Чхан-ок не выполнил требования партии. Более того, эти товарищи отказались проанализировать свои преступные действия, направленные на прославление и поддержку реакционных писателей и, несмотря на очевидный ущерб [причиненный ими] нашей литературе и искусству, которое пронизано партийным и классовым духом, они по-прежнему пытаются оправдать это [поведение]»<sup>80</sup>.

Для людей, искушенных в сталинистской политической культуре (а именно таковыми людьми по определению и являлось большинство читателей «Нодон синмун»), появление этих публикаций выглядело как сигнал к началу атаки на злополучных руководителей и наводило на мысль о том, что их в недалеком будущем ждет весьма печальная судьба. Однако это было не так. Статьи эти в действительности стали не сигналом к началу открытой атаки, а, скорее, завершением кампании, к тому времени длившейся менее трех месяцев. Выступление Хан Соль-я хоть и было опубликовано 15 февраля, на самом деле состоялось тремя неделями ранее, то есть в самый разгар кампании. Несмотря на то, что «Нодон синмун» продолжала публиковать статьи, касающиеся вопросов литературной политики, активные действия против советских корейцев в конце февраля были внезапно приостановлены. 16 февраля 1956 г. «Нодон синмун» напечатала большую статью Пак Кымчхоля — крупного партийного функционера и члена ЦК ТПК, который вообще-то принадлежал к яньаньской группировке, но с самого начала активно поддерживал Ким Ир Сена. В статье были

<sup>80</sup> Нодон синмун. 15 февраля 1956 г.

описаны ошибки, совершённые «некоторыми партийными руководителями». В первую очередь статья предостерегала от «фракционности», но также и от «семейственности» (кор. качжокчжуыи), «бюрократизма» (кор. кванлэчжуыи) и, как ни странно, от «культы личности». Впрочем, значение этого взрывоопасного термина не разъяснялось, и большинство читателей, скорее всего, восприняли его как ещё одну форму часто критиковавшегося «преклонения перед личностью». Показательно, однако, что ни Пак Чхан-ок, ни литературные проблемы в статье не упоминались вовсе. Не касались их и более поздние публикации «Нодон синмун», направленные против «фракционности»<sup>81</sup>.

Следующие статьи в «Нодон синмун» отражали ту же новую тенденцию. Из них было видно, что кампания внезапно пошла на спад. Передовая статья, вышедшая 24 февраля, снова обрушила гнев на «буржуазных писателей» Лим Хва, Ли Тхэ-чжуна и Ким Нам-чхона, но при этом ни словом не упомянула их предполагаемых покровителей из советской фракции, которые всего лишь неделей ранее подверглись столь яростной атаке<sup>82</sup>. В номере от 1 марта заместитель председателя северокорейского Союза писателей Хон Сун-чхоль, известный приспешник Хан Соль-я, опубликовал большую статью с нападками по адресу все того же злополучного трио писателей с Юга. В статье затрагивались их предполагаемые покровители из советской фракции (возможно, из-за того, что Хон Сун-чхоль был близок к Хан Соль-я, известному противнику советских корейцев), однако проницательные читатели, а многие читатели «Нодон синмун» умели читать между строк, могли заметить две важные особенности этого текста. Во-первых, двое наиболее влиятельных членов советской фракции, Пак Чхан-ок и Пак Ён-бин, вовсе не упоминались в статье, хотя именно они еще совсем недавно воспринимались как главные обвиняемые<sup>83</sup>. Во-вторых, остальных советских корейцев в статье касались только вскользь, мимоходом.

По тому же образцу была построена и статья заметного литературного критика Ом Хо-сока, которая была направлена против

<sup>81</sup> Статья Пак Кым-чхоль (Пак Ким-ч'ол). Нодон синмун, 16 февраля 1956 г. Еще одна статья, подписанная Ким Чхоль-су и весьма похожая по стилю и формулировкам, была опубликована 19 февраля 1956 г.

<sup>82</sup> Нодон синмун. 24 февраля 1956 г.

<sup>83</sup> Согласно статье Хон Сун-чхоль, «защитниками реакционных писателей» были Ки Сок-пок, Чон Тон-хёк, Чон Юль (все — советские корейцы, так или иначе связанные с вопросами культуры или печати). Нодон синмун. 1 марта 1956 г.

«трех реакционных писателей» и которая повилась неделей позже. Ом Хо-сок был фигурой весьма зловещей, и специально изучавшая его деятельность Т. В. Габрусенко с полным основанием назвала его «палачом от литературы». В своей пространной и агрессивной статье Ом Хо-сок заявлял, что у «буржуазных писателей» есть защитники среди партийных работников, но при этом называл только одно имя - Ки Сок-пок<sup>84</sup>. Имена Пак Чхан-ока и Пак Ён-бина снова отсутствовали, так что Ки Сок-пок (намного менее важная фигура как в высших эшелонах пхеньянской бюрократии, так и в советской фракции) оказался в роли единственного виновника.

Именно Ки Сок-поку в конце концов пришлось выступить с «самокритикой» и опубликовать покаянное письмо, которое появилось на страницах в «Нодон синмун»: «Я вступил на ложный путь, восхваляя рассказ Ли Тхэ-чжуна "Бабушка Тигрица" и рассказ Ким Нам-чхона "Мёд", действуя вопреки партийной линии». При этом даже публичное покаяние Ки Сок-пока не было безоговорочным: он осмелился напомнить читателям главной газеты страны, что попавшие в опалу писатели в течение долгого времени пользовались официальным признанием, давая тем самым понять, что не он один виноват в якобы незаслуженно высокой репутации Ли Тхэ-чжуна и Ким Нам-чхона. Язык открытого письма тоже был не совсем обычен для жанра самоуничижительного покаяния, столь распространённого в сталинистской политической культуре<sup>85</sup>. Так или иначе, Ки Сок-пок потерял свое место и стал скромным референтом Министерства культуры (в этой должности он упоминается в посольских документах мая 1956 г.).

Публичное покаяние Ки Сок-пока знаменовало последнюю фазу кампании, которая внезапно завершилась в начале марта. Вслед за этим из печати полностью исчезли критические замечания в адрес советских корейцев, связанные с якобы совершенными ими «ошибками в области литературной политики». Статьи в «Нодон синмун» от 22 марта и 4 апреля еще упоминали об «известных ошибках некоторых руководителей», но при этом ни одного из виновных не называли по имени. Даже Хан Соль-я, регулярно публиковавшийся в то время на страницах «Нодон синмун» (еще один признак его высокого статуса) больше не упоминал советских корейцев в своих диатрибах. В его пространной

<sup>84</sup> Нодон синмун. 7 марта 1956 г.

<sup>85</sup> Там же. 19 марта 1956 г.

статье о положении дел в корейском искусстве, которая появилась в газете 25 марта, не было персональных нападок ни на одного из действующих политиков<sup>86</sup>.

Это внезапная перемена, отразившаяся в официальной прессе, хорошо согласовывается с таким же феноменом, наблюдающимся в документах советского посольства, которые отмечают, что уже с конца января Ким Ир Сен начал сдерживать кампанию против советской фракции. 24 января Пак Чжон-э, которая была одним из самых преданных сторонников Ким Ир Сена, встретилась с Пак Ый-ваном, видным деятелем советской группировки, который подвергся критике вместе с Пак Чхан-оком, и рассказала ему о некоторых новых событиях.

Пак Чжон-э передала Пак Ый-вану слова, которые Ким Ир Сен произнес на последнем заседании Политического совета (Политбюро) ЦК ТПК. В тот же день Пак Ый-ван сообщил советскому дипломату о новом развитии событий. По словам Пак Чжон-э, «тов. Ким Ир Сен выступил на Политсовете и рассказал о неправильном поведении отдельных руководящих работников в отношении советских корейцев. Он предложил провести совещание с советскими корейцами и успокоить их, провести совещание с работниками ЦК и разъяснить им о неправильности поведения отдельных работников в отношении советских корейцев»<sup>87</sup>. Это заявление Ким Ир Сена было первым признаком новой официальной линии в отношении советских корейцев. С этого момента ответственность за кампанию против советских корейцев всё чаще возлагалась на «отдельных работников», на чересчур рьяных партийных руководителей среднего звена, которые якобы и допустили «перегибы» и проявили неуместную активность. При этом ни Ким Ир Сен, ни его окружение не имеет к этому отношения. Пак Чжон-э в своей беседе с Пак Ый-ваном даже заявила, что Ким Ир Сен «обеспокоен сложившейся обстановкой».

Это изменение политической атмосферы стало еще более явным в конце февраля 1956 г. Вскоре после появления в «Нодон синмун» уже упоминавшейся большой статьи с критикой советских корейцев Ким Ир Сен выступил на встрече зав. отделов ЦК ТПК и чле-

<sup>86</sup> Нодон синмун. 22 марта 1956 г. Статья Чан Киль-чжуна «Упрочение единства [партийных] кадров», опубликованная в «Нодон синмун» 4 апреля 1956 г., содержала информацию о собрании пхеньянского комитета ТПК. Статья Хан Соль-я была опубликована в «Нодон синмун» 25 марта 1956 г.

<sup>87</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Ы Ваном (зам. премьера). 24 января 1956 г.

нов Кабинета министров. Там он заявил, что «прибывшие из Советского Союза корейцы сыграли большую роль в нашей революции. В самое тяжелое время для нашей родины они самоотверженно работали на руководящих постах, учили многих из нас новым социалистическим методам работы»<sup>88</sup>. 28 февраля во время встречи с Пак Ый-ваном Ким Ир Сен сказал ему: «Работники, прибывшие из Советского Союза, являются хорошими работниками, и мы слишком много предъявили к ним претензий»<sup>89</sup>. Он снова обвинил «отдельных руководителей», в особенности работников пхеньянского городского комитета ТПК (читай — яньаньскую фракцию), в чрезмерном усердии и в том, что они якобы по собственной инициативе начали выявление прошлых контактов некоторых советских корейцев с Хо Ка-и. В начале марта Пак Чхан-ок (кажется, принимавший заявления Ким Ир Сена за чистую монету), рассказал советскому дипломату: «В феврале я дважды беседовал с т. Ким Ир Сенем по решению Президиума, дважды высказал ему свое несогласие. Скажу, что т. Ким Ир Сен очень тяжело это переживает, просит все забыть и активно работать. Он дал указание всем работникам ЦК прекратить вообще обсуждать эти вопросы»<sup>90</sup>. Эти заявления Ким Ир Сена недвусмысленно указывали на то, что вся декабрьско-январская кампания была ошибкой, отклонением, ответственность за которую возлагалась на излишне ретивых руководителей среднего звена. Вскоре все должно было вернуться в норму.

Пак Чан-ок, как уже говорилось, принимал сожаления Ким Ир Сена за чистую монету или, по крайней мере, старался создать такое впечатление у своего советского собеседника. Он подчеркнул, что отдельные «перегибы» кампании следует считать проявлением излишнего рвения со стороны недоброжелателей и соперников советских корейцев. В частности, он сказал: «Но некоторые работники как видно требуют моего освобождения от зам. премьера и члена Президиума ЦК ТПК. Мне известно, что в армейских газетах ничего не писалось о так называемых наших ошибках, но недавно, несмотря на указания т. Ким Ир Сена, в ряде армейских газет было опубликовано ряд статей, в которых подробно излагается известное решение ЦК ТПК. Мне также известно, что тт. Пак

<sup>88</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Ы Ваном (зам. премьера). 21 февраля 1956 г.

<sup>89</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Ы Ваном (зам. премьера). 21 февраля 1956 г.

<sup>90</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чан-оком (заместитель премьера Кабинета Министров КНДР и член Президиума ЦК ТПК). 12 марта 1956 г.

Кым Чер (Пак Кым-чхоль. — *А. Л.*), Цой Чан Ик (Чхве Чхан-ик. — *А. Л.*) и особенно Цой Ен Ген (Чхве Ён-гон. — *А. Л.*) будут добиваться от т. Ким Ир Сена моего освобождения от занимаемых мною постов»<sup>91</sup>. В этом контексте представляется важным, что все упомянутые Пак Чхан-оком чиновники действительно являлись фракционными соперниками советских корейцев. Чхве Чхан-ик (Цой Чан Ик) был, как мы помним, фактическим руководителем яньаньской группировки, к которой относился и Пак Кым-чхоль (Пак Кым Чер). Даже упоминание армейских газет в этом контексте едва ли является случайностью, так как в то время в командовании северокорейской армии доминировала яньаньская группировка.

И публикации в официальной печати, и документы посольства указывают на то, что в конце февраля кампания против советских корейцев была приостановлена. Это случилось неожиданно, как раз тогда, когда, казалось бы, кампания достигла высшей точки и выплеснулась на страницы открытой печати. Кампания ни в коей мере не исчерпала себя, напротив, она была прервана сознательно и резко. Такая перемена могла быть только результатом продуманного и волевого решения (вероятнее всего, принятого лично Ким Ир Сенем, как свидетельствуют замечания, сделанные им в разговорах с Пак Чан-оком и Пак Ый-ваном). Чем была вызвана столь резкая перемена политического курса? С течением времени новые данные, возможно, прольют дополнительный свет на этот вопрос, сейчас же мы можем сделать несколько предположений.

С самого начала кампания могла иметь весьма ограниченные цели, которые были достигнуты к концу февраля. Влияние ключевых лидеров советской группировки было подорвано, а партработники низшего и среднего звена в очередной раз убедились в том, что высшая власть в партии принадлежит Ким Ир Сену и что никакая иностранная поддержка не гарантирует защиту от его гнева. Кампания также послужила своевременным предупреждением советским корейцам. В то же время Ким Ир Сен не хотел рисковать и идти на открытый конфликт с Москвой, не желая усложнять и без того потенциально непростую ситуацию — а именно к такой конфронтации могло привести продолжение кампании. В советской столице только что прошел XX съезд КПСС, на котором Хрущёв прочитал свой знаменитый «секретный доклад» о политике Сталина.

Сам Ким Ир Сен решил не принимать участия в XX съезде, хотя по информации посольства ряд видных северокорейских ли-

<sup>91</sup> Запись беседы С. Н. Филатова с Пак Чан-оком... 12 марта 1956 г.

дерев (например, Пак Чжон-э) намекали, что личное присутствие Ким Ир Сена на съезде в Москве будет весьма желательным. Ким Ир Сен объяснял такое невнимание к XX Съезду запланированной на тот же год поездкой в Восточную Германию: «На заседании Политсовета т. Пак Ден Ай выступила с предложением послать на XX съезд т. Ким Ир Сена, но т. Ким Ир Сен выступил против этого предложения. Он указал, что им дано согласие т. Отто Гротеволу посетить Г.Д.Р. летом этого года и что выезжать из страны два раза в одном году не представляется возможным»<sup>92</sup>. Высказанное Ким Ир Сеном объяснение трудно принять за чистую монету, поскольку мы знаем, что запланированная на лето поездка включала не только Восточную Германию, но и все восточноевропейские социалистические страны, а также Монголию, и что она была необычайно длительной (около семи недель).

Корейскую делегацию на XX съезде КПСС возглавил Чхве Ёнгон, прочно удерживавший позиции «второго номера» в пхеньянской официальной иерархии. Другими членами делегации были Хо Пин, председатель провинциального комитета ТПК Сев. Хамгён, и Ли Хё-сун, глава кадрового отдела ЦК ТПК. В состав делегации официально вошел и посол в Москве Ли Сан-чжо («Ли Сан Чо») <sup>93</sup>.

Решив приостановить кампанию против советских корейцев, Ким Ир Сен почти наверняка учитывал и приближавшийся Третий съезд ТПК, который был назначен на апрель 1956 г. Сенсационные новости, приходящие из Москвы, оказывали немалое влияние на северокорейских чиновников. Открытая критика Сталина стала сильным ударом по мировоззрению большинства партийных активистов. Описывая общее настроение северокорейской партийной элиты советскому дипломату, Пак Чхан-ок в марте 1956 г. отмечал: «Руководящий состав партии [...] в данное время изучает решения и материалы XX съезда КПСС; всюду идут беседы по вопросам культа личности». У него сложилось впечатление, что большинство вовлеченных в дискуссии предпочитали не выражать определенного мнения по этому щекотливому вопросу («большинство

<sup>92</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Ы Ваном (зам. премьера). 24 января 1956 г.

Как мы теперь знаем, поездка Ким Ир Сена в восточную Германию стала лишь частью его продолжительного турне по Советскому Союзу и большинству других социалистических стран Европы. Мы не знаем, когда и при каких обстоятельствах был расширен изначальный скромный план посещения восточной Германии.

<sup>93</sup> Нодон синмун. 14 марта 1956 г.

руководящих работников пока отмалчиваются»). Впрочем, при сложившихся обстоятельствах это было вполне оправданной позицией!<sup>94</sup> Поэтому не исключено, что Ким Ир Сен пришел к выводу, в столь напряженной и неопределенной ситуации было бы неблагоразумно продолжать кампанию против советских корейцев. Ким Ир Сен был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы третий съезд ТПК прошел без осложнений, и стремился разрядить обстановку.

Ким Ир Сен предпринял и более радикальные шаги по снижению напряженности в высших слоях партийного руководства. В феврале 1956 г. северокорейский лидер, долгое время отрицавший очевидное - существование в КНДР его собственного культа личности, — неожиданно изменил точку зрения и выступил с «самокритикой», которая граничила с покаянием. 18 февраля Ким Ир Сен выступил с большой речью перед вице-премьерами кабинета министров и зав. отделами ЦК ТПК, то есть перед 15—20 высшими чиновниками страны. Как позже отмечал в беседе с советским дипломатом Пак Ый-ван, Ким Ир Сен заявил, «что за последнее время в устной и печатной пропаганде неправильно освещается вопрос о роли личности в развитии истории человеческого общества. Он указал, что во всех газетах и журналах очень много упоминается о его имени, много приписывается того, что им не сделано. Это противоречит марксистско-ленинской теории, которой руководствуется наша партия в своем развитии, это приводит к неправильному воспитанию членов партии. Ким Ир Сен потребовал от зав. отделами ЦК ТПК провести необходимую работу по этому вопросу и добиться правильного освещения вопроса о роли личности и народных масс в развитии общества» (стиль подлинного документа)<sup>95</sup>. Какой бы умеренной ни была эта речь, она представляла собой официальное признание того, что в КНДР имеется культ личности, равно как и того обстоятельства, что в центре находился именно Ким Ир Сен!

Это заявление Ким Ир Сена и его примирительные жесты в отношении советских корейцев совпали с заметным изменением тона и стиля официальных публикаций. В частности, именно с конца февраля пресса перестала использовать термин «вождь» (сурёнъ) в отношении Ким Ир Сена. Как уже упоминалось, персональные нападки на советских корейцев резко прекратились после 20 февраля. Совпадение это не могло быть случайным.

<sup>94</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чан-оком (заместитель премьера Кабинета Министров КНДР и член Президиума ЦК ТПК). 12 марта 1956 г.

<sup>95</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Ы Ваном (зам. премьера). 21 февраля 1956 г.

Наблюдателям-современникам вполне могло показаться, что заявление Ким Ир Сена от 18 февраля означало решительный поворот в северокорейской политике по отношению к «культу личности». Однако это заявление не носило публичного характера, и было адресовано ограниченному кругу высших сановников. Как мы увидим, за заявлением 18 февраля последовало несколько иных, весьма похожих по содержанию заявлений Ким Ир Сена, однако они не привели к сколько-нибудь существенным переменам в корейской внутренней политике. Вся эта самокритика была не отражением трансформации взглядов Ким Ир Сена на свою собственную роль, а являлась продуманным тактическим маневром, направленным на снижение внутривластной напряженности. Посредством такой самокритики Ким Ир Сен давал понять, что способен признавать свои ошибки и исправлять их. Таким образом он заставлял своих потенциальных оппонентов занять выжидательную позицию. Некоторых северокорейских руководителей либерального склада тревожил авторитарный стиль и культ личности Ким Ир Сена. Они хотели использовать изменения в международной обстановке для того, чтобы сделать общество Северной Кореи более терпимым и менее репрессивным. Немало людей в руководстве КНДР были подвижны, как можно предполагать, не столь альтруистическими мотивами, но и они желали перемен, рассчитывая использовать их в своих целях. Однако Ким Ир Сен своим заявлением продемонстрировал, что он сам собирается исправить свои прошлые ошибки. После подобного признания какие-либо решительные акции со стороны недовольных выглядели бы излишними, и это позволяло Ким Ир Селу выиграть время. Как мы увидим, позже Ким Ир Сен применит ту же тактику еще раз - и с немалым успехом.

Впрочем, мы не можем быть полностью уверенными в том, что и этим, и другими подобными заявлениями Ким Ир Сен хотел только выиграть время. Нельзя полностью исключить и другую возможность: в течение какого-то времени он мог всерьез подумывать о том, как использовать в своих интересах или, по крайней мере, взять под контроль нарастающий поток десталинизации - и самому встать во главе движения. В некоторых странах Восточной Европы, особенно в Чехословакии, Албании и Румынии, бурные годы десталинизации почти не затронули позиций местных лидеров. В этих странах руководители пошли на ограниченные уступки новому московскому курсу и сумели сохранить свои личные политические позиции, при этом на словах признавая идеалы «коллективного руководства», «борьбы с культом лично-

сти» и «мирного сосуществования». В случае с Албанией и Румынией сталинизм (в его националистической форме) возродился в 1960-х гг., но в конце 1950-х гг. лидеры обеих этих стран официально заявляли о неприятии культа личности и сопутствующих ему пороков. Похожую стратегию выбрал и Червенков в Болгарии, хотя в конечном счете покаянные заявления не предотвратили отстранение Червенкова от власти его противниками. В любом случае, лидеры всех этих стран превосходно воспользовались «новым стилем» и иногда, как в случае с Червенковым, официально признали «ошибки» возглавляемых ими режимов. Правда, эти признания прозвучали открыто и публично, а не за закрытыми дверями, как признания Ким Ир Сена весной и летом 1956 г.<sup>96</sup> Подобная тактика помогла выжить в беспокойные годы некоторым восточноевропейским диктаторам, так что такой исход был в принципе возможен и для Северной Кореи. Однако Ким Ир Сен (даже если он действительно рассматривал такую возможность) в конечном итоге выбрал другой путь.

По-видимому, именно в связи с этой сложной интригой в начале апреля в корейской официальной печати было опубликовано несколько больших критических статей, посвященных культу личности Сталина. Эти статьи не были написаны корейскими авторами, а представляли собой перевод публикаций, появившихся в советских и китайских официальных изданиях. Это вполне понятно, так как выражение индивидуального мнения по столь щекотливому вопросу было бы опасным. Это, в частности, могло быть воспринято как прямое вмешательство во внутреннюю политику «старшего брата». Помимо этого, рассмотрение проблемы «культа личности» могло быть воспринято как завуалированная критика самого Ким Ир Сена, что было еще более рискованным. Тем не менее переводные статьи на темы «культа» все-таки стали появляться в печати с весны 1956 г. Помимо всего прочего, именно из этих статей северокорейские читатели впервые получили возможность узнать истинное значение самого термина «культ личности»<sup>97</sup>. Рань-

<sup>96</sup> О болгарских событиях и поведении В. Червенкова подробнее см.: John Bell. *The Bulgarian Communist Party from Blagoev to Zhivkov*. Stanford: Hoover Institution Press, 1986. P. 112-118.

<sup>97</sup> Нодон синмун. 5 апреля, 8 апреля 1956 г. Статья от 5 апреля была перепечатана из «Правды», от 8 апреля — из «Жэньминь жибао». Любопытно, что подбор статей отражал характерное для тех времен стремление соблюдать дипломатический баланс в отношениях с главными покровителями: перепечатывались и советские, и китайские материалы, статьи были напечатаны с небольшим интервалом, причем перевод советской статьи появился первым.

ше, если он вообще упоминался в северокорейской печати, то объяснялся в самых туманных выражениях, так что его легко можно было перепутать с давно критиковавшейся и давно осужденной «теорией индивидуального героизма». Очень возможно, что попытки затуманить смысл данного взрывоопасного выражения предпринимались совершенно сознательно<sup>98</sup>.

Кроме того, северокорейская пресса достаточно много писала о работе XX съезда КПСС и, в частности, публиковала все основные выступления, которые прозвучали на съезде. В этом обстоятельстве не было ничего удивительного - несмотря на все попытки ограничить советское влияние, инерция прежних установок давала себя знать, и такое событие, как партийный съезд в СССР, должно было тщательно освещаться прессой. Разумеется, знаменитый «секретный доклад» Н. С. Хрущёва в «Нодон синмун» не появился и появиться не мог (он формально считался секретным еще несколько десятилетий). Однако и открытые для широкой общественности выступления советских руководителей содержали в себе достаточно негативные оценки деятельности И. В. Сталина.

Кампания против советских корейцев сопровождалась мероприятиями, направленными на ослабление советского культурного и политического влияния в стране. Несмотря на то, что кампания против советских корейцев была прекращена к началу марта, меры по ограничению советского влияния продолжались и даже усиливались на протяжении всей первой половины 1956 г. Это показывало, что решение приостановить кампанию против советских корейцев в конце февраля 1956 г. было тактическим, а вот политика ограничения советского влияния, напротив, носила стратегический характер.

Прежде всего власти Северной Кореи приняли меры по ограничению советского влияния на внутреннюю политику. На протяжении первого десятилетия истории КНДР частые личные контакты советских корейцев с сотрудниками советского посольства

<sup>98</sup> Примером такого вводящего в заблуждение использования данного термина может служить «Нодон синмун» за 16 февраля 1956 г. В этот день официальная корейская газета опубликовала статью известного нам Пак Кымчхоля, посвященную «искажениям» и «ошибкам» в политике партии. Среди прочих «ошибок» упоминался и «культ личности», однако объяснение этого взрывоопасного термина давалось в таких туманных выражениях, что для несведущего читателя он выглядел просто как еще одно выражение для описания т. н. «теории индивидуального героизма». В статье парадоксальным образом сочетались нападки на «культ личности» и цитаты из Сталина, все еще типичные и даже обязательные для северокорейской прессы.

воспринимались как норма и в целом приветствовались. В новых условиях такое тесное взаимодействие все чаще рассматривалось как нежелательное и подозрительное. В начале мая 1956 г. советским корейцам запретили посещать посольство по своей инициативе и без надлежащих разрешений корейских инстанций. По словам Пак Ый-в<sup>на</sup>, еще в декабре 1955 г. Ким Ир Сен, обращаясь к пленуму Центрального Комитета, иронически заметил: «некоторые советские корейцы, как только начнешь их критиковать, то они обязательно идут в советское посольство»<sup>99</sup>.

В мае 1956 г. Пак Киль-ён, бывший тогда северокорейским послом в Восточной Германии, рассказал советскому дипломату о недавно введенных ограничениях, касающихся контактов с иностранными представителями. В соответствии с новой системой, если корейский чиновник желал встретиться с иностранцем, он должен был сначала получить специальное разрешение от вышестоящих инстанций. Следует напомнить, что граждан западных государств в Пхеньяне в тот период попросту не было. КНДР тогда поддерживала дипломатические отношения только с государствами социалистического лагеря, большинство из которых было представлено очень небольшими официальными миссиями. Поэтому в 1956 г. единственными, кто мог в Пхеньяне попасть в категорию «иностранцы», были русские и китайцы. Очевидно, что новые правила имели политический подтекст и были призваны затруднить неконтролируемое взаимодействие между высокопоставленными северокорейскими функционерами и ближайшими союзниками и покровителями Пхеньяна. Следует отметить, что выдача разрешений на контакт с зарубежными дипломатами была возложена на Пак Кым-чхоля, который с немалым подозрением относился и к советским корейцам, и к советском влиянию в целом. Пак Киль-ён упомянул, что в ближайшем окружении Ким Ир Сена советских корейцев иногда называли «советскими агентами»<sup>100</sup>. В этом описании, надо признать, было зерно истины, но такие выражения были совершенно немыслимы несколькими годами ранее.

Кстати, посольства других социалистических стран столкнулись с похожими проблемами гораздо раньше, уже в 1954 г. Например, в конце 1954 г. венгерские дипломаты стали жаловаться, что все их

<sup>99</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Ы Ваном (зам. премьера). 29 февраля 1956 г.

<sup>100</sup> Запись беседы В. И. Иваненко (первый секретарь Дальневосточного отдела МИД СССР) с Пак Киль-еном (посол КНДР в ГДР). 17 мая 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

встречи с представителями северокорейских организаций в обязательном порядке проходят в присутствии представителя МИДа КНДР. С этого же времени начались и частые замены работающего в «дружественных» посольствах персонала. Можно предположить, что эти замены были призваны не допустить возникновения излишне тесных отношений между дипломатами и их корейским обслуживающим персоналом. Уже в декабре 1953 г. один из венгерских дипломатов заметил: «Я бы рискнул сказать, что изоляция посольства [в Корее] более выражена, чем даже в странах Запада»<sup>101</sup>. Годом позднее другой венгерский дипломат сообщил своему руководству: «Корейские товарищи - я имею в виду товарищей по партии — несколько боятся поддерживать отношения с членами иностранного дипломатического корпуса»<sup>102</sup>.

Были и другие признаки того, что северокорейские власти стремятся снизить степень советского воздействия на различные сферы жизни. Особенно это касалось сферы искусства и гуманитарных наук, где с 1945 г. советское влияние было весьма значительным и где, следует добавить, националистические эксперименты были менее рискованными, чем в области науки и техники. Некоторое «теоретическое основание» для этой политики содержалось уже в «речи о чучхе» Ким Ир Сена, которая как раз в это время активно изучалась парработниками в закрытом порядке. 18 марта «Нодон синмун» опубликовала передовую статью под заголовком «Против догматизма и формализма», которая, по сути, представляла собой конспект «речи о чучхе». На следующий день (и на одной странице с вынужденным покаянием Ки Сок-пока) в «Нодон синмун» была напечатана статья о прошедшем в Пхеньяне «собрании деятелей искусства», в которой содержались необычно резкие нападки на «иностранный культурный влияние». Статья жестко критиковала корейских певцов, якобы предпочитавших арии и романсы «иностранного композитора» исконным корейским песням, и требовала пополнения театрального репертуара национальными произведениями<sup>103</sup>. Чтобы понять истинный смысл этого замечания, нужно вспомнить, что западного влияния на северокорейскую культурную жизнь 1950-х гг. почти не было. Весной 1956 г. на корейской сцене не исполнялись бродвейские мюзиклы и не звучал французский шансон. В культурном контексте КНДР середины 1950-х гг. слово «иностранный» могло означать только или «русский/совет-

<sup>101</sup> Balazs Szalontai. Kim И Sung in the Khrushchev Era. P. 54-55.

<sup>102</sup> Ibid. P. 57.

<sup>103</sup> Нодон синмун. 19 марта 1956 г.

ский» или «китайский», причем китайское культурное влияние было сравнительно скромным, а вот произведениями русских и советских авторов северокорейский театральный и концертный репертуар действительно был перенасыщен. Именно это обстоятельство вызвало раздражение автора статьи, опубликованной в главной официальной газете страны. Эта статья была одной из первых, если не самой первой, открытой атакой прессы КНДР на чрезмерное иностранное (читай - советское) влияние и являлась явным признаком грядущих перемен в отношениях Пхеньяна с его главным покровителем.

С другой стороны, именно в это время в КНДР стали опять уделять несколько больше внимания исконным национальным традициям, в том числе и таким, которые незадолго до того считались «реакционными» и «феодальными». В начале 1955 г. корейская печать стала позитивно отзываться о традиционных школах живописи, и картины, написанные в традиционной манере, начали появляться на художественных выставках (до этого в КНДР долгое время господствовала живопись маслом в стиле сталинского «социалистического реализма») <sup>104</sup>.

По-видимому, развитию националистических тенденций немало способствовал Хан Соль-я, ставший в мае 1956 г. министром образования. Как уже упоминалось, главный босс северокорейской литературы тогда воспринимался как последовательный противник советских корейцев и советского влияния. Такая позиция могла быть отражением скрывавшихся до поры националистических воззрений самого Хан Соль-я, но куда более вероятным представляется, что Хан Соль-я в очередной раз продемонстрировал свое сверхъестественное политическое чутье и свою замечательную способность подстраиваться под надвигающиеся перемены. В конце концов никакой национализм не мешал Хан Соль-я в конце 1940-х гг. славить «великих советских друзей, освободителей Кореи», а несколькими годами ранее - писать не менее прочувствованные тексты о солдатах микадо.

В феврале 1956 г. было принято решение о сокращении ретрансляции радиопрограмм на корейском языке из Москвы. До этого советские программы ретранслировались местными радиосетями, но после февраля время на трансляцию было резко сокращено. Когда советский поверенный в делах спросил Хо Чжон-сук (бывшую тогда министром культуры и пропаганды КНДР) о причинах такого сокращения, она ответила, что северокорейские радиовеща-

<sup>104</sup> Balazs Szalontai. Kim И Sung in the Khrushchev Era. P. 79.

тельные службы будут использовать освободившиеся мощности для трансляции пропагандистских программ, предназначенных для населения Юга<sup>105</sup>. Естественно, дипломат не протестовал.

От кампании по борьбе с советским влиянием пострадало и корейское Общество культурных связей с заграницей (КОКС, созданный по образцу тогдашнего советского ВОКСа, предшественника Союза обществ дружбы с зарубежными странами). Несмотря на ее название, с самого начала первоочередной задачей этой организации было именно распространение советской культуры, а не «международный культурный обмен» как таковой. Общество было одним из главных каналов проникновения советской культуры в Северную Корею. В конце 1940-х - начале 1950-х гг. оно было одним из влиятельнейших учреждений, весьма непохожим на обычное «общество дружбы». Однако в конце 1955 г. была проведена «реформа» общества, которая серьезно ослабила его политическое значение. Уездные отделения общества были закрыты, сбор членских взносов прекращен, а контроль над весьма прибыльной издательской деятельностью был передан в ведение Министерства культуры и пропаганды. В результате доходы сократились в десять раз. Соответственно резко снизилось и его влияние<sup>106</sup>.

Стоит упомянуть и о том, что в 1956 г. не состоялся «месячник советско-корейской дружбы», пышный фестиваль советской культуры, с 1949 г. занимавший важное место в официальном культурном и политическом календаре КНДР и проводившийся даже во время войны. Об этом решении сообщил А. М. Петрову Ли Ки-ён (известный в СССР как Ли Ги Ен), знаменитый романист, который тогда по совместительству являлся и председателем Общества корейско-советской дружбы. Показательно, что Ли Ки-ён даже не попытался объяснить причины, по которым было принято такое решение<sup>107</sup>. Вскоре традиция «месячников» возобновилась, но проходили «месячники советско-корейской дружбы» с гораздо меньшим размахом.

Показательно, что резкое прекращение кампании против советских корейцев, на которое пошел Ким Ир Сен в конце февраля,

<sup>105</sup> Дневник временного поверенного в делах А. М. Петрова. 17 февраля — 2 марта 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

<sup>106</sup> Дневник временного поверенного в делах А. М. Петрова. 17 февраля — 2 марта 1956. Запись беседы И. С. Бякова (первый секретарь посольства) с Ли Хо Гу (заместитель председателя Центрального правления КОКС). 18 февраля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

<sup>107</sup> Дневник временного поверенного в делах А. М. Петрова. 19 июня - 10 июля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

не внесло существенных изменений в новую культурную политику. В начале весны 1956 г. Ким Ир Сен рассыпался в благодарностях Советскому Союзу и советским корейцам и возлагал вину за недавние преследования на излишне ретивых чиновников, но его правительство тем временем планомерно продолжало работу по ограничению советского культурного влияния. Весной 1956 г. Центральный Комитет ТПК отдал распоряжение воздерживаться от постановки новых советских пьес в корейских театрах — несколькими годами ранее такое невозможно было представить. Был закрыт Пхеньянский институт иностранных языков, где 80 % студентов изучали именно русский язык. Студенты закрытого института были переведены в Университет Ким Ир Сена. Как сообщил сотрудникам посольства министр строительства Ким Сын-хва, Хан Соль-я предложил сократить преподавание русского языка в учебных заведениях. Начиная с весны 1956 г. русский язык перестали преподавать на третьем и четвертом курсах непрофильных северокорейских вузов<sup>108</sup>. При просмотре «Нодон синмун» за весну 1956 г. можно заметить, что в эти месяцы несколько сократилось количество журнальных и газетных статей о Советском Союзе, хотя по сравнению с последующими десятилетиями оно оставалось значительным. Все это показывало, что линия на ограничение советского влияния и отстранение его наиболее активных проводников оставалась важной составной частью политической стратегии Ким Ир Сена и его окружения и что кампания против советской группировки не была ни случайностью, ни тактическим маневром.

<sup>108</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Ким Сын-хвэ (министр строительства). 24 мая 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

### 3. ТРЕТИЙ СЪЕЗД ТПК

Невозможно с полной уверенностью сказать, действительно ли Ким Ир Сен решил приостановить кампанию против «ошибок в литературной политике» именно потому, что опасался осложнений в ходе работы предстоящего третьего съезда ТПК, однако это представляется весьма вероятным. Неизвестно и то, насколько эти его опасения были обоснованы. Его главная цель, скорее всего, лежала в плоскости внешней, а не внутренней политики и состояла в том, чтобы ослабить советское влияние на северокорейские дела, избегая при этом прямой конфронтации с Москвой. Ослабление внутренней напряженности накануне партийного съезда было, скорее всего, вторичной задачей.

Третий съезд Трудовой партии Кореи проходил в Пхеньяне с 23 по 29 апреля 1956 г. Принятый в 1946 г. первый устав ТПК предписывал созывать партийные съезды ежегодно, а в 1956 г. этот период был официально увеличен до четырех лет. На практике эти положения не соблюдались: за всю историю ТПК ни один ее съезд так и не собрался в положенные по уставу сроки. В период между 1946 г. и 2006 г. средний интервал между съездами составлял десять лет, причем после 1980 г. партийные съезды вообще не собирались ни разу.

К 1956 г. со времени предыдущего второго съезда ТПК (март 1948 г.) прошло восемь лет. Эти годы были временем потрясений и перемен как в самой Корее, так и за ее пределами. Корейская война создала совершенно новую политическую ситуацию и радикально изменила положение северокорейского режима. Постепенное усиление власти Ким Ир Сена и разгром внутренней группировки в партийном руководстве привели к важным изменениям в расстановке политических сил. Так как съезд официально считался высшим органом партии, то, по тогдашним представлениям, его созыв был необходим для легитимизации новой политической линии и для придания законности новым учреждениям, сформировавшимся после Корейской войны.

В работе съезда приняло участие 914 делегатов (избрано было 916), которые представляли 1,16 миллиона членов ТПК. К тому времени членом партии был каждый десятый кореец - необычно высокий процент по тогдашним меркам социалистического лагеря. В то же самое время среди самих делегатов была велика доля представителей партийно-государственной бюрократии. На третьем съезде ТПК ровно половина делегатов (50,6 %) было представителями аппарата: 34,5 % составляли освобожденные партийные работники, 13,1 % — работники государственных учреждений и 3 % — работники общественных организаций<sup>109</sup>. В такой пропорции нет ничего неожиданного: например, на XXI съезде КПСС (январь 1959 г.) партийные, государственные и комсомольские аппаратчики также составляли примерно половину всех делегатов (598 из 1269)<sup>110</sup>.

На ранних этапах истории коммунистического движения (в частности, в СССР первых послереволюционных лет) партийные съезды часто служили местом горячих дискуссий, в ходе которых откровенно обсуждались важные вопросы политической стратегии. Однако к концу 1940-х гг., то есть к тому времени, когда КНДР заимствовала сталинскую государственную структуру и ее аппаратные традиции, партийные съезды в СССР потеряли свое изначальное значение и превратились в формализованные помпезные мероприятия. Вся реальная работа по подготовке съезда и его решений проводилась партийной бюрократией ещё до его созыва, а на самом съезде отобранные той же партийной бюрократией делегаты автоматически утверждали все вынесенные на обсуждение съезда предложения и назначения — причем решения всегда принимались единогласно. В этой обстановке функция партийных съездов стала в значительной мере (если не исключительно) церемониальной. Съезд должен был продемонстрировать легитимность партийно-государственного руководства и ту поддержку, которую ему оказывали «массы». Съезды играли и другую роль - они предоставляли партийным и государственным лидерам возможность публично дать оценку текущей ситуации и сделать важные политические заявления относительно курса, которого они были намерены придерживаться в будущем. В противовес закрытым для публики пленумам ЦК, заседания съезда были открытыми. За редкими исключениями, все доклады и выступления публиковались в официальной прессе, заседания транслировались в пря-

<sup>109</sup> Нодон синмун. 26 апреля 1956 г. Данные из доклада Лим Хэ, председателя мандатной комиссии.

<sup>110</sup> Комсомольская правда. 30 января 1959 г. Использован текст с сайта oldgazette.ru.

мом эфире по радио, а в более поздние времена - и по телевидению<sup>111</sup>. Кроме того, после 1945 г. съезды стали также удобной формой межпартийной и межгосударственной дипломатии, так как обычно на них присутствовали делегации десятков «братских стран». Во время съезда высокопоставленные партийные руководители без труда могли встречаться и в рабочем порядке обсуждать текущие проблемы, не привлекая к своим контактам особого внимания и при необходимости проводя многосторонние консультации. Например, как мы увидим позже, некоторые важные вопросы, касающиеся Северной Кореи, рассматривались в ходе съезда Компартии Китая, который проходил в Пекине в сентябре 1956 г. Кстати сказать, делегации «братских партий» впервые появились именно на третьем съезде ТПК (на первом и втором съезде иностранных представителей не было).

Сейчас мы знаем, что традиция ритуальных и предельно формализованных партийных съездов практически без изменений существовала вплоть до окончательного краха ленинистского социализма в конце 1980-х гг. Тогда же, сразу после XX съезда КПСС в середине 1950-х гг., в атмосфере неопределенности и всеобщего возбуждения нельзя было исключить возможность того, что съезд выйдет из-под контроля и начнут обсуждаться важные политические вопросы - ведь формальные положения Устава ТПК делали такой поворот событий вполне возможным. Поэтому весной 1956 г. Ким Ир Сен не мог быть полностью уверен в том, что на предстоящем съезде не будет предпринято попыток открыто критиковать его политический курс.

Как мы знаем, этого не произошло, и в итоге Третий съезд ТПК оказался еще одним шаблонным мероприятием. В соответствии с твердо установленным ритуалом, некогда заимствованным из советской практики, съезд начался пространным «докладом Центрального Комитета». Обычно с таким докладом выступал высший руководитель партии, и на третьем съезде ТПК в этой роли закономерно оказался Ким Ир Сен. Доклад был настолько велик по объему, что его полный текст в «Нодон синмун» занял семь газетных страниц полного формата. Ким Ир Сен начал с обзора международного и внутреннего положения КНДР, а затем перешел к рассмотрению партийных проблем. Значительная часть его доклада

<sup>111</sup> Исключения из этого правила существовали, но были весьма редки. Например, Хрущёв сделал свой знаменитый антисталинский доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС; при Мао некоторые съезды китайской компартии были тайными и т. д. Тем не менее это были исключения. Ритуальный и символический характер съездов неизбежно делал их мероприятиями публичными и открытыми.

представляла собой пространный очерк истории ТПК. В частности, Ким Ир Сен подчеркнул особую роль парторганизаций Севера после 1945 г. (в противовес парторганизациям Юга, которые находились под контролем низверженных лидеров внутренней группировки), и высказал ряд стандартных обвинений в адрес Пак Хон-ёна и других бывших южнокорейских подпольщиков. Досталось в речи и жертвам иных репрессивных кампаний, в том числе и Хо Ка-и, бывшему лидеру советской группировки, который покончил с собой (или был убит) в 1953 г. Ким Ир Сен утверждал, что главным их прегрешением была «фракционность», то есть несогласие с «правильной» партийной линией, олицетворением которой, конечно же, являлся он сам и его сторонники. Официально Пак Хон-ён и другие южнокорейские коммунистические лидеры были приговорены к смерти как «американские шпионы». Однако показательно, что в докладе Ким Ир Сена на третьем съезде ТПК обвинения в «шпионаже» упоминались лишь мимоходом, тогда как главный акцент делался на «раскольнической деятельности» поверженных руководителей. Осторожность Ким Ир Сена могла быть вызвана тем, что среди его аудитории находились люди, некогда лично знавшие Пак Хон-ёна и его репрессированное окружение. Они могли скептически отнестись к обвинениям в шпионаже, тогда как обвинения во фракционализме звучали гораздо более правдоподобно (и, в общем-то, соответствовали истине).

В тех частях своего выступления, которые затрагивали наиболее опасные проблемы, связанные с набиравшей силу десталинизацией и реформаторским движением в странах социалистического лагеря, Ким Ир Сен воспользовался любопытными политико-риторическими приёмами. В особой степени это проявилось в том, как в докладе трактовался такой деликатный термин, как «культ личности». Ким Ир Сен употреблял этот термин в связи с поверженными соперниками, коммунистами Юга, которые якобы насаждали в партии «культ личности» своих вождей. Он пояснил, что если Северная Корея и знала «культ личности», то это был культ Пак Хон-ёна и его сторонников. Это замечание имело под собой некоторую основу, так как культ Пак Хон-ёна в конце 1940-х гг. действительно существовал в Коммунистической (позже — Трудовой) партии Южной Кореи. Насаждение культа личности вождя было обычной практикой любой коммунистической партии этого периода. Тем не менее культ Пак Хон-ёна (даже в ранние периоды истории ТПК) имел гораздо меньший масштаб, чем культ самого Ким Ир Сена, который в КНДР начал формироваться очень рано и быстро приобрел масштабы, исключительные даже по меркам тех

лет. В целом же Ким Ир Сен старался не использовать этот взрывоопасный термин слишком часто и даже не упомянул о «культе личности», говоря о недавнем XX съезде КПСС. Другой популярный советский лозунг — «коллективное руководство» — вообще не встречался в пространном докладе Ким Ир Сена<sup>112</sup>. Примечательно и то обстоятельство, что на следующий день после произнесения Ким Ир Сенем его доклада передовая статья «Нодон синмун» упоминала «культ личности» исключительно в связи с осужденными южанами и, конечно же, только применительно к лидерам низвергнутой внутренней группировки. Однако в передовой статье все-таки был использован термин «коллективное руководство», которого Ким Ир Сен избежал в своем докладе<sup>113</sup>.

Другой важной особенностью как доклада, так и съезда в целом, были акценты на необходимости быстрого развития тяжелой промышленности КНДР. Начиная с 1920-х гг. экономическая политика коммунистических партий в ее сталинистском варианте основывалась на тезисе о необходимости развития тяжелой индустрии любой ценой, в том числе и за счет индустрии легкой. В СССР с середины 1950-х гг. баланс начал заметно смещаться в сторону легкой промышленности и сферы потребления. Эти перемены были отражением идей, проявившихся после смерти Сталина. Политика Сталина, направленная на быстрое развитие тяжелой промышленности всеми средствами и любой ценой, в том числе и ценой массовых жертв, стала рассматриваться как устаревшая, неэффективная с экономической точки зрения. Для коммунистических режимов Восточной Европы, не слишком стабильных и не слишком популярных среди собственного народа, такая стратегия таила в себе и дополнительные внутривластные опасности, так как ее неизбежным результатом было недовольство населения, с которым местное руководство уже не могло и не хотело бороться старыми сталинскими методами. С середины 1950-х гг. социалистические страны Восточной Европы начали постепенно снижать темпы развития тяжелой индустрии и направлять освободившиеся средства в легкую промышленность и в сельское хозяйство. В подобных условиях яв-

<sup>1.2</sup> Хотя Ким Хак-чжун и отмечает, что речь Ким Ир Сена на III съезде публиковалась реже, чем его выступления на других партийных съездах, несколько раз ее печатали полностью. В настоящей книге использован текст, напечатанный в «Нодон синмун» во время работы съезда, так как он представляется наиболее аутентичным.

<sup>1.3</sup> Нодон синмун. 25 апреля 1956 г. Интересно, что в передовой статье термин «коллективное руководство» переводился как «чипчхе чидо», а не как «чипдан чидо» (вариант перевода, который впоследствии стал стандартным).

ное намерение Ким Ир Сена осуществить ускоренную индустриализацию в сталинском стиле выглядело анахронизмом, а то и прямым вызовом той официальной стратегии, которую проводил «неурушимый социалистический лагерь, возглавляемый СССР».

Также на съезде выступили секретарь ЦК ТПК Пак Чон-э и Ли Чу-ён, тогда занимавший пост председателя Центральной Контрольной Комиссии. Последний представил обычный и не слишком примечательный отчет, посвященный, главным образом, численности партии и ее финансам, тогда как Пак Чжон-э кратко ознакомил делегатов с предстоящими изменениями в партийном Уставе. Изменения эти были минимальными. В частности, предусматривалось увеличение интервала между партийными съездами (которые все равно никогда не созывались в срок). Прежняя трехуровневая структура высшего руководства (Центральный Комитет - Президиум - Политический Совет) заменялась более обычной для советской практики двухуровневой системой, с Президиумом в роли высшего исполнительного органа партии, а на практике и всего государства. Так же, как его советский двойник, Политбюро, Президиум ТПК состоял из членов и кандидатов в члены.

Кроме того, была пересмотрена еще одна формулировка старого Устава. Принятый в 1946 г. Устав ТПК говорил, что «Трудовая Партия Кореи руководствуется бессмертным учением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина». В новой же редакции Устава теоретической основой партии был назван «марксизм-ленинизм». Политическая подоплека этой правки вполне очевидна, но показательно, что вместе с И. В. Сталиным пострадал и Ф. Энгельс, так что при желании можно было объяснить перемену стремлением к более четким формулировкам (действительно, «марксизм-ленинизм» является более конкретным понятием, чем некое расплывчатое «учение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина»).

Сюрпризов во время работы съезда было немного. Однако здесь следует упомянуть о двух важных событиях, которые были тесно связаны со съездом, но остались неизвестными большинству его участников и тем более широкой публике.

Из документов советского МИДа мы знаем, что некоторые видные члены советской фракции, включая Пак Чхан-ока, Пак Ый-вана и Пак Ён-бина, надеялись лично встретиться с Л. И. Брежневым (будущий советский лидер тогда возглавлял партийную делегацию, присутствовавшую на съезде). Советские корейцы хотели в частной беседе с советским представителем обсудить некоторые проблемы внутренней политики Северной Кореи и особенно положение советских корейцев. Пак Киль-ён (тогда заместитель

министра иностранных дел) знал об этих планах. Всего две недели спустя, 17 мая 1956 г., сотрудник МИДа записал: «Коснувшись недавней поездки секретаря ЦК КПСС тов. Брежнева Л. И. в Корею на III съезд Трудовой Партии Кореи, Пак Киль Ен (Пак Кильён. - *А. Л.*) сказал, что ряд руководящих корейских деятелей Пак И Ван, Пак Чан Ок, Ким Сын Хва, Пак Ен Бин (Пак Ый-ван, Пак Чхан-ок, Ким Сын-хва, Пак Ён-бин. — *А. Л.*) и другие рассчитывали на то, что им удастся при встрече с тов. Брежневым Л.И. подробно и обстоятельно побеседовать с ним по всем вопросам внутриполитической обстановки в КНДР, а также по некоторым вопросам положения советских корейцев. К сожалению, это не удалось осуществить ввиду обстановки, создавшейся за последнее время вокруг советских корейцев в КНДР. Правда, заместитель председателя кабинета министров КНДР Пак И Ван имел возможность несколько ознакомить тов. Брежнева с положением в КНДР, но эта информация носила ограниченный характер»<sup>114</sup>. Следует объяснить, что все перечисленные политические деятели — Пак Ый-ван, Пак Чхан-ок, Ким Сын-хва, Пак Ён-бин - были выходцами из СССР, представителями «советской группировки».

Неизвестно, о чем Пак Ый-ван беседовал с Л. И. Брежневым, так как запись этого разговора, хранящаяся в Президентском архиве, пока остается недоступной исследователям. Однако похоже, что даже эта короткая, почти что конспиративная встреча все-таки оказала влияние на позицию Л. И. Брежнева и на содержание его речи. Как и следовало ожидать, глава советской делегации был первым иностранным делегатом, выступившим с официальным приветственным обращением к съезду. Это произошло 24 апреля, причем непосредственно после Л. И. Брежнева выступал китайский делегат. Знаменательно, что в своем довольно коротком обращении Л. И. Брежнев упомянул культ личности и даже намекнул, что такая проблема может существовать и в КНДР. Он заявил, что «III съезд ТПК поможет во всей полноте утвердить в организациях партии ленинский принцип коллективного руководства, проведение которого в жизнь предохраняет ее от ошибок, связанных с культом личности»<sup>115</sup>. Нетрудно догадаться, как Ким Ир Сен

<sup>114</sup> Запись беседы В. И. Иваненко (первый секретарь дальневосточного отдела МИД СССР) с Пак Киль Еном (посол КНДР в ГДР). 17 мая 1956 г. Запись этой беседы (бесед?) между Л. И. Брежневым и Пак Ый-ваном несомненно существует, но остается засекреченной.

<sup>115</sup> Текст взят из: Отношения Советского Союза с Народной Кореей: Документы и материалы. М.: Наука, 1981. Корейский вариант был опубликован в: Нодон синмун. 25 апреля 1956 г.

и его свита интерпретировали такое утверждение. Это было похоже на вызов, даже более того, учитывая, что Ким Ир Сен в своей речи явно избегал термина «культ личности».

Мы знаем, что на съезде произошло еще одно событие, которое показало, что в партийных кругах многие недовольны Ким Ир Сенем и его политикой. В конце мая Ки Сок-пок (о нем мы упоминали в связи с «дискуссией по проблемам литературы», в ходе которой он был одним из главных обвиняемых) пришел в советское посольство и рассказал советскому дипломату о еще одном конфликте, который произошел за кулисами съезда. По словам Ки Сок-пока, один из участников съезда - Ли Сан-чжо (посол в Москве и член Центрального Комитета ТПК) написал два письма в Президиум съезда. Ли Сан-чжо, видный член яньаньской фракции, поддерживавший тесные контакты и с Москвой, и с Пекином, в своих письмах предлагал обсудить проблему культа личности в целом и сделал несколько критических замечаний по поводу культа личности Ким Ир Сена. Неудивительно, что письма Ли Сан-чжо на съезде не оглашались и не обсуждались. Результатом демарша Ли Сан-чжо стала открытая стычка между ним и Ким Чхан-маном, еще одним бывшим яньаньским изгнанником, который к тому времени, наоборот, стал рьяным приверженцем Ким Ир Сена. Ким Чхан-ман утверждал, что Ли Сан-чжо выступает в поддержку советской модели, которая не подходит к реалиям КНДР. Со своей стороны, Ли Сан-чжо обвинял Ким Чхан-мана в попытке игнорировать решения XX съезда КПСС и новые тенденции в мировом коммунистическом движении. После этого конфликта Ким Чхан-ман сообщил Чхе Ён-гону и другим бывшим партизанам о позиции и высказываниях Ли Сан-чжо. В результате было решено не направлять Ли Сан-чжо назад в Москву. В свою очередь, Ли Сан-чжо обратился к Ким Ту-бону, который по-прежнему оставался формальным главой северокорейского государства. Патриарх яньаньской фракции в разговоре с Ким Ир Сенем заступился за Ли Сан-чжо, так что Ким Ир Сен дал разрешение на отъезд последнего в Москву. Как мы увидим далее, решение выпустить за рубеж недовольного посла повлекло за собой серьезные последствия<sup>1,6</sup>.

Возможно, и даже весьма вероятно, что на съезде происходили и другие закулисные споры и конфликты, о которых мы пока ничего не знаем. Вопрос о культе личности, несомненно, был главной

<sup>1,6</sup> Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь) с Ки Сек Поком (референт в Министерстве гос. контроля). 31 мая 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

темой весны 1956 г., хотя Ким Ир Сену и удалось избежать на съезде дискуссий по этому деликатному вопросу. Это было немалым достижением. Тем не менее международное и внутреннее положение северокорейского руководства оставалось нестабильным.

Рассматривая итоги третьего съезда, мы должны уделить особое внимание новому составу Центрального Комитета. Теоретически ЦК избирался партийным съездом, хотя на деле делегаты съезда просто послушно голосовали за заранее подготовленные списки членов ЦК. Подготовка таких списков представляла собой длительный процесс, состоявший из выдвижения и обсуждения кандидатур высшими партийными кадрами при решающем голосе верховного лидера или в более либеральных странах и партиях нескольких наиболее значимых лидеров. ЦК как таковой не был постоянно действующим органом и собирался на пленумы два-три раза в год на несколько дней. В период с 1948 по 1961 г. (то есть между вторым и четвертым съездами ТПК) пленум ЦК ТПК созывался 2-3 раза год, что приблизительно соответствовало частоте пленумов ЦК КПСС в СССР того периода. Несмотря на нерегулярность и малую продолжительность пленумов, ЦК располагал многочисленным постоянным штатом — так называемым «аппаратом ЦК». В Северной Корее на середину 1958 г. аппарат ЦК состоял из 1204 «освобожденных» (то есть профессиональных) партийных работников, которым подчинялся обширный канцелярский и технический персонал<sup>117</sup>. Эти чиновники (в действительности подчинявшиеся скорее непосредственно Политбюро, чем «выборному» Центральному Комитету), по сути, и являлись правительством в большинстве стран «реального социализма». Под постоянным контролем высшего партийного руководства аппарат ЦК разрабатывал планы и принимал решения, которые в обязательном порядке должны были исполняться Кабинетом Министров и другими правительственными учреждениями.

В соответствии со сталинистской политической традицией, которую унаследовала и Северная Корея, Центральный Комитет являлся крайне закрытым органом. Даже информация о Пленумах ЦК обычно появлялась в печати уже после их окончания и, как правило, была очень краткой. Для партийных руководителей членство в ЦК было немалой привилегией и означало принадлежность к внутреннему (хотя и не самому высшему) кругу власти. Приме-

<sup>117</sup> Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Вон Хен Ту (зам. заведующего орготделом ЦК ТПК). 21 июня 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75.

чательно, что в Советском Союзе в соответствии с запоздало обнародованным политическим завещанием Ленина, с 1950-х гг. часть мест в Центральном Комитете отдавалась представителям «трудящихся масс», так что на пленумах ЦК КПСС заседало и некоторое количество специально отобранных передовых доярок или знатных сталеваров. Северная Корея никогда не следовала этому примеру, и ЦК ТПК оставался закрытым форумом высшей партийной элиты. Тем не менее число его членов постепенно росло и в 1980 г. достигало 317 человек. Однако в период с 1946 по 1960 г. ЦК ТПК оставался относительно малочисленным (менее ста членов) и, соответственно, легкоуправляемым органом.

В политической системе ленинистских государств Центральный Комитет во многом играл уникальную роль. Этот орган имел право избирать или, в случае необходимости, смещать членов Политбюро и даже главу партии (Генерального секретаря, Председателя, Первого секретаря - его титул мог меняться в зависимости от места и времени). В большинстве правящих коммунистических партий лидер избирался не непосредственно съездом, а Центральным Комитетом, и поэтому мог теоретически лишиться должности, если ЦК решал переизбрать его. На самом деле партийному лидеру редко приходилось беспокоиться о том, что однажды большинство членов Центрального Комитета голосованием лишит его власти. Тем не менее время от времени такое происходило (достаточно вспомнить, например, низложение Н. С. Хрущёва).

Рассмотрим состав ЦК ТПК, «избранный» в апреле 1956 г. Этот ЦК чрезвычайно важен, поскольку именно он несколькими месяцами позднее сыграет решающую роль в «августовских событиях». При анализе состава ЦК ТПК мы будем вынуждены использовать «кремленологический» подход и уделить особое внимание тому, из какой фракции вышли те или иные руководители КНДР. В случае с ТПК 1950-х гг. этот подход в целом приемлем, поскольку в контексте Северной Кореи фракционная принадлежность того или иного руководителя играла очень важную роль. К сожалению, в определении принадлежности к той или иной фракции неизбежны некоторые ошибки. Причиной этих неточностей является то, что биографические данные многих лидеров рассматриваемого нами периода северокорейской истории ненадежны, неполны или отсутствуют вообще. Часто мы практически ничего не знаем о неких фигурах, имена которых появились в списках членов ЦК ТПК в конце 1940-х гг. или в середине 1950-х гг. и бесследно исчезли несколько лет спустя (предположительно, но не обязательно, потому, что носители этих имен были репрессированы). У нас гораздо больше ин-

формации о тех, кто продержался на северокорейском политическом Олимпе дольше — до 1960-1970-х гг., но эти долгожители происходили, главным образом, из числа бывших маньчжурских партизан. Если северокорейский политик принадлежал к партизанской фракции, то, как правило, об этом обстоятельстве нам довольно хорошо известно. Что же касается более скромных фигур из других фракций, которые в своем большинстве исчезли из политики (и, вероятнее всего, из жизни) около 1960 г., то их деятельность до 1945 г., а значит, и их фракционная принадлежность, зачастую остаются неясными. В данной работе я опираюсь на данные, скрупулезно собранные и проанализированные Вада Харуки. Несмотря на некоторые неточности, неизбежные для такого исследования, на настоящий момент работа Вада Харуки — лучший источник информации такого рода<sup>118</sup>.

В соответствии с советской традицией, ставшей нормой для большинства коммунистических партий, Центральный Комитет состоял из членов двух типов: полноправных «членов ЦК», имевших право голоса, и «кандидатов в члены ЦК», такого права лишенных. В 1956 г. Центральный Комитет ТПК насчитывал 71 полноправного члена и 45 кандидатов. Основное внимание будет уделено первым, отчасти потому, что кандидаты в члены ЦК (не имевшие права голоса) не играли решающей роли в «августовском инциденте», а отчасти из-за того, что происхождение полноправных членов ЦК известно нам гораздо лучше. Из 71 члена ЦК, которые были избраны в 1956 г., только 30 человек входили в пред-

<sup>118</sup> Примером такой неразберихи является вопрос о фракционной принадлежности Лим Хэ. Очевидно, что у Вада Харуки нет уверенности в отношении его фракционной принадлежности, поскольку в своей книге причисляет его то к членам яньаньской фракции (С. 307), то к «другим» (С. 310). Составители «Pukhan inmyŏng sajŏn» (Pukhan inmyŏng sajŏn [Биографический словарь Северной Кореи]. Seoul: Chungang ilbo sa, 1990) считают, что Лим Хэ входил в советскую фракцию (С. 323). Последнее кажется маловероятным, так как сами советские корейцы в разговорах с дипломатами часто включали его в число своих недоброжелателей, и никогда не упоминали о связях Лим Хэ со своей группировкой (см.: Запись беседы С. Н. Филатова с Пак Ы Ваном 24 января 1956. В документах советского посольства содержатся еще по меньшей мере три подобных замечания, сделанных советскими корейцами). При этом Лим Хэ являлся членом ЦК еще со времен первого съезда ТПК в 1946 г., так что его никак нельзя назвать малозначительной фигурой. На протяжении некоторого времени после 1956 г. он отвечал за разведку и операции, направленные на свержение южнокорейского режима, и в 1956 г. занимал 26-е место в списке членов ЦК! И тем не менее даже основные данные, касающиеся его происхождения, и поныне остаются неизвестными. Это является показательным примером тех трудностей, с которыми приходится сталкиваться при изучении истории Северной Кореи.

шествующий состав ЦК, избранный в 1948 г. Оставшийся 41 член был избран в ЦК впервые, хотя в 1948 г. пятеро из этих новых членов уже были кандидатами в члены ЦК<sup>119</sup>. Это свидетельство-

<sup>119</sup> Необходимо заметить, что наши подсчеты несколько отличаются от тех, с которыми выступил Со Дэ-сук. По его подсчетам, из 71 члена ЦК, ветеранами были только 28, а 43 — вновь избранными. (Suh Dae-Sook. Kim I Song. P. 148). Ким Хак-чжун приводит те же данные (Kim Hak-jun. Pukhan 50 p'ubp Sa [Пятьдесят лет истории Северной Кореи]. Seoul, Tong'a Ch'ulp'ansa, 1995. С. 188), но похоже, что он просто без проверки позаимствовал их из классической монографии Со Дэ-сука (как, впрочем, делал и я сам в некоторых своих статьях). Однако ранее Со Дэ-сук опубликовал списки состава Центрального комитета 1948 г. и 1956 г. в работе Suh Dae-Sook. Korean Communism 1945-1980: A Reference Guide to the Political System. Honolulu: Hawaii University Press, 1981. P. 320-321, где указал 29 членов Центрального Комитета 1948 г., переизбранных в 1956 г. Эти результаты похожи на приведенные мной, с единственным различием (на одного человека) — Со Дэ-сук случайно не включил в свои подсчеты Ким Сын-хва (Kim Siing-hwa).

Список членов Центрального Комитета 1948 г. см. также «Pukhan inmyŏng saŏn», с. 457. Тот же список приведен в Pukhan ch'onglam [Северокорейское обозрение]. Seoul: Pukhan yŏnguso, 1985. С. 200-201. Оба эти перечня незначительно отличаются от опубликованного в Со Дэ-суком. Различия заключаются в следующем: а) Ким Хван-иль (Kim Hwang-il) не упоминается в «Pukhan inmyŏng saŏn» как член Центрального Комитета, хотя сам текст словарной статьи о нем, содержащейся в том же издании, подтверждает, что он занимал это положение (там же., с. 136); б) «Pukhan inmyŏng saŏn» упоминает вместо него другого полноправного члена — Ким Кын-иля (Kim Kŏn-il), имени которого нет в списке Со Дэ-сука; в) несколько различий в определении ранга некоторых лиц, в том числе Пак Чхан-ока (№ 11 в списке Со Дэ-сука и только № 67 в «Pukhan inmyŏng saŏn»). У нас нет возможности сверить список с официальными северокорейскими публикациями того времени, но это не входило в наши планы, поскольку 1948 г. находится за хронологическими рамками данного исследования, а расхождения между двумя списками, в общем, незначительны. Тем не менее, как мы увидим позже, список Со Дэ-сука 1956 г. соответствует оригиналу, и это дает основания полагать, что и в случае со списком 1948 г. наиболее достоверным является именно вариант, приводимый Со Дэ-суком.

Если говорить о составе Центрального Комитета в 1956 г., то список из книги Со Дэ-сука абсолютно идентичен оригинальному списку, впервые опубликованному в номере «Нодон синмун» от 30 апреля 1956 г. Перечни «Pukhan inmyŏng saŏn» (с. 457) и «Pukhan ch'onglam» (с. 201) сильно отличаются от опубликованного в газете списка — имена там те же самые, но порядок расположения имен (очень важный элемент в политической культуре коммунистических режимов) имеет мало общего с газетным оригиналом. Из-за отсутствия в словарях сносок невозможно определить источник, из которого южнокорейские авторы получили свои варианты списков. Так или иначе, в нашем распоряжении имеется оригинальный документ, опубликованный в «Нодон синмун» 30 апреля 1956 г., и его точная копия в работе Со Дэ-сука.

вало о существенной текучести кадров, так как общее число полноправных членов ЦК выросло незначительно: в 1948 г. их было 67, а в 1956 г. - 71.

Новый Центральный Комитет включал одиннадцать бывших партизан. В 1948 г. партизан в составе ЦК было восемь. Пять из этих одиннадцати (Чхве Хён, Чхве Ён-гон, Ли Хё-сун, Ю Кён-су и Ли Ён-хо) были новичками, не входившими в Центральный комитет в 1948 г. Мы помним, что один из этой пятерки, Чхве Ён-гон, до 1955 г. формально даже не состоял в ТПК! Еще один бывший партизан, Ли Хё-сун, был выдвинут из числа кандидатов в члены ЦК. Также стоит упомянуть, что *все без исключения* партизаны, являвшиеся членами ЦК в 1948 г. и дожившие до 1956 г., были переизбраны в новый состав Центрального Комитета (двое из партизан, являвшихся членами ЦК в 1948 г., погибли во время войны - Ким Чхэк и Кан Кон).

Как и ожидалось, в ходе перевыборов (точнее, переназначения) ЦК больше всех пострадала советская фракция. Вместо четырнадцати мест, принадлежавших ей в 1948 г., в новом составе она получила только девять. В наибольшей степени обновился и персональный состав советской фракции - примерно на 70 %. Из четырнадцати членов «советской группировки», которые являлись членами ЦК в 1948 г., десять, включая покойного Хо Ка-и, в 1956 г. в состав ЦК не вошли. «Потери» советской группировки включали Ки Сок-пока и Ким Чэ-ука, которые немало пострадали во время кампании по «искоренению ошибок в литературной политике». Однако другая заметная жертва этой кампании, Пак Чхан-ок, не только сохранил свои позиции, но даже передвинулся несколько выше в официальном списке членов ЦК (с № 11 в 1948 г. до № 7 в 1956 г.). Кроме Пак Чхан-ока в состав ЦК ТПК 1956 г. вошло еще трое советских корейцев, которые были членами ЦК и в 1948 г. Это были Пан Хак-се - бессменный глава службы безопасности, жесткий, хитрый и профессиональный работник политического сыска, ставший союзником Ким Ир Сена в очень ранний период; Ким Сын-хва - министр строительства; и Хан Ир-му - достаточно аполитичный генерал. Пятерых «советских корейцев» включили в состав ЦК впервые. В их число входили генерал Нам Ир (начальник Генштаба и главный северокорейский представитель на многолетних переговорах о перемирии, впоследствии — министр иностранных дел), который в 1948 г. был кандидатом в члены ЦК, а также четверо новичков (Чхве Чон-хак, Хо Пин, Пак Ый-ван и Ким Ту-сам), которые в 1948 г. не были даже кандидатами в члены.

Яньаньская фракция в ходе «выборов» пострадала гораздо меньше, чем советская: у неё в составе ЦК было 18 полноправных членов (по сравнению с 17 яньаньцами, «избранными» в состав ЦК в 1948 г.). Процент обновления тоже был довольно высоким - около 50 %: лишь 8 из прежних 17 остались в новом Центральном Комитете. Пак Ир-у и (Ким) Му Чжон были репрессированы. В числе других «политических потерь» было по меньшей мере двое других ветеранов гражданских войн в Китае: Ким Ун и Пак Хё-сам. Они были заменены другими выходцами из Китая, включая Со Хви (который ранее не был ни членом, ни кандидатом в члены ЦК) и Юн Кон-хыма (впервые ставшего членом ЦК ТПК еще в 1946 г., но потерявшего свое место в 1948 г. и теперь вернувшегося). Этим двоим политикам предстояло сыграть решающую роль в тех событиях, которые развернулись несколько месяцев спустя.

Новым и важным было и то обстоятельство, что в составе ЦК ТПК впервые появились люди, которые не входили ни в одну из четырех «традиционных» фракций. Это были, главным образом, довольно молодые политики и чиновники, начавшие восхождение по государственной лестнице уже *после* 1945 г. Некоторые из них принадлежали к технократам или профессиональным военным, но также в этой группе присутствовали и «классические» партийные функционеры широкого профиля. Несмотря на то, что эти руководители следующего поколения не относились ни к одной из «традиционных» фракций, их взгляды формировались в условиях, когда страной правил режим Ким Ир Сена, и их мировоззрение во многом складывалось под влиянием той пропаганды, которую вел этот режим. Трудовая партия, в которую вступали эти люди, была для них «партией Ким Ир Сена». Искренне или нет, но все они были вынуждены участвовать в официальном преклонении перед Великим Вождем. Они уже не помнили тех времен, когда Ким был второстепенным партизанским командиром где-то в маньчжурских лесах и когда корейские левые считали, что «настоящая политика» делается в Сеуле, Токио, Москве или, на худой конец, в Яньане и Чунцине. Эти новые кадры знали только одного Вождя, и в большинстве своем были людьми Ким Ир Сена. Иногда этих людей относят к «внутренней группировке» потому, что они до 1945 г. жили в Корее, и потому, что некоторые из них в колониальный период были связаны с левыми группами (или, по меньшей мере, после 1945 г. заявляли о таких связях). Однако нам трудно согласиться с таким подходом, ведь в отличие от членов «настоящей» внутренней фракции, ни один из них не играл замет-

ной роли в корейском коммунистическом движении 1930-х - начала 1940-х гг.

Довольно сложно оценить численность этих новых выдвиженцев, особенно учитывая то обстоятельство, что мы пока плохо знаем биографии рядовых членов ЦК середины 1950-х гг. Известно, что тех, кто до 1945 г. не работал в Советском Союзе, Китае или Маньчжурии, было среди членов ЦК довольно много — не менее 20 человек. В своем списке Вада Харуки включает их всех в «внутреннюю фракцию», очевидно, исходя из того, что все они были местными уроженцами. Из 25 членов ЦК, отнесенных Вада Харуки к внутренней фракции, только трое (Пак Чжон-э, Хан Соль-я и О Ки-сон) входили в состав самого первого ЦК ТПК, сформированного в 1946 г. Таким образом, из всех вошедших в состав ЦК уроженцев Севера, только эти трое были известны в первые месяцы после освобождения и, следовательно, играли некоторую политическую роль и до 1945 г. Из оставшихся 22 членов ЦК, которые описываются Вада Харуки как сторонники внутренней фракции, 7 упоминаются в числе 360 делегатов, якобы тайно избранных в Южной Корее в состав Верховного Народного Собрания КНДР в 1948 г. Этот факт может указывать на то, что эти 7 человек имели некоторый вес в южнокорейских коммунистических и левых кругах того времени (4 из этих 7 в 1946 г. были также членами ЦК Трудовой партии Южной Кореи)<sup>120</sup>. Этим семерых тоже можно с уверенностью считать «внутренними коммунистами» южнокорейского происхождения. Оставшиеся 15 до 1945 г. не были заметны на политической арене. Можно предположить, что большинство из них принадлежало к новому поколению чиновников и не может быть отнесено к внутренней фракции, несмотря на их «местные» корни. В их число входит несколько человек, сделавших впоследствии примечательную карьеру: будущий премьер Административного Совета КНДР Ли Чон-ок («Ли Ден Ок» в советской печати), будущие вице-премьеры Ким Хве-иль, Ким Хван-иль и Чон Чун-тхэк, а также будущий Председатель Академии наук КНДР Ким Ён-чхан. Они продолжали играть немалую политическую роль в 1960-х гг., 1970-х гг. и в отдельных случаях в 1980-х гг. Некоторые из них умерли естественной смертью, хотя очень многие члены

<sup>120</sup> Список состава Центрального Комитета Трудовой партии Южной Кореи см.: Kim Nam-sik. Namnodang уВngu [Изучение Трудовой Партии Южной Кореи]. Seoul: Tolpogai, 1984. С. 256. Список южнокорейских делегатов, участвовавших в работе Верховного Народного Собрания созыва 1948 г. см.: Там же. С. 530-531.

ЦК ТПК 1956 г., не принадлежавшие к числу бывших партизан, были политически (или физически) уничтожены новой волной чисток в конце 1950-х гг. и начале 1960-х гг.

На высшем уровне руководства, в северокорейском Политбюро, переименованном на третьем съезде ТПК в «Президиум ЦК», изменение политического баланса было более явным. В соответствии с концепцией «коллективного руководства» предполагалось, что Политбюро будет своего рода коллективным диктатором. На практике же едва ли существовала правящая коммунистическая партия, в которой глава партии не оказывал бы на решения Политбюро определяющего влияния. При сталинистских режимах Политбюро вообще скорее походило на коллегия советников при всемогущем диктаторе, который мог назначать или смещать его членов по своему желанию. В отличие от Центрального Комитета Политбюро было постоянно действующим органом, собиравшимся более или менее регулярно. Политбюро было высшим исполнительным органом власти и именно ему подчинялась могущественная бюрократия «аппарата ЦК». И в сталинские, и в постсталинские времена в социалистических странах Политбюро было важнейшим государственным учреждением. Членство в Политбюро означало принадлежность к высшему эшелону руководства страной.

Так же, как и Центральный Комитет, Политбюро состояло из полноправных членов и кандидатов (в ТПК 1956 г. - одиннадцать и четыре соответственно). В 1956 г. пять из одиннадцати членов Президиума были бывшими партизанами. Иначе говоря, у безусловных сторонников Ким Ир Сена была почти половина мест в высшем органе власти. Для сравнения, в 1948 г. только двое из семи членов Политического Комитета были выходцами из маньчжурских партизан. Среди шестерых непартизан в состав Президиума 1956 г. попали Пак Чжон-э и Нам Ир: хотя они формально и были советскими корейцами, но с самого начала присоединились к группировке Ким Ир Сена и стали его горячими приверженцами<sup>121</sup>. Репутацией ярого сторонника Вождя пользовался и Чон Ир-ён. Только Ким Ту-бон и Чхве Чхан-ик, оба из яньваньской фракции, могли рассматриваться как независимые политики.

Из четырех кандидатов в члены Политбюро Ли Хё-сун был бывшим маньчжурским партизаном, а Ким Чхан-ман, несмотря на свое яньваньско-китайское происхождение, был известен как стра-

<sup>121</sup> Список членов нового Центрального Комитета см. Pukhan in myOng sachOn. С. 457.

стный панегирист Ким Ир Сена. Ли Чон-ок, чья карьера тогда только начиналась, принадлежал к новой прослойке молодых технократов, прочно связанной с Ким Ир Сеном и зависящей от него. Единственным кандидатом в члены Президиума, которого нельзя было отнести к «людям Кима» являлся Пак Ый-ван. Этот советский кореец, как мы помним, даже тайно встретился во время съезда с Л. И. Брежневым и выражал недовольство политикой Ким Ир Сена. Совершенно ясно, что Ким Ир Сен был абсолютным хозяином положения в Постоянном комитете - девять из одиннадцати членов и три из четырех кандидатов в члены Президиума были его преданными сторонниками.

Ким Ир Сен обеспечил себе победу на III съезде. Влияние его фракции, отчасти усиленной перебежчиками из других группировок, существенно возросло. Хотя в своем обширном выступлении Ким Ир Сену и пришлось делать уклончивые и нарочито двусмысленные заявления, но он весьма значительно увеличил свою власть и в ЦК ТПК, и в партийном аппарате в целом. События последующих месяцев наглядно продемонстрировали, насколько важной оказалась эта административная победа.

#### 4. ЗАГОВОР

Внутренняя и международная обстановка 1955—1956 гг. способствовала появлению внутри северокорейского партийного руководства оппозиционной группировки. Сейчас ясно, что за все время полувекового правления Ким Ир Сена именно середина 1950-х гг. была единственным моментом, когда оппозиция его режиму могла не просто возникнуть, но и рассчитывать на успех. В предшествующий период появлению оппозиции мешали условия военного времени, а также иностранное (сначала — советское, потом — китайское) военное присутствие и жесткий советский контроль над северокорейской политикой. До 1955 г., то есть во времена, когда Северная Корея, по выражению Дж. Ротшильда, находилась «в тисках развитого сталинизма»<sup>122</sup>, любой политический вызов, брошенный Ким Ир Сэну, был равносителен самоубийству. После 1957—1958 гг. возникновению оппозиции препятствовал крайне авторитарный и репрессивный характер режима, который достиг своего пика в конце 1970-х гг.

До 1955-1956 гг. некоторые члены руководства могли быть недовольны проводившейся политикой или своим собственным положением в административно-политической системе, но им только оставалось держать свое недовольство при себе. Судьба Пак Хон-ёна и других лидеров внутренней фракции, равно как и готовность Москвы смириться с их уничтожением, наглядно продемонстрировали, какая участь ожидает оппонентов Ким Ир

<sup>122</sup> Rothschild Joseph. *Return to Diversity: A Political History of East Central Europe Since World War II*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 145.

Сена<sup>123</sup>. Кроме того, в 1950-1953 гг., в условиях, когда Северная Корея вела тяжелую войну, многие партийные и государственные деятели могли считать, что выступление против его власти равносильно измене родине и делу коммунизма, к которому большинство из них относились очень серьезно.

Однако через несколько лет, в 1955 г. и 1956 г. глубокие изменения в Советском Союзе сказались на ситуации в других социалистических странах и привели там к волне реформ и массовых продемократических движений. Яркими примерами таких движений могут служить восстание 1956 г. в Венгрии и «Польский октябрь» — серии забастовок и митингов в Польше, приведших к существенным переменам во внутренней политике страны. Брожение распространилось по всему социалистическому лагерю, и доступные нам теперь документы ясно показывают, что и Северную Корею тоже нельзя было назвать тихой заводью непоколебленного сталинизма. В КНДР реформаторское движение затронуло не столько население в целом, сколько интеллигенцию и некоторую часть партийной элиты. Его проявлением были не открытые волнения и забастовки, а предпринятая высшей номенклатурой неудачная попытка свержения Ким Ир Сена, который являлся олицетворением и оплотом старой сталинистской политики.

В СССР процесс десталинизации получил новый импульс весной 1956г., после того как Н.С.Хрущёв представил XX съезду КПСС свой знаменитый «секретный доклад» о деятельности Сталина. Содержание этого доклада, несмотря на слабые попытки сохранить его в тайне, вскоре стало широко известным и в СССР, и за его границами. Доклад и связанные с ним решения резко ускорили процесс реформ в СССР, хотя сами эти реформы начались несколькими годами ранее. В течение 1955-1960 гг. советское общество претерпело радикальные изменения: подавляющее большинство политических заключенных было освобождено, цензура ослаблена, отношение к новым течениям в культуре и искусстве

<sup>123</sup> По-видимому, в отличие от многих стран Восточной Европы советские спецслужбы не принимали прямого участия в подготовке единственного показательного процесса в северо-корейской истории. По крайней мере, в документах Советского посольства нет даже намека на такое участие, и Кан Сан-хо, ставший замминистра внутренних дел вскоре после суда, определенно отрицает советское участие в процессе (Интервью с Кан Сан-хо. Ленинград, 31 октября 1989 г.). В этой связи стоит упомянуть, что Вива Пак, дочь Пак Хон-ёна, жившая тогда в СССР и имевшая советское гражданство, не подвергалась преследованиям со стороны советских властей и позже сделала в Москве заметную артистическую карьеру.

стало более терпимым, контакты с зарубежными странами были существенно расширены. Советское общество отозвалось на эти перемены заметным, хотя и непродолжительным возрождением энтузиазма в отношении коммунистической системы — тем, что впоследствии стало известно как «раннее шестидесятиничество». Какое-то время казалось, что советская государственная система обладает способностью к трансформации и способна исправлять свои прошлые ошибки. Советские люди и советская пресса начали обсуждать общественные проблемы куда свободнее, чем было возможно в предшествующие сталинские десятилетия. По нормальным демократическим стандартам эта свобода была очень ограниченной, но при жизни Сталина было бы совершенно немислимым многое из того, что стало в СССР нормой с конца 1950-х гг.

В конце мая северокорейская печать опубликовала ряд материалов, в которых содержались намеки на происходившие в СССР изменения. В частности, 7 июля редакция «Нодон синмун» отвела немалую часть номера на то, чтобы перепечатать пространную советскую статью о новом подходе к изучению истории партии «XX съезд КПСС и задачи исследования истории партии». Оригинал этой статьи появился в ведущем советском академическом журнале «Вопросы истории» непосредственно после XX съезда (№ 3. 1956 г.) и таким образом носил установочный характер (появление этой статьи и поныне часто упоминают как один из важных эпизодов в истории советских общественных наук). 30 мая в «Нодон синмун» появилось интервью, которое Ким Ир Сен дал индийскому журналисту и в котором имя Сталина напрямую связывалось с понятием «культ личности». Наконец, 6 июля в «Нодон синмун» появился текст известного постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», которое было принято 30 июня 1956 г. и через несколько дней было напечатано в «Правде». Можно предположить, что привыкшие к чтению между строк партийные работники сделали надлежащие выводы из этих публикаций.

Не следует забывать, что Китай, другой главный покровитель КНДР, тоже не был тогда свободен от влияния этих новых идей. Последующий триумф культа личности Мао и те исключительно иррациональные, гротескные формы, которые политический режим КНР принял в 1960-х гг. и 1970-х гг., зачастую заставляют нас забыть о том, что середина 1950-х гг. была в Китае сравнительно либеральным периодом. За все время правления Мао Цзэдуна эти годы, пожалуй, были периодом наибольшей политической свободы

или, скажем осторожнее, наибольшего политического либерализма. Попытки либерализации в Китае достигли высшей точки с началом «движения ста цветов», которое было развернуто в мае 1956 г., вскоре после «секретного доклада» Хрущёва. В названии этого движения содержалась отсылка к известному древнекитайскому изречению, восхвалявшему преимущества плюрализма и свободных дискуссий: «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Изначальной идеей «движения ста цветов» в КНР было поощрение критики существующего режима «снизу». Как пишут по этому поводу Джон Фэрбэнк и Мерл Голдман: «Мао предполагал, что среди интеллигенции, насчитывающей в целом самое большее 5 миллионов человек... к этому времени враждебно относилось к марксизму не более трех процентов»<sup>124</sup>. Эти либеральные эксперименты сопровождались даже завуалированной критикой культа личности Мао. Процесс обожествления Мао Цзэдуна имел к тому времени уже долгую историю, хотя в руководстве КПК будущий Великий Кормчий не обладал абсолютной властью, будучи лишь «первым среди равных». Кажется, что большинство китайских руководителей рассматривали культ Мао как полезное или, по крайней мере, неизбежное явление. Они полагали, что такой культ необходим в стране, населенной необразованным крестьянством, крайне консервативным по своим взглядам и привыкшим к идее богоподобного императора во главе страны. Тем не менее после победы коммунистов в 1949 г. и особенно после смерти Сталина в 1953 г. стиль руководства Мао подвергся критике со стороны многих партийных кадров высшего звена. Под давлением этой критики Мао Цзэдун пошел на умеренные послабления, что было особенно заметно в 1956-1957 гг. Все эти события привели к ограничению личной власти Мао на VIII съезде Коммунистической партии Китая<sup>125</sup>.

Эти политические нововведения просуществовали в Китае недолго, и вскоре были отменены, но они, несомненно, оказали влияние на события в Корее. Северокорейская печать сообщала и о либерализации политического режима в Китае — опять-таки перепечатывая статьи из китайской официальной прессы. 17 июня в «Нодон синмун» появилась статья Лю Дин-и, зав. отделом пропаганды ЦК КПК (и будущей жертвы «культурной революции»). В этой статье

<sup>124</sup> Fairbank John, Goldman Merle. *China: A New History*. Cambridge (Mass.), London: Belknap Press of Harvard University Press, 1998.

<sup>125</sup> Краткое описание предпринятых в то время попыток ограничить личную власть Мао см.: Sullivan, Lawrence. *Leadership and Authority in the Chinese Communist Party: Perspectives from the 1950s* // *Pacific Affairs*. 1986. № 4.

Лю Дин-и подробно объяснял правильность и необходимость курса «ста цветов»<sup>126</sup>.

Ким Ир Сен, скорее всего, воспринимал кампанию по десталинизации как серьезную угрозу для своей власти и полагал, что события в СССР и КНР могут привести к осложнению внутривнутриполитической ситуации в КНДР. Как показали последующие события, эти опасения были вполне обоснованными. В то же самое время Ким Ир Сен сделал вполне понятную ошибку, стараясь определить главный источник опасности. В качестве наиболее опасных потенциальных противников он рассматривал советских корейцев, и именно в попытке искоренить эту угрозу в конце 1955 г. он нанес превентивный удар по советской группировке. Однако здесь Вождь совершил ошибку. Несмотря на всю восприимчивость советских корейцев к идеологическим влияниям Москвы, вызов власти Ким Ир Сена бросили не они, а яньаньская фракция. Именно бывшие «китайские корейцы» сформировали ядро той оппозиции, которая летом 1956 г. открыто выступила против Ким Ир Сена. Хотя некоторые недовольные советские корейцы в конечном счете тоже примкнули к заговору, их роль там была относительно второстепенной.

Первые сведения о существовании в северокорейском руководстве тайной оппозиции появились в документах советского посольства в июле 1956 г. Лидеры оппозиции установили тогда контакт с посольством и сообщили советским дипломатам о своих планах. Эти контакты с посольством (детали которых будут рассмотрены ниже) выглядели как продуманная акция хорошо организованной группы. Подтверждением существования такой оппозиции могут служить и действия Ли Сан-чжо, посла КНДР в Москве, о которых речь также пойдет дальше. Это дает нам основания считать, что к тому моменту оппозиция уже существовала какое-то время. В таком случае оппозиционная группа действовала, по меньшей мере, с мая или июня 1956 г.

Вероятно, развитию внутривнутриполитического кризиса способствовало и длительное отсутствие Ким Ир Сена. В первой половине судьбоносного лета 1956 г. (с 1 июня по 19 июля) он предпринял необычайно продолжительную и насыщенную заграничную поездку.

<sup>126</sup> Лю Дин-и и поныне во многом ассоциируется с либеральными временами кампании «ста цветов». Показательно, что в 2006 г. в короткой заметке, посвященной столетию со дня рождения Лю Дин-и, редакция «Жэньминь жибао» сочла необходимым особо подчеркнуть именно его связи с движением «ста цветов» («Жэньминь жибао» от 10 июня 2006 г., материал представлен на официальном сайте «Жэньминь жибао» [www.people.com.cn](http://www.people.com.cn)).

ку. В течение трех недель он посетил девять социалистических стран и дважды останавливался в Москве — на пути в Восточную Европу и обратно. Это была одна из самых долгих зарубежных поездок, когда-либо предпринятых им в качестве высшего руководителя КНДР. Его следующий продолжительный заграничный вояж состоялся много лет спустя — в 1984 г. В поездке Кима сопровождали Пак Чжон-э (она была полезна, как человек, свободно владевший русским языком и хорошо знакомый с советской политикой и менталитетом), министр иностранных дел Нам Ир (опытный переговорщик, также выходец из СССР, хорошо говоривший по-русски) и Ли Чон-ок (молодой технократ, недавно назначенный председателем Госплана вместо смещенного с должности Пак Чхан-ока). Присутствие Ли Чон-ока имело важное значение для достижения экономических целей поездки. Официальная делегация КНДР также включала представителей двух марионеточных некоммунистических партий, которые служили тогда символом существования Единого фронта. К сохранению видимости «широкой коалиции» руководство КНДР в те времена по-прежнему относилось достаточно серьезно. Впрочем, крайне маловероятно, чтобы эти представители участвовали в конфиденциальных встречах или в обсуждении по-настоящему важных проблем<sup>127</sup>.

Главной задачей всей миссии было получение экономической помощи и льготных кредитов, необходимых для выполнения недавно принятого пятилетнего плана, первого в корейской истории и весьма амбициозного. В экономическом отношении поездка оказалась не слишком успешной. Правительства социалистических стран, столкнувшись с нестабильной и непредсказуемой внутривнутриполитической ситуацией, не были готовы к тому, чтобы делать Пхеньяну щедрые подарки.

Однако сама поездка происходила в те времена, когда в странах Восточной Европы разворачивались бурные события, и Ким Ир Сен не мог не почувствовать той напряженной обстановки, что царил в коммунистических столицах тем летом. В Венгрии Ким Ир Сен побывал в середине июня, а ровно через месяц его партнер по переговорам, ортодоксальный сталинист Ракоши, был снят с поста первого секретаря. Произошло это не только с благословения СССР, но и под непосредственным руководством А. И. Микояна. Снятие Ракоши стало началом цепи событий, которые достигли своего апогея во время венгерского восстания в октябре, однако

<sup>127</sup> Список делегации см.: Нодон синмун. 2 июня 1956 г.

кризис был вполне ощутим и в то время, когда Ким Ир Сен находился в Будапеште. Из Венгрии Ким Ир Сен проследовал в Польшу, политическая обстановка в которой была еще более обострена. 30 июля в Познани начались волнения и забастовки, которые вскоре переросли в столкновения демонстрантов с армией и полицией. Власти применили оружие, и ситуация в стране оставалась крайне напряженной до конца осени. Таким образом, Ким Ир Сен прибыл в Варшаву в самый разгар острейшего внутривнутриполитического кризиса. Какие уроки он извлек из своих европейских впечатлений? Мы об этом никогда не узнаем, но вполне можно предположить, что Ким Ир Сен пришел к выводу, что советские эксперименты с десталинизацией являются весьма опасными если не для его режима, то уж точно для него самого.

Тем временем кризис назревал и в Пхеньяне. Длительное физическое отсутствие диктатора всегда создает благоприятные условия для активизации оппозиции — а порою и для подготовки переворота. Необычно продолжительная зарубежная поездка Ким Ир Сена предоставила недовольным членам северокорейской элиты уникальный шанс. Для оппозиционеров дополнительным позитивным моментом представлялось то обстоятельство, что выполнение обязанностей Ким Ир Сена в Пхеньяне было возложено на Чхве Ён-гона, которого они в начале ошибочно считали своим потенциальным сторонником.

К июлю напряженность в северокорейской правящей элите возросла. Не все сторонники реформ желали смещения Ким Ир Сена, многие из них надеялись на то, что Ким Ир Сен сам пойдет на реформы. Из документов советского посольства ясно, что некоторые представители северокорейской политической элиты надеялись на то, что встречи и переговоры Ким Ир Сена с советскими лидерами повлияют на его политику и что следствием переговоров в Москве станут серьезные перемены в КНДР. Эти партийные работники делали все возможное, чтобы удостовериться, что советские лидеры поговорят с Ким Ир Сеном о его отношении к культуре личности и о других деликатных проблемах. Мы пока не знаем, были ли эти апелляции к авторитету Кремля инициативой отдельных северокорейских политиков или же они отражали согласованные действия оппозиционной группы, которая весной 1956 г. уже вполне могла существовать.

Выше уже упоминалась краткая встреча Пак Ый-вана с Л. И. Брежневым, в ходе которой Пак Ый-ван напрямую попросил главу советской делегации повлиять на Ким Ир Сена. Это был не единственный случай, когда высокопоставленные корейцы пытались

напрямую использовать советское влияние в Пхеньяне для того, чтобы заставить Ким Ир Сена изменить свою позицию по важным внутривластным вопросам. 16 июля Ли Сан-чжо, посол КНДР в Советском Союзе, беседовал в Москве с влиятельным советским дипломатом. В ходе этой продуманно откровенной беседы Ли Сан-чжо весьма критически отзывался о культе личности Ким Ир Сена и о «нарушениях социалистической законности» (стандартный эвфемизм хрущевского периода, означавший произвольные аресты, пытки и казни), которые имели место в Северной Корее. Ли Сан-чжо упомянул, что советские лидеры обсуждали эти проблемы с Ким Ир Сеном во время визита корейского вождя в СССР<sup>128</sup>.

Действительно, летом 1956 г. в ходе переговоров с советскими руководителями Ким Ир Сен получил от них выговор за свое «неправильное поведение» (в те времена Москва еще могла позволить себе отчитывать глав социалистических государств). Несмотря на то, что протоколы бесед Ким Ир Сена с Н. С. Хрущёвым и другими советскими руководителями пока остаются недоступными для исследователей, в документах посольства содержится достаточно информации для реконструкции того, что могло произойти в Москве. «Замечания ЦК КПСС о некоторых недостатках и ошибках в работе ТПК», которые были высказаны Ким Ир Сеном в Москве, впоследствии упоминались Нам Иром и Пак Чжон-э, вероятно, непосредственными свидетелями и участниками московских бесед с Н. С. Хрущёвым, а также Ли Сан-чжо, который прямо заявлял, что очевидцем этих бесед он не являлся<sup>129</sup>. Хотя

<sup>128</sup> Запись беседы И. Ф. Курдюкова (зав. Дальневосточным отделом МИД СССР) с Ли Сан Чо (посол КНДР в СССР). 16 июля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

<sup>129</sup> Замечания Пак Чжон-э о ее московских впечатлениях прозвучали на собрании высокопоставленных руководителей в конце июля и вскоре переданы в посольство участниками собрания. См.: Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Юн Кон Хымом (министр торговли). 2 августа 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Осенью 1956 г. Ли Сан-чжо несколько раз упоминал о том, что в беседах Ким Ир Сена и Хрущёва он непосредственного участия не принимал (точнее, принимал участие не во всех таких беседах): «Ли Сан Чо сказал далее, что он решил не посылать письмо также и потому что в нем имеется ряд ссылок на беседы, проведенные с Ким Ир Сеном в ЦК КПСС, между тем он, Ли Сан Чо, сам не присутствовал на всех беседах и потому его ссылки на эти беседы могут быть не точными». См.: Запись беседы И. Ф. Курдюкова (зав. Дальневосточным отделом МИД СССР) с Ли Сан Чо (посол КНДР в СССР). 11 августа 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

в документе и не упоминается никаких имён, замечания подобного рода не мог сделать никто, кроме самого Хрущёва. 24 июля Нам Ир рассказал поверенному в делах А. М. Петрову: «Замечания ЦК КПСС о некоторых недостатках и ошибках в работе ТПК восприняты Ким Ир Сенем правильно и искренне. Ким Ир Сен говорил Нам Иру и некоторым другим членам правительственной делегации, что он примет меры к тому, чтобы полностью и до конца исправить эти ошибки и недостатки, в том числе и по вопросу культа личности. По мнению Ким Ир Сена, эти недостатки и ошибки будут устраняться, но не сразу и не путем их обсуждения в полном объеме на Пленумах ЦК или на собраниях парторганизаций, а постепенно, без вовлечения в обсуждение этих вопросов всей партии»<sup>130</sup>.

Такая реакция была частью стратегии, которой Ким Ир Сен начал придерживаться ещё в феврале: за закрытыми дверями, в кругу высшей номенклатуры, он признавал существование в КНДР своего собственного культа личности и связанных с ним недостатков. Таким образом он намекал, что он не является непримиримым противником реформаторского духа и что в конечном итоге проблемы в северокорейской внутренней политике будут разрешены, так сказать, естественным путем. Такие намеки на будущие реформы в сочетании со сдержанным покаянием и «самокритикой» были призваны успокоить его критиков. Если ошибки признаются и предполагается в своё время их исправить, то логично предположить, что особой необходимости в решительных действиях нет.

Однако пока в Москве Ким Ир Сен выслушивал малоприятные «дружеские советы» Н. С. Хрущёва, оставшиеся в Пхеньяне лидеры оппозиции готовились к открытому выступлению. Рассекре-

Хо Ун-бэ («Лим Ын») в своей известной книге, основанной главным образом на интервью с северокорейскими перебежчиками, жившими в СССР в 1960-х и 1970-х гг., тоже упоминает о таких встречах и полагает, что и Нам Ир, и Пак Чжон-э были их участниками. Хо Ун-бэ также говорит о том, что эти критические замечания в адрес Ким Ир Сена были составлены В. Н. Пономарёвым (в то время возглавлявшим международный отдел ЦК КПСС) и самим Н. С. Хрущёвым. К сожалению, оба утверждения пока не могут быть подтверждены документально, хотя, несомненно, выглядят правдоподобными. См.: Lim On. *The Founding of a Dynasty in North Korea*. Tokyo: Jiyu-sha, 1982. P. 225.

<sup>130</sup> Запись беседы А. М. Петрова (временный поверенный в делах) с Нам Иром (министр иностранных дел). 24 июля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

ченные в 1990-е гг. документы советского посольства позволяют нам узнать некоторые новые подробности этих приготовлений, так как руководители оппозиционной группы считали нужным держать посольство в курсе своих планов.

О существовании заговора посольство узнало в июле 1956 г., хотя не исключено, что какая-то информация могла поступать в Москву и раньше (например, по каналам КГБ). Первым признаком того, что в пхеньянском руководстве происходит нечто необычное, стала беседа, состоявшаяся 10 июля. В тот день Ким Сын-хва, министр строительства и видный член советской фракции, посетил посольство, чтобы обсудить там достаточно рутинный вопрос — на беседе речь шла о продолжавшемся строительстве нового комплекса зданий посольства (того самого комплекса, который и ныне стоит в центре Пхеньяна). Однако к концу разговора Ким Сын-хва резко сменил тему и рассказал поверенному в делах А. М. Петрову о том, что северокорейские руководители испытывают «широкое недовольство» культом личности Ким Ир Сена. Ким Сын-хва, как мы увидим, к тому времени уже входил в состав антикимирсеновской группировки, так что не исключено, что он стремился не столько проинформировать своего собеседника о реальном состоянии дел, сколько повлиять на позиции дипломата. Тем не менее заявление Ким Сын-хва было показателем глубоких перемен в правящей элите КНДР, а также первым известным нам случаем, когда участник оппозиционной группы вступил в контакт с сотрудниками посольства именно как оппозиционер<sup>131</sup>.

Кризис начал развиваться на следующий день после возвращения Ким Ир Сена из-за рубежа. Хотя мы пока не располагаем достаточными доказательствами, можно предположить, что именно информация о его приезде подтолкнула оппозицию к действиям. За несколько дней до возвращения Вождя, 14 июля Ли Пхильгю, начальник департамента стройматериалов при Кабинете Министров КНДР и видная фигура яньаньской фракции, пришел в посольство для конфиденциального разговора с А. М. Петровым<sup>132</sup>. Так как советского посла В. И. Иванова тогда не было в Пхеньяне,

<sup>131</sup> Дневник А. М. Петрова (временный поверенный в делах). 19 июня - 10 июля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

<sup>132</sup> Обращаю внимание читателя на дату разговора - 14 июля, тогда как в официальном машинописном отчете о встрече Петров указал более позднюю дату - 20 июля (это обстоятельство будет рассмотрено ниже).

Петров, исполняющий его обязанности, был на тот момент высшим должностным лицом в посольстве.

Ли Пхиль-гю, был человеком весьма необычной биографии. С 16 лет он принимал участие в революционном движении в Китае и позже, в Корее, за свою деятельность был арестован японцами, сидел в тюрьме. После 1945 г. Ли Пхиль-гю сначала работал в только что созданной северокорейской полиции, а затем занимал влиятельные посты, связанные, главным образом, с армией или службой безопасности. Среди всего прочего, он являлся заместителем начальника Генерального штаба, командующим 6-й армией и заместителем министра внутренних дел (при Пак Ир-у). По словам Ли Пхиль-гю, он был близким другом Пак Ир-у, и его влияние существенно упало вследствие низложения Пак Ир-у<sup>133</sup>. После отстранения Пак Ир-у Ли Пхиль-гю потерял свои политические позиции, но, по-видимому, не былые связи в Министерстве внутренних дел. Влияние Ли Пхиль-гю в яньаньской фракции, вероятно, также оставалось значительным. Кроме того, во время беседы в посольстве Ли Пхиль-гю несколько раз упоминал о своем близком знакомстве с Ли Сан-чжо. Так как Ли Пхиль-гю принадлежал к яньаньской фракции, то он не был особо частым гостем

<sup>133</sup> Запись беседы А. М. Петрова (временный поверенный в делах СССР) с Ли Пхиль Гю (начальник департамента стройматериалов при Кабинете Министров КНДР). 14 июля (исправлено на 20 июля. - *А. Л.*) 1956. АВР РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68, лист 333—340. Необходимо обратить внимание на то, что здесь цитируется не машинописный текст, а весьма отличающийся от него по содержанию рукописный оригинал. О проблеме, связанной с существованием двух вариантов «Записи беседы», мы будем говорить далее.

Пак Мён-рим в своей великолепной книге об истоках Корейской войны упоминает, что в первые недели после освобождения Ли Пхиль-гю был сотрудником службы безопасности в провинции Южная Хамгён. См.: Пак М>Ong-lim. Hanguk ch5njaeng-ui palbal-gwa kwOn (II) [Истоки и начало Корейской войны. II]. Seoul: Nanam, 1998. С. 61.

Другие упоминания Ли Пхиль-гю можно найти в советских документах 1948 г. В октябре того года Ли Пхиль-гю в числе других корейских чиновников был послан в СССР на политическую подготовку (Список кандидатов на учебу в Советском Союзе. Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 128. Д. 618). В этом документе указывается, что в конце 1948 г. Ли Пхиль-гю занимал пост заместителя начальника Департамента внутренних дел Временного Народного Комитета, то есть, по сути, являлся заместителем министра внутренних дел КНДР.

в советском посольстве (в доступных нам документах нет никаких других упоминаний о его визитах в посольство).

С самого начала разговора Ли Пхиль-гю отбросил дипломатические тонкости и принялся в самых резких выражениях критиковать Ким Ир Сена и проводимую тем политику. Ли Пхиль-гю обвинял северокорейского руководителя в насаждении культа личности, в преувеличении исторической роли маньчжурских партизан, в умалении вклада Советской Армии и других сил антияпонского сопротивления в освобождение страны, в «неверной позиции» по отношению к другим членам партийного руководства и прочих прегрешениях.

Необходимо отметить, что «Запись беседы» А. М. Петрова и Ли Пхиль-гю существует в двух различных версиях. Одна из них представляет собой черновой рукописный вариант, вероятно, составленный во время разговора или вскоре после него, другая же — это более поздний машинописный текст<sup>134</sup>. Существование двух текстов было само по себе делом обычным и отражало стандартную процедуру подготовки «записи беседы»: на основании заметок, сделанных дипломатом непосредственно во время беседы, сначала составлялся рукописный черновик, а потом этот черновик подвергался редактированию и уж затем печатался посольской машинисткой. Между самой беседой и появлением машинописной копии, как правило, проходило несколько дней, но в некоторых случаях этот срок мог достигать и 1-2 недель. Обычно рукописный черновик уничтожался, хранилась (и отсылалась в Москву) только машинописная копия. Однако в данном случае рукописный черновик сохранился, и в начале сентября выяснилось, что окончательный и, так сказать, «официальный» вариант этого важного документа заметно отличается от оригинального. Мы не знаем, при каких обстоятельствах обнаружилось это расхождение, но ясно, что в результате в советском посольстве произошел небольшой скандал, так что послу пришлось известить о произошедшем

<sup>134</sup> Машинописный вариант: Запись беседы А. М. Петрова (временный поверенный в делах СССР) с Ли Пхиль Гю (начальник департамента стройматериалов при Кабинете Министров КНДР). 14 июля (исправлено на 20 июля. - *А. Л.*) 1956. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Рукописный: Запись беседы А. М. Петрова (временный поверенный в делах СССР) с Ли Пхиль Гю (начальник департамента стройматериалов при Кабинете Министров КНДР). 14 июля (исправлено на 20 июля. - *А. Л.*) 1956. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12, Д. 6, папка 68. Л. 333-340.

Центр<sup>135</sup>. Эти события и возможные мотивы, подтолкнувшие Петрова к фальсификации документа, имеют определенное значение для нашей темы и поэтому будут рассмотрены отдельно.

При подготовке машинописного текста А. М. Петров сознательно фальсифицировал дату беседы, датировав документ 20 июля (в то время как в действительности беседа состоялась почти на неделю раньше, 14 июля). В сентябре, когда разразился скандал, Петров отправил Иванову, тогдашнему послу, короткую объяснительную записку, где упоминались другие высказывания, якобы сделанные Ли Пхиль-гю, но не включенные Петровым даже в рукописный вариант записи.

Действительно, содержание рукописного и печатного текста различалось по нескольким важным параметрам. Многие изменения являлись просто результатом стилистического редактирования, были вполне уместны и никак не меняли сути того, о чем Ли Пхиль-гю сообщал А. М. Петрову. Но некоторые расхождения между двумя вариантами текста были более серьезными. Их явно внесли, дабы подогнать изначальные записи под определенную модель.

Во-первых, в отредактированной версии Петров опустил наиболее критические замечания Ли Пхиль-гю и, таким образом, придал его позиции по отношению к Ким Ир Сену несколько менее враждебный характер, чем это было на самом деле. Во-вторых, он полностью исключил из отредактированной копии все высказывания Ли Пхиль-гю о Ли Сан-чжо, который тогда занимал пост посла КНДР в СССР. Опущенные высказывания указывали на тесные личные отношения, которые существовали между

<sup>135</sup> Имеет смысл привести весь текст письма (АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68):

Посольство СССР в КНДР Секретно N9 273  
28 сентября 1956 года  
Заместителю министра иностранных дел СССР  
товарищу ФЕДОРЕНКО Н. Т.

При этом направляем Вам черновик записи беседы советника Посольства Петрова А. М. с Ли Пхиль Гю, сделанной Ким Дю Боном, присутствовавшим на этой беседе в качестве переводчика, а также дополнение к указанной беседе.

Обращаем Ваше внимание на то, что при составлении беседы переводчиком была указана дата 14 июля, но впоследствии т. Петров эту дату переписал на 20 июля. В действительности же беседа состоялась 14 июля с.г., о чем имеется соответствующая отметка переводчика Ким Дю Бона.

Приложение: упомянутое /Вх. № 410/ на 9-ти листах.

ПОСОЛ СССР В КНДР

/В. ИВАНОВ/

Ли Пхиль-гю и Ли Сан-чжо, а также содержали упоминания о попытках Ли Сан-чжо протестовать против культа личности. В-третьих, в машинописном варианте утверждалось, что Ли Пхиль-гю сообщил Петрову о существовании организованной оппозиции режиму Кима, однако в рукописном оригинале подобная информация полностью отсутствует. Согласно рукописной версии, Ли Пхиль-гю ясно указывал, что, хотя сопротивление политике Ким Ир Сена было бы желательным и даже необходимо, ничего в этом направлении не предпринимается, тогда как в отредактированной копии приводились якобы принадлежавшие Ли Пхиль-гю высказывания, в которых тот упоминает о существовании тайной оппозиционной группы. В данной работе в тех случаях, которые не оговариваются особо, мы будем пользоваться рукописным оригиналом, отмечая в сносках наиболее важные различия между этими двумя документами.

После нескольких вступительных замечаний о восхвалении маньчжурских партизан и связанной с этим фальсификацией истории корейского коммунистического движения Ким Ир Сенем и его окружением, Ли Пхиль-гю перешел к более важной теме — диктатуре Ким Ир Сена в стране и партии. Он сказал: «Культ личности приобрел невыносимый характер. Слово Ким Ир Сена является законом, он не терпим, не советуется ни с кем. Вокруг себя и в ЦК и в Кабинете Министров собрал подхалимов и прислужников»<sup>136</sup>.

В более позднем (машинописном) тексте беседы Петров утверждал, что Ли Пхиль-гю сообщил ему о планах смещения Ким Ир Сена, созревших в среде северокорейского руководства. Он будто бы рассказал исполняющему обязанности советского посла, что «группа руководящих работников считает необходимым в ближайшее время предпринять некоторые действия против Ким Ир Сена и его ближайших соратников [...] эта группа ставит своей задачей сменить нынешнее руководство ЦК ТПК и правительства». Однако этих слов нет в рукописном оригинале и они могут быть позднейшей вставкой (причины ее появления будут рассмотрены позже).

Тем не менее из рукописных заметок ясно, что Ли Пхиль-гю упомянул о том, что необходимо избавиться от Ким Ир Сена, хотя, возможно, он и не говорил о том, что подготовка такой акции уже

<sup>136</sup> Запись беседы А. М. Петрова (временный поверенный в делах СССР) с Ли Пхиль Гю (начальник департамента стройматериалов при Кабинете Министров КНДР). 14 июля (исправлено на 20 июля. - *А. Л.*) 1956 г.

ведется. Согласно рукописной версии, Ли Пхиль-гю на вопрос о том, что можно сделать для оздоровления ситуации в партии, ответил: «[Д]ля этого имеется 2 пути: Сменить нынешнее руководство ЦК ТПК и Правительства. Для этого требуется острая и решительная внутривнутрипартийная критика и самокритика. Это первый путь. Но он (Ли Пхиль-гю) сказал, что он сомневается, что это сделает Ким Ир Сен. По его мнению, Ким Ир Сен этого не будет делать так, как совершенные им преступления насколько велики, что он этого не сделает. Второй путь по мнению Ли Пхиль Гю — это насильственный переворот. Он сказал, что это трудный путь и долгий путь, путь, связанный с жертвой. Но это революционный путь. Для этого по мнению Ли Пхиль Гю, следует начать подпольную работу». В окончательном печатном варианте замечание о «преступлениях Кима» было опущено, призыв к тому, чтобы «начать подпольную работу» исчез, и всему тексту был придан менее эмоциональный характер<sup>137</sup>.

В соответствии с информацией, позже предоставленной Петровым послу, «говоря о втором пути, насильственном пути смены руководства КНДР, он (Ли Пхиль-гю. - *А. Л.*) заявил, что если не удастся достигнуть первым путем, то перейти к подпольной работе, развернуть эту деятельность. Он сказал, что поскольку он и его сторонники поступают революционно, то их будут поддерживать революционные элементы и китайские добровольцы». Примечательно, что первоначально А. М. Петров не включил этих слов даже в рукописный вариант «Записи беседы». Тем не менее эти заявления Ли Пхиль-гю можно обнаружить в краткой записке, которую А. М. Петров направил послу В. И. Иванову после того, как была

<sup>137</sup> В печатном тексте ответ Ли Пхиль-гю выглядит следующим образом: «Для этого [...] имеются два пути. Первый путь — это путь острой и решительной внутривнутрипартийной критики и самокритики. Но [...] Ким Ир Сен не встанет на этот путь и он сомневается в успехе этого пути. Второй путь — насильственный переворот. Это трудный путь [...] связанный с жертвами. В КНДР есть такие люди, которые смогут встать на этот путь и которые ведут сейчас соответствующую подготовительную работу». (Запись беседы А. М. Петрова (временного поверенного в делах) с Ли Пхиль-гю (начальник департамента стройматериалов при Кабинете Министров КНДР). 20 июля 1956 г. Многоточиями заменены вводные фразы, указывающие на цитирование — «Ли сказал» и пр.). Как мы видим, замечание о «преступлениях Kim И Song» исчезло из отредактированной копии, и, в целом, акцент на подпольное сопротивление был несколько смягчен. В то же время было добавлено упоминание о некой организованной оппозиционной группе, отсутствовавшее в рукописном оригинале.

обнаружена фальсификация машинописного текста «Записи» (написать эту дополнительную короткую записку А. М. Петрову, вероятно, пришлось под давлением улик, представленных переводчиком посольства). Однако эти дополнительные ремарки объяснительной записки подразумевают наличие «сторонников» Ли Пхиль-гю, что соответствует машинописной версии, но противоречит рукописному тексту<sup>138</sup>.

Из машинописного текста «Записи» следует, что Ли Пхиль-гю упоминал о существовании оппозиционной группы, состоящей из высших руководителей ТПК. В тексте приводились следующие слова, якобы сказанные Ли Пхиль-гю: «В КНДР есть такие люди, которые смогут встать на этот путь и которые ведут сейчас соответствующую подготовительную работу»<sup>139</sup>. В машинописном тексте сообщалось, что Петров задал Ли Пхиль-гю вопрос о составе этой группы, но тот ушел от ответа. Потом Петров будто бы спросил о том, «какую позицию Ли занимает по отношению к вышеуказанной подпольной группе», но Ли Пхиль-гю снова не сказал ничего определенного. Однако в связи с этим разговором Петров написал: «Из всего тона его разговора у меня сложилось твердое мнение, что в этой группе он играет большую роль»<sup>140</sup>. Машинописная версия также утверждает, что дальше А. М. Петров спросил, почему Ли решил сообщить об этой ситуации советскому посольству. Ли Пхиль-гю якобы ответил на это, «что исходит из желания поставить Советское посольство в известность о том, что в КНДР могут произойти те или иные события»<sup>141</sup>. Немаловажно, что все эти утверждения о существовании в КНДР оппозиционной группы совершенно отсутствуют в рукописном тексте и могут являться позднейшими вставками.

В конце беседы Ли Пхиль-гю начал говорить о конкретных северокорейских сановниках. Эти высказывания о высшем руководстве ТПК, несомненно, являются аутентичными и практически не различаются в рукописном и печатном вариантах (если не принимать во внимание небольшую стилистическую правку). Ясно,

<sup>138</sup> Рукописная записка Петрова послу Иванову. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68. Л. 332.

<sup>139</sup> Запись беседы А. М. Петрова (временный поверенный в делах) с Ли Пхиль-гю (начальник департамента стройматериалов при Кабинете Министров КНДР). 14 июля (исправлено на 20 июля. - *А. Л.*) 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

<sup>140</sup> Там же.

<sup>141</sup> Там же.

что Ли Пхиль-гю был самого высокого мнения о членах яньаньской фракции (за исключением Ким Чхан-мана, горячего сторонника Ким Ир Сена, которого можно считать одним из первых создателей культа будущего «Великого вождя»). В то же время он неслучайно отзывался о главе советских корейцев Пак Чжон-э, которая тоже была одним из ближайших сподвижников Ким Ир Сена, и, что удивительно, о Пак Чхан-оке, который был, как мы вскоре увидим, видным участником оппозиционной группы. Не без некоторых оснований Ли Пхиль-гю заметил, что Пак Чхан-ок несет непосредственную ответственность за возникновение культа личности Ким Ир Сена: «Пак Чан Ок - ему придется еще многое сделать для того, чтобы искупить свою вину. Он же первым назвал Ким Ир Сена незаменимым, поднял его до небес. Он основатель культа личности Ким Ир Сена»<sup>142</sup>. Это заявление в целом верно, оно также указывает на соперничество между советской и яньаньской фракциями, продолжавшееся даже в таких исключительных обстоятельствах. Самой суровой критике, впрочем, подвергся Хан Соль-я: «Хан Сер Я. Его следует убить. За одну книгу "Историю" следует его убрать. Это очень плохой человек». Однако было и важное, но весьма неожиданное исключение - о Чхве Ён-гоне, втором человеке в официальной пхеньянской иерархии, Ли Пхиль-гю отзывался довольно благосклонно, несмотря на его давнюю репутацию одного из самых преданных помощников Ким Ир Сена («Цой Ен Ген в Китае не был вместе с Ким Ир Сеном. Он имеет большой революционный стаж. По чину Цой Ен Ген был выше Ким Ир Сена. Они находились вместе только в СССР. Цой Ен Ген человек со своим умом. В последнее время проявляет некоторое недовольство деятельностью Ким Ир Сена»)<sup>143</sup>.

Визит Ли Пхиль-гю, важный сам по себе, не был ни случайным, ни единственным. Вскоре последовали новые встречи между оппозиционерами и советскими дипломатами. 21 июля в посольстве произошла беседа советника С. Н. Филатова с Пак Чхан-оком. После смерти Хо Ка-и именно Пак Чхан-ок стал фактическим лидером советских корейцев, хотя его влияние никогда не было

<sup>142</sup> Запись беседы А. М. Петрова с Ли Пхиль-гю. 14 июля 1956 г. Столь критическая позиция Ли Пхиль-гю по отношению к Пак Чхан-оку, который, очевидно, был другим участником оппозиционной группы (Пак Чхан-ок вскоре сам появился в Советском посольстве как еще один представитель оппозиции), могла объясняться тем, что вражда между членами различных фракций не прекратилась даже после того, как им пришлось объединиться ради общей цели.

<sup>143</sup> Там же.

таким же сильным, как влияние его предшественника (и соперника) Хо Ка-и. Как мы помним, Пак Чхан-ок, председатель Госплана, был вынужден уйти в отставку в январе 1956 г. в разгар кампании против советских корейцев, во время которой он стал одним из основных объектов нападков. После окончания кампании он получил новое назначение, однако можно предположить, что его гордость была глубоко уязвлена произошедшим. Во время встречи 21 июля Пак Чхан-ок рассказал Филатову, что на следующем Пленуме ЦК ТПК будет предпринята атака на Ким Ир Сена и что сам Пак Чхан-ок намерен в ней участвовать<sup>144</sup>.

Двумя днями позже, уже 23 июля в советском посольстве состоялась еще одна встреча. На этот раз С. Н. Филатов принимал Чхе Чхан-ика, вице-преьера Кабинета министров и члена Президиума ЦК ТПК (северокорейского Политбюро). Чхе Чхан-ик был заметным лидером яньаньской фракции. В свое время в Китае он был одним из двух заместителей председателя «Северокитайской Лиги независимости Кореи», корейской коммунистической организации, ставшей ядром будущей Новой Народной партии и впоследствии яньаньской фракции. В середине 1950-х гг. наибольшим авторитетом среди «яньаньцев» пользовался Ким Ту-бон, но этот пожилой ученый и публицист обычно не вмешивался в политические интриги. Фактическим лидером всей яньаньской группировки являлся именно Чхе Чхан-ик. Цель его визита в советское посольство была такой же, как у Ли Пхиль-гю и Пак Чхан-ока: он пришел, чтобы ознакомить посольство с планами отстранения Ким Ир Сена от власти.

Сначала Чхе Чхан-ик кратко сообщил о недавней сессии Президиума ЦК ТПК (21 июля), на которой Ким Ир Сен подробно рассказал о своем посещении Советского Союза и стран Восточной Европы. Затем Чхе Чхан-ик перешел к главному вопросу: «Я говорил Цой, все больше убеждаюсь, что Ким Ир Сен не понимает всего вреда, который он приносит своим поведением. Он скрывает инициативу членов Президиума и других руководящих работников партии и государства, он всех запугал, никто не может высказать своего мнения по тому или иному вопросу. За малейшие критические замечания люди подвергаются репрессиям. Он окружил себя подхалимами и бездарными работниками». Чхе Чхан-ик

<sup>144</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чхан Оком (зам. премьер-министра Кабинета Министров, член Президиума ЦК ТПК). 21 июля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

также критически высказался по адресу некоторых бывших партизан и *Ким Чхан-мана*<sup>145</sup>.

В соответствии с духом времени, Чхве Чхан-ик обвинял Ким Ир Сена главным образом в распространении культа личности в его разнообразных формах. Он говорил: «Ким Ир Сен, говорит Цой, не желает изменять формы и методы руководства, не желает подвергать критике и самокритике допущенные им недостатки. Такая линия Ким Ир Сена не может способствовать улучшению деятельности нашей партии и укреплению ее рядов. У нас в партии имеется культ личности Ким Ир Сена, он распространен и распространяется в широких масштабах, у нас в стране нарушается демократическая законность, не соблюдаются ленинские принципы коллективного руководства». Чхве Чхан-ик объяснил свой визит в посольство желанием сообщить советским представителям, что «на очередном Пленуме ЦК Ким Ир Сен по всей вероятности, будет подвергнут резкой критике, хотя это связано и с большим риском»<sup>146</sup>.

24 июля визиты оппозиционеров продолжились. В тот день состоялась встреча Ким Сын-хва с советником Филатовым. Ким Сын-хва, занимавший тогда пост министра строительства, принадлежал к советской группировке, был близким личным другом Пак Чхан-ока и тоже пострадал во время травли советских корейцев в конце 1955 г. Он пришел, чтобы передать свой недавний разговор с Ким Ту-боном, который тогда формально считался главой северокорейского государства. В ходе этого разговора, речь о котором пойдет далее, Ким Сын-хва и Ким Ту-бон обсуждали политическую ситуацию в КНДР и попытку свержения Ким Ир Сена<sup>147</sup>. 2-го августа посольство посетил еще один член яньаньской фракции — министр торговли Юн Кон-хым, которому суждено было сыграть едва ли не главную роль в грядущих событиях. Юн Кон-хым тоже встретился с Филатовым и подробно рассказал ему о важном совещании, которое прошло в ЦК ТПК 30 июля (детали этого интересного совещания также рассматриваются ниже)<sup>148</sup>. Это был

<sup>145</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Цой Чан Иком (зам. премьера, член Президиума ЦК ТПК). 23 июля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

<sup>146</sup> Там же.

<sup>147</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Ким Сын Хва (министр строительства, член Центрального Комитета ТПК). 24 июля 1956 г. АВП РФ. Фонд 0102, опись 12, дело 6, папка 68.

<sup>148</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Юн Кон Хымом (министр торговли). 2 августа 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

последний из череды неожиданных визитов. После него посещения членами оппозиции Советского посольства прекратились так же внезапно, как и начались. По крайней мере, среди доступных нам документов посольства записи таких бесед больше не встречаются.

Мы можем предположить, что частые посещения советского посольства в течение нескольких дней между 21 и 24 июля были продуманными акциями и являлись частью стратегического плана оппозиции. Это предположение подтверждается и тем, что все эти встречи произошли почти в одно и то же время, а содержание бесед, которые провели оппозиционеры с советскими дипломатами, было во многом идентичным. Представляется весьма вероятным, что таким образом заговорщики пытались обеспечить если не поддержку со стороны СССР, то хотя бы его нейтралитет, и в любом случае избежать впечатления, что нечто важное совершается за спиной Москвы и без ее ведома (мы будем называть оппозиционеров «заговорщиками», хотя, как мы увидим, они надеялись достичь своей цели легальными методами, действуя в рамках существующих политических институтов). Оппозиционеры имели основания опасаться, что внезапная атака на Ким Ир Сена, проведенная без предварительного одобрения Советского Союза, вызовет негативную реакцию Москвы, которая, в свою очередь, сделает их поражение почти неизбежным. Москва по-прежнему воспринималась как высший арбитр в северокорейской политике и во всем коммунистическом движении. Оппозиции требовалась советская поддержка или, по меньшей мере, советский нейтралитет, которого они и пытались добиться, встречаясь с сотрудниками посольства и разъясняя тем свои позиции.

Нетрудно заметить, что интенсивность визитов ощутимо возросла на следующий день после возвращения Ким Ир Сена из его зарубежной поездки. Это могло означать, что решение действовать было принято только после того, как Ким Ир Сен вернулся в Пхеньян, и там что-то узнали и о его недавних встречах в Москве. Как мы увидим, по крайней мере, до 26 июля считалось, что очередной пленум ЦК ТПК состоится 2 августа. Частые визиты заговорщиков в посольство могут объясняться именно тем, что оппозиция считала, что времени у нее почти не остается, и стремилась организовать выступление за оставшиеся одну-две недели.

Однако в жаркие июльские дни 1956 г. с советскими дипломатами встречались не только сторонники оппозиции. 24 июля А. М. Петров, который в отсутствие посла являлся поверенным в делах СССР, был приглашен для беседы Нам Иром, министром иностранных дел КНДР и бывшим советским вузовским преподавателем. По-

добно двум другим бывшим советским корейцам Пак Чжон-э и Пан Хак-се (последний был главой северокорейской службы безопасности с момента ее основания), Нам Ир очень рано перешел на сторону Ким Ир Сена и стал его стойким приверженцем. Тем не менее, когда ситуация в северокорейских правящих кругах осложнилась, Нам Ир считал необходимым связаться с советским посольством. Впрочем, не ясно, искал ли он там совета или же просто прощупывал советскую реакцию на назревающий кризис (последнее представляется нам более вероятным). Не исключено даже, что действовал Нам Ир по прямому поручению Ким Ир Сена. Будучи министром иностранных дел, Нам Ир не пошел в посольство, но 24 июля пригласил А. М. Петрова, исполняющего обязанности посла, в свой кабинет в МИДе.

Нам Ир рассказал А. М. Петрову, что 20 июля (как мы помним, это был первый день лихорадочной активности оппозиции) Пак Чхан-ок пришел к нему домой, чего раньше никогда не случалось. Как мы помним, Нам Ир только что вернулся из продолжительной зарубежной поездки, в которой он сопровождал Ким Ир Сена. Пак Чхан-ок, возможно, рассчитывая на фракционную солидарность Нам Ира, надеялся вовлечь его в заговор или, в крайнем случае, выяснить его позицию. Пак Чхан-ок сообщил Нам Иру, что группа членов ЦК ТПК собирается организовать на следующем пленуме выступление против Ким Ир Сена. По словам Пак Чхан-ока, на очередном пленуме ЦК Ким Ир Сен будет обвинен в неправильных методах руководства, насаждении культа личности и в преследовании советских корейцев. Пак Чхан-ок предлагал Нам Иру принять участие в этой акции<sup>149</sup>.

Нам Ир отнесся к этой идее крайне отрицательно. Он заметил А. М. Петрову, что «резкая критика Ким Ир Сена со стороны Пак Чан Ока и др. была бы неправильной. В условиях Кореи постановка вопроса о культе личности в такой резкой форме, как это собираются сделать Пак Чан Ок и др., поведет к нежелательным последствиям. Это может подорвать авторитет существующего руководства партии и правительства, дискредитировать Ким Ир Сена в глазах партийных масс и всего народа, вызвать большую дискуссию в партии». Вторя рассуждениям самого Ким Ир Сена, Нам Ир также добавил, что в критике Ким Ир Сена нет особой необходимости, поскольку тот сам осознал свои ошибки и стремится их исправить. Нам Ир заявил, что «Ким Ир Сен был всегда предан

<sup>149</sup> Запись беседы А. М. Петрова (временный поверенный в делах) с Нам Иром (министр иностранных дел). 24 июля 1956 г.

делу марксизма-ленинизма, генеральная линия ЦК ТПК правильная, лично сам Ким Ир Сен, хотя и несколько болезненно, но правильно воспринимает замечания в его адрес со стороны руководства ЦК КПСС». Кроме того, Нам Ир подчеркнул, что «при всех недостатках и ошибках Ким Ир Сена в КНДР нет человека, который мог бы заменить его». Затем Нам Ир прямо спросил Петрова, следует ли ему сообщать Ким Ир Сэну о своем разговоре с Пак Чхан-оком. А. М. Петров ответил, что Нам Ир должен это решить сам, но если разговор с Ким Ир Сэном все-таки состоится, то будет лучше избегать упоминания имен участников предполагаемого выступления<sup>150</sup>. Неясно, был ли принят во внимание этот совет.

Возможно, что нечто важное произошло 28 июля, когда А. М. Петров встретился с Нам Иром и Пак Чжон-э, двумя ведущими выходцами из советской группировки, давно перешедшими на сторону Ким Ир Сена. В его дневнике нет подробной информации об этом разговоре, только упоминается, что «содержание беседы сообщено в Москву телеграфом». Такая же запись, касающаяся новой встречи с Нам Иром, относится к 1 августа. Так как телеграммы остаются засекреченными, мы можем только догадываться о цели этого визита и его результатах. Тем не менее не вызывает сомнений, что он тоже был связан с развивающимся кризисом<sup>151</sup>. Позже нам придется снова вернуться к этим двум беседам, содержание которых и поныне неизвестно.

Несомненно, Ким Ир Сен был хорошо осведомлен о планах своих противников и сделал все возможное для того, чтобы эти планы расстроить. Всего через несколько часов после закрытия пленума, расстроившего планы оппозиции, один из его участников - Ко Хи-ман заметил первому секретарю советского посольства Г. Е. Самсонову, что «еще до пленума было известно, сказал Ко Хи Ман, что эта группировка намеревалась использовать предстоящий пленум для антипартийных выступлений против некоторых руководящих деятелей партии и правительства»<sup>152</sup>. Не вызы-

<sup>150</sup> Запись беседы А. М. Петрова с Нам Иром. 24 июля 1956 г.

<sup>151</sup> Дневник А. М. Петрова (временный поверенный в делах). 20 июля - 3 августа 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Упоминание телеграммы - далеко не единственная ссылка на важный документ, который существует, но до сих пор не доступен.

<sup>152</sup> Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь) с Ко Хи Маном (заведующий отделом ЦК ТПК по строительству и транспорту). 31 августа 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

вает сомнений, что с определенного момента оппозиция была в принципе не способна сохранить свои планы в тайне и что Ким Ир Сен располагал о них достаточной информацией. Кан Сан-хо (тогдашний заместитель министра внутренних дел) вспоминал, что летом 1956 г., когда Ким Ир Сен был за границей, его неожиданно вызвал к себе Чхве Ён-гон. Чхве Ён-гон сказал ему, что некоторые бывшие члены «группы М-И» («марксистско-ленинской группы» — марксистского кружка, который действовал в Сеуле в 1920-х гг. и положил начало яньаньской фракции) решили использовать зарубежную поездку Ким Ир Сена для подготовки «антипартийного заговора» и планируют выступить против Ким Ир Сена на очередном пленуме ЦК. Чхве Ён-гон распорядился принять меры по обеспечению безопасности Ким Ир Сена и, во-вторых, срочно вызвать из-за границы министра внутренних дел Пан Хак-се и начальника армейской службы безопасности Сок Сана<sup>153</sup>.

Первой акцией Ким Ир Сена был перенос пленума на более позднее время. В сентябре 1956 г. в Москве Ко Хи-ман с гордостью заявил советскому дипломату: «Зная, что выступление группы должно было иметь место на пленуме ЦК, руководство ЦК оттягивало созыв пленума, чтобы сбить эту группу с толку. Дата созыва пленума была объявлена за день до созыва, что и дезорганизовало их выступление»<sup>154</sup>. Это кажется правдой. 26 июля Ким Ир Сен сказал Петрову, что очередной пленум ЦК ТПК состоится 2 августа<sup>155</sup>. Эта же дата упоминалась и 21 июля<sup>156</sup>. Вероятнее всего, Ким Ир Сен лгал советским дипломатам вполне намеренно. Очевидно, он стремился использовать советское посольство для того, чтобы ввести в заблуждение своих противников — тем более что на

<sup>153</sup> Воспоминания Кан Сан-хо (рукопись, копия находится в архиве автора).

Согласно «Pukhan inmyong sajŏn» (С. 201), в 1956 г. Сок Сан был главой Политуправления министерства национальной безопасности Северной Кореи, но Кан Сан-хо упоминает его именно как начальника армейской контрразведки. Скорее всего, прав именно Кан Сан-хо, так как впоследствии Сок Сан долгое время был одним из руководителей северокорейских спецслужб.

<sup>154</sup> Запись беседы С. П. Лазарева (первый секретарь Дальневосточного отдела МИД СССР) с Ко Хи Маном (член делегации Верховного Народного Собрания), 18 сентября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

<sup>155</sup> Дневник А. М. Петрова (временный поверенный в делах). 20 июля — 3 августа 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

<sup>156</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Цой Чан Иком (зам. премьера, член Президиума ЦК ТПК). 23 июля 1956 г.

его месте нельзя было быть до конца уверенным в том, на чьей стороне в итоге окажется Москва (или тот или иной конкретный советский дипломат). В самый последний момент по причинам, которые откровенно объяснил Ко Хи-ман, пленум был отложен до конца августа, причем, как мы видели, даже сами члены ЦК не знали о дне проведения пленума до самого последнего момента. Таким образом, Ким Ир Сен выиграл время, необходимое для расстройств планов оппозиции. Как показали последовавшие события, в течение августа Ким Ир Сен обеспечил себе поддержку большинства членов ЦК, тогда как оппозиция, до самого последнего момента оставшаяся в неведении, была вынуждена оставаться пассивной (вероятно, прекращение контактов между оппозицией и советским посольством отражает эту задержку, так как оппозиции оставалось только ждать развития событий).

Одной из главных задач Ким Ир Сена было максимальное сокращение числа потенциальных мятежников и их сторонников. Мы мало знаем о той «индивидуальной работе», которая проводилась с ненадежными членами Центрального Комитета, хотя, несомненно, такая работа имела место: потенциально ненадежных, как можно предположить, с одной стороны, запугивали угрозами репрессий, а с другой — подкупали обещаниями всяческих благ и карьерного роста. В распоряжении Ким Ир Сена и его сторонников имелось то, что в нынешней России вежливо именуется «административным ресурсом», и ресурс этот они использовали максимально. Однако нам известно о некоторых мерах, направленных на обеспечение широкой поддержки в партийных массах. 29 июля Ким Ир Сен встретился с группой высших чиновников страны (зам. премьера Кабинета министров и заместителями председателя ТПК), чтобы рассказать им о своем недавнем визите в Москву и другие коммунистические столицы. На следующий день та же информация была представлена Президиуму ТПК. Существует подробное описание этих встреч, которое Чхве Чхан-ик 23 июля представил Филатову.

Среди прочего Ким Ир Сен упомянул и кризис в Польше. Ситуация там была непростой: с конца июля в Познани шли массовые волнения, которые вскоре развились в массовое антиправительственное движение. В своем выступлении Ким Ир Сен подчеркнул, что кризис был спровоцирован ошибками и недоработками руководства Польши. Во-первых, «после смерти Берута в Польше нет пока что твердого руководства в партии». Во-вторых, «руководители польской партии слишком широко рассказали народу о решении XX съезда КПСС по вопросу культа личности Сталина».

В-третьих, польские руководители «не изучали настроение интеллигенции, которая активно участвовала в указанных событиях». По словам Чхве Чхан-ика, Ким Ир Сен в своем выступлении заявил, что наилучший стиль руководства (то самое «твердое руководство») можно найти в Румынии и Албании, то есть как раз в тех странах, которые сумели избежать даже умеренной десталинизации и которые в скором будущем сумеют дистанцироваться от Москвы<sup>157</sup>. Пожалуй, в этом замечании проявилось немалое политическое чутье Великого Вождя, который уже на такой ранней стадии почувствовал, какие из восточноевропейских режимов наиболее близки ему по духу.

Идея, которую Ким Ир Сен стремился донести до сознания северокорейской руководящей элиты, заключалась в следующем: десталинизация несет политическую нестабильность и может поставить под угрозу власть и даже безопасность северокорейской номенклатуры. Чтобы избежать политических осложнений, настаивал Ким Ир Сен, следует уделять особое внимание контролю над информацией, не говорить народу «слишком много» и, конечно же, сохранять «твердое руководство» и контроль над ситуацией.

Однако Ким Ир Сен не просто описывал потенциальные опасности, связанные с десталинизацией. Он не ограничивался тем, что запугивал северокорейскую элиту рискованными последствиями, к которым могут привести излишне поспешные и непродуманные реформы. Одновременно с этим Ким Ир Сен пытался апеллировать и к либерально настроенной части аудитории, признавая необходимость определенных перемен в стране и заявляя, что сам собирается исправить все накопившиеся ошибки. Это был его излюбленный тактический прием, практиковавшийся им, по крайней мере, с февраля 1956 г., причем не только в отношении северокорейского «внутреннего круга», но и в отношении советского руководства в Москве<sup>158</sup>.

Помимо вышеупомянутых выступлений Ким Ир Сена, похожей линии придерживались в своих выступлениях и деятели из его ближайшего окружения. 30 июля состоялось совещание руководителей отделов ЦК ТПК и их заместителей, на котором

<sup>157</sup> Запись беседы С. Н. Филатова с Цой Чан Иком. 23 июля 1956 г.

<sup>158</sup> Первый случай такой «самокритики» относится к 18 февраля, когда Ким Ир Сен выступил с речью перед группой высших государственных и партийных функционеров. Вскоре один из участников встречи сообщил об этом в посольство. См.: Запись беседы С. Н. Филатова с Пак Ы Ваном. 21 февраля 1956 г.

присутствовали и несколько министров Кабинета. Сведения об этом совещании содержатся в записи беседы С. Н. Филатова с Юн Кон-хымом, которая состоялась в советском посольстве двумя днями позже. С докладами на совещании 30 июля выступили заместитель председателя ЦК ТПК Пак Кым-чхоль и секретарь ЦК Пак Чжон-э. Они заслуженно считались доверенными лицами Ким Ир Сена, поэтому их речи были восприняты как заявления самого Ким Ир Сена. Идеи и структура обоих выступлений почти совпадали, и общий их тон был примирительным, даже покаянным.

Пак Кым-чхоль признавал, что в работе аппарата ЦК ТПК «имелись серьезные ошибки». Он констатировал: «Прежде всего у нас в партии существовал и пока что существует культ личности Ким Ир Сена. Но он не представлял и не представляет такой опасности, как в свое время в КПСС культ личности Сталина. Поэтому руководство ЦК ТПК и решило постепенно преодолеть культ личности и его последствия, не вынося этого вопроса на широкое обсуждение партийных масс»<sup>159</sup>. Пак Кым-чхоль тоже заявлял, что «ЦК ТПК допустил ошибки в подборе и расстановке руководящих кадров. На руководящие посты выдвинуто ряд работников, которые не внушают политического доверия». Он обещал, что в конечном итоге эти ошибки будут постепенно устранены: «И в этом вопросе руководство ЦК ТПК решило постепенно заменить всех тех, кому не доверяет партийная масса»<sup>160</sup>. Это был явственный намек на то, что некоторые руководители, недавно потерявшие свои посты, получают шанс вернуться, а другие, претендующие на большее, смогут надеяться на повышение. Наконец, Пак Кым-чхоль косвенно затронул и вопрос о культе личности, признав, что северокорейская пропаганда преувеличивала историческую роль «Общества Возрождения Родины» - нелегальной организации, которая в 1930-х гг. действовала в пограничных районах Северной Кореи и была тесно связана с партизанами Ким Ир Сена.

В очень похожей манере выступала и Пак Чжон-э (Пак Ден Ай). Она тоже признала наличие в КНДР культа личности, но призывала к спокойному и осторожному решению этой проблемы: «Во время пребывания нашей делегации в Москве вопрос о культе личности в нашей партии обсуждался на совещании с руково-

<sup>159</sup> Запись беседы С. Н. Филатова с Юн Кон Хымом. 2 августа 1956 г.

<sup>160</sup> Там же.

дителями КПСС. Учитывая, что культ личности Ким Ир Сена не представляет опасности в нашей партии, мы решили не обсуждать широко этого вопроса, а постепенно преодолеть недостатки в нашей работе, связанные с культом личности. Но некоторые видные работники партии, сказала Пак Ден Ай, за время отсутствия Ким Ир Сена стали открыто выступать и требовать широкого обсуждения в партии вопроса культа личности и необходимости борьбы за его преодоление. Пак Ден Ай угрожала, что руководство и партия не позволят расколоть и ослабить партию. Как внутренняя, так и внешняя обстановка, сказала Пак Ден Ай, требует единства действий партии. Всякое ее малейшее ослабление принесет вред развитию нашей революции». «Руководство КПСС не будет вмешиваться в дела нашей партии, предоставит ей возможность самой решить все эти вопросы», - многозначительно добавила Пак Чжон-э<sup>161</sup>. Пак Чжон-э тоже пообещала, что виновные в гонениях на советских корейцев в конце 1955 г. и начале 1956 г. понесут наказание: «Ряд работников в свое время организовали кампанию против советских корейцев, добивались от ЦК ТПК снятия многих советских корейцев с занимаемых ими руководящих постов. Руководство решило всех этих работников разоблачить, показать, какой вред они своими неправильными действиями принесли партии». Это заявление являлось очевидной попыткой заручиться поддержкой советской фракции перед лицом «яньаньской угрозы», поскольку все знали, что организаторы кампании против советских корейцев принадлежали, главным образом, к яньаньской фракции. В то же время Пак Чжон-э в принципе осудила любой фракционализм: «Надо покончить с делением корейцев на советских, китайских, местных и корейцев, прибывших с юга. Надо жить семьей и бороться за объединение страны»<sup>162</sup>.

Несомненно, оба доклада были написаны в соответствии с генеральной линией Ким Ир Сена и, по всей видимости, одобрены им самим. Их общая тональность вполне соответствовала той тактике, которой Ким Ир Сен придерживался летом 1956 г., в условиях назревающего кризиса. Снова признавалось, что выдвинутые против Ким Ир Сена обвинения, в том числе и самое существенное из них - обвинение в существовании в КНДР «культа личности», имеют под собой некоторые основания. Одна-

<sup>161</sup> Запись беседы С. Н. Филатова с Юн Кон Хымом. 2 августа 1956 г.

<sup>162</sup> Там же.

ко это признание сопровождалось обещанием, что сам Ким Ир Сен осознал допущенные ошибки и старается постепенно исправить ситуацию, избегая при этом опасного радикализма. Такая стратегия была направлена на то, чтобы снизить уровень недовольства в партийном руководстве и продемонстрировать потенциальным диссидентам, что в каких-то поспешных действиях нет необходимости. Ту же цель преследовали и примирительные замечания Ким Ир Сена и его доверенных лиц, адресованные советским корейцам. После недавней кампании против советских корейцев Ким Ир Сен стремился нейтрализовать недовольство, возникшее в их среде, и таким образом предотвратить возможный союз советской и яньаньской группировок. В конечном счете примирительная стратегия Ким Ир Сена достигла успеха: спустя месяц вызов, брошенный оппозицией, поддержала лишь горстка советских корейцев. В то же время Ким Ир Сен устами Пак Чжон-э ясно давал понять, что Советский Союз едва ли вмешается в конфликт на стороне оппозиции.

Как это часто бывает, намеки на новую политическую линию проявились и в открытой печати. 1 августа 1956 г. «Нодон синмун» опубликовала пространную передовую статью, разъяснявшую идеологическую ситуацию в СССР и по-новому представлявшую официальные советские концепции: мирное сосуществование, множественность путей к социализму, коллективное руководство и т. д. Все эти идеи в скором времени стали для пхеньянских идеологов анафемой, но в статье от 1 августа все они были представлены в весьма выгодном свете. Показательно, что особое внимание в статье уделялось такой «неудобной» для Ким Ир Сена части новой советской идеологии, как «культ личности». Общий смысл статьи в «Нодон синмун» не слишком отличался от заявлений, незадолго до того сделанных самим Ким Ир Сеном на собраниях высших функционеров. Разница заключалась, пожалуй, лишь в степени открытости — газетные авторы не могли быть столь же откровенны со своей аудиторией. Они были вынуждены подавать информацию, используя традиционный политико-культурный код, который был вполне понятен искушенному читателю официальной прессы. Прежде всего автор передовицы соглашался с тем, что культ личности — это ошибка и утверждал, что «всем ясно, что идеология культа личности не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом». Также в статье содержались намеки на то, что ТПК и сам Ким Ир Сен делают все возможное для решения проблемы. Сразу за критическими замечаниями о культе личности Сталина, передовица цитировала те отрывки из речи Ким Ир Сена на III съезде ТПК,

в которых он обещает следовать «историческим решениям» XX съезда. Однако главный упор в статье делался на попытки «врагов рабочего класса» использовать новые тенденции для того, чтобы «внести раскол» в коммунистическое движение и уничтожить «великие достижения» социалистических стран. Очевидный вывод был таким же, как и в других официальных заявлениях по данному вопросу: культ личности, в общем-то, является ошибкой, и против него надо, конечно же, надо бороться, но делать это следует спокойно и сдержанно, иначе коварные враги воспользуются ситуацией в своих целях.

## 5. «АВГУСТОВСКАЯ ГРУППА» НАКАНУНЕ АВГУСТА: УЧАСТНИКИ, ЦЕЛИ, МЕТОДЫ

Новые материалы, ставшие доступными в последнее десятилетие, позволяют дать более точные ответы на некоторые вопросы, касающиеся внутривнутрипартийной оппозиции, и одновременно поставить новые вопросы, на которые пока, к сожалению, нет возможности дать определенный ответ.

Доступные нам данные не позволяют с уверенностью сказать, когда именно сформировалась оппозиционная группа. Однако очевидно, что оппозиция уже существовала и была достаточно хорошо организована к середине лета — точнее, к 20 июля, то есть к тому моменту, когда Ким Ир Сен вернулся из своей зарубежной поездки и когда начались частые визиты заговорщиков в Советское посольство. В этом отношении представляет интерес поведение Ли Сан-чжо, который, несмотря на то, что занимал должность посла в СССР и обычно находился в Москве, поддерживал тесные связи с оппозицией. В частности, 9 августа 1956 г. он предупреждал советских дипломатов о грядущих событиях. Показательно, что Ли Сан-чжо начал открыто критиковать Ким Ир Сена именно в первых числах июля<sup>163</sup>. В конце июня или начале июля Ким Сын-хва встретился с Ким Ту-боном, чтобы выяснить отношение последнего к возможному выступлению высших чиновников против Ким Ир Сена<sup>164</sup>. Чтобы достичь к концу июля известного нам уровня организации, оппозиция должна была существовать, по

<sup>163</sup> Запись беседы И. Ф. Курдюкова (зав. Дальневосточным отделом МИД СССР) с Ли Сан Чо (посол КНДР в СССР). 16 июля 1956 г.

<sup>164</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Ким Сын Хва (министр строительства, член ЦК). 24 июля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

меньшей мере, с июня, а скорее — уже с весны 1956 г. В то же время оппозиционная группа едва ли могла сформироваться ранее 1955 г., ведь ее программа отражала то влияние, которое антисталинская кампания в СССР оказала на северокорейскую политику. Впрочем, возможно, что попытки определить точную дату возникновения «августовской группы» в принципе бессмысленны, так как группа формировалась постепенно.

После августовских событий немало высокопоставленных партийных работников, в основном выходцев из яньаньской и советской группировок, подверглись репрессиям или же, спасаясь от ареста, были вынуждены бежать из страны. Все они обвинялись в том, что поддерживали оппозицию и являлись соучастниками заговора. В большинстве случаев эти обвинения едва ли имели под собой основания — оппозиционная группа едва ли была так уж велика. В тех документах советского посольства, которые были составлены еще до августовских событий, упоминается менее десятка имен заговорщиков. В этих бумагах встречаются сведения об оппозиционной деятельности Чхве Чхан-ика (вице-премьер), Ли Пхиль-гю, Юн Кон-хыма, Со Хви (руководитель официальных профсоюзов), Пак Чхан-ока (вице-премьер), Ким Сын-хва (министр строительства) и Ли Сан-чжо (посол в Москве). Все эти деятели принадлежали к высшему эшелону северокорейской политической элиты. За исключением Ли Пхиль-гю и Ли Сан-чжо, все они были членами ЦК ТПК. Ли Пхиль-гю и Ли Сан-чжо, впрочем, тоже входили в состав ЦК ТПК, но являлись там только кандидатами в члены. Несомненно, что это — далеко не полный список заговорщиков. Можно предположить, что в высших органах КНДР, в том числе и в ЦК ТПК, были и другие активные сторонники оппозиции, о взглядах которых в советском посольстве тогда не знали, но едва ли таких людей было очень много<sup>165</sup>. Как мы увидим далее, «августовский заговор» во многом отражал настроения корейской интеллигенции и части партийного аппарата, но при этом все-таки

<sup>165</sup> Сразу после завершения пленума, 31 августа, один из его участников — Ко Хи-ман встретился с советским дипломатом в театре Моранбон и, заметно волнуясь, сообщил тому о случившемся. Этот рассказ Ко Хи-мана, сделанный и записанный по горячим следам событий, является самым достоверным из доступных нам отчетом об августовском пленуме. Ко Хи-ман сообщил, что с критикой Ким Ир Сена выступили или попытались выступить Юн Кон-хым, Со Хви, Чхве Чхан-ик, Пак Чхан-ок и Ли Пхиль-гю. См.: Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь) с Ко Хи Маном (заведующий отделом ЦК ТПК по строительству и транспорту). 31 августа 1956 г.

оставался делом очень небольшой группы людей в высшем руководстве страны.

Впоследствии официальные северокорейские документы почти всегда включали в число заговорщиков и Пак Ый-вана, резковато-прямолинейного технократа из числа советских корейцев. Эти утверждения часто встречаются и в позднейших работах историков (см., например, работы Лим Ына и Ким Хак-чжуна)<sup>166</sup>, однако похоже, что Пак Ый-ван был включен в список оппозиционеров задним числом. Его имя не упоминалось в доавгустовских документах посольства, и до конца 1957 г. его не обвиняли в причастности к заговору даже официальные власти. Принимая во внимание его тесные контакты с посольством, было бы странным полагать, что, будучи заговорщиком, он не связался бы с советскими дипломатами. Вероятно, Пак Ый-ван не входил в число непосредственных участников заговора, но он мог знать о планах оппозиции и, скорее всего, сочувствовал им. На это указывают как его контакты с Л. И. Брежневым во время третьего съезда ТПК, о которых уже шла речь выше, так и те критические реплики, которые встречаются в записях бесед Пак Ый-вана и советских дипломатов.

Ким Ту-бона, признанного лидера яньаньской фракции, человека пожилого и сторонящегося политических интриг, тоже, строго говоря, нельзя считать членом оппозиции, хотя позднее он был репрессирован именно как сторонник оппозиционного движения. Факты свидетельствуют о том, что Ким Ту-бон, по меньшей мере, знал о существовании оппозиции и, вероятно, разделял ее идеи. 24 июля Ким Сын-хва рассказал Филатову о двух своих недавних встречах с Ким Ту-боном (они вместе пообедали), во время которых последний говорил об экономических трудностях и лишениях, которые терпит народ, и неумеренном восхвалении Ким Ир Сена: «Ким Ду Бон высказал мнение, что в ТПК широко распространен культ личности Ким Ир Сена и что, как показали события после XX съезда КПСС, во всех коммунистических партиях ведется большая работа по преодолению культа личности и его последствий, но в нашей партии пока что ничего не делается. Наоборот, у нас пытаются убедить народ в том, что у нас нет культа личности, и что у нас строго соблюдаются ленинские принципы коллективного руководства, и что Ким Ир Сен не хочет выступить с критикой

<sup>166</sup> Lim Un. The Founding of a Dynasty...; Kim Hak-jun. Pukhan 50 ny5n sa [50 лет истории Северной Кореи]. P. 190.

своих ошибок»<sup>167</sup>. Однако похоже, что Ким Ту-бон по-прежнему возлагал все надежды на вмешательство всемогущего «старшего брата». В частности, он сказал Ким Сын-хва: «Вам, как коммунисту [...] следовало бы написать письмо в ЦК КПСС, в котором рассказать о положении дел в нашей партии».

Ким Сын-хва возразил Ким Ту-бону, высказавшись в том смысле, что вопрос надо решать самостоятельно, не уповая на Кремль. Он сказал, что «следует все эти вопросы поставить на Президиуме и на Пленуме ЦК ТПК и принять такое решение, которое помогло бы преодолеть культ личности Ким Ир Сена и значительно улучшить руководство страной». Впрочем, эта идея Ким Ту-бону не показалась особо реалистичной. Он ответил, что «внутри партии едва ли найдутся такие силы, которые правильно подойдут к разрешению этого вопроса. Да и положение у нас такое, что не каждый решится выступить с критикой Ким Ир Сена»<sup>168</sup>. Предсказание Ким Ту-бона оказалось совершенно правильным. Тем не менее доступные нам советские документы изображают Ким Ту-бона скорее пассивным сторонником, чем активным участником оппозиции. Такого отношения следовало ожидать: отвращение, которое к тому времени Ким Ту-бон стал испытывать к политике как таковой, было известно всем. Например, в мае 1956 г. Пак Киль-ён говорил о нем так: «Член президиума ЦК ТПК, умный старик, уважаемый всеми Ким Ду Бон, держится пассивно, предпочитает заниматься не столько государственными и политическими делами, сколько разведением цветов»<sup>169</sup>.

Среди оппозиционеров, имена которых упоминались в посольских документах в связи с подготовкой августовского выступления, имелось только двое советских корейцев — Пак Чхан-ок и Ким Сын-хва. При этом следует помнить, что большинство высокопоставленных советских корейцев в те времена имело обыкновение обсуждать все щекотливые вопросы с советскими дипломатами. Это, в частности, хорошо проявилось несколькими месяцами ранее, во время кампании против советских корейцев в конце 1955 г. Принимая во внимание это обстоятельство, мы можем быть практически уверенными в том, что если и существовали другие высокопоставленные советские корейцы, изначально поддерживавшие

<sup>167</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Ким Сын Хва (министр строительства и член Центрального Комитета ТПК) 24 июля 1956 г.

<sup>168</sup> Там же.

<sup>169</sup> Запись беседы В. И. Иваненко (первый секретарь Дальневосточного отдела МИД СССР) с Пак Киль Еном (посол КНДР в ГДР). 17 мая 1956 г.

опозицию, то таковых было очень немного. Скорее всего, в тех условиях любой советский кореец перед принятием подобного решения зашел бы «посоветоваться» в посольство, и его имя неизбежно появилось бы в доступных нам посольских документах.

Даже сам Пак Чхан-ок, как представляется, не был среди непосредственных основателей «августовской группы». До конца весны 1956 г. он неодобрительно относился к яньаньской фракции и лично к Чхве Чхан-ику. Например, в марте 1956 г. в разговоре с советским дипломатом Пак Чхан-ок обвинял Чхве Чхан-ика в предвзятости к советским корейцам и вообще говорил о Чхве Чхан-ике с неприкрытой враждебностью<sup>170</sup>. Взаимная неприязнь яньаньской и советской фракций была хорошо известна, и Чхве Чхан-ик не без оснований считался непримиримым врагом советских корейцев<sup>171</sup>. Однако, когда Ким Ир Сен в конце 1955 г. развернул кампанию против советских корейцев, ее первыми мишенями, как мы помним, стали Пак Чхан-ок и Пак Ён-бин, поэтому вероятно, что принятое Пак Чхан-оком решение вступить в ряды оппозиции во многом было вызвано его стремлением отомстить за недавние обиды. Показательно, что во время беседы с советским дипломатом он, описывая свою будущую речь на Пленуме, сосредоточился на явлениях, вызывавших недовольство у него лично и у его товарищей по фракции. «Прежде всего, [...] я буду критиковать Ким Ир Сена за то, что он не выступает сам против культа личности, созданного им самим и его окружением. В этом вопросе я также несу определенную ответственность, в чем я признаюсь Пленуму ЦК. Остановлюсь на неправильном отношении Ким Ир Сена к советским корейцам. Организованная им кампания против советских корейцев и прежде всего против меня и Пак Ен Бина [...] не способствовала укреплению рядов партии, наоборот, она внесла

<sup>170</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чан Оком (заместитель премьера Кабинета Министров КНДР и член Президиума ЦК ТПК). 12 марта 1956 г.

Позже, 24 мая, Ким Сын-хва выразил свою неприязнь по отношению к «националисту» Чхве Чхан-ику и, по-видимому, не видел особой разницы между ним и Пак Кым-чхолом, верным помощником Ким Ир Сена. См. Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Ким Сын Хва (министр строительства и член ЦК ТПК). 24 мая 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

<sup>171</sup> Ким Чхан, бывший директор Государственного банка Северной Кореи и член ЦК ТПК говорил автору, что он «знал Чхве Чхан Ика... Очень он СССР не любил, хотя часто сюда ездил». Интервью с Ким Чханом. Ташкент, 15 января 1991 г.

нездоровые настроения, недоверие к друг другу, подозрительность и т.д. Укажу [...] что советских корейцев надо критиковать, как и всех критикуют за допущенные ошибки, но организовывать кампанию против всех советских корейцев это делать никому не позволительно»<sup>172</sup>.

Уже после «августовского инцидента» среди корейских чиновников широко распространилось представление о том, что Пак Чхан-ок примкнул к оппозиции главным образом по личным причинам, из-за тех гонений, которым он подвергся на рубеже 1955 г. и 1956 г. В феврале 1957 г. тогдашний зам. министра связи Син Чхон-тхэк сказал двум советским журналистам, «что Пак Чан Ок не принадлежал ранее к этой группе, что они просто его привлекли, используя его обиды в отношении руководства»<sup>173</sup>. Действия Ким Сын-хва, другого советского корейца-оппозиционера, можно отчасти объяснить его солидарностью с Пак Чхан-ок, который был его близким другом.

Доступные нам материалы позволяют достаточно четко определить главные политические цели оппозиции и те методы, которыми она собиралась воспользоваться для достижения этих целей. Во-первых, заговорщики намеревались отстранить от власти Ким Ир Сена и его окружение, заменив их новыми лидерами, которые, естественно, были бы выходцами из их круга. Члены оппозиции высказывались по этому поводу довольно откровенно. 9 августа Ли Сан-чжо, который всего за пару месяцев до этого утверждал, что одного только прямого вмешательства советского руководства будет достаточно для «перевоспитания» Ким Ир Сена<sup>174</sup>, заявил советскому дипломату о необходимости отстранения Ким Ир Сена от власти. Посол даже назвал имена тех лидеров, которые после падения Ким Ир Сена займут в КНДР высшие посты<sup>175</sup>. Один из упомянутых Ли Сан-чжо политиков - Чхве

<sup>172</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чан Окком (зам. премьера, членом ЦК ТПК). 21 июля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68. Многоточиями [...] заменены выражения, указывающие на цитирование речи — «Пак Чан Ок сказал» и т. п.

<sup>173</sup> Запись беседы Р. Г. Окулова (корреспондент «Правды») и С. В. Васильева (корреспондент ТАСС) с Син Чхон Тхэком (заместитель министра связи). 3 февраля 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

<sup>174</sup> Запись беседы И. Ф. Курдюкова (зав. Дальневосточным отделом МИД СССР) с Ли Сан Чо (посол КНДР в СССР). 16 июня 1956 г.

<sup>175</sup> Запись беседы И. Ф. Курдюкова (зав. Дальневосточным отделом МИД СССР) с Ли Сан Чо (посол КНДР в СССР). 9 августа 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

Чхан-ик примерно в это же время встретился с советским дипломатом в Пхеньяне. Он не был столь откровенен и утверждал, что главной целью оппозиции является оздоровление внутривластной ситуации. Тем не менее Чхе Чхан-ик тоже намекнул, что решение этой задачи в конечном итоге может потребовать и отстранения Ким Ир Сена от власти<sup>176</sup>.

Какие причины стояли за решением ряда высших руководителей страны выступить против Ким Ир Сена? Ответ на этот вопрос навсегда останется, по крайней мере отчасти, в области догадок, и глубинные мотивы людей, отважившихся в 1956 г. бросить вызов Ким Ир Сэну и его режиму, никогда не будут раскрыты полностью. Тем не менее в доступных документах содержится информация, которая позволяет выдвинуть предположения о том, чем руководствовались лидеры и участники оппозиционной группы.

Конечно же, члены «августовской группы» не были неподкупными идеалистами, которыми двигала только вера в высшие идеалы. В значительной степени ими руководили застарелая фракционная неприязнь и стремление к власти. Записи бесед с оппозиционерами полны личных нападок на политиков, принадлежавших к другим группировкам. Хотя сами оппозиционные чиновники утверждали, что они стремились избавиться государственный аппарат от «слабых работников», выдвинутых на руководящие посты Ким Ир Сэном. Но можно предположить, что в действительности за большинством таких обвинений стояли личные политические амбиции и желание избавиться от соперников. Показательно, что с особым ожесточением участники оппозиции критиковали приближенных Ким Ир Сэна, главным образом, бывших партизан. Доставалось также и членам иных группировок, которые перешли на сторону Ким Ир Сэна — например, Нам Иру и Пак Чжон-э из советской группировки, Ким Чхан-ману из группировки яньаньской и, конечно же, непотопляемому Хан Соль-я. Резкие выпады против этих сторонников Ким Ир Сэна часто звучали во время бесед оппозиционеров с советскими дипломатами. Во время этих бесед диссиденты чрезвычайно критически отзывались о некоторых приближенных Ким Ир Сэна. В число этих деятелей входили Хан Соль-я, Ким Чхан-ман, Ким Иль, Лим Хэ, Пак Кым-чхоль, Хан Сан-ду, Ли Чон-ок,

<sup>176</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Цой Чан Иком (зам. премьера, член Президиума ЦК ТПК). 23 июля 1956 г.

и Чон Чун-тхэк<sup>177</sup>. Нельзя не заметить, что члены яньаньской группировки также часто критиковали двух советских корейцев - Пак Чжон-э и Нам Ира, в то время как Пак Чхан-ок, наоборот, открыто защищал Пак Чжон-э и отвергал слухи о том, что в колониальные времена она спасла свою жизнь ценой сотрудничества с японской полицией (видимо, такие слухи были достаточно распространены в корейской элите).

Стоит повторить, что оппозиционеры вначале считали своим потенциальным сторонником и Чхве Ён-гона, хотя последующие события показали, что это далеко не так (это со временем осознала и оппозиция - позже, в ходе августовского Пленума, Чхве Ён-гон стал одним из главных объектов критики)<sup>178</sup>. Принимая во внимание замечание Кан Сан-хо о той роли, которую сыграл Чхве Ён-гон в срыве планов оппозиции, а также его последующее возвыше-

<sup>177</sup> В 1956 г. они занимали следующие позиции:

Хан Соль-я — член Центрального Комитета (в апреле 1956 г. — 18-я позиция в опубликованном списке ЦК), председатель Союза писателей, главный литературный чиновник Северной Кореи.

Ким Чхан-ман — член Центрального Комитета (в апреле 1956 г. — 27-я позиция в опубликованном списке ЦК), вице-председатель ТПК, кандидат в члены Президиума, министр образования (до мая 1956 г.), лицо, ответственное за партийную пропаганду и идеологию.

Ким Иль - член Центрального Комитета (в апреле 1956 г. - 5-я позиция в опубликованном списке ЦК), член Президиума, вице-премьер.

Лим Хэ — член Центрального Комитета (в апреле 1956 г. — 20-я позиция в опубликованном списке ЦК).

Пак Кым-чхоль - член Центрального Комитета (в апреле 1956 г. — 6-я позиция в опубликованном списке ЦК), вице-председатель ЦК ТПК, член Президиума.

Хан Сан-ду - член Центрального Комитета (в апреле 1956 г. — 11-я позиция в опубликованном списке ЦК).

Ли Чон-ок - член Центрального Комитета (в апреле 1956 г. — 22-я позиция в опубликованном списке ЦК), кандидат в члены Президиума, председатель Госплана КНДР.

Чон Чун-тхэк - член Центрального Комитета (в апреле 1956 г. - 24-я позиция в опубликованном списке ЦК), вице-премьер (с мая 1956 г.).

Биографические сведения взяты из: Suh Dae-sook. Korean Communism 1945-1980: A Reference Guide to the Political System; а также Pukhan inmyong sajon.

<sup>178</sup> И Чхве Чхан-ик, и Ли Пхиль-гю в уже упоминавшихся разговорах с советскими дипломатами упоминали Чхве Ён-гона в числе тех партийных работников, которые выражали свое недовольство политикой Ким Ир Сена. Это мнение подтверждалось Пак Чхан-оком, который, впрочем, в ходе беседы высказал и некоторые неопределенные «подозрения» относительно истинных мотивов поведения Чхве Ён-гона.

ние, нельзя исключать того, что на том этапе Чхве Ён-гон вводил оппозиционеров в заблуждение совершенно сознательно. Можно предположить, что Чхве, действуя в интересах Ким Ир Сена и, возможно, даже по прямому распоряжению последнего, сознательно попытался «стать своим» среди недовольных, чтобы таким образом собрать информацию о планах оппозиции или вынудить врагов Ким Ир Сена совершить необдуманные действия. Большое внимание, которое оппозиция уделяла «кадровому вопросу», то есть назначениям на высшие посты, было отражением постоянной борьбы между фракциями, которая не прекращалась в партийном и государственном руководстве КНДР ни на минуту.

Итак, оппозиционеры не были идеалистами. Однако было бы неверно представлять оппозицию исключительно в виде карьеристов, которые всего лишь стремились использовать новую международную и внутреннюю ситуацию для устранения своих личных или политических врагов и захвата власти. Жажда власти или личная месть были не единственными мотивами, которыми руководствовались оппозиционные сановники. Немалую роль играли и идеологические соображения, стремление создать более гуманную и, в известном смысле, более демократическую Северную Корею, жизнь в которой была бы и свободнее, и богаче. Они собирались десталинизировать КНДР, и привести ее внутреннюю политику в соответствие с теми тенденциями, которые тогда преобладали в международном социалистическом лагере.

Особое недовольство вызывал культ личности Ким Ир Сена, который упоминался сторонниками оппозиции практически при каждой встрече с советскими дипломатами. Другой часто упоминавшейся проблемой были «нарушения социалистической законности», что на коммунистическом политическом жаргоне после сталинских лет являлось стандартным эвфемизмом для обозначения массовых арестов, бессудных казней и применения пыток. Кроме того, оппозиционеры часто описывали страдания простого народа, вызванные сосредоточением всех усилий на развитии тяжелой промышленности и невниманием к жизни простых людей. Этот вопрос поднял Ким Сын-хва в беседе с Ким Ту-боном, о нем упоминали Чхве Чхан-ик и Ли Сан-чжо во время их встреч с советскими дипломатами, и, наконец, об этой проблеме много говорил Ли Пхиль-гю. Стоит, пожалуй, привести его слова полностью, так как они представляют собой мнение хорошо информированного чиновника о ситуации в корейской глубинке: «80 % населения Кореи составляет крестьянство. Крестьянство после освобождения Кореи получило все возможности для того, чтобы лучше жить.

Но крестьянство живет очень плохо. Правительство проводило неправильную налоговую политику. Вместо 23-27 % натурального налога в течение 10 лет [правительство] отобрало у крестьян более 50%. В настоящее время эта политика продолжается. О методах сбора натурального налога в 1954—1955 гг. говорить вообще нечего. Сбор сопровождался избиениями, убийствами, репрессиями. Партийная работа на местах основывается не на убеждении, а на насилии. Кооперативное движение происходит на базе насилия. Рабочие живут очень плохо, не хватает крупы и не хватает соли. Они карточками не обеспечены. Интеллигенция и студенты живут в тяжелых условиях»<sup>179</sup>.

Не только явные оппозиционеры проявляли озабоченность нищетой населения. В мае 1956 г. Пак Киль-ён (посол Кореи в ГДР) говорил советскому дипломату: «Экономическое положение в стране, по словам Пак Киль Ена, в настоящее время является исключительно тяжелым. Фактически половина населения КНДР лишена продовольствия, одежды и обуви [...] корейский народ очень терпелив и привык к суровым лишениям, но это не может продолжаться до бесконечности. Необходимо наконец всерьез заняться вопросом улучшения положения населения. Огромные средства и помощь, которые были предоставлены КНДР для восстановления страны начиная с 1953 г. Советским Союзом, Китаем и всеми странами народной демократии использовались и продолжают использовать не совсем правильно». Пак Киль-ён, принадлежавший к советской группировке, не был членом оппозиции, но это его замечание показывает, что значительная часть северокорейских руководителей испытывала беспокойство по поводу того крайне тяжелого экономического положения, в котором находилось население страны<sup>180</sup>. Ожидалось, что революция и строительство социализма улучшит жизнь простого народа, и, когда этого не произошло, у партработников высшего звена появились причины для беспокойства.

Эти высказывания были отзвуком дискуссии о политике в области промышленности, проходившей в 1954-1955 гг. и рассмотренной Масао Ононоги<sup>181</sup>. Тогда Пак Чхан-ок настаивал на необходи-

<sup>179</sup> Запись беседы А. М. Петрова (временный поверенный в делах) с Ли Пхиль-гю (начальник департамента стройматериалов при Кабинете Министров КНДР). 14 июля (исправлено на 20 июля. — *А. Л.*) 1956 г.

<sup>180</sup> Запись беседы В. И. Иваненко (первый секретарь Дальневосточного отдела МИД СССР) с Пак Киль Еном (посол КНДР в ГДР). 17 мая 1956 г.

<sup>181</sup> Masao Okonogi. North Korean Communism: in Search of Its Prototype...

мости уделять больше внимания лёгкой промышленности и по возможности повышать жизненный уровень населения, но в конечном итоге предложенная им стратегия была отвергнута Ким Ир Сенем. Пак Чхан-ок вернулся к данному вопросу в беседе с советским дипломатом, отметив, что северокорейское руководство с безразличием относится к тяготам простого народа<sup>182</sup>. Как мы знаем, Пак Чхан-ок выражал взгляды многих корейских функционеров, которые скептически относились к политике индустриализации любой ценой, проводимой Ким Ир Сенем. Главные мотивы, которыми руководствовался Ким Ир Сен в проведении этой политики, очевидны: форсированное развитие тяжёлой промышленности означало как уменьшение зависимости северокорейской экономики от СССР и Китая, так и возрастание собственного военного потенциала КНДР. К подобной политике подталкивало и произошедшее в середине 1950-х гг. сокращение советской помощи, в результате которого СССР стал восприниматься как менее щедрый и менее надёжный покровитель. Наконец, такое решение выглядело абсолютно логичным в рамках сталинистской (да, в общем, и ленинистской) идеологической традиции, которая всегда считала важнейшим признаком прогресса именно рост тяжёлой промышленности традиционного образца, «экономику чугуна и стали». Однако не все северокорейские чиновники были готовы поддерживать эту политику и безоговорочно соглашались с тем, что «пушки важнее масла». Число оппонентов «форсированной индустриализации» увеличивалось по мере того, как становились все более заметны страдания населения — неизбежный побочный результат такой политики.

Нет никаких оснований считать, что августовская оппозиция собиралась бросить вызов ленинской концепции государственного социализма или таким ее основополагающим принципам, как однопартийная система или «диктатура пролетариата». Этому препятствовал личный политический опыт оппозиционеров, которые были убежденными коммунистами сталинско-маоистского образца, а в прошлом — функционерами в «освобожденных районах» Китая или партийными работниками в сталинском Советском Союзе. Подобный поворот событий исключался и той ситуацией, которая сформировалась как внутри Северной Кореи, так и за ее пределами. Таким образом, выдвинутые против оппозиции обви-

<sup>182</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чхан Окком (зам. премьера Кабинета Министров, член Президиума ЦК ТПК). 21 июля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

нения в «антисоциалистической деятельности», распространявшиеся позже официальной пхеньянской пропагандой, являлись преднамеренными и беспочвенными фальсификациями. Идеалом для оппозиции являлась смягченная, отчасти либерализованная версия ленинского государственного социализма, и они ни в коей мере не являлись «тайными антикоммунистами» или «тайными демократами»<sup>183</sup>. Во всех разговорах с советскими дипломатами заговорщики критиковали текущую *политику* северокорейского государства, а вовсе не его основополагающие *принципы*. Они не сомневались в ленинском государственном социализме, а планировали лишь реформировать и улучшить его. Они ориентировались на те нормы и институты, которые к тому времени сложились в СССР и более либеральных «народных демократиях» Восточной Европы, стремились сделать систему более жизнеспособной и восприимчивой к нуждам простых людей.

Впрочем, говоря о планах оппозиции и о гипотетической возможности прихода оппозиционеров к власти, не следует забывать, что решающую роль в «августовской группировке» играли выходцы из яньаньской эмиграции, то есть люди, тесно связанные с Китаем Мао Цзэдуна. Поэтому нельзя исключать того, что, оказавшись у власти, они в конечном итоге направили бы страну не по пути преобразований советского типа, а по пути построения некоего местного варианта маоистского режима. С точки зрения рядового корейца, такой режим не очень отличался бы от того, который

<sup>183</sup> Можно предположить, что в будущем, после неизбежного крушения (или радикальной трансформации) северокорейского режима, появятся политически мотивированные попытки представить «августовскую оппозицию» как диссидентов в более позднем смысле этого слова, как неких тайных антикоммунистов, мечтающих о развитии в Северной Корее либеральной демократии. Эта особенно вероятно в том случае, если в будущем возникнет социально-психологическая или политическая необходимость найти примеры былого «сопротивления тирании». Однако очевидно, что участники августовской оппозиции диссидентами не являлись. Дело тут не только в том, что жизненный опыт августовских оппозиционеров, мировоззрение которых сформировалось в коммунистическом подполье, советских спецслужбах и корейско-китайских партизанских отрядах, делал их невосприимчивыми к соблазнам «буржуазных идеалов». Немалую роль играло и то обстоятельство, что в Восточной Азии середины XX столетия не существовало ни одного примера дееспособной и процветающей капиталистической демократии. Единственными в регионе режимами, которые провозгласили себя «демократическими», были тогда диктатура Чан Кайши в Китае и диктатура Ли Сын Мана в Южной Корее. Очевидно, что эти режимы немало способствовали дискредитации идей либеральной демократии.

существовал в реальной истории (а если бы отличался, то, возможно, в худшую сторону). Впрочем, принято считать, что сослагательного наклонения история не имеет, а на лето 1956 г. текущие намерения оппозиционеров были либерально-реформаторскими.

Понимая некоторую неправомерность использования таких терминов, как «демократия» и даже «законность» в отношении политических институтов сталинистского государства, следует все-таки подчеркнуть, что оппозиция намеревалась действовать в рамках установленных партийным уставом. Можно сказать, что оппозиционеры планировали достичь своих целей легальными методами, хотя те методы и не были вполне «демократическими» (и не могли быть таковыми, поскольку и само северокорейское государство демократическим не было). Диссиденты хотели на предстоящем Пленуме ЦК ТПК подвергнуть критике Ким Ир Сена и надеялись склонить на свою сторону большинство членов Центрального Комитета. Согласно параграфу 36 Устава ТПК 1956 г., Председатель партии формально избирался ее Центральным Комитетом. Следовательно, Центральный Комитет теоретически имел право и переизбрать его. Конечно, ЦК представлял собой крайне малочисленный и, в общем-то, самоназначенный олигархический орган. Тем не менее отзыв Председателя партии решением ЦК являлся абсолютно законной процедурой.

Позже Ким Ир Сен утверждал, что в случае необходимости враги планировали устранить его силой. Со Дэ-сук в своем известном исследовании приходит к выводу, что это было невозможно, поскольку к 1956 г. бывшие партизаны надежно контролировали армию и «...в то время попытка использования вооруженных сил любой другой группировкой была равносильна самоубийству»<sup>184</sup>. Можно только согласиться с этим замечанием Со Дэ-сука и добавить, что в документах посольства нигде нет упоминаний о планах насильственного выступления против Ким Ир Сена. За исключением Ли Пхиль-гю, который упоминал о принципиальной возможности «насильственного переворота», все оппозиционеры говорили о мирных и законных путях достижения своих целей. Информаторы «Лим Ына» (псевдоним Хо Ун-бэ) тоже отмечали, что было бы лучше, если бы в 1956 г. оппозиция решила применить силу против Ким Ир Сена. Сам Хо Ун-бэ не без некоторого сожаления отмечал, что оппозиция не планировала никаких силовых акций, причем из текста его книги ясно, что он сам или его

<sup>184</sup> Suh Dae-suk. Kim И Sung... P. 152.

информаторы считали такие силовые акции, в принципе, осуществимыми. Однако интервью с северокаорейскими эмигрантами, которые являлись основным источником книги Хо Ун-бэ, проходили в конце 1970-х гг., и представляется вероятным, что за давностью собеседники Хо Ун-бэ просто выдавали желаемое за действительное. Скорее всего, Со Дэ-сук прав: даже если яньаньская фракция в более ранний период и имела достаточное влияние в армии, к 1956 г. это влияние уже было утрачено. В пользу вывода Со Дэ-сука свидетельствует и отсутствие обвинений в подготовке переворота на начальном этапе чисток, то есть сразу после августовского Пленума. Впервые оппозицию обвинили в подготовке мятежа спустя год с лишним — в декабре 1957 г. Публично же эти обвинения этого рода прозвучали еще позднее - на Первой Конференции ТПК, которая состоялась в марте 1958 г.

Не ясно, кого оппозиция хотела видеть на месте нового лидера Северной Кореи. За одним исключением, в разговорах с советскими дипломатами оппозиционеры не упоминали никаких имен. Послухам, ходившим после кризиса (в конце 1956г. и в 1957г.), новым Председателем ТПК оппозиция собиралась сделать Чхве Чхан-ика, а пост премьер-министра должен был якобы перейти к Пак Чхан-оку<sup>185</sup>. Такой выбор представляется вполне оправданным, тем более что Пак Чхан-оку на тот момент уже занимал должность вице-преьера, а Чхве Чхан-ик, который являлся лидером всей оппозиционной группы, был идеальным кандидатом на высший партийный пост.

Однако эти предположения основаны на слухах. Единственную информацию о планах оппозиции по этому вопросу можно найти в замечаниях Ли Сан-чжо, посла Северной Кореи в Москве, которые (что немаловажно!) были сделаны им еще до августовских событий. Ли Сан-чжо был тесно связан с оппозицией и годом позже, уже после ее разгрома, бежал в Советский Союз. 9 августа 1956 г., во время встречи с высокопоставленным советским дипломатом, Ли Сан-чжо сообщил, что оппозиция хотела бы видеть Чхве Чхан-ика на посту Председателя ТПК, а Чхве Ён-гон, которого оппозиционеры тогда ошибочно считали своим сторонником, должен был стать главнокомандующим северокаорейскими вооруженными силами. Другие имена не назывались<sup>186</sup>.

<sup>185</sup> Со Дэ-сук приводит эти слухи со ссылкой на северокаорейских перебежчиков (Suh Dae-suk. Kim И Sung... P. 151).

<sup>186</sup> Запись беседы И. Ф. Курдюкова (зав. Дальневосточным отделом МИД СССР) с Ли Сан Чо (посол КНДР в СССР). 9 августа 1956 г.

Год спустя, выступая на Пленуме, который был посвящен «разоблачению происков» поверженной оппозиции, Ко Пон-ги утверждал, что оппозиция прочила находившегося в опале яньаньца Пак Ир-у на роль нового Председателя ТПК, а Чхве Чхан-ик, Пак Чхан-ок, и Ким Сын-хва должны были стать его заместителями<sup>187</sup>. Конечно, это заявление было сделано после того, как оппозиция была разгромлена, и, очевидно, являлось частью продуманной пропагандистской кампании, проводимой властями. Однако любая официальная пропаганда может содержать в себе правду — если эта правда выгодна властям, конечно. Похожее утверждение встречается в свидетельских показаниях, которые были даны Пак Чхан-оком в 1959 г., в ходе секретного расследования «августовского дела», которое тогда проводилось властями (выдержки из его показаний были предъявлены советским дипломатам). Согласно этому документу, Чхве Чхан-ика планировалось сделать новым руководителем партии, а Пак Чхан-ока — новым премьером<sup>188</sup>. Стоит отметить, что по содержанию это заявление в целом совпадает с более ранними замечаниями Ли Сан-чжо, и поэтому оно вполне может отражать реальные планы оппозиции (несмотря на то очевидное обстоятельство, что оно было сделано под политическим давлением, а то и просто продиктовано властями).

Таким образом, похоже, что в оппозиционных кругах именно Чхве Чхан-ик рассматривался как наиболее вероятный будущий лидер Северной Кореи. Примечательно, что оппозиционеры в разговорах с советскими дипломатами не упоминали конкретных имен кандидатов на высшие посты. Это молчание представляется довольно странным и может даже означать, что оппозиционеры специально решили хранить молчание по этому важному вопросу. Единственным исключением из этого правила являются слова Ли Сан-чжо, который, как мы помним, назвал имена потенциальных кандидатов. Однако Ли Сан-чжо тогда находился в Москве и в силу этого мог и не знать о тактических решениях, принятых оппозицией в Пхеньяне — в том числе и о возможно принятом ими решении не упоминать имен кандидатов. Можно предположить, что такое решение (если оно действительно существовало) было

<sup>187</sup> Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Пак Киль Еном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 8 декабря 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

<sup>188</sup> Запись беседы В. И. Пелишенко (советник посольства) с Пан Хак Се (министр внутренних дел). 24 октября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

принято заговорщиками и потому, что они не хотели тревожить советскую сторону выдвижением очевидно прокитайских кандидатов. Возможно также, что оппозиционеры не хотели производить впечатление группы карьеристов, рвущихся к власти и уже заранее распределивших между собой влиятельные политические посты.

Какова была реакция Москвы и советской дипломатии на все происходящее? Этот вопрос имеет огромное значение для понимания августовского кризиса, но с необходимой полнотой ответить на него сейчас, увы, невозможно. Главной причиной является отсутствие доступа к ряду важнейших документов, так как телеграммы, которыми летом 1956 г. обменивались Москва и посольство в Пхеньяне, равно как и практически все документы ЦК КПСС, остаются засекреченными и по сей день. На основании доступных нам материалов можно предположить, что советское посольство в целом заняло выжидательную позицию. Дипломаты не пытались отговорить недовольных от выступления, но и не поддерживали их открыто, иногда призывая к «осторожности».

Такой нейтральный подход вполне понятен. В конце 1940-х гг. Ким Ир Сен действительно был протеже, а то и вовсе марионеткой Москвы, однако к 1956—1957 гг. ситуация радикальным образом изменилась. В новых условиях советские дипломаты больше не стремились защищать режим от внутренних проблем. К тому же, опыт других социалистических стран показывает, что Советский Союз тогда не был принципиальным противником перестановок в руководстве «стран народной демократии». Как известно, 1956 г. был годом решительных изменений в руководстве многих социалистических стран, отставок многих коммунистических лидеров: Вулко Червенкова в Болгарии (апрель), Матиаша Ракоши в Венгрии (июль) и Эдварда Охаба в Польше (октябрь). Правда, последний случай представляет некоторое исключение: Эдвард Охаб был не сталинистом, а реформатором, хотя и более умеренным, чем его соперник и преемник Гомулка. Москва поддерживала большинство этих перемен в руководстве социалистических стран или, по крайней мере, была осведомлена о надвигающихся событиях. Во всем коммунистическом мире «маленькие Сталины», установившие свои культы в соответствии с прежним советским образцом, один за другим сходили с политической арены, и мало кто сомневался в том, что Ким Ир Сен, несмотря на свою молодость, принадлежит именно к этой группе руководителей старого толка. Идеи XX съезда и их разнообразные толкования, распространяясь от Праги до Пхеньяна, использовались самыми разными людьми: временами — беспринципными и циничными конъюнктурщиками-

ми, порою — национальными коммунистами, а иногда - и сохранившимися идеалистами-марксистами. Анतिकимирсенновская деятельность не казалась чем-то экстраординарным, напротив, она прекрасно вписывалась в общую картину событий, происходивших в социалистическом лагере бурным летом 1956 г. Если СССР не возражал против свержения Червенкова или Ракоши, то почему он должен был выступать против отстранения Ким Ир Сена?

С другой стороны, политическая стабильность в КНДР не могла не тревожить советских дипломатов. Возможная и даже желательная с политической точки зрения замена Ким Ир Сена человеком, пользующимся большей поддержкой в ТПК, была приемлема только постольку, поскольку такая политическая рокировка не ставила под угрозу стабильность в самой восточной из всех социалистических стран. С точки зрения стратегических интересов Советского Союза, КНДР служила своего рода геополитическим буфером между американскими войсками, располагавшимися в Южной Корее, и жизненно важными промышленными районами Дальнего Востока. Поэтому независимо от своего личного отношения к Ким Ир Селу советские дипломаты были вынуждены соблюдать осторожность, и многие разговоры заканчивались так же, как беседа между С. Н. Филатовым и Пак Чхан-оком, состоявшаяся 21 июля. Вот как сам Филатов описывал ее в своем отчете: «В конце беседы я еще раз обратил внимание Пак Чан Ока на серьезность создавшегося положения и предостерег его от поспешных шагов в этом вопросе. Просил его внимательно изучить положение в партии и недопускать, чтобы его действия были использованы недовольными работниками политикой Ким Ир Сена, пытающимися ослабить партию»<sup>189</sup>. Ту же позицию продемонстрировал А. М. Петров во время встречи с Нам Иром 24 июля: «Я высказал свое личное мнение о том, что опасения Нам Ира в отношении резкой критики Ким Ир Сена заслуживают большого внимания, что позиция, занятая Пак Чан Оком в этом вопросе, является, очевидно, неправильной, что инициатива резкой критики Ким Ир Сена со стороны советских корейцев может быть истолкована неправильно и это может вызвать нежелательную реакцию как внутри страны, так и на международной арене»<sup>190</sup>.

<sup>189</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чхан Оком (зам. премьера Кабинета Министров, член Президиума ЦК ТПК). 21 июля 1956 г.

<sup>190</sup> Запись беседы А. М. Петрова (временный поверенный в делах) с Нам Иром (министр иностранных дел). 24 июля 1956 г.

В заключение Петров сказал, что «следует в какой-то форме повлиять на Пак Чан Ока, Ким Сын Хва и других советских корейцев, чтобы они отказались от инициативы выступления против Ким Ир Сена»<sup>191</sup>.

Последние слова Петрова можно считать косвенным свидетельством в пользу того мнения, что в целом советская дипломатия во время кризиса приняла сторону Ким Ир Сена. Однако заявление Петрова является единичным — по крайней мере, в доступных нам на настоящий момент документах. Однако версия о советской поддержке Ким Ир Сена была широко распространена в пхеньянских политических кругах после 1956 г. Например, Хо Ун-бэ в своем исследовании по истории Северной Кореи писал: «Одна из причин [окончательного разгрома оппозиции] заключалась в предательстве советника Советского посольства. В беседе он поддержал Чхе Чхан-ика, а позже направил официальный отчет о разговоре в министерство иностранных дел Северной Кореи. Такое поведение могло представляться предусмотрительным с позиций дипломата, но с точки зрения политика и революционера оно выглядело подлым предательством»<sup>192</sup>. Впоследствии Хо Ун-бэ писал, что Ким Ир Сен, узнав таким образом о планах оппозиции, немедленно вернулся домой, чтобы подготовить политическое контрнаступление. Сам Хо Ун-бэ во время событий 1956 г. находился в Москве на учебе, но он отказался вернуться в КНДР и получил политическое убежище в СССР. Позднее, в 1970-е гг., он написал книгу по истории Северной Кореи, в которой основывался преимущественно на данных, собранных им в ходе бесед с жившими в СССР эмигрантами (в первую очередь с Ли Сан-чжо, который в то время жил в Минске). Информаторы Хо Ун-бэ могли ошибаться, но то обстоятельство, что Хо Ун-бэ включил данную информацию в свою книгу, свидетельствует о том, что в 1970-е гг. слухи о советском предательстве были весьма распространены среди северокорейской эмиграции в СССР. Похожие заявления можно встретить и во многих зарубежных публикациях по истории Северной Кореи. Вероятно, источником этих сведений послужили южнокорейские правительственные и разведывательные круги, так как начиная с конца 1960-х гг. сообщения о советском вмешательстве встречались в южнокорейских публикациях достаточно часто. Возможно, эти сообщения являлись отражением тех слухов, что тогда ходили в среде северокорейских чиновников.

<sup>191</sup> Запись беседы А. М. Петрова с Нам Иром. 24 июля 1956 г.

<sup>192</sup> Lim Un. The Founding of a Dynasty in North Korea. P. 225.

Эта версия состоит из двух элементов: а) Ким Ир Сен узнал о заговоре от советских чиновников, когда находился за границей и немедленно отправился обратно в Пхеньян, чтобы принять меры; и б) информацию о заговоре ему или его сподвижникам передали через северокорейский МИД советские дипломаты в Пхеньяне (Хо Ун-бэ прямо упоминает «советника посольства»). Первый элемент данной версии следует отвергнуть, так как он не согласуется с хорошо известными обстоятельствами. Документы посольства не упоминают о каких-либо необычных событиях, которые произошли в Пхеньяне во время зарубежной поездки Ким Ир Сена. Оппозиция начала действовать только после его возвращения. Конечно, есть вероятность того, что информация могла быть передана ранее через другие каналы, например, через аппарат КГБ, или послана в Москву телеграфом. Однако в рассекреченных документах сведения об этом отсутствуют. Кроме того, существует довольно убедительное косвенное доказательство обратного, приведенное Со Дэ-суком. Оно заключается в том, что Ким Ир Сен во время своего возвращения на три дня остановился в Монголии. Монголия не имела особенной стратегической или политической важности (значения) для Кореи. Если бы Ким Ир Сен действительно торопился домой, то длительная остановка в таком политически мало-значимом месте, каким тогда для него являлся Улан-Батор, была бы невозможна<sup>193</sup>.

Второй элемент версии Хо Ун-бэ — идея о том, что о заговоре Ким Ир Сена предупредили советские дипломаты — заслуживает большего внимания и на данный момент не может быть отвергнут полностью. Если мы решим принять данную версию, то кем мог быть «советник», упомянутый Хо Ун-бэ или, точнее, его собеседниками? Из документов посольства известно, что Чхве Чхан-ик посещал посольство 23 июля и что он встречался там с советником Филатовым. Это произошло после возвращения Ким Ир Сена, поэтому, как уже было упомянуто, сведения, полученные от советского дипломата, не могли стать причиной его срочного приезда. Однако неизвестно, сообщал ли об этой встрече Филатов или другой советский дипломат северокорейским властям. С одной стороны, по воспоминаниям одного из бывших коллег Филатова, у него

<sup>193</sup> См.: Suh Dae Suk. Kim Il Song... P. 150. Со Дэ-сук заявляет весьма категорично: «Не правда... что Ким был вынужден прервать свой визит в Москву». Странно, что южнокорейские исследователи оставляют без внимания замечание ведущего специалиста в данной области и все еще временами пишут о том, что будто бы Ким Ир Сен бросился домой бороться с заговорщиками.

была репутация очень осторожного человека. Он был классическим номенклатурным партработником сталинской эпохи и боялся любых нестандартных или рискованных действий. Более того, нет сведений о том, что в решающие дни конца июля Филатов встречался с кем-нибудь из МИД Северной Кореи. Впрочем, информацию мог передать кто-то другой, например, Петров во время встреч с Нам Иром и Пак Чжон-э, о которых в рассекреченных документах только упоминается. Но в любом случае очевидно, что в среде северокорейской партийной элиты были широко распространены слухи о том, что советские дипломаты вели двойную игру и способствовали разгрому оппозиции.

Однако есть некоторые причины, заставляющие усомниться в этих обвинениях. Главная из этих причин заключается в том, что вне зависимости от того, обоснованы были эти слухи или нет, у самого Ким Ир Сена были самые серьезные основания для того, чтобы такие слухи распространять. Таким образом он показывал своим потенциальным противникам, что тем не стоит рассчитывать на помощь Кремля, а без такой помощи любая попытка противостоять власти Ким Ир Сена была обречена на провал. Следовательно, независимо от того, передавали советские дипломаты ему информацию или нет, в его интересах было утверждать, что такие контакты имели место.

В сентябре 1956 г. в Москве Ко Хи-ман встретился с сотрудником советского МИДа С. П. Лазаревым, который тогда занимал должность первого секретаря дальневосточного отдела. Они говорили о недавнем августовском пленуме, и Ко Хи-ман указал на то, что записи бесед в советском посольстве, якобы полученные северокорейскими лидерами от ЦК КПСС, были показаны членам оппозиции. Однако Лазарев отнесся к его словам скептически и счел нужным сопроводить запись беседы следующим примечанием: «Обращает на себя внимание тот факт, что Ли Сан Чо сообщал в ЦК КПСС, что во время последнего пленума ЦК ТПК некоторые руководящие работники ЦК заявили, что в ЦК КПСС якобы не рекомендовали выступать с критикой существующего в КНДР положения. Настоящее заявление Ко Хи Мана подтверждает, что на пленуме, видимо, использовалась ссылка на "указания" ЦК КПСС в целях недопущения критики существующего положения»<sup>194</sup>. Следует заметить, что кавычки после слова «указания»

<sup>194</sup> Запись беседы С. П. Лазарева (первый секретарь Дальневосточного отдела МИД СССР) с Ко Хи Маном (член делегации Верховного Народного Собрания). 18 сентября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

принадлежат С. П. Лазареву и выражают его скептическое отношение к подобным утверждениям. Таким образом, еще в сентябре 1956 г. Лазарев усомнился в этой версии описания событий (позже появившейся в книге Хо Ун-бэ) и даже счел необходимым обратить внимание своего начальства на то обстоятельство, что данная версия активно распространяется в Пхеньяне. Конечно, возможно и то, что С. П. Лазарев, даже в сухих официальных документах не скрывавший своего расположения к «августовской группе», так же как и антипатии к Ко Хи-ману и его «заученным фразам», мог и не знать о действиях других дипломатов или высших политических руководителей.

Необходимо также отметить, что, если бы советская дипломатия действительно с самого начала поддерживала Ким Ир Сена, было бы трудно объяснить сентябрьский визит А. И. Микояна в Корею, который был организован с целью предъявить Ким Ир Сэну требование реабилитировать участников оппозиции. Стоит также добавить, что Петров не только советовал Нам Иру отговорить советских корейцев от выступления, но также недвусмысленно рекомендовал тому не сообщать Ким Ир Сэну имен заговорщиков (в записи беседы говорится: «Что касается вопроса о том, следует ли Нам Иру проинформировать Ким Ир Сэна об указанном выше разговоре с Пак Чан Оком, то это, как мною было сказано, дело самого Нам Ира и что может быть целесообразнее пока воздержаться от того, чтобы называть имена Пак Чан Ока и Ким Сын Хва»)<sup>195</sup>.

В декабре 1957 г. при подготовке секретного доклада к очередному Пленуму Центрального Комитета, Ким Ир Сен особо остановился на советском отношении к оппозиции: «Некоторые хотели использовать авторитет КПСС против нас. Но ЦК КПСС верит нам, а не отдельным лицам. Фракционеры хотели использовать некоторых работников советского Посольства в борьбе против нас. Но работники Посольства все сказали нам, когда мы к ним послали Нам Ира и Пак Ден Ай. Они подтвердили, что Ким Ду Бон занимал руководящую роль в антипартийной группе, т. к. все другие ее участники ссылались на него. Наряду с этим, когда приехал тов. Микоян, мы ему сказали, что в советском Посольстве есть и нежелательные элементы и их убрали»<sup>196</sup>. Как мы помним, состо-

<sup>195</sup> Запись беседы А. М. Петрова (временный поверенный в делах) с Нам Иром (министр иностранных дел). 24 июля 1956 г.

<sup>196</sup> Приводится со слов Пак Киль-ёна во время его встречи с советским дипломатом. См.: Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Пак Киль Еном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 8 декабря 1957 г.

ялись, по крайней мере, две встречи Нам Ира и Пак Чжон-э с советскими дипломатами, содержание которых остается нам неизвестным и на которых, в принципе, могли обсуждаться данные вопросы. В то же время, и в августе 1956 г., и в сентябре 1957 г. Ким Ир Сен вполне мог и блефовать, пытаясь усилить свои внутриполитические позиции намеками на советскую поддержку. Заявления о советской поддержке в то время все еще имели большое значение. Вернувшись к замечанию Ким Ир Сена о «нежелательных элементах» в посольстве, следует отметить, что единственными значительными фигурами, покинувшими советское посольство между августом 1956 г. и июнем 1957 г., были А. М. Петров и С. Н. Филатов, то есть дипломаты, имевшие прямые контакты с заговорщиками в июле и начале августа. Если это утверждение Ким Ир Сена не является полным блефом, то эти двое действительно поддерживали оппозицию. Впрочем, как мы вскоре увидим, отзыв Петрова в Москву мог быть вызван и иными причинами, также связанными с августовским кризисом.

Таким образом, на основании доступных на настоящий момент документов, мы не можем ни принять, ни отвергнуть предположение о том, что советское посольство способствовало провалу планов оппозиции. Конкретный ответ на этот вопрос будет дан не раньше, чем станут доступны все значимые материалы, а это вряд ли случится в обозримом будущем.

В данном контексте следует вернуться к уже упоминавшемуся загадочному происшествию, которое, вероятно, было связано с какими-то интригами и маневрами внутри советской бюрократии. Как мы помним, первый прямой контакт заговорщиков с советскими дипломатами — встреча Ли Пхиль-гю с А. М. Петровым — состоялся 14 июля. Однако по неким причинам последний сознательно изменил дату в своей «Записи беседы», которая, согласно стандартной административной процедуре, была отослана в Москву. Этот документ был датирован 20 июля, то есть на шесть дней позже той даты, когда разговор в действительности имел место. К тому же Петров отредактировал оригинал таким образом, что слова Ли Пхиль-гю существенно изменились (по крайней мере, по сравнению с теми словами, что приведены в более ранней рукописной версии), в результате чего позиция Ли Пхиль-гю стала выглядеть более умеренной. Другой целью этой, мягко говоря, радикальной «редакции» текста, было стремление создать впечатление того, что Ли Пхиль-гю упоминал о некоем организованном сопротивлении господству Ким Ир Сена. Однако фальсификация вскоре была обнаружена (точно не известно, каким образом, но,

возможно, в результате внутренних интриг и обычного взаимного подсиживания в посольстве). В результате 28 сентября посол В. Иванов отправил рукописный черновик замминистра иностранных дел Н. Т. Федоренко. В краткой служебной записке Иванов обращал внимание руководства МИДа на то, что первоначально рукописные заметки датировались 14, а не 20 июля, и только позже Петров «исправил» дату. Иванов также информировал, что первая дата подтверждалась Ким Чу-боном, советским дипломатом корейского происхождения, который переводил беседу Ли Пхиль-гю с Петровым<sup>197</sup>. Все это было очень серьезным нарушением посольских порядков и служебной дисциплины, и вероятным результатом этого инцидента был отзыв Петрова, чье имя с конца 1956 г. исчезает из документов посольства. Несомненно, этот загадочный инцидент отражает какие-то противоречия в советской бюрократии, но сейчас мы можем только строить предположения о мотивах, которыми руководствовались его участники, в первую очередь сам Петров.

Конечно, для историка представляется весьма заманчивым попытаться найти политические мотивы, которые могли стоять за этим происшествием. Например, можно заметить, что в печатном тексте значительно сокращены часто повторяющиеся замечания Ли Пхиль-гю о необходимости «переворота» в КНДР. В частности, Петров опустил содержащиеся в рукописном тексте высказывания Ли Пхиль-гю о необходимости направленной против Ким Ир Сена «подпольной работы» и возможной поддержке таковой со стороны «революционные элементы и китайские добровольцы» (то есть расквартированных в Северной Корее частей китайской армии)<sup>198</sup>. Эти сокращения могут свидетельствовать о попытках представить заговорщиков менее опасными для политической стабильности Северной Кореи и, таким образом, о скрытых симпатиях к ним. С другой стороны, из венгерских источников известно, что еще до встречи с Ли Пхиль-гю Петров выражал свое недовольство существующим в КНДР положением дел. Венгерский документ, составленный в начале 1956 г., приводит принадлежащую Петрову оценку положения в КНДР: «Несмотря на то, что перемирие было

<sup>197</sup> Письмо Н. Т. Федоренко, заместителю министра иностранных дел, от В. Иванова, посла СССР в КНДР. 28 сентября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68. Л. 331 (рукописный оригинал - лист 333-340).

<sup>198</sup> В рукописной служебной записке Иванову, датированной 9 августа (?) 1956 г. Петров признал, что опустил часть текста. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12, Д. 6, папка 68. Л. 332.

заключено почти три года назад, сохранение принципов работы военного времени остается основной характеристикой политической и экономической жизни. В чем это проявляется? Главным образом в чрезмерном культе личности и единоличном руководстве, а также в вытекающих из этого следствиях. *По мнению товарища Петрова из советского посольства, ярко выраженный культ личности вполне объясним и приемлем, в определенной степени, во время войны, но сейчас он все больше мешает развитию* (выделено мною. — А.Л.). Следствием этого является сосредоточение вокруг высшего руководства подхалимов, принимающих все без критики и не смеющих возражать [лидерам]. Сложившаяся атмосфера не пригодна для развития критики и самокритики, а высшему руководству сообщается только о позитивных событиях»<sup>199</sup>. Эти замечания Петрова подозрительно похожи на его записи, касающиеся встречи с Ли Пхиль-гю. Он либо встречался с таким мнением ранее, либо изложил слова Ли Пхиль-гю в соответствии с собственным восприятием ситуации в КНДР. Так или иначе, из венгерского документа становится понятным, что А. М. Петров симпатизировал планам оппозиции или, по меньшей мере, разделял некоторые из опасений, которые испытывали ее лидеры.

Однако, принимая во внимание ту ситуацию, что тогда существовала в советском посольстве, можно предложить и другую трактовку действий А. М. Петрова. Такое его поведение, скорее, объясняется карьерными соображениями, а не идеологическими и политическими симпатиями к оппозиции (хотя цитированный выше венгерский документ не оставляет сомнений в том, что такие симпатии у А. М. Петрова действительно имелись). Возможно, после встречи с Ли Пхиль-гю Петров не хотел составлять традиционную «Запись беседы», так как опасался осложнений. Нападки Ли Пхиль-гю на Ким Ир Сена были очень резкими и документальное подтверждение столь взрывоопасной критики могло быть опасным для самого Петрова. В той обстановке неопределенности, что царила летом 1956 г., его могли обвинить, например, в том, что он не дал отпор Ли Пхиль-гю либо же, наоборот, не поддержал его с должной решительностью. В любом случае необычность разговора требовала принятия экстраординарных мер, которые по определению были рискованными. Поэтому представляется вероятным, что Петров решил подождать дальнейшего развития событий, воз-

<sup>199</sup> Данный документ обнаружил и предоставил автору Балаш Шалонтай. Архив министерства иностранных дел Венгрии. XIX-J-1-j Korea 1945-64, box 4, 5/a, 003133/1956.

можно, надеясь на то, что в ближайшем будущем ситуация несколько прояснится. В конце концов, если верить рукописному документу, 14 июля Ли Пхиль-гю не упоминал о существовании организованной оппозиции Ким Ир Сёну, так что его слова можно было воспринимать как частное мнение одного из корейских чиновников второго эшелона - мнение резкое, но политически относительно малозначимое. Поэтому у Петрова были некоторые основания для того, чтобы занять выжидательную позицию в надежде на то, что кризис разрешится сам собой. Когда неделю спустя ситуация приобрела драматический оборот и стало очевидным, что у беседы с Ли Пхиль-гю будут политические последствия, А. М. Петрову пришлось все-таки составить соответствующий документ. При этом он: а) изменил дату беседы (если наша реконструкция событий верна - для того, чтобы скрыть свое изначальное нежелание записывать беседу); б) вставил в текст беседы несколько замечаний о некоей организованной антикимовской оппозиции, о существовании и деятельности которой к тому времени ему уже стало известно; в) сгладил наиболее острые высказывания Ли Пхиль-гю. Мне кажется, что с наибольшей вероятностью действия Петрова могут быть объяснены сочетанием карьерных мотивов и политических симпатий, однако с уверенностью говорить об этом пока нельзя.

Как уже говорилось, в данный момент мы не можем с уверенностью судить об отношении Советского Союза к «августовскому заговору». Еще более важным (и еще менее ясным) является вопрос о том, какую роль в произошедших событиях играло руководство Китая. К сожалению, мы не располагаем документальными материалами, которые могли бы пролить свет на позицию Пекина. Вероятно, пройдет еще не одно десятилетие, прежде чем соответствующие документы из пекинских архивов станут доступны исследователям, поэтому сейчас мы можем дать только предварительный ответ на вопрос о роли Китая в событиях лета 1956 г.

Можно быть почти уверенным в том, что августовская оппозиция получала некоторую поддержку от китайского посольства еще до августовского пленума. Более того, нельзя исключать и того, что выступление оппозиции с самого начала спровоцировали китайцы. Ядро оппозиции составляло руководство яньаньской фракции, которое всегда поддерживало тесные отношения с китайским посольством. Как мы увидим, уже после разгрома оппозиции некоторым из ее лидеров удалось добраться до Китая, где они легко получили политическое убежище. Не вызывает сомнений и то, что даже если китайские руководители не были непосредственными инициаторами августовского выступления, они все равно

заранее знали о подготовке к нему. Если уж оппозиционно настроенные члены яньаньской группировки (Чхве Чхан-ик, Ли Пхиль-гю, Юн Кон-хым и другие) сочли нужным проинформировать советское посольство о своих планах, то логично предположить, что они также встречались и с китайскими дипломатами. В конце концов их отношения с Китаем были куда более близкими, чем связи с СССР, а поддержка или благожелательный нейтралитет руководства КНР была ничуть не менее важна для успеха их мероприятия, чем активное или пассивное содействие Москвы (в конце концов в стране еще стояли китайские войска). Кан Сан-хо, занимавший в то время пост замминистра внутренних дел, а потому обладавший надежными источниками информации, сообщил автору о секретных контактах заговорщиков с китайским посольством<sup>200</sup>. Трудно представить, что оппозиция могла предпринять что-либо, не получив из Пекина, по меньшей мере, сдержанного одобрения своих планов. В противном случае у Китая было бы достаточно возможностей для предотвращения выступления (пожалуй, для этого вполне хватило бы «дружеского совета» Чхве Чхан-ику или иному оппозиционному лидеру).

Почему китайские лидеры могли быть недовольны Ким Ир Сенем? Хорошо известна та глубокая взаимная антипатия, которую испытывали Ким Ир Сен и Пэн Дэ-хуай, бывший командующий китайскими войсками в Корее в годы войны. Кроме того, опала Пак Ир-у, личного протеже Мао, вряд ли увеличила симпатии к Ким Ир Сену в пекинском руководстве. К тому же Мао Цзэдун не мог забыть забыть и то невнимание, которое Ким Ир Сен проявил к его инструкциям в годы Корейской войны<sup>201</sup>. В августе 1956 г. Ли Сан-чжо напомнил об этом, когда в Москве говорил о склонности Ким Ир Сена игнорировать «мудрые советы братских партий»<sup>202</sup>. Впоследствии такая же мысль прозвучала

<sup>200</sup> Интервью с Кан Сан-хо. Ленинград, 31 октября 1989 г.

<sup>201</sup> В последние годы появилось немало новых материалов и публикаций о тех трениях, которые существовали между северокорейскими и китайскими руководителями во время Корейской войны, в особенности на ее первом этапе, когда Ким Ир Сен систематически игнорировал предупреждения и советы Мао Цзэдуна (причем в своем большинстве эти предупреждения — в частности, об угрозе американского десанта в северокорейском тылу — оказались вполне обоснованными). С рядом очень интересных статей на эту тему в последние годы выступил Шэнь Чжи-хуа. См., например: Shen Zhihua. Sino-North Korean Conflict and its Resolution during the Korean War// Cold War International History Project Bulletin, issue 14/15 (Winter 2003-Spring 2004).

<sup>202</sup> Запись беседы И. Ф. Курдюкова (зав. Дальневосточным отделом МИД СССР) с Ли Сан Чо (посол КНДР в СССР). 9 августа 1956 г.

и в переговорах Мао Цзэдуна и Микояна в Пекине, о чем речь пойдет далее. Это пренебрежение, в свою очередь, отражало скрытое противоречие между северокорейскими и китайскими стратегическими интересами в регионе. Несмотря на то, что китайские войска спасли КНДР от неминуемого уничтожения и восстанавливали границу по 38-й параллели, Пекин не собирался жертвовать человеческими жизнями и материальными ресурсами ради достижения «внутренних» целей Ким Ир Сена, то есть ради объединения Кореи под главенством Севера. Тем не менее это недовольство не являлось достаточным основанием для принятия таких решительных мер, как отстранение Ким Ир Сена от власти.

Могла быть и еще одна причина, которая подвигла Пекин на активную или пассивную поддержку решительных шагов пхеньянской оппозиции — на тот момент еще скрытая, но нарастающая напряженность в отношениях между Пекином и Москвой. В 1955—1956 гг. китайские лидеры предприняли ряд действий, направленных на ослабление советского доминирования в коммунистическом лагере. Инцидент в Северной Корее мог быть связан с теми тенденциями, которые в конечном итоге привели к разрыву китайско-советского союза в начале 1960-х гг.

Возможно, мотивы действий китайской стороны накануне «августовского инцидента» станут понятнее, если мы вспомним о польских событиях, происходивших почти в то же время. Летом и осенью 1956 г. Польша стала местом драматического противостояния между реформаторами, во главе которых стоял Владислав Гомулка, и консерваторами сталинистского толка. Программа и цели польских преобразователей были примерно такими же, как и у их северокорейских единомышленников: они стремились избавиться от наследия сталинизма и сделать польское общество менее репрессивным и более процветающим в экономическом плане, твердо оставаясь при этом в рамках политической и социальной системы советского типа. Москва была серьезно обеспокоена их действиями, причем не последнюю роль в этом играли националистические тенденции, которые в Польше неизбежно приобретали антироссийский и антисоветский характер. Более того, польских реформаторов активно поддерживал народ, причем лозунги, которые выдвигались массами, отличались большим радикализмом и открытой враждебностью Москве. С точки зрения Кремля, ситуация могла потребовать полномасштабного военного вмешательства, так что в середине октября советские войска в Польше были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Однако до применения силы дело не дошло, поскольку реформаторы не только пользовались активной поддерж-

кой почти всего населения, но и сумели договориться со своими противниками-консерваторами. Польские консерваторы, весьма умеренные по сталинистским стандартам, тоже не хотели кровопролития и вовсе не желали расплачиваться жизнями соотечественников за сохранение власти. В результате был достигнут компромисс, приведший к установлению в Польше реформаторского коммунистического правительства. Новые польские лидеры пообещали оставаться надежными союзниками СССР и сдерживать антисоветские настроения в стране, Москва же согласилась, хотя и неохотно, на выдвижение Гомулки на пост высшего партийного руководителя ПНР, и дала свое согласие на проведение в стране реформ, в том числе и достаточно радикальных (Польша, единственная в социалистическом лагере, провела фактическую деколлективизацию сельского хозяйства). Однако в середине октября 1956 г. советская военная интервенция казалась вполне вероятной, приготовления к ней шли полным ходом, о чем был проинформирован и Пекин — главный геополитический союзник Москвы<sup>203</sup>.

В этой ситуации Мао увидел хорошую возможность продемонстрировать всему миру, кто является истинным защитником и покровителем малых государств и «малых» коммунистических партий. Соответственно, китайцы неожиданно заняли крайне жесткую позицию по польскому вопросу. Они выразили глубокое несогласие с планами советской вооруженной интервенции и настаивали, что польскому народу и партии должно быть предоставлено право самим решать внутренние проблемы. Специальное заседание политбюро ЦК КПК, посвященное обсуждению возможного советского военного вмешательства в польские дела, осудило такое вмешательство, признав его неоправданным. На следующий день, 23 октября, Мао вызвал советского посла и потребовал немедленно сообщить в Москву, что Китай будет протестовать против любых силовых действий советской стороны в Польше<sup>204</sup>. В данных усло-

<sup>203</sup> Mieczyslaw Biskupski. *The History of Poland*. Westport, CT: Greenwood Press, 2000. P. 137-139.

<sup>204</sup> О реакции руководства КНР на венгерский и польский кризис, на основании новых источников, см.: *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945-1963* / Edited by Odd Arne Westad. Washington: Woodrow Wilson Center Press; Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 263-265.

В последнее время обнаружены многочисленные документы, касающиеся китайско-советских разногласий по поводу несостоявшейся интервенции в Польшу. См., например: Kramer Mark (translation and annotation). *The «Malin Notes» on the Crises in Hungary and Poland, 1956* // *Cold War International History Project Bulletin*. № 8-9. P. 392; Gluchowski L. W. *Khrushchev, Gomulka, and the 'Polish October'* // *Cold War International History Project Bulletin*. № 5. P. 44-45.

виях такая поддержка имела решающее значение для польских антисталинистов. На менее официальном уровне китайцы не без некоторых оснований обвиняли СССР в «великодержавном шовинизме» в отношении Польши и постарались, чтобы это мнение стало известно и в Москве, и в Варшаве. По-видимому, в данном случае Мао стремился выглядеть защитником национальной автономии и противником советского давления. Этот мотив широко использовался китайской пропагандистской машиной в 1960-е гг., во времена острого кризиса в советско-китайских отношениях.

Конечно, с позиций сегодняшнего дня нам ясно, что поддержка либеральных реформ и поощрение десталинизации никак не входили в планы Мао. Великий Кормчий в первую очередь стремился закрепить за собой статус нового верховного лидера мирового коммунистического движения. Как справедливо отмечают по этому поводу Чэнь Цзянь и Ян Куй-сун: «К концу 1956 г. отношения Китая с Советским Союзом претерпели существенные изменения. Хотя публично Мао продолжал утверждать, что Москва остается центром социалистического лагеря, в действительности он был уверен, что [он сам] больше подходит для того, чтобы определять принципы, лежащие в основе международных и внутренних отношений социалистических стран»<sup>205</sup>. Там, где это было нужно, Китай поддерживал десталинизацию (как в случае с Польшей), в других же странах Пекин мог оказаться на стороне консервативных сталинистских сил. Ярким примером последнего может служить Венгрия, восстание в которой было подавлено советскими войсками при полном одобрении и поддержке Мао<sup>206</sup>.

Все это помогает понять, почему Китай поддержал северокорейских реформаторов летом 1956 г. Как показал пример Польши, антисталинские позиции отдельных групп в руководстве социалистических стран не всегда означали, что китайское руководство не будет поддерживать такие группы. В том случае, если в Пекине считали, что деятельность антисталинистов будет способствовать достижению главной цели китайской дипломатии — утверждению

<sup>205</sup> Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945-1963. P. 264.

<sup>206</sup> Помимо уже упомянутых выше статей об отношении руководства КНР к событиям в Польше, ряд ценных наблюдений и новых фактов о той роли, которую Пекин играл тогда в Восточной Европе, можно найти в статье Чэн Ин-хуна: Cheng Yinghong. Beyond Moscow-Centric Interpretation: An Examination of the China Connection in Eastern Europe and North Vietnam during the Era of De-Stalinization // Journal of World History. № 4. December 2004.

главенства Китая в мировом коммунистическом движении - КНР вполне могла выступить и в поддержку таких сил. При таких обстоятельствах решение Мао одобрить смещение Ким Ир Сена не было неожиданностью. В конце концов в прошлом Ким был офицером Красной Армии и получил верховную власть в Северной Корее он из рук советских военных. Поэтому он воспринимался как, в целом, просоветская фигура, тогда как его главными противниками были политики, традиционно связанные с Китаем. С точки зрения Мао, это давало основания для замены Ким Ир Сена Чхве Чхан-иком или другим членом яньаньской фракции, более расположенным к Пекину и менее зависимым от Москвы (что являлось бы преимуществом в случае разрыва с поднадоевшим «старшим братом»). При этом не играло большой роли то обстоятельство, что такая перестановка должна была совершиться под лозунгами десталинизации и либерализации. В этом случае советские идеи об искоренении культа личности могли использоваться как удобное идеологическое оправдание для действий, которые в конечном итоге были направлены против Москвы и ее господства в мировом коммунистическом движении.

Впрочем, в тот период сами китайские лидеры еще окончательно не отказались от реформаторских лозунгов и идей. Лето 1956 г. было, возможно, самым либеральным периодом во всей долгой истории правления Мао. Как уже упоминалось, в мае 1956 г. в Китае началась кампания «ста цветов». Она продолжалась недолго, всего лишь около года, но это был период, когда Мао был готов терпеть внутреннюю оппозицию в масштабах, немыслимых ни в более ранние, ни в более поздние времена. Так же как «секретный доклад» Хрущёва, эта кампания, о которой хорошо знали в Корее, сформировала ту международную ситуацию, на фоне которой развертывался августовский кризис.

Однако в значительной степени все, что мы можем сказать о позиции Пекина летом 1956 г., остается предположениями и догадками. Позиция Китая, как и причины, по которым он допустил возникновение северокорейской оппозиции или даже прямо поддержал ее планы, остаются на настоящий момент неизвестными. Мы можем только надеяться, что будущие работы китайских и зарубежных историков прольют больше света на этот важный вопрос.

## 6. АВГУСТОВСКИЙ ПЛЕНУМ

Пленум ЦК ТПК начал свою работу 30 августа, то есть с месячным запозданием, и продолжался два дня. В официальной повестке дня пленума имелось два пункта: итоги визита Ким Ир Сена в СССР и страны Восточной Европы, и положение в здравоохранении. Однако, как и во многих других случаях, официальная повестка дня имела мало общего с действительностью. Главным событием пленума стала атака оппозиции на Ким Ир Сена и его политику. Оппозиция дала бой власти и тут же проиграла это политическое сражение. Вся конфронтация заняла только несколько часов, хотя ее исход определил судьбу Кореи на много десятилетий вперед.

Августовский пленум описывался, хотя бы и кратко, во всех работах по истории Северной Кореи. В официальных северокорейских публикациях он освещался не слишком детально. В 1957-1959 гг. в КНДР вышло немало материалов, в которых рассматривался так называемый «заговор» Чхве Чхан-ика, Пак Чхан-ока и их «припешников». Их обвиняли в огромном количестве самых разнообразных «преступлений» и в конечном итоге в государственной измене. Тем не менее фактической информации о самом августовском противостоянии в этих текстах почти нет. Вместо фактов они содержат стандартный набор эмоциональных, но крайне расплывчатых обвинений в «контрреволюционной раскольнической деятельности», «антипартийном фракционизме» и, наконец, в «измене»<sup>207</sup>. Из этих публикаций трудно понять, что же на самом деле происходило на августовском Пленуме.

207 Интересным и типичным образчиком этого жанра является большая статья Ли Сон-уна, пхеньянского партийного босса и гиперактивного участника чисток конца 1950-х гг.: Yi Song-un. P'alwol chOwonhiii-wa tang taeryOl-ui t'ongil tangyOl [Августовский пленум и единство партийных рядов] // Kunloja. 1959. № 8. Как ясно из ее названия, она целиком посвящена «проискам фракционеров и их пособников».

В этой связи можно упомянуть раннюю работу Нам Кун У (Nam Koon Woo), классическую политическую биографию Ким Ир Сена, подготовленную Со Дэ-суком в 1980-х гг., и недавно опубликованные обзорные работы по северокорейской истории, написанные Ким Хак-чжуном и Чхве Соном<sup>208</sup>, а также ранние южнокорейские издания, вышедшие до конца 1960-х гг. (хотя последние, по справедливому замечанию Со Дэ-сука, «в высшей степени ненадежны»<sup>209</sup>). Все эти публикации опираются, главным образом, на информацию, предоставленную перебежчиками, которые, в свою очередь, пересказывали как известные им слухи, так и сведения из закрытых партийных материалов. Краткое (всего один параграф) описание пленума также содержится в книге Хо Ун-бэ, который в своей работе основывался прежде всего на воспоминаниях бывших северокорейских руководителей. К счастью, сейчас в нашем распоряжении есть несколько достоверных, хотя и огорчительно кратких документов, в том числе рукопись мемуаров Кан Сан-хо и записи интервью с ним. Эти материалы проливают свет на события, произошедшие 30 августа 1956 г. в северокорейской столице. Однако для создания полной картины еще предстоит проделать большую работу и, главное, дожидаться появления новых материалов.

К сожалению, доступные на настоящий момент документы из архивов советского МИДа не очень полезны для детальной реконструкции того, что произошло 30 и 31 августа в Пхеньяне. Советское руководство с самого начала осознало серьезность сложившейся в КНДР ситуации, поэтому большинству материалов, касавшихся августовского пленума, изначально был присвоен весьма высокий уровень секретности, в силу чего они оставались недоступными даже в короткий период относительной открытости архивов в начале 1990-х гг. Немалую роль играет и то обстоятельство, что в критической ситуации обмен информацией и инструкциями шел по телеграфу, а шифропереписка остается недоступной и поныне. Нет сомнений в том, что данные документы физически существуют, но они находятся вне дося-

<sup>208</sup> Koon Woo Nam. *The North Korean Leadership, 1945-1965: A Study of Factionalism and Political Consolidation...*; Suh Dae-suk. Kim И Sung. P. 149—152; Kim Hak-jun. *Pukhan 50 nyOn sa* [50 лет истории Северной Кореи]. С. 189—192; Ch'oe SOng. *Pukhan ch'ongch'i sa* [Политическая история Северной Кореи]. Seoul: Pulp'ich', 1997.

<sup>209</sup> Suh Dae-suk. Kim И Sung. P. 368 (сноска 36).

гаемости, и, вероятно, в обозримом будущем ситуация не изменится.

Тем не менее среди рассекреченных материалов находится один чрезвычайно интересный документ — запись разговора Ко Хи-ман с Г. Е. Самсоновым, состоявшегося 31 августа, в последний день работы пленума. Ко Хи-ман, тогда — зав. отделом в ЦК ТПК и бывший советский кореец (к тому же приверженец Ким Ир Сена) случайно встретился с советским дипломатом в театре Моранбон. Протокол предписывал дипломатам посещение представления гастролеров в КНДР венгерской фольклорной группы<sup>210</sup>. Согласно отчету, Ко Хи-ман был сильно взволнован конфронтацией на пленуме и, увидев советского дипломата, буквально бросился к нему, чтобы рассказать о произошедшем. Не исключено, что составленный Самсоновым отчет о встрече вообще является самым ранним официальным документом, касающимся «августовского инцидента», ведь зафиксированная в нем беседа состоялась всего лишь через несколько часов после описываемого события и является пересказом впечатлений непосредственного участника конфронтации. Учитывая это обстоятельство, приводим отчет почти целиком:

«Спросил Ко Хи Мана, какие вопросы обсуждались на пленуме ЦК. Он ответил, что в повестке дня стояли два вопроса: об итогах поездки правительственной делегации в СССР и страны народной демократии, о состоянии и мерах улучшения здравоохранения в стране.

Однако, сказал Ко Хи Ман, главным в работе пленума были не эти вопросы, а разгром антипартийной группировки, в которую входили Цой Чан Ик, Пак Чан Ок, Со Хви, Юн Кон Гым, Ли Пхиль Гюль и некоторые другие.

Еще до пленума было известно, сказал Ко Хи Ман, что эта группировка намеревалась использовать предстоящий пленум для антипартийных выступлений против некоторых руководящих деяте-

<sup>210</sup> По сообщению «Нодон синмун» это было выступление венгерского фольклорного музыкального ансамбля в театре Моранбон 31 августа (Нодон синмун. 2 сентября 1956 г.).

Это стремление поддержать политику Ким Ир Сена (вполне возможно — искреннее) не помогло Ко Хи-ману избежать участи многих его товарищей. В течение какого-то времени казалось, что он получил вознаграждение за свою позицию: в 1957 г. Ко Хи-ман был «избран» членом Верховного Народного Собрания, а 1958 г. назначен министром лесного хозяйства. Однако уже в следующем году Ко Хи-ман навсегда исчез с политической арены (См.: Pukhan inmyOng sajOn).

лей партии и правительства. В том числе против Пак Ден Ай, Тен Дюн Тхяка и Хан Сан Ду, считая их прояпонскими элементами, против Цой Ен Гена, Тен Ир Лена, Ким Хэ Ира, называя их бездарными и неспособными руководителями. Более того, сказал Ко Хи Ман, на президиуме ЦК ТПК Цой Чан Ик напал на Ким Ир Сена за то, что последний сосредоточил в своих руках всю полноту власти в партии и государстве, что им, т.е. Цой Чан Ику и другим стало с Ким Ир Сеном трудно работать. Цой Чан Ик, по словам Ко Хи Мана, бросил на президиуме Ким Ир Сену примерно следующую фразу: сам имеешь власть, сам и работай. Из этого можно сделать вывод, сказал Ко Хи Ман, что Цой Чан Ик добивается того, чтобы Ким Ир Сен уступил ему один из постов: или пост председателя ЦК ТПК, или пост главы правительства. Цой Чан Ик так же резко критиковал взятый партией курс на индустриализацию, когда подавляющая часть населения страны голодает. По мнению Цоя, надо использовать помощь братских стран на улучшение жизни трудящихся. Ким Ир Сен, возражая Цой Чан Ику, сказал, что политика, осуществления которой хочет Цой, проводится в Южной Корее, где американская и иная помощь идет на подачки населению. Мы этого не хотим, и народ этого не хочет. Партия не должна исходить в своей политике только из потребностей сегодняшнего дня, чего хочет Цой Чан Ик. В этом он не получит поддержки у народа.

Ко Хи Ман сказал, что ЦК предвидел возможность выступления на пленуме антипартийной группировки с обвинениями в адрес руководства партии. Так оно и вышло. Первым выступил Юн Кон Гым, заявивший, что в партии господствует полицейский режим, у руководства партии стоят случайные люди, при этом Юн назвал Цой Ен Гена. Пленум квалифицировал выступление Юна как антипартийное. В первый день работы пленума Юн был выведен из членов ЦК и исключен из партии. Этим, сказал Ко Хи Ман, пленум дал понять антипартийной группе, что их действия не останутся безнаказанными.

На пленуме выступали также Цой Чан Ик, Пак Чан Ок, Со Хви и Ли Пхиль Гюль. Однако и они получили достойный отпор.

Цой Чан Ик выведен из состава Президиума и ЦК, Пак Чан Ок — из состава ЦК. Комитету партийного контроля поручено рассмотреть вопрос об их партийности. Со Хви и Ли Пхиль Гюль исключены из партии.

Со Хви, сказал Ко Хи Ман, будучи председателем объединенных профсоюзов, в своей работе против партии, по-видимому, хотел использовать рабочий класс. Но это ему не удалось осуще-

ствить. Пак Чан Ок, сказал Ко Хи Ман, затаил обиду на руководство партии за критику его ошибок на декабрьском пленуме 1956 г.

Ко Хи Ман сообщил, что Юн Кон Гым, Со Хви и Ли Пхиль Гюль, не дождавшись окончания работы пленума, куда-то скрылись. Их поиски пока не дали результатов»<sup>211</sup>.

Еще одним источником информации могут служить рукописные мемуары Кан Сан-хо. Хотя сам Кан Сан-хо и не принимал участия в работе Пленума, но в пхеньянской иерархии того времени он занимал высокое положение (замминистра внутренних дел) и соответственно имел возможность обсуждать события с их непосредственными участниками. К тому же, как мы увидим, Кан Сан-хо принимал участие в неудачной погоне за бежавшими в Китай оппозиционерами, и поэтому можно предположить, что в последующие дни и недели он узнал о Пленуме довольно много.

Согласно мемуарам Кан Сан-хо, первым с речью на пленуме выступил Юн Кон-хым. В своей короткой речи, все время прерываемой криками протеста со стороны собравшихся, Юн Кон-хым заявил об «установившемся культе личности Ким Ир Сена» и о том, что «к руководству допущены безответственные личности». Чтобы внести ясность, он назвал имя Чхве Ён-гона и, как указывал Кан Сан-хо, даже задал риторический вопрос: «Каким образом бывший лидер мелкобуржуазной партии вдруг оказался одним из руководителей ТПК?»<sup>212</sup> Однако выступление Юн Кон-хыма не достигло того результата, на который рассчитывали заговорщики - никто не поддержал выдвинутых им обвинений. Приверженцы Ким Ир Сена немедленно заклеили речь как «антипартийную провокацию» и отвергли все обвинения как безосновательные<sup>213</sup>. По воспоминаниям Кан Сан-хо, Чхве Чхан-ик и другие оппозиционеры тоже попытались выступить, но оказались не в состоянии склонить участников Пленума на свою сторону: все их слова буквально утонули в шуме и враждебных выкриках.

Имеется еще один, довольно неожиданный документ, напрямую касающийся августовского противостояния. 7 сентября 1956 г., то есть всего через неделю после пленума, Пхеньян посетила ал-

<sup>211</sup> Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь) с Ко Хи Маном (зав. отделом ЦК ТПК по строительству и транспорту). 31 августа 1956 г.

<sup>212</sup> Это являлось намеком на уже рассмотренный нами эпизод из карьеры Чхве Ён-гона, который долгое время номинально являлся председателем Демократической партии.

<sup>213</sup> Мемуары Кан Сан-хо (рукопись, экземпляр из архива автора) и интервью с Кан Сан-хо. Ленинград, 31 октября 1989 г.

банская партийно-правительственная делегация, возглавлявшаяся Энвером Ходжой. В ходе встречи этих двух политиков, которым вскоре предстояло стать самыми заметными представителями «национального сталинизма», Ким Ир Сен рассказал своему албанскому коллеге о недавних событиях. Этот разговор содержит не так уж много информации, но его стоит привести полностью — тем более, что то, о чем Ким Ир Сен счел нужным промолчать, может оказаться важнее того, что он сказал.

«Оса ревизионизма начала вонзать свое ядовитое жало [...] Ким Ир Сен рассказал нам о том, что случилось на пленуме Центрального Комитета партии, состоявшемся после XX съезда [КПСС].

«После моего доклада, — говорил Ким Ир Сен, — двое членов Политического бюро и несколько членов Центрального Комитета встали и подняли вопросы, порожденные XX съездом. Они заявили, что у нас в Корее, недооценивается культ личности, что против него не ведется последовательная борьба и так далее. Они сообщили пленуму: "У нас нет экономических и политических достижений, отвечающих принципам XX съезда, вокруг Центрального Комитета собрались некомпетентные люди".

Иными словами, они нанесли удар по линии партии и единству руководства,' - продолжил Ким Ир Сен, - весь Центральный Комитет поднялся против них», — сказал он в итоге.

Я спросил: «Какие меры были приняты?»

«Пленум подверг их критике, и этим ограничился, — ответил Ким Ир Сен, добавив: Двое из них тут же сбежали в Китай»<sup>214</sup>.

Следует отметить, что непосредственными участниками «выступления» оппозиции, по Ко Хи-ману являлись Юн Кон-хым, Чхве Чхан-ик, Пак Чхан-ок, Со Хви и Ли Пхиль-гю. Упомянутые Ким Ир Сеном «двое членов Политбюро» — это Чхве Чхан-ик и Пак Чхан-ок.

Главными обвинениями, которые на пленуме выдвинули лидеры оппозиции, были насаждение культа личности Ким Ир Сена, политика развития тяжелой промышленности за счет легкой (и в конечном счете за счет уровня жизни населения) и попытки Ким Ир Сена выдвинуть верных ему, но якобы некомпетентных людей на руководящие посты. Последнее обвинение в первую очередь относилось к Чхве Ён-гону, надежду на поддержку которого к тому времени заговорщики, очевидно, потеряли. Обвинение в «насаждении культа личности» вполне соответствовало общей атмосфере.

<sup>214</sup> Hoxha Enver. *The Artful Albanian: Memoirs of Enver Hoxha*. London: Chatto & Windus, 1986. P. 177-178.

сфере лета 1956 г., тогда как нападки на «некомпетентных» руководителей, главным образом являвшихся выходцами из партизанской группировки, отражали столкновения между фракциями, характерные для политической элиты Северной Кореи. Вопрос об экономической политике своими корнями восходил к дискуссиям 1954-1955 гг., когда Пак Чхан-ок был председателем Госплана. Вместе с некоторыми другими северокорейскими лидерами он тогда выступал за необходимость учета интересов потребителей, в то время как Ким Ир Сен продвигал классическую сталинистскую «линию» на ускоренное развитие тяжелой промышленности (эта дискуссия была рассмотрена Масао Ононоги<sup>215</sup>). В целом участники оппозиции часто выражали обеспокоенность низким уровнем жизни. В июле и начале августа эти настроения были недвусмысленно выражены Ли Пхиль-по и Ким Сын-хва во время их бесед с советскими дипломатами, а также у Ким Ту-бона (в ходе его встречи с Ким Сын-хва).

Если сравнить описание событий, представленные Ко Хи-маном и Кан Сан-хо, с картиной, нарисованной в тех работах, в которых рассматривается вопрос об августовском пленуме, то можно обнаружить, что между новыми источниками и уже существующими публикациями имеются некоторые расхождения, которые в целом представляются не слишком значительными.

Одним из таких расхождений является вопрос о роли профсоюзов. Большинство исследователей, опирающихся на южнокорейские издания и северокорейские официальные документы позднего времени, утверждают, что Со Хви требовал, чтобы профсоюзы стали независимыми от государства и особенно от партии. Это заявление часто встречается в северокорейских публикациях. Оно (вероятно, вследствие влияния последних) попало также и в работы Чхве Сона и Ким Хак-чжуна.

В первый раз обвинение такого рода в адрес Со Хви прозвучало вскоре после августовского пленума. В июле 1957 г. в официальном ежемесячном издании ТПК была опубликована большая статья о так называемой «подрывной деятельности», которую якобы вел Со Хви в профсоюзах. Среди прочего утверждалось, что он хотел добиться «отказа от партийного руководства профсоюзами»<sup>216</sup>. Позже эти обвинения повторялись неоднократно. Например, изданная в 1981 г. в Пхеньяне многотомная «Общая история Кореи»

<sup>2.5</sup> Masao Okonogi. North Korean Communism: in Search of Its Prototype...

<sup>2.6</sup> Pak, Sang-hong. Chik5p tongmaeng saOp-eso chegitwenun myOch' kaji munje [Некоторые проблемы деятельности профсоюзов] // Kunloja. 1957. № 7. С. 40-42.

приписывает одному из «раскольников» (по-видимому, именно Со Хви, поскольку он был единственным значительным лидером оппозиции, связанным с профсоюзами) следующие слова: «Партия не может руководить профсоюзами. Профсоюзы объединяют большее число людей, чем партия; они более крупная организация по сравнению с партией. Так как все партийные руководители состоят в профсоюзах, то они подчиняются профсоюзам»<sup>217</sup>. Очень маловероятно, чтобы Со Хви когда-либо говорил нечто подобное, и что он вообще призывал вывести профсоюзы из-под партийного контроля. Современному западному (а также, пожалуй, и молодому российскому) читателю подобные высказывания не покажутся оскорбительными — более того, они могут представляться вполне разумными. Но для любого марксиста-ленинца классического советского образца (и ортодоксального сталиниста, и умеренного «брежневца») такое утверждение является ересью, причем ересью старой, хорошо знакомой и давно осужденной. В начале 1920-х гг., когда в России обсуждался вопрос о роли профсоюзов в молодом коммунистическом государстве, ряд партийных руководителей высказывал мнения, которые в целом походили на заявление, приписываемое Со Хви. Эти деятели немедленно были подвергнуты суровой критике со стороны самого Ленина. В конце 1930-х гг. «дискуссия о профсоюзах» была подробно описана в сталинистском «Кратком курсе истории ВКП(б)», основном учебнике по официальному марксизму-ленинизму как в Советском Союзе, так и в Северной Корее, а также в бесчисленных официальных публикациях по истории партии. С тех времен вопрос о политическом статусе профсоюзов стал играть заметную роль в коммунистическом «полтипросвещении». Предполагалось, что любой партийный функционер, прошедший курс «политучебы», слышал о «дискуссии о профсоюзах» и может легко определить эту ересь. Поэтому более вероятно, что Со Хви произнес нечто умеренно критическое по поводу чрезмерного официального контроля над профсоюзами, поскольку в Северной Корее такой контроль был излишним даже по меркам других социалистических стран<sup>218</sup>. Позже эти высказы-

<sup>2.7</sup> ChosOn chOnsa [Полная история Кореи]. Т. 28. С. 291.

<sup>2.8</sup> Как отмечает Балаш Шалонтай, даже венгерские дипломаты были удивлены тем, что в КНДР государство, а не профсоюзы, занимаются вопросами социального обеспечения, отпусков и т.п. Более того, уже в начале 1955 г. в самих профсоюзах появились критические настроения в отношении «стиля работы военного времени» (общепринятый эвфемизм, подразумевающий диктатуру и иерархию).

вания могли быть сознательно искажены таким образом, чтобы представить Со Хви «отступником» и «ревизионистом». На то, что Со Хви не делал подобных заявлений, указывает и то обстоятельство, что 31 августа, сразу после выступления оппозиционеров, Ко Хи-ман в своем разговоре с Самсоновым не упомянул ни о чем подобном. Заслуживает внимания и то, что 7 сентября, разговаривая с Энвером Ходжой, который был вполне доброжелательным слушателем, Ким Ир Сен также не упомянул о том, что вопрос о профсоюзах как-либо затрагивался на пленуме. Если бы высказывания Со Хви даже немного отличались от общепринятых идеологических норм, Ким обязательно сообщил бы о таком еретическом мнении.

Еще одно обвинение, выдвинутое против «раскольников», касалось той позиции, которую они якобы занимали по вопросу о «мирном сосуществовании». Доктрина «мирного сосуществования» предполагала, что войны между коммунистическим и капиталистическим мирами, до этого считавшиеся неизбежными, можно и нужно предотвращать. Эта идея Хрущёва тогда очень раздражала Пекин, где в те годы господствовала ультраревOLUTIONционная риторика (впрочем, эта риторика скорее прослеживалась в пропагандистских заявлениях, нежели в реальной политике). Не приветствовал такой подход и Пхеньян, которому доктрина «мирного сосуществования» казалась помехой в достижении главной политической цели ТПК: объединения всей страны под властью Севера. С точки зрения КНДР, «мирное сосуществование» означало, что ради предупреждения военной конфронтации с Западом Советский Союз может отказаться от поддержки северокорейской идеи объединения (в особенности объединения военным путем). Поэтому руководство Северной Кореи с самого начала испытывало беспокойство по поводу данной концепции, хотя какое-то время и воздерживалось от прямой критики своего могущественного покровителя.

В книге Ким Хак-чжуна упоминаются более поздние заявления самого Ким Ир Сена, дополняющие вышесказанное. Чхве Чхан-ик обвинялся в использовании «принципа мирного сосуществования» для того, чтобы обосновать планы установления «нейтралитета» Корейского полуострова. Он якобы предлагал ликвидировать коммунистическую систему на Севере, чтобы создать подходящие условия для такого нейтралитета<sup>219</sup>. Подобные обвинения можно

<sup>219</sup> Kim Hak-jun. Pukhan 50 nugh sa [50 лет истории Северной Кореи]. С. 190.

обнаружить и в некоторых заявлениях конца 1950-х гг.: например, они прозвучали в разговоре Ким Ён-чжу («Ким Ен Дю»), брата Ким Ир Сена и высокопоставленного функционера ЦК ТПК, с советским дипломатом в апреле 1958 г.<sup>220</sup> Тем не менее особо доверять им не следует. Утверждения о том, что у оппозиции имелись планы установления такого «нейтралитета» в принципе могли соответствовать действительности, хотя даже это представляется весьма маловероятным. Однако явной выдумкой является другая часть обвинений (заявления о том, что оппозиционеры якобы собирались ликвидировать коммунистическую систему в Северной Корее). Такое заявление означало бы радикальный разрыв с марксистско-ленинской ортодоксией — куда более серьезный, чем приписываемый Со Хви призыв к независимости профсоюзов от партии. В условиях Кореи 1956 г. такая идея звучала абсолютно фантастически. Невероятно, чтобы здравомыслящий партийный функционер, особенно связанный с маоистским Китаем, сказал бы что-то, хотя бы отдаленно напоминавшее эту фразу. Скорее всего, здесь мы снова сталкиваемся с инсинуациями северокорейских пропагандистов, которые стремились показать членам партии, как далеко отклонились от истинного революционного пути Чхве Чхан-ик и его группировка. Если бы Чхве Чхан-ик действительно сказал нечто в подобном духе, и у Ким Ир Сена были доказательства этого, то нельзя было бы представить, чтобы объединенная советско-китайская делегация в сентябре настаивала на полной политической реабилитации Чхве Чхан-ика. Подобные заявления были неприемлемы даже для либеральных хрущевских времен. Реакционеру, готовому отказаться от революционных завоеваний корейского народа, не могло быть прощения! Таким образом, нам остается только согласиться со скептическим отношением Ким Хак-чжуна к этим обвинениям, и более их не рассматривать.

<sup>220</sup> Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Ким Ен Дю (зам. заведующего орготделом ТК ТПК). 11 апреля 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75. На вопрос о целях группы Чхве Чхан-ика Ким ответил: «В отличие от других фракционеров в ТПК группа Цой Чан Ика являлась ревизионистской и преследовала цели: после захвата власти прийти к соглашению с Ли Сын Маном на основе объявления Кореи "нейтральным" государством и отрыва КНДР от лагеря социалистических стран. Члены антипартийной группы Цой Чан Ика отрицали необходимость руководящей роли ТПК в государственном и экономическом строительстве, в армии, в развитии науки и техники, отрицали необходимость диктатуры пролетариата и скатились на путь антиправительственного и антигосударственного заговора».

На Пленуме оппозиции не удалось получить поддержку большинства Центрального Комитета. Более того, им не удалось привлечь на свою сторону ни одного члена ЦК, который бы не принадлежал к оппозиции еще в июле. Это было результатом той тщательной подготовки к Пленуму, которую провел Ким Ир Сен. Его тактика включала в себя обещания исправить прежние ошибки, вернуть на былые посты некоторых пострадавших во время прошлых кампаний чиновников, отчасти ограничить культ личности и вообще пересмотреть свой политический курс. Эти обещания привлекли на сторону Ким Ир Сена немало аппаратчиков. Политическое и административное положение Ким Ир Сена также давало ему немалые возможности для подкупа и шантажа высокопоставленных чиновников, так сказать, на индивидуальной основе.

Результаты августовского выступления показали, что маневры Ким Ир Сена были успешны, и что он был хорошо подготовлен к тому решающему столкновению, что произошло на пленуме. По свидетельству Хо Ун-бэ, даже рассадка участников пленума была тщательно продумана — известные сторонники оппозиции сидели в окружении самых надежных и решительных приверженцев Ким Ир Сена<sup>221</sup>. Какофония из выкриков и свиста помешала членам оппозиции выступить с какой-либо убедительностью, и пленум быстро превратился в соревнование по громкости криков, где конечный результат определялся численным превосходством. Возможно, при другом повороте дел некоторые участники Пленума и были бы готовы поддержать оппозицию, но, увидев очевидное превосходство хорошо организованных сторонников Ким Ир Сена, они благоразумно решили или присоединиться к общему хору, или сохранять нейтралитет. Например, нигде не говорится, что Ким Ту-бон, несмотря на свои давние симпатии к оппозиции, в ходе августовского противостояния голосовал против Ким Ир Сена или каким-либо другим способом выражал поддержку его противникам. Похоже, что Ким Ту-бон реалистично оценил, насколько малы шансы оппозиции на победу — и предпочел промолчать. Так могли поступить и другие недовольные чиновники. Впрочем, в конечном счете это не спасло большинство из них от опалы и гибели. Тот же Ким Ту-бон в начале 1957 г. был вынужден за закрытыми дверями выступить с критикой фракционизма в партии — но и это ему не помогло<sup>222</sup>.

<sup>221</sup> Lim Un. *The Founding of the Dynasty in North Korea*. P. 229.

<sup>222</sup> Balazs Szalontai. *Kim Il Sung in the Khrushchev Era*. P. 114.

Таким образом, в конечном итоге большинство ЦК поддержали Ким Ир Сена и проголосовали за репрессии в отношении мятежников. В результате Чхве Чхан-ик был немедленно исключен из состава Президиума и Центрального Комитета, а Пак Чхан-ок — из Центрального Комитета, но поскольку оба были видными политиками, то на первое время они сохранили членство в партии. Однако, вечером 31 августа Ко Хи-ман, намекая на вероятную участь руководителей выступления, сказал Г. Е. Самсонову, что «Комитету партийного контроля поручено рассмотреть вопрос об их партийности»<sup>223</sup> (в сталинистской политической культуре для чиновников такого уровня традиционным следствием исключения из партии были арест, следствие, возможно, показательный суд и тюремное заключение или казнь). Политически менее заметные Юн Кон-хым, Со Хви, и Ли Пхиль-гю были исключены из партии немедленно, уже на самом пленуме. Все эти события заняли не больше одного дня, так как 31 августа, во второй, завершающий день работы пленума, Ко Хи-ман говорил, что Юн Кон-хым и остальные уже «исчезли». Следовательно, смелый побег лидеров оппозиции (который будет рассмотрен позже), последовавший за их полным поражением на пленуме, произошел поздним вечером 30 августа. Бывший переводчик советского посольства Ким Дю Бон (Ким Чу-бон в транскрипции Холодовича) вспоминает: «Как раз в день пленума, когда там объявлен перерыв на обед, я шел по улице вместе с нашим молодым сотрудником, Самсоновым, будущим послом в Сомали. Самсонов о развитии событий знал лучше меня, поэтому он сразу сориентировался, когда вдруг рядом с нами на улице остановилась машина и из нее вышел Юн Гон Хым (Юн Кон-хым. — *А. Л.*), пытавшийся начать с нами какой-то разговор. Самсонов сразу же потянул меня за рукав, и мы от всяких бесед уклонились, почти что убежали оттуда»<sup>224</sup>. Если память не подвела Ким Дю Бона и данное происшествие действительно имело место 30 августа, то это означает, что Юн Кон-хым и другие оппозиционеры в течение нескольких часов после заседания пленума оставались на свободе.

<sup>223</sup> Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь) с Ко Хи Маном (заведующий отделом ЦК ТПК по строительству и транспорту). 31 августа 1956 г.

<sup>224</sup> Интервью с Ким Дю Боном. Москва, 2 февраля 1990 г.

Заключительную речь на пленуме произнес сам Ким Ир Сен. По словам Ко Хи-мана, он выразил сожаление по поводу того, что до этого был «слишком добр» к фракциям и их приверженцам, а в особенности к Чхве Чхан-ику<sup>225</sup>. Это заявление не предвещало ничего хорошего ни сторонникам оппозиции (как действительным, так и мнимым), ни их друзьям. В то же время, беседуя с Энвером Ходжой, Ким Ир Сен явно старался преуменьшить значимость начинавшейся репрессивной кампании — именно так можно интерпретировать его высказывание: «Пленум подверг их критике, и этим ограничился». Возможно, это было сделано, дабы не слишком привлекать внимание иностранцев к драматическим событиям в Пхеньяне, идущим вразрез с тогдашним официальным курсом коммунистического движения. В конце концов во время своих бесед с Энвером Ходжой Ким Ир Сен тогда не мог знать наверняка, что разговаривает со своим будущим единомышленником, еще одним «любимым вождем», национальным сталинистом нового образца<sup>226</sup>. Не исключено и то, что такая дипломатическая осторожность была продиктована и тем обстоятельством, что некоторые из оппозиционеров бежали в Китай и получили там убежище. С точки зрения Ким Ир Сена, это означало, что руководство КНР могло выступить против его действий, и в подобной ситуации не следовало привлекать слишком много внимания к кризису в Пхеньяне.

Как тогда было принято, северокорейские газеты в течение некоторого времени не публиковали никакой информации о только что завершившемся Пленуме. Когда 9 сентября сообщение о Пленуме, наконец, с недельным опозданием появилось в «Нодон синмун», оно касалось только официальной повестки дня (не считая упоминания в конце сообщения «организационного вопроса» - традиционный эвфемизм, касающийся отставок и назначений)<sup>227</sup>.

<sup>225</sup> Запись беседы С. П. Лазарева (первый секретарь дальневосточного отдела МИД СССР) с Ко Хи Маном (член делегации Верховного Народного Собрания). 18 сентября 1956. В середине сентября, всего через две недели после беседы с Самсоновым в театре Моранбон, Ко Хи-ман встретился в Москве с другим советским дипломатом, Лазаревым, и снова говорил о последнем Пленуме.

<sup>226</sup> «Энвер Ходжа — самый любимый учитель и вождь всего албанского народа, сплоченного в стальном единстве вокруг партии и ее Центрального Комитета» (История Албанской партии Труда. Тирана, 1981. С. 687).

<sup>227</sup> Нодон синмун. 9 сентября 1956 г.

Итак, попытка пересмотреть политический курс Северной Кореи и заменить руководство страны законными методами, предусмотренными конституцией и партийным уставом, закончилась полным провалом. В Северной Корее 1956 г. не был, да и не мог быть реализован сценарий, который, несмотря на разницу обстоятельств, примерно в то же время успешно сработал в Болгарии, Венгрии и Польше, где консервативные лидеры сталинистского толка в конце концов уступили давлению легальной оппозиции (когда с одобрения и при поддержке, а когда и при противодействии Москвы).

Как и следовало ожидать, вслед за провалом выступления последовали репрессии против его участников и их окружения. Репрессивная кампания была неизбежной, ведь руководство не могло не продемонстрировать, что в новых условиях никто в Корее не может бросить вызов Вождю и остаться при этом безнаказанным.

Сторонники проигравшей оппозиции были объявлены «раскольниками» и «фракционными элементами» (во всех официальных северокорейских публикациях последующих десятилетий встречался именно второй термин — «чоньпха пунджа» по-корейски). В то же время обвинения в более серьезных преступлениях, таких как шпионаж, саботаж или подготовка мятежа, обычные раньше, им небыли предъявлены вообще или были предъявлены с большой задержкой. Несмотря на то, что ряду ключевых фигур оппозиции удалось бежать в Китай, немедленно после пленума началась кампания против августовской оппозиции. Впрочем, поначалу казалось, что Ким Ир Сен проявляет большую мягкость, чем в период репрессий против внутренней фракции в 1953—1955 гг. Возможно, он опасался реакции Москвы и Пекина на преследования «их людей в Пхеньяне» (как показали последующие события, для подобных опасений были основания). Сдерживающим фактором мог быть и страх перед тем недовольством в среде партийной элиты, которое в условиях нестабильной политической ситуации могли бы спровоцировать крупномасштабные чистки. У нас есть основания полагать, что такое скрытое недовольство действительно существовало. Например, в октябре 1956 г. Е. Л. Титоренко (вероятно, самый энергичный и проницательный советский дипломат в Пхеньяне тех времен) встретился с Чхве Сын-хуном, заместителем председателя комитета ТПК отдаленной северной провинции Янган-до. Чхве Сын-хун заявил, что исключение Чхве Чхан-ика, Пак Чхан-ока

и остальных было «серьезным нарушением внутривнутрипартийной демократии»<sup>228</sup>.

Независимо от причин, кампания против членов «группировки Чхве Чхан-ика - Пак Чхан-ока» некоторое время была умеренной. Даже пространные статьи по проблемам марксизма-ленинизма или истории партии, обычные в «Нодон синмун» в конце 1955 — начале 1956 гг., то есть во время гонений на советских корейцев, практически исчезли после августа 1956 г. Не появлялись более и перепечатки советских материалов с критикой культа личности. Около года северокорейская печать явно избегала щекотливых проблем внутренней политики, ограничиваясь менее опасными вопросами. До лета 1957 г. печать в основном прославляла трудовые подвиги охваченных энтузиазмом масс или разоблачала происки «южнокорейских марионеток» и «их американских хозяев».

Впрочем, из этого правила были и исключения. Например, 9 января 1957 г. в «Нодон синмун» появилась статья Ли Чхон-вона, директора Института истории АН КНДР и действительного члена Академии. Как мы увидим, в тот момент над академиком сгустились тучи, и в надежде на снисхождение он изо всех сил стремился доказать свою верность Ким Ир Сену. Статья называлась «Ядовитое влияние фракционизма на рабочее движение в нашей стране». В основном речь в ней шла о действиях фракционных группировок в колониальные времена. При этом вполне в соответствии с новой ортодоксией Ли Чон-вон объявлял «фракционными» фактически все корейские коммунистические группы, которые в колониальные времена действовали внутри самой Кореи и не были непосредственно связаны с Ким Ир Сенем. Однако в статье упоминался — в весьма негативном духе — и недавний августовский

<sup>228</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Цой Сын Хуном (заместитель председателя ТПК провинции Рянган). 23 октября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

«Pukhan inmyong sajOn» («Биографический словарь Северной Кореи») утверждает, что в октябре 1956 г. Чхве Сон-хун был начальником сектора (квчжань) в аппарате ЦК ТПК. Эти данные противоречат цитируемому архивному документу. Быть может, Чхве был переведен в (из?) пров. Рянган? Это может быть и совпадением — мог существовать другой Чхве Сон-хун, хотя и крайне маловероятно, чтобы у двух корейцев полностью совпадали имя и фамилия. Если это, что весьма вероятно, один и тот же человек, то стоит отметить, что, несмотря на его вольно-либеральные заявления в 1956 г., ему удалось не только уцелеть, но и сохранить политической влияние, по крайней мере, до 1965 г., когда он стал заместителем заведующего отделом (пубучжан) в аппарате ЦК ТПК.

эпизод, который интерпретировался как новое проявление того же самого фракционного духа, старой проблемы корейского коммунистического движения<sup>229</sup>.

Итак, в результате советско-китайского вмешательства, о котором речь пойдет дальше, оба скомпрометированных лидера оппозиции на некоторое время оставались на свободе и даже получили новые посты. Впрочем, назвать эти назначения высокими довольно трудно: Пак Чхан-ок стал заместителем директора деревообрабатывающего завода, а Чхве Чхан-ик был назначен с явным намерением нанести ему оскорбление заведующим... государственной свиноводческой фермой<sup>230</sup>. Однако это было не более, чем отсрочка неизбежного. Участь обоих лидеров оппозиции была похожа на судьбу многих противников Сталина начала 1930-х гг., в период, который предшествовал началу масштабных репрессий в Советском Союзе. В то время незначительная должность для опального политика чаще всего была прелюдией к аресту и казни (например, Н. И. Бухарин в последние свои годы был редактором «Известий» и директором малозначительного Института истории естествознания и техники АН СССР).

Тем не менее судьба была благосклонна к северокорейской оппозиции. Большая часть участников августовского выступления сумела избежать репрессий и укрыться за пределами страны. Как мы уже говорили, нам известны имена восьми заговорщиков, которые упоминались в документах посольства, составленных еще до пленума (напомним, что к их числу относились Чхве Чхан-ик, Ли Пхиль-гю, Юн Кон-хым, Со Хви, Пак Чхан-ок, Ким Сын-хва, Ли Сан-чжо и, вероятно, Ким Ту-бон). Из этих восьми главных оппозиционеров пятеро в конце концов спаслись от гнева Ким Ир Сена и обрели убежище в Китае или Советском Союзе. Редко когда такому количеству обвиняемых удавалось остаться невредимыми в ходе репрессивных кампаний, проводившихся в руководстве сталинистских режимов. В Венгрии, Болгарии, Чехословакии,

<sup>229</sup> Нодон синмун. 9 января 1957 г.

<sup>230</sup> Дневник Н. М. Шестерикова (советник посольства). АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68. Запись от 16 сентября 1956 г. Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Цой Сын Хуном (заместитель председателя ТПК провинции Рянган). 23 октября 1956 г. По некоторым документам, полученным посольством, Пак Чхан-ок был не заместителем директора, а директором завода. В одном случае завод именуется «цементным». См.: Запись беседы Р. Г. Окулова (корреспондент «Правды») и С. В. Васильева (корреспондент ТАСС) с Син Чхон Тхэком (заместителем министра связи). 3 февраля 1957 г.

Восточной Германии, Румынии и ранее в самом Советском Союзе ни одна из фигур сравнимого масштаба (то есть членов Центрального Комитета, не говоря уже о членах Политбюро) во время сталинского террора не смогла бежать за границу.

В частности, расправы избежал Ким Сын-хва. Незадолго до начала сентября 1956 г. (вероятно, в конце августа, как раз накануне пленума) он уехал в Москву, чтобы учиться в Академии общественных наук при ЦК КПСС и, естественно, обратно уже не вернулся<sup>231</sup>. К большому неудовольствию пхеньянских чиновников, Ким Сын-хва вскоре опубликовал в советском научном журнале большую статью по истории корейского коммунистического движения. По содержанию она была вполне академической, а с политической точки зрения, безопасно ортодоксальной. Хотя в статье не было затронуто никаких щекотливых тем или особо спорных вопросов, окружение Ким Ир Сена было весьма недовольно самим фактом того, что сбежавший министр получил в Москве не только политическое убежище, но и возможность печатать материалы по корейской истории. Было даже предпринято несколько попыток помешать публикации статьи Ким Сын-хва, но, как и следовало ожидать, эти действия не нашли понимания в Академии наук

<sup>231</sup> Точная дата отъезда Ким Сын-хва в СССР неизвестна. Мы знаем только, что это произошло не раньше 25 июля, но не позже 18 сентября (к 18 сентября относится упоминание о том, что Ким Сын-хва «находится на учебе в Москве». См.: Запись беседы С. П. Лазарева (первый секретарь дальневосточного отдела МИД СССР) с Ко Хи Маном (член делегации Верховного Народного Собрания). 18 сентября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68). Похоже на то, что он уехал из Кореи как раз перед августовским пленумом, хотя годом позже, 26 октября 1957 г., Б. К. Пименов заметил, что Ким Сын-хва покинул страну в сентябре 1956 г. (см.: Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Пак Киль Еном (заведующим первым отделом МИД КНДР). 22 октября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72). Ким Хак-чжун в своей последней работе по истории Северной Кореи включает Ким Сын-хва в состав участников пленума (Kim Hak-jun. Pukhan 50 nyun sa [50 лет истории Северной Кореи]. С. 190). До тех пор, пока не будет точно установлена дата отъезда Ким Сын-хва в Москву, нельзя полностью исключить его участие в работе пленума. Однако это представляется маловероятным, так как если бы он действительно входил в число бросивших вызов Ким Ир Сэну, вряд ли ему впоследствии позволили беспрепятственно покинуть страну. Тем не менее к середине сентября он уже точно находился за границей. Более вероятным кажется то, что перебежчики, на заявлениях которых во многом базировался Ким Хак-чжун, перепутали факт принадлежности Ким Сын-хва к заговору, что, как мы знаем, вполне соответствовало истине, с его непосредственным участием в работе пленума.

СССР - учреждении, в котором политика десталинизации тогда встречала самый радушный прием<sup>232</sup>. Сотрудники академии успешно саботировали все усилия Северной Кореи, и статья благополучно вышла в свет (впоследствии Ким Сын-хва, оставшись в СССР, стал заметным историком-корееведом, автором ряда важных и новаторских работ)<sup>233</sup>.

Повезло не только Ким Сын-хва. Юн Кон-хым и его друзья тоже избежали верной гибели, бежав из страны. По словам Кан Сан-хо, непосредственного участника событий, в ночь после Пленума Со Хви и Ли Пхиль-гю пришли домой к Юн Кон-хыму. Известно, что это было 30 августа, так как вечером 31 августа Ко Хи-ман уже сказал Самсонову, что оппозиционеры, «не дождавшись окончания работы пленума, куда-то скрылись. Их поиски пока не дали результатов»<sup>234</sup>.

Впрочем, благодаря воспоминаниям Кан Сан-хо обстоятельства их побега известны сейчас достаточно хорошо. После окончания заседания северокорейское Министерство внутренних дел установило наблюдение за домом Юн Кон-хыма и поставило возле входа охрану, но формально ни Юн Кон-хым, ни другие арестованы тогда не были (вероятно, принятые меры сочли вполне достаточными). Обсудив сложившуюся ситуацию, Юн Кон-хым, Со Хви и Ли Пхиль-гю решили бежать в Китай. В этой связи следует напомнить, что все они длительное время были связаны с китайским коммунистическим движением, и в руководстве КНР у них было немало друзей и знакомых. Некоторую роль могло сыграть и то обстоятельство, что граница КНДР с «братским социалистическим государством» охранялась довольно слабо, так как считалось, что беглецам будет трудно скрыться в Китае, где их рано или поздно обнаружат и отправят обратно. Поскольку номерные знаки машин опальных чиновников были известны властям, они позвонили Ким Кану, тоже члену яньаньской фракции, который

<sup>232</sup> Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Пак Киль Еном (заведующий первым отделом МИД КНДР). 22 октября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

<sup>233</sup> Наиболее заметной из работ Ким Сын-хва, опубликованных в годы его жизни в СССР, стала фундаментальная монография по истории советской корейской общины - первое исследование такого рода в мировой историографии. См.: Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата: Наука, 1965.

<sup>234</sup> Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь) с Ко Хи Маном (заведующий отделом ЦК ТПК по строительству и транспорту). 31 августа 1956 г.

присоединился к ним и предоставил для побега свою машину<sup>235</sup>. Стоит добавить, что Ким Кан поступил весьма мудро, вовремя приняв такое решение. Все близкие родственники и непосредственное окружение лидеров оппозиции вскоре были репрессированы, так что скорее всего такая же судьба постигла бы и Ким Кана, решишь он остаться в Северной Корее.

Четверо беглецов (Ли Пхиль-гю, Юн Кон-хым, Со Хви и Ким Кан), незамеченные полицией, вышли через заднюю дверь дома, сели на машину и покинули Пхеньян. К счастью для них, Корея — страна не слишком большая, так что к утру они благополучно добрались до пограничной реки Амноккан (более известной под китайским названием Ялуцзян). Здесь их снова выручила дерзость и находчивость. Кан Сан-хо вспоминал: «Амноккан им удалось перейти следующим образом. Они приехали туда рано утром, увидели рыбака на лодке и подзвали его к себе. Он, как сам рассказал позднее, увидел каких-то больших начальников и подошел к ним. Те спросили его, может ли он продать рыбу. Он согласился, они дали щедрую цену и отправились на небольшой островок, располагавшийся посередине Амноккана, между китайским и корейским берегами. Они сказали, что хотят там устроить небольшой пикник. Некоторое время они там действительно посидели (для отвода глаз, видимо), а потом рыбак увидел, как они вброд перешли Амноккан и ушли на китайскую сторону»<sup>236</sup>.

Кан Сан-хо был послан проверить, не добрались ли беглецы до китайской границы, тогда как другие высшие руководители МВД делали все возможное, чтобы перекрыть дороги на Юг, поскольку большинство в органах безопасности поначалу считали, что беглецы попытаются пересечь 38-ю параллель. Обнаружив, что беглецы выбрали иной путь, Кан Сан-хо тоже переправился через р. Амноккан и встретился с начальником управления безопасности китайского уезда Андун. Он попытался убедить китайцев немедленно выдать беглецов, но, как можно было ожидать, эти усилия не увенчались успехом. Юн Кон-хым с товарищами уже пересекли границу и, возможно, направлялись в Пекин, где у них было много влиятельных друзей, сохранившихся с яньаньского периода<sup>237</sup>.

В то время как Юн Кон-хым и его друзья осуществляли свой дерзкий побег, в Пхеньяне полным ходом шли неизбежные чистки. Как обычно, результаты пленума «изучались» на провинциаль-

<sup>235</sup> Интервью с Кан Сан-хо. Ленинград, 31 октября 1989 г.

<sup>236</sup> Там же.

<sup>237</sup> Там же.

ных и городских партийных конференциях, причем рассматривалась не только официальная повестка дня, но и секретная информация, касавшаяся событий, действительно происходивших на пленуме. Венгерский документ, перевод которого был предоставлен нам Балашем Шалонтаем, дает возможность понять, какого рода информация сообщалась на этих закрытых собраниях. До сведения партийных чиновников доводилось, что несколько членов Центрального Комитета были исключены из партии. В качестве причины такого решения назывались их многочисленные проступки и ошибки. Прежде всего к таковым относились: 1) оппозиционеры заявляли, что за три послевоенных года ТПК ничего не сделала для повышения жизненного и культурного уровня народа; 2) оппозиционеры настаивали на том, что получившие японское образование интеллигенты (например, министр машиностроения) являются реакционерами и не могут занимать ответственных постов; 3) оппозиционеры утверждали, что Центральный Комитет ТПК ничего не предпринимает для искоренения культа личности, хотя такого культа в КНДР не существует; 4) оппозиционеры заявляли, что главную роль в корейском национально-освободительном движении сыграли корейцы, воевавшие в Китае. Они отрицали, что партизаны Ким Ир Сена, сражающиеся в Корее (так в документе. — А. Л.), находились в авангарде борьбы. Список преступлений сопровождался комментариями, разъяснявшими, что все эти утверждения оппозиционеров совершенно беспочвенны.

В течение двух недель после «августовского кризиса» многие члены яньаньской фракции были смещены со своих постов. Например, в Пхеньяне секретарь городской парторганизации Ли Сон-ун рассказывал советскому дипломату, что трое высокопоставленных чиновников городского комитета, включая двух заместителей председателя, были освобождены от своих обязанностей по обвинению в связях с Чхве Чхан-иком<sup>238</sup>. Даже в официальной информации о партийной конференции в Пхеньяне упоминались «враги

<sup>238</sup> Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь посольства) с Ли Сон Уном (председатель пхеньянской городской комитета ТПК). 23 ноября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Ли Сон-ун был одним из доверенных лиц Ким Ир Сена, он выступал обвинителем на показательных процессах против внутренней фракции (1953) и против Пак Хон-ёна (1955), сыграл значительную роль в репрессиях конца 1950-х гг. Позже занимал ряд важных постов, включая должность посла в СССР (1960-1964). Ким Хак-чжун считает его «необычайно способным для человека, вышедшего из партизанской фракции». Kim Nak-jun. Pukhan 50 pyOn sa [50 лет истории Северной Кореи]. С. 169.

среди нас», «раскольники» и «фракционалисты». Согласно статье в «Нодон синмун», участникам конференции напомнили, что «враг использует все виды заговоров, чтобы разрушить нашу партию»<sup>239</sup>.

Чистка яньаньской фракции набирала обороты, однако советские корейцы в тот момент находились в относительной безопасности. Некоторые члены советской фракции даже попытались использовать ситуацию для того, чтобы свести старые счеты с яньаньской фракцией. По крайней мере, один из них даже обратился в советское посольство, обвинив Чхве Чхан-ика во всех своих личных несчастьях<sup>240</sup>. Многие советские корейцы не осознавали, что скоро наступит и их черед, что для Ким Ир Сена советская группировка была ничуть не менее опасной, чем группировка яньаньская, так что расправа с ней являлась не более, чем вопросом времени.

<sup>239</sup> Нодон синмун. 15 сентября 1956 г.

<sup>240</sup> Дневник Н. М. Шестерикова...

## **7. ВИЗИТ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ И СЕНТЯБРЬСКИЙ ПЛЕНУМ**

В начале сентября волна репрессий сметала «яньаньских» функционеров одного за другим. Однако в сентябре 1956 г. китайское и советское руководство решило напрямую вмешаться в политическую борьбу в Пхеньяне. К сожалению, доступные нам сведения об этих событиях все еще остаются весьма фрагментарными, причем даже в большей степени, чем наши знания об августовском пленуме. Причины этого те же, что и в случае с августовским пленумом — отсутствие достаточного количества рассекреченных архивных материалов. Ключевым событием всего сентябрьского кризиса был визит совместной китайско-советской делегации в Пхеньян, однако основная информация об этой поездке до сих пор остается недоступной. Так как официально делегация Микояна-Пэна считалась «партийной» (а не «государственной»), то и касающиеся этой поездки документы хранятся в Президентском архиве, в настоящее время практически закрытом для исследователей. До недавнего времени недоступными для исследователей оставались и китайские документы, крайне важные для восстановления полной картины происшедшего, однако в 2005 г. с этими документами ознакомился проф. Чэнь Цзянь.

С учетом всего вышесказанного при подготовке данной главы мы основывались главным образом на интервью с участниками событий, в первую очередь с В. В. Ковыженко, ответственным работником аппарата ЦК КПСС, который в середине 1950-х гг. занимался корейскими проблемами, а также на некоторых документах посольства, ставших доступными в последние годы. Вызывает сожаление тот факт, что нам приходится полагаться на второстепенные источники, однако в нынешних условиях такой подход неизбежен.

15 сентября, всего через две недели после августовского Пленума в КНДР, в Пекине начал свою работу VIII съезд Коммунистической партии Китая. Это был тот самый съезд, на котором политика Мао была подвергнута завуалированной, но серьезной критике, а его власть временно ограничена. Из нового Устава КПК было исключено упоминание «идей Мао Цзэдуна»; структура руководящих органов КПК была изменена таким образом, что сократились полномочия председателя партии (пост, который занимал сам Мао); особое значение стало предаваться регулярным сессиям партийных комитетов разных уровней. Наконец, в документах съезда напрямую подчеркивалась важность коллективного руководства<sup>241</sup>. Эти реформы были вскоре прекращены, но они во многом напоминали те перемены, которые тогда же происходили в Советском Союзе. В контексте нашего исследования они интересны тем, что показывают степень притягательности реформаторских идей для *всего* коммунистического лагеря, в том числе и для стран, где реформаторы в конце концов потерпели поражение.

Для участия в работе съезда в Китай прибыла советская делегация, во главе которой стоял А. И. Микоян. В соответствии с традицией, представители «братских партий» должны выступить на съезде с поздравительными речами, а также принять участие в неофициальном обсуждении текущих политических проблем. Во главе прибывшей на съезд делегации ТПК стоял Чхве Ён-гон, который несколькими месяцами ранее представлял ТПК и на XX съезде КПСС. Возможно, то обстоятельство, что и в Москву, и в Пекин в качестве представителя ТПК ездил один и тот же политический деятель, имело и некоторый символический смысл. Можно предположить, что таким образом Пхеньян хотел продемонстрировать, что Корея находится на равном удалении (или в равной близости) от обеих коммунистических великих держав. По сообщениям печати, Чхве Ён-гон присутствовал на торжественном приеме, который 16 сентября дал Мао для иностранных делегаций. Однако 19 сентября с приветствием съезду выступил не он, а Лим Хэ, стоявший в партийной иерархии гораздо ниже Чхве Ён-гона. Это было существенным нарушением традиции, требовавшей, чтобы с поздравительной речью выступал человек, занимающий самую высокую должность среди членов делегации. Следовательно, можно предположить, что Чхве Ён-гону между 16 и 19 сентября пришлось срочно

<sup>241</sup> Детальный отчет о работе VIII съезда КПК и одобренных им реформах см.: Sullivan Lawrence. Leadership and Authority in the Chinese Communist Party: Perspectives from the 1950s // Pacific Affairs. 1986. Nq 4.

вернуться в Пхеньян, где Ким Ир Сен нуждался в нем как в одном из своих самых верных и авторитетных сторонников<sup>242</sup>.

Во время работы съезда, продолжавшегося до 27 сентября, Микоян несколько раз встречался с Мао. К тому времени Юн Кон-хым и другие корейские беглецы добрались до Пекина, и одной из тем, обсуждавшихся в пекинских «коридорах власти», закономерно стала ситуация в Северной Корее вообще и недавний кризис в Пхеньяне в особенности. По словам В. В. Ковыженко, в ходе этих бесед Мао Цзэдун высказал глубокую обеспокоенность северокорейской ситуацией и осудил развернувшиеся в КНДР репрессии<sup>243</sup>. Кроме того, во время работы съезда Мао и Микоян провели консультации с делегацией польских коммунистов. Там обсуждалось ухудшение ситуации в Польше, где массовое недовольство грозило выйти из-под контроля.

К сожалению, автору не удалось найти непосредственных участников переговоров Мао Цзэдуна и А. И. Микояна, проходивших в Пекине в сентябре 1956 г. Недоступны и записи их бесед. Однако известно, что именно во время этих встреч было решено послать в Северную Корею совместную китайско-советскую делегацию, которая должна была рассмотреть сложившуюся там ситуацию. В. В. Ковыженко утверждал, что целью визита было не просто изучение обстановки в КНДР после августовского пленума. По его словам, делегация должна была добиться прекращения репрессий против яньаньской фракции и в случае необходимости подготовить замену Ким Ир Сена другим политическим деятелем, который был бы более приемлемым, с точки зрения Китая и СССР. В. В. Ковыженко хотя и не присутствовал при обсуждении данной проблемы, настаивал на том, что инициатива исходила от китайской стороны: «Когда Микоян беседовал с Мао Цзэдун, тот начал жаловаться на Ким Ир Сена. Он, мол, такой-сякой, войну дурацкую развязал, вообще действует бездарно, его надо убирать. Как раз в это время мы узнали и об августовском Пленуме, на котором некоторые члены ЦК сильно критиковали Ким Ир Сена. Мао Цзэдун предложил Микояну послать в Пхеньян совместную деле-

<sup>242</sup> В качестве главы делегации ТПК Чхве Ён-гон упоминается «Нодон синмун» в отчете об официальном приеме, который состоялся в Пекине 17 сентября. Однако 20 сентября газета сообщает, что официальное приветствие съезду, направленное от имени ТПК, было зачитано не Чхве Ён-гоном, а Лим Хэ. Делегация состояла из Чхве Ён-гона, Лим Хэ, Ли Чу-ёна и Ха Ан-чхона (список см.: Нодон синмун. 13 сентября 1956 г.).

<sup>243</sup> Интервью с В. В. Ковыженко. Москва, 2 августа 1991 г.

гацию, чтобы разобраться с тем, что там происходит и, если потребуется, заменить Ким Ир Сена на более приемлемую фигуру»<sup>244</sup>. Если В. В. Ковыженко прав, и решение сместить Ким Ир Сена с поста или, по меньшей мере, выражаясь на жаргоне аппаратчиков того времени, «изучить этот вопрос», действительно существовало (а автор склонен этому верить), то принципиальная возможность такого поворота событий должна была получить одобрение самого Н. С. Хрущёва. Предполагалось, что по прибытии в Пхеньян советско-китайская делегация созвет Пленум Центрального Комитета ТПК, на котором будут отменены решения августовского пленума, объявлено о прекращении преследований сторонников оппозиции, а также проведено общее обсуждение ситуации в стране.

Примерно такая же картина вырисовывается из сделанных китайской стороной записей этой встречи: Мао выразил своё недовольство действиями Ким Ир Сена и репрессиями против «старых и проверенных партийных кадров», а также упомянул о бывших прегрешениях северокорейского диктатора и предложил отправить в Пхеньян делегацию, которая бы разобралась с ситуацией на месте. К сожалению, пока неизвестно, существует ли в китайских документах подтверждение того, что у Москвы и Пекина были планы снятия Ким Ир Сена<sup>245</sup>.

Объединенную делегацию возглавляли А. И. Микоян и Пэн Дэ-хуай. Анастас Микоян, брат прославленного авиаконструктора, по праву считался самым хитроумным и осторожным политиком в советском руководстве. Недаром А. И. Микоян был единственным членом Политбюро, который занимал этот пост при Ленине, Сталине, Хрущёве и Брежневе, но при этом избежал серьезных неприятностей и в конце концов умер своей смертью (как выражались в те времена московские остряки, мемуары Микояна следовало бы назвать «От Ильича до Ильича, без инфаркта и паралича»)<sup>246</sup>. На

<sup>244</sup> Интервью с В. В. Ковыженко. Москва, 2 августа 1991 г.

<sup>245</sup> О содержании записи сообщил автору профессор Чэнь Цзянь, которому удалось ознакомиться с этим документом в одном из пекинских архивов (беседа в Варшаве 27 октября 2006 г.). К сожалению, по состоянию на декабрь 2006 г. данный документ не подлежит публикации, однако последние события заставляют надеяться, что в ближайшие годы документы пекинских архивов все-таки увидят свет.

<sup>246</sup> О поразительной изворотливости А. И. Микояна в те времена ходило много анекдотов, и трудно удержаться от того, чтобы не привести хотя бы один из них: «Микоян пришел к одному из друзей. Когда гости стали расходиться, кто-то заметил, что идет дождь, и предложил ему взять зонт. "Не беспокойтесь, — ответил Микоян, — я могу проходить между каплей"».

протяжении 1956 г. Микоян часто бывал в «горячих точках» коммунистического лагеря и фактически стал главным «кризисным управляющим» Москвы. В июле 1956г. именно А.И.Микоян помог устранить агонизирующий сталинистский режим Ракоши в Венгрии, в октябре он вернулся туда и безуспешно попытался достичь компромисса с венгерскими оппозиционерами, а через несколько дней сопровождал Хрущёва в Польшу, где советской делегации пришлось с неохотой одобрить возвышение Гомулки<sup>247</sup>. Несмотря на подобный послужной список Микояна, представляется, что в случае с Пхеньяном его назначение оказалось случайным и состоялось просто потому, что Микоян находился в Пекине как раз в тот момент, когда в соседней с Китаем стране начался внутривластный кризис. Ранее А. И. Микоян никак не был связан с Кореей, не знал ни ее, ни Дальний Восток в целом и, как отмечали многие, относился к корейцам достаточно высокомерно. С другой стороны, министр обороны Китая Пэн Дэ-хуай, знаменитый полководец, командовавший китайскими войсками в ходе Корейской войны, очень хорошо знал Корею и пользовался популярностью среди северокорейцев, особенно среди военных. Однако еще со времен войны он испытывал неприязнь к Ким Ир Сену, и, вероятно, чувство это было обоюдным. Назначение его главой делегации с китайской стороны не сулило Ким Ир Сену ничего хорошего.

За исключением технического персонала, с советской стороны в состав объединенной делегации входили: сам А. И. Микоян, секретарь ЦК и член Политбюро; Б. Н. Пономарев, глава международного отдела ЦК; В. В. Чистов, помощник Микояна; В. В. Ковыженко, на тот момент - работник международного отдела ЦК, отвечавший за вопросы, связанные с Кореей; и китаист В. Я. Сидихменов, работавший в том же международном отделе ЦК (он был приглашен как переводчик, поскольку свободно владел китайским)<sup>248</sup>. Автор встречался и обсуждал описываемые события как с В. В. Ковыженко, так и с В. Я. Сидихменовым, который впоследствии стал крупным дипломатом, а позже — известным синологом, специалистом по традиционному Китаю.

В. В. Ковыженко вспоминал, что, когда делегация поездом прибыла в Пхеньян, Ким Ир Сен не появился, как это было принято,

<sup>247</sup> Rothschild Joseph. Return to Diversity: A Political History of East Central Europe Since World War II. New York, Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 156.

<sup>248</sup> Интервью с В. В. Ковыженко. Москва, 2 августа 1991 г.

на вокзале для встречи «иностранных гостей». По-видимому, он решил таким образом продемонстрировать свое недовольство приездом незваных «гостей». Его отношение к визитерам проявилось год спустя, когда после своей политической победы он делился воспоминаниями с влиятельными чиновниками. Тогда Ким Ир Сен сказал, явно пытаясь скрыть как свое бывшее замешательство, так и нынешнее ликование: «Когда прилетели товарищи Микоян и Пын Дэ-хуай [...] Разве мы их могли отослать обратно, хотя они приехали и без приглашения? Надо считаться с авторитетом этих партий»<sup>249</sup>. Члены делегации разъехались по своим резиденциям (советская и китайская части размещались отдельно), и на следующий день Ким Ир Сен посетил их.

Делегация настаивала на созыве нового Пленума ЦК ТПК в кратчайшие сроки. Поэтому подготовка к пленуму, которую контролировали Анастас Микоян и Пэн Дэ-хуай, началась немедленно. За день до пленума состоялась встреча руководителей делегации, на которой советскую сторону представляли Микоян и Пономарев. После этого они начали составлять (на русском языке) проект резолюции, которую должен был принять намеченный пленум. Предполагалось, что его раздадут участникам пленума. По словам В. В. Ковыженко, резолюция не только обвиняла Ким Ир Сена в развязывании необоснованных репрессий после августовского пленума, но и прямо предлагала его отставку. Микоян был уверен, что члены ЦК, особенно из советской и яньаньской фракций, послушно проголосуют за проект, предложенный представителем Москвы. В целом этот подход отражал стиль работы Микояна (да и самого Сталина). Несмотря на то, что Микоян пользовался заслуженной репутацией здравомыслящего и осторожного политика, все имевшие отношение к его визиту в Пхеньян отмечали его высокомерное отношение к корейцам. Г. К. Плотников, советский историк и военный кореевед, вспоминал: «То, как держал себя там Микоян, мне, честно говоря, не понравилось уже тогда и еще меньше нравится теперь. Микоян говорил о корейцах свысока, неуважительно, то и дело замечая "я им сделал втык", "я им объяснил все", "я распорядился". Неуважение к Корее слишком сквозило в каждом его слове. Мне это было очень неприят-

<sup>249</sup> Эти слова Ким Ир Сена были процитированы участником декабрьского (1957) пленума во время встречи с советским дипломатом. Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Пак Киль Еном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 8 декабря 1957 г.

но»<sup>250</sup>. Из-за этого поведения, а также из-за той роли, которую он в целом сыграл в событиях сентября 1956 г., по воспоминаниям В. Д. Тихомирова, за Микояном в Корее позже закрепилось нелепое прозвище митхкунён («задний проход», но крайне грубо)<sup>251</sup>.

Похоже, что сентябре Микоян намеревался сыграть в Пхеньяне ту же роль, что в июле он сыграл в Будапеште. Там он проконтролировал замену действующего лидера (Матьяш Ракоши, которого считали слишком приверженным сталинизму и непопулярным в народе) на нового лидера (Эрно Гере), который тогда казался более подходящей для СССР фигурой. Однако положение в Пхеньяне было совершенно другим. Летом 1956 г. в Венгрии назревал политический взрыв, а сталинистская старая гвардия осознавала, что имеет слабую поддержку не только среди простого населения, но и даже среди партийных работников. В Корее не наблюдалось никаких признаков назревающего массового протеста. Как мы увидим далее, определенное недовольство в стране существовало, но его масштабы не шли ни в какое сравнение с той ситуацией, что тогда сложилась в Венгрии или в Польше.

Что произошло дальше? Мы располагаем только версией, которую предложил сам В. В. Ковыженко: «На беседе с китайцами я не был, но когда Пономарев с нее вернулся, он сказал: "Будем составлять проект решения". Я говорю: "Этого делать никак нельзя!" Пономарев: "Почему?" Я отвечаю: "На словах, может быть, и можно, но никаких бумажек, тем более на русском языке, оставлять нельзя". Пономарев пожаловался Микояну, и тот вызвал меня. С Микояном мы говорили долго, часа два, если не больше, и я в конце концов его убедил, что составлять какие-либо бумаги по свержению Ким Ир Сена ни в коем случае нельзя, что если Ким Ир Сен удержится (я в этом был уверен), то нам этого никогда не простят. Микоян подумал и сказал: "Ладно. Китайцы на этом настаивали, вот пусть они, если уж им так надо, и добиваются своего". На том и порешили. Вскоре Микояна отозвали, и оказалось, что я как в воду глядел: не успели мы уехать, как стали распускать слухи и говорить Ким Ир Сenu, что все это была русская интрига против него»<sup>252</sup>.

<sup>250</sup> Интервью с Г. М. Плотниковым. Москва, 1 февраля 1990 г. Полковник Плотников, историк и специалист по Корее, в 1950-х гг. работал в Северной Корее и был очевидцем визита, хотя и не имел прямого отношения к пленумам и миссии Микояна.

<sup>251</sup> Интервью с В. Д. Тихомировым. Москва, 25 сентября 1989 г.

<sup>252</sup> Интервью с В. В. Ковыженко. Москва, 2 августа 1991 г.

Конечно, это только одна версия событий. К сожалению, на настоящий момент она является единственно доступной, но ее никак нельзя считать истиной в последней инстанции. Увы, официальные отчеты о визите Микояна по-прежнему засекречены<sup>253</sup>. По свидетельству В. В. Ковыженко, после этой дискуссии советская делегация стала играть более пассивную роль, и она уже не настаивала на смещении Ким Ир Сена. Казалось, что и китайская сторона отказалась от этой идеи. Таким образом, задачи делегации сузились до реабилитации жертв недавних репрессий. Неожиданная инертность китайской делегации могла быть результатом серьезных стратегических размышлений и политических расчетов. В 1956 г. еще не шло и речи об открытом разрыве между Китаем и Советским Союзом, однако между двумя странами уже понемногу нарастала напряженность, и Мао Цзэдун, испытывавший недоверие к «старшему брату», делал все возможное для усиления собственных позиций накануне вероятного конфликта с Москвой<sup>254</sup>.

Поскольку официальные документы, касающиеся визита Микояна, остаются недоступны, мы можем только гадать, встречался ли он с бывшими советскими корейцами. Известно, однако, что китайские члены совместной делегации встречались с некоторыми деятелями из яньаньской фракции, включая самого Ким Ту-бона. Эти встречи с негодованием упоминались Ким Ир Сеном в декабре 1957 г., когда Ким Ту-бон был официально обвинен в том, что он являлся участником оппозиционной группы. В данном случае Вождь, скорее всего, не лгал: в той политической обстановке подобная выдумка не имела бы смысла<sup>255</sup>.

Пленум Центрального Комитета открылся 23 сентября и продолжался всего один день. Под давлением советско-китайской делегации Ким Ир Сен согласился реабилитировать участников августов-

<sup>253</sup> Автор попытался получить эти документы, хранящиеся в одном из российских архивов. Их существование подтвердилось, но в доступе к ним было недвусмысленно отказано.

<sup>254</sup> Следует отметить, что сам В. В. Ковыженко полагал, что план низвержения Ким Ир Сена изначально являлся китайской провокацией. Он считал, что Мао Цзэдун затратил немалые усилия для подрыва советского влияния в Корее. В том случае, если попытка сместить Ким Ир Сена окончится неудачей, Мао всегда мог представить ее как очередной пример советского вмешательства во внутренние дела братских стран, как убедительное доказательство «советского гегемонизма». Если бы замена Ким Ир Сена прошла удачно, то Мао снова оказывался в выигрыше, поскольку наиболее вероятным преемником был бы член яньаньской (то есть прокитайской) фракции (Ibid).

<sup>255</sup> Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Пак Киль Еном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 8 декабря 1957 г.

ских событий и их сторонников и обещал не предпринимать никаких репрессивных мер против высших партийных функционеров, в первую очередь - против выходцев из СССР и Китая. Официальный отчет в «Нодон синмун», опубликованный, как обычно, через несколько дней после окончания пленума, 29 сентября сообщал читателям о восстановлении в партии Чхве Чхан-ика, Юн Конхыма, Со Хви, Ли Пхиль-гю и Пак Чхан-ока (их имена в постановлении были перечислены именно в таком порядке). Этот отчет также являлся первым открытым документом, который сообщал широкой публике, что они вообще исключались из партии.

Впрочем, из справки, которую подготовили в Москве через год, осенью 1957 г., когда советское руководство готовилось к очередной встрече с Ким Ир Сенем, известно, что постановление сентябрьского пленума было опубликовано в неполном виде, без некоторых наиболее чреватых последствиями положений. В этой справке говорилось: «Нежелание пересматривать решения августовского пленума ЦК сказалось также и в том, что, несмотря на имевшуюся между товарищами Микояном и Пэн Дэ-хуаем, с одной стороны, и Ким Ир Сенем, с другой, договоренность об опубликовании в печати всего текста решения сентябрьского пленума, оно все же не было полностью опубликовано. В опубликованном изложении решения было опущено два важных положения, касающиеся оценки мер, принятых в отношении Цой Чан Ика и других, а также необходимости развития внутрипартийной демократии»<sup>256</sup>.

В тот же день и тоже на первой полосе, по соседству с отчетом о пленуме, «Нодон синмун» опубликовала большую передовую статью, озаглавленную «Разъяснение, убеждение и обучение — главные методы партийного руководства». Статья пыталась объяснить отмену недавних решений: «Даже если [люди] совершили серьезные ошибки, партия, помогая им исправить их ошибки, обучает их [и превращает в] даже более преданных членов партии»<sup>257</sup>. В статье также неоднократно упоминалась «внутрипартийная демократия» и «дух критики и самокритики», который должен наличествовать в партии. При этом общий тон статьи был выдержан в согласии с официальными лозунгами десталинизации. Казалось, что Ким Ир Сен уступил давлению и решил последовать инструкциям своим иностранным покровителей.

<sup>256</sup> К беседе с партийно-правительственной делегацией КНДР. КЧИ, документы 1957 года. № 1172/8в, 22/Х-57 г. Документ представляет собой пространный справку, которая была подготовлена МИД СССР для советского руководства накануне приезда Ким Ир Сена в Москву осенью 1957 г.

<sup>257</sup> Нодон синмун. 29 сентября 1956 г.

## 8. РАЗГРОМ ОППОЗИЦИИ

Когда Пэн Дэ-хуай отправился домой в Пекин, а Микоян через Москву отправился «наводить порядок» в бурлящей Восточной Европе, где ему предстояло разбираться с куда более опасными для СССР ситуациями, казалось, что их короткая миссия в Пхеньяне закончилась успехом. Собственно говоря, именно в таком духе А. И. Микоян описал результаты своей поездки в Пхеньян, когда вскоре после возвращения в Пекин он встретился там с Мао Цзэ-дуном<sup>258</sup>. Репрессии против оппозиции были приостановлены, и Ким Ир Сен обещал не предпринимать каких-либо карательных действий против августовской группировки и ее сторонников. Все жертвы недавней кампании были официально восстановлены на своих постах. В партийные организации разослали текст примирительной речи Ким Ир Сена и резолюции сентябрьского пленума. Партийным комитетам всех уровней было поручено довести информацию о новой политике до функционеров низшего звена и простых партийцев.

Присутствие на сентябрьском пленуме советско-китайской делегации изначально оставалось тайной не только для рядовых членов партии, но, вероятно, и для номенклатуры среднего звена. Это вполне объяснимо, поскольку визит Микояна и Пэн Дэ-хуая наносил ощутимый удар по корейскому чувству собственного достоинства. Какими бы мотивами ни руководствовались в Москве и Пекине, их действия объективно представляли собой явное вмешательство во внутренние дела КНДР. Поэтому сведения о визите постарались скрыть: их распространение могло означать серьезную потерю лица и для Ким Ир Сена, и для рядовых партийцев. Тем не менее для любого читателя северокорейских газет было очевид-

<sup>258</sup> устное сообщение проф. Чень Цзяня (Chen Jian), которому удалось ознакомиться с записью бесед Мао и Микояна в китайских архивах. Варшава, 27 октября 2006 г.

но, что резолюции двух пленумов ЦК, между которыми прошло всего лишь три недели, радикально отличались по своему содержанию. Как заметил заместитель председателя ЦК ТПК Пак Кымчхоль в беседе с советником советского посольства Пелишенко, «ряд членов партии высказывали недоумение в связи с тем, что решения августовского и сентябрьского пленумов по оргвопросам были различные»<sup>259</sup>. Нечто подобное сказал в ноябре и секретарь пхеньянского горкома ТПК<sup>260</sup>.

Несколько месяцев после сентябрьского пленума в партийном аппарате царила обстановка относительного спокойствия. Какое-то время могло казаться, что Северная Корея собирается последовать примеру других «братских социалистических стран» и вступить на путь умеренной десталинизации. Осенью в корейской печати имя Ким Ир Сена стало упоминаться не столь часто, а восхваление его величия и мудрости на какое-то время вообще прекратилось. Заметны были и другие признаки послаблений в идеологической и культурной сферах. В октябре «Нодон синмун» напечатала передовую статью «За активные и свободные исследования и дискуссии в культуре и науке», авторы которой заявляли: «Нет мудрости большей, чем коллективная мудрость. Мнение любого "авторитета" или личности не может избежать субъективизма и пристрастности. Разве не ясно, что взгляды одного человека, как бы он ни был велик, более ограничены, чем взгляды масс?»<sup>261</sup> Вполне понятно, что для Северной Кореи подобные замечания были прямым покушением на основы, тяжелым идеологическим преступлением, так как вызывали сомнение в безграничной мудрости Великого Вождя.

В целом начало 1957 г. было в Северной Корее временем либеральных веяний, которые вполне соответствовали тогдашней советской идеологической моде. Это особенно отразилось в литературе и искусстве — областях, которые во всех социалистических странах служили ярким индикатором идеологических тенденций. Как теперь стало очевидно, для Северной Кореи середина 1950-х гг. была периодом относительной «оттепели». В те времена в «Нодон син-

<sup>259</sup> Запись беседы В. И. Пелишенко (советник посольства) с Пак Ким Чером (зам. председателя ЦК ТПК). 22 ноября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

<sup>260</sup> Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь посольства) с Ли Сон Уном (председатель Пхеньянского городского комитета ТПК). 23 ноября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

<sup>261</sup> Нодон синмун. 19 октября 1956 г.

мун» появлялись статьи, посвященные иностранной культуре и даже стихи на таком возмутительно «феодалном» и «реакционном» языке, как классический китайский<sup>262</sup>.

С весны 1956 г. общий тон северокорейской литературной критики несколько изменился, что в целом отражало перемены в советской литературной политике. Лозунгом дня на какое-то время стала борьба против «схематизма» (кор. тосикчжуый). В данном случае термин «схематизм» обозначал рабскую зависимость от идеологических предписаний, которая превращала произведение искусства в простую иллюстрацию текущих политических лозунгов. Как и в постсталинистском Советском Союзе, откуда, собственно, и пришел в Корею этот термин, в КНДР «борьба против схематизма» на деле подразумевала, что писателей и деятелей искусств призывали несколько ограничить использование литературы и искусства в пропагандистских целях. От руководства творческих союзов также ожидалась несколько ббльшая терпимость к «политически незрелым» работам. Эта новая тенденция не предполагала действительной свободы творчества, но предусматривала некоторое ослабление идеологического нажима. В эти месяцы в Северной Корее могли публиковаться произведения, которые бы в начале 1950-х гг. были бы наверняка объявлены «реакционными» или «ревизионистскими» (после 1959 г. к ним, скорее всего, отнеслись бы с еще большей суровостью). Нет нужды говорить, что в большинстве случаев по своей эстетической ценности эти произведения заметно превосходили ту нудно-трескучую пропаганду, которая сходила за искусство в другие периоды северокорейской истории<sup>263</sup>.

Однако оттепель 1956-1957 гг. продолжалась недолго. Ким Ир Сен отнюдь не собирался выполнять резолюции сентябрьского пленума и послушно следовать той политической линии, которую ему весьма бесцеремонно навязали извне. Его уступчивость была лишь тактической уловкой, и он был полон решимости наказать

<sup>262</sup> 3 августа 1956 г., например, «Нодон синмун» опубликовала довольно большую статью о деятельности существовавшего тогда в Кэсоне общества поэзии на ханмуне (классический китайский язык). В газете даже появилось несколько стихотворений, написанных членами общества. Стихи затрагивали «политически правильные» темы (например, объединение родины), но всего несколько годами позднее существование подобного общества было немислимо.

<sup>263</sup> Исследование этого кратковременного «потепления» содержится в статье Ким Сон-су. Kim SOng-su. 1950 nyOndaе Pukhan munhak-kwa sahoejuui giollijum [Социалистический реализм и северокорейская литература 1950-х годов] // HyVndaе Pukhan yOngu. Т. 2 (1999). № 2. С. 141-145.

мятежников, которые осмелились бросить открытый вызов его главенству в партии и стране. Во многом такой подход был политически обоснован: если бы бунтари избежали наказания, то это создало бы опасный прецедент, который мог привести к повторению подобных выступлений и в будущем.

Такая линия Ким Ир Сена стала очевидной уже в первые месяцы после сентябрьского пленума. Хотя под китайско-советским давлением Ким Ир Сен и согласился реабилитировать «раскольников», исключенных из партии в августе, их формальная реабилитация отнюдь не означала восстановления их прежнего политического статуса. Уже через несколько месяцев после сентябрьского пленума на страницах северокорейской печати стали появляться отдельные материалы, направленные против наиболее активных и заметных деятелей оппозиции. Так, 25 декабря 1956 г. «Нодон синмун» сообщила, что в департаменте строительных материалов проходят собрания, на которых критикуется деятельность бывшего начальника этой организации Ли Пхиль-гю. Сообщалось, что сотрудники департамента активно занимаются взаимной критикой и самокритикой и выражают сожаления по поводу своей недостаточной принципиальности<sup>264</sup>. Несколькими днями позднее «Нодон синмун» сообщила, что аналогичные собрания проходят и в Министерстве строительства, главой которого был другой видный оппозиционер, Ким Сын-хва. Читатели газеты узнали, что Ким Сын-хва «искажал политику партии» в области строительства<sup>265</sup>. Наконец, в середине февраля 1957 г. прошла кампания против Юн Кон-хыма, который до своего побега в Китай являлся министром торговли. По сообщению «Нодон синмун», бывшего министра обвинили в разнообразных прегрешениях на всекорейском совещании работников торговли<sup>266</sup>. В середине февраля настал черед еще одного беглеца — Со Хви. 25 февраля 1957 г. в «Нодон синмун» появился материал под заглавием: «В защиту партийности, против отхода от партийных принципов — в Центральном совете профсоюзов». В статье сообщалось о той кампании, которая проходила в профсоюзном руководстве и была направлена на «разоблачение» Со Хви<sup>267</sup>.

Таким образом, в период с декабря 1956 по февраль 1957 г. внимательный читатель официальной печати был поставлен в извест-

<sup>264</sup> Нодон синмун. 25 декабря 1956 г.

<sup>265</sup> Там же. 28 декабря 1956 г.

<sup>266</sup> Там же. 15 февраля 1957 г.

<sup>267</sup> Там же. 25 февраля 1957 г.

ность о том, как теперь следует относиться к большинству лидеров оппозиции. В то же время примечательно, что до лета 1957 г. в северо-корейской печати не появлялось прямых атак на главных организаторов августовского выступления — Пак Чхан-ока и Чхве Чхан-ика (по крайней мере, таких нападок в «Нодон синмун» обнаружить не удалось). Можно предположить, что Ким Ир Сен воздерживался от критики именно потому, что эти две фигуры имели наибольшее символическое значение, и прямая атака на них могла быть воспринята как вызов Москве и Пекину. Впрочем, несмотря на все официальные резолюции, Пак Чхан-ок и Чхве Чхан-ик так и остались на тех постах, на которые их отправили после августовского пленума, — заведующего лесопилкой и директора свинофермы. Вдобавок их свобода оказалась кратковременной. В начале сентября 1957 г. Ю Сон-хун, тогдашний ректор университета Ким Ир Сена, сообщил советскому дипломату, что Пак Чхан-ок и Чхве Чхан-ик арестованы<sup>268</sup>.

Впрочем, к тому времени аресты шли полным ходом. Справка о ситуации в КНДР, подготовленная для советского руководства в октябре 1957 г., сообщала, что за июль—август 1957 г. органами МВД КНДР было арестовано 68 руководящих партийных работников<sup>269</sup>. В скором времени, впрочем, счет арестованным партработникам пойдет на сотни и тысячи.

Как уже упоминалось, после сентябрьского пленума некоторые из менее значительных сторонников оппозиции получили свои прежние посты, но только на короткое время. С ноября 1956 г. Ким Ир Сен и его окружение снова начало постепенно смещать их с ответственных должностей. Весьма типичной для этого периода представляется судьба заместителя председателя пхеньянского горкома ТПК Хон Сун-хвана, который упомянут в нескольких документах того времени. В начале сентября 1956 г. Хон Сун-хван был освобожден от своих обязанностей, так как он «поддерживал связи с Чхве Чхан-иком». В конце сентября, в соответствии с недавними решениями, он был восстановлен на прежнем посту. Однако в ноябре Хон Сун-хван был снова смещен с поста и исключен из партии.

<sup>268</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Ю Сон Хуном (ректор Университета Ким Ир Сена). 11 сентября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72. Содержащиеся в ряде южнокорейских и западных работ утверждения о том, что Пак Чхан-оку удалось выехать в СССР, являются ошибочными.

<sup>269</sup> К беседе с партийно-правительственной делегацией КНДР. КЧИ, документы 1957 года. № 1172/8в, 22/Х-57 г.

Причина заключалась в том, что «он не порвал своих отношений с Чхве Чхан-иком» (эта формулировка была применена, несмотря на то обстоятельство, что Чхве Чхан-ик к тому времени был официально реабилитирован!)<sup>270</sup>.

Показательно, что вскоре после августовского кризиса, в конце 1956 г., руководство ТПК решило провести кампанию по обмену партийных билетов. Пак Кым-чхоль в разговоре с советским дипломатом 22 ноября настаивал на том, что «это мероприятие не преследует цели чистки партии, а вызвано необходимостью улучшения системы учета, регистрации членов партии и замены старых партийных билетов, пришедших в большинстве случаев в негодность»<sup>271</sup>. Однако едва ли следует верить этим словам Пак Кым-чхоля. Более вероятно, что, как уже отмечал Со Дэ-сук, вся кампания по обмену партийных документов была начата именно потому, что она являлась хорошим предлогом для тщательной проверки происхождения и поведения каждого члена партии<sup>272</sup>. Это косвенно признавалось и в статье, опубликованной в «Нодон синмун» в январе 1957 г. Статья недвусмысленно указывала, что выдача новых партбилетов предоставляет хорошую возможность для того, чтобы проверить надёжность всех членов партии<sup>273</sup>.

Хотя августовское выступление оппозиции и связанные с ним разногласия в северокорейском руководстве и стали самыми яркими событиями того периода, кризис в верхах был лишь отражением широкого недовольства, которое существовало в северокорейском обществе. Доступные нам документы свидетельствуют, что августовский инцидент был просто наиболее открытым проявлением общего кризиса северокорейского сталинизма. Местные особенности не позволили этому кризису развиваться до того уровня интенсивности, которая была бы сопоставима с напряженностью кризисов в Венгрии и Польше. Тем не менее, Корея не осталась в стороне от политических тенденций и изменений тех лет. Севе-

<sup>270</sup> Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь посольства) с Ли Сон Уном (председатель Пхеньянского городского комитета ТПК). 23 ноября 1956 г.

<sup>271</sup> Запись беседы В. И. Пелишенко (советник посольства) с Пак Ким Чером (зам. председателя ЦК ТПК). 22 ноября 1956. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

<sup>272</sup> Suh Dae Suk. Kim И Sung. P. 152; Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Ю Сон Хуном (ректор Университета Ким Ир Сена). 11 сентября 1957 г.

<sup>273</sup> Нодон синмун. 16 января 1957 г.

рокорейское руководство знало о недовольстве, которое существовало в среде интеллигенции, а также среди образованных партийных кадров. По данным советского посольства, в июле 1956 г., то есть как раз накануне августовского противостояния, Ким Ир Сен, анализируя социально-политический кризис в Польше, прямо заявил, что польские лидеры не уделили должного внимания «вредным тенденциям» среди интеллигенции, и добавил, что и в КНДР также наблюдаются признаки недовольства в этих слоях населения («часть [интеллигенции] ... настроена не совсем правильно в отношении ряда мероприятий, проводимых ЦК ТПК и Правительством»)<sup>274</sup>.

Развитию этих тенденций немало способствовали события, происходившие за пределами Северной Кореи. Кампания по де-сталинизации в СССР, хотя и отчасти приостановленная после «венгерских событий», не была свернута полностью. Информация о переменах в Москве и событиях в других социалистических странах продолжала разными путями поступать в Корею, воздействуя на тех, кто мечтал о более либеральном варианте государственного социализма. На короткое время могло показаться, что сентябрьские решения предоставили этим людям некоторую защиту. Нужно помнить, что в середине 1950-х гг., несмотря на жесткий политический контроль, КНДР в целом была более открыта внешним влияниям, чем в последующие десятилетия. Число корейцев, обучавшихся за границей или ездивших за рубеж (хотя только в социалистические страны и только с официального разрешения) было невелико, однако весьма значительно по сравнению с последующим периодом северокорейской истории. Иностранная пресса, включая и советские газеты, тогда свободно продавалась в Пхеньяне. Даже газеты печатали гораздо больше информации, чем считалось возможным после 1957 г. Достаточно сказать, что во время венгерского кризиса «Нодон синмун» регулярно перепечатывала официальные советские сообщения о «волнениях» и «беспорядках» в венгерской столице. Начиная с 27 октября и до конца ноября такие сообщения появлялись ежедневно, за исключением трех решающих дней с 2 по 4 ноября, когда советские войска с боями прорывались в восставший Будапешт. Несмотря на крайне негативную оценку венгерского восстания, эти публикации все-таки являлись источником информации<sup>275</sup>. Менее

<sup>274</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Цой Чан Иком (зам. премьера, член Президиума ЦК ТПК). 23 июля 1956 г.

<sup>275</sup> Нодон синмун. 28 октября — 15 ноября 1956 г.

драматичный «польский октябрь» в корейской печати освещался слабее, но тем не менее газеты КНДР упоминали кадровые перестановки в руководстве правящих партий Восточной Европы. Такой подход к подаче информации представляет собой яркий контраст с характерным для более поздних времен нежеланием северокорейской прессы информировать читателей о любых внутренних или внешних проблемах «братских стран».

Волнения в Венгрии вызвали определенный резонанс среди корейской интеллигенции. Ректор Университета Ким Ир Сена в феврале 1957 г. рассказывал советскому дипломату о появлении в университете надписей на стенах и рукописных листовок: «В связи с событиями в Венгрии в университете были случаи, когда нездоровые элементы из числа студентов после венгерских событий от руки писали в общественных местах на стенах, на клочках бумаги лозунги о поддержке контрреволюционного студенчества Венгрии, за улучшение жизни студентов в КНДР. Открытых выступлений и заявлений на собраниях по этому поводу не было»<sup>276</sup>.

Ю Сон-хун, ректор Университета имени Ким Ир Сена, сообщил, что трое корейских студентов, обучавшихся в Венгрии, воспользовались событиями, чтобы бежать в Австрию<sup>277</sup>, а около пятидесяти студентов были спешно отозваны в Пхеньян (Балаш Шалонтай в своей книге указывает, что отозвали не всех и часть корейских студентов-старшекурсников все-таки осталась в Венгрии для завершения обучения)<sup>278</sup>. Из материалов посольства известно, что эти студенты доставляли своим кураторам немало хлопот. Они задавали преподавателям политически опасные вопросы и поднимали щекотливые темы на семинарах. Некоторые из этих вопросов, приведенные в документах посольства, действительно были весьма провокационными, с официальной точки зрения. Впрочем, имеет смысл процитировать жалобы профессора Сон Кун-чхана, зав. кафедрой основ марксизма-ленинизма, которого приставили к отозванным из Венгрии студентам на предмет, как он сам выразился, их «перевоспитания». Профессор Сон жаловался: «[Н]еко-

<sup>276</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Ю Сон Хуном (ректор Университета Ким Ир Сена). 7 февраля 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

<sup>277</sup> Там же.

<sup>278</sup> «Нодон синмун» опубликовала заметку об возвращении корейских студентов из Венгрии (еще одно свидетельство относительной открытости северокорейского общества того времени) и объяснила, что их отзыв был необходим, «принимая во внимание сложную ситуацию в Венгрии... чтобы облегчить бремя» венгерского народа». Нодон синмун. 10 января 1957 г.

торые из студентов в беседах и на семинарах заявили, что правительство КНДР неправильно поступило, оказав правительству Кадора экономическую помощь, так как оно якобы не пользуется поддержкой у венгерского народа. Некоторые открыто заявляли о правильности выступления Тито в Пуле и Карделя на сессии Скупщины<sup>279</sup>. В отношении Советского Союза говорят, что венгры правильно выступали против изучения русского языка и основ марксизма-ленинизма в вузах, что в Венгрии они не видели таких маленьких домиков, какие они видели, проезжая Советский Союз. Они считают правильным разоблачение культа личности Сталина, но не согласны с методами его разоблачения. В отношении КНДР они высказывают недоумение, почему в Пхеньяне почти все жители ходят пешком, [...] выступают против дальнейшего развития тяжелой промышленности в КНДР. Считаю неправильным создание в Венгрии единой партии трудящихся, что не вело к развитию демократизма. Венгерские студенты в беседах с ними открыто говорили, что жизненный уровень в Венгрии ниже довоенного и т. д.»<sup>280</sup>. Ректор университета Ю Сон-хун сказал советскому дипломату (которым был, конечно же, вездесущий и проницательный Е. Л. Титоренко), что «приезд их (корейских студентов, отозванных из Венгрии. - *А. Л.*) в г. Пхеньян вызвал некоторое беспокойство правительства, так как многие из них открыто заявляют о своем недовольстве условиями жизни в Корее, настаивают на возвращении их на учебу в Венгрию». Ю Сон-хун сообщил, что «решено их поместить в лучших общежитиях, расселив среди надежных сту-

<sup>279</sup> Речь И. Тито в хорватском городе Пуле была произнесена 11 ноября 1956 г. и выражала позицию Югославии в отношении венгерских событий. В речи в целом осуждалось советское военное вмешательство, а также говорилось о том, что в советском руководстве по-прежнему существует влиятельная сталинистская фракция (о речи см.: Lorraine Lees. Keeping Tito Afloat: The United States, Yugoslavia, and the Cold War. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1997. P. 205). Любопытно, кстати, что с очень похожими претензиями примерно в то же самое время выступили студенты в Томске, которые тоже выражали свое возмущение тем, что речь не была опубликована (о томском инциденте см., в частности: Кузовкин Геннадий. Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней «оттепели» // Корни травы: Сб. статей молодых историков. М.: Звенья, 1996).

<sup>280</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Сон Кун Чаном (зав. кафедрой основ марксизма-ленинизма Университета Ким Ир Сена). 21 января 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72. В цитате опущено разделение на абзацы. Транскрипция имени уточнена, см. статью «Нодон синмун» за 6 августа 1957 г., где упоминается профессор Сон Кун-чхан (в весьма негативном свете, кстати говоря).

дентов, чтобы наблюдать за их поведением»<sup>281</sup>. Студенты, обучавшиеся в другом центре идеологического брожения, Польше, также доставляли подобные проблемы. Ситуация среди них казалась настолько серьезной, что сам Ким Ир Сен счел необходимым пожаловаться на нее советскому поверенному в делах<sup>282</sup>.

Конечно же, недовольство не ограничивалось беспокойными студентами, вернувшимися из Венгрии, или сотрудниками университета Ким Ир Сена. Похожее настроение разделяло значительное число северокорейских партийных работников и интеллигентов (в КНДР середины 1950-х гг. четкой границы между этими двумя слоями не было). В мае 1957 г. Чан Ик-хван, бывший советский кореец, в тот момент занимавший пост зам. министра просвещения, сказал советскому дипломату: «Определенная часть учителей средних школ, преподавателей вузов и студенчества после августовского пленума ЦК ТПК и в связи с венгерскими событиями проявила политическую незрелость и идеологическую неустойчивость. В начальных и средних школах только одной столичной провинции - Южный Пхенан - необходимо заменить по политическим соображениям около 3000 учителей». Если данная цифра соответствовала действительности, то, принимая во внимание постоянную нехватку образованных кадров, решение о замене около трех тысяч преподавателей выглядит довольно радикальным и свидетельствует о том, что окружение Ким Ир Сена серьезно относилось к угрозе инакомыслия<sup>283</sup>.

<sup>281</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Ю Сон Хуном (ректор Университета Ким Ир Сена). 7 февраля 1957 г.

<sup>282</sup> Запись беседы В. И. Пелишенко (временный поверенный в делах) с Ким Ир Сенем. 12 февраля 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

<sup>283</sup> Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь посольства) с Тянь Ик Хваном (зам. министра просвещения). 23 мая 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Цифра «3000» кажется слишком большой, так что нельзя исключить ошибки, например, в переводе беседы (корейские числительные - одна из главных ловушек для переводчика) или при перепечатке рукописного текста машинисткой. В 1948 г. в целом по стране насчитывалось 35 176 учителей начальной и средней школ, из которых в 1946 г. около 15 % работало в Пхеньяне и прилегающей к нему провинции Ю. Пхёнъан (1946, 1947, 1948 *pyOndo Pukhan kyOngje t'onggye charyojip* [Статистический справочник экономики Северной Кореи за 1946, 1947, 1948 гг.]. Ch'unch'on: Hanlim taehakkyo ch'ulp'anbu, 1994. К 1957 г. число учителей значительно возросло, поскольку эти годы были временем чрезвычайно интенсивного развития образования в КНДР, но даже и в этом случае замена трех тысяч преподавателей означала бы увольнение от четверти до половины всех учителей в провинции. Такая цифра выглядит завышенной, поэтому не стоит ей полностью доверять.

С особым беспокойством Чан Ик-хван говорил о ситуации в университете Ким Ир Сена, который, как и следовало ожидать, приобрел репутацию особо неблагонадежного и идеологически заражённого заведения<sup>284</sup>. Отчасти это было результатом того, что университет, будучи самым крупным и самым лучшим учебным заведением Северной Кореи, естественным образом стал рассадником политического свободомыслия. По сравнению с остальным населением или с партийными функционерами, научные работники и профессура обычно были лучше информированы о внешнем мире и с большей готовностью воспринимали приципы интеллектуальной свободы. Потенциально «сомнительные» элементы яньаньской и советской фракций, в основной своей массе образованные лучше, чем бывшие партизаны или новые кадры, были тоже обильно представлены в университете. Поэтому когда Ким Ир Сен решил уничтожить инакомыслие, именно носящий его имя университет подвергся чистке в первую очередь. В сентябре 1957 г. ректор университета Ю Сон-хун, который сам вскоре был обвинен в сочувствии оппозиционерам, рассказывал советскому дипломату: «Некоторые преподаватели, не зная, что существует эта (августовская. - *А. Л.*) группировка, выступали с критикой политики ЦК ТПК и правительства, в некоторых случаях восхваляли "демократию в Югославии", выступали с критикой культа личности Ким Ир Сена, заявляли, что мирное развитие революции в условиях Кореи невозможно и т. д.». В этом отношении они не очень отличались от своих коллег в Советском Союзе и Восточной Европе или в Китае. Показательно, что Ю Сон-хун (сам — советский кореец и, как показали дальнейшие повороты его судьбы, отнюдь не поклонник Ким Ир Сена) упомянул, что самые активные критики Ким Ир Сена из числа университетских преподавателей ранее учились в СССР и защитили там диссертации<sup>285</sup>.

Именно с университета Ким Ир Сена в конце лета 1957 г. и началось возобновление кампании против «фракционеров», реальных или мнимых сторонников августовской оппозиции. В начале августа в университете прошла партконференция местной органи-

<sup>284</sup> Это, в частности, мнение Чан Ик-хвана, зам. министра просвещения КНДР. См. Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь посольства) с Тянь Ик Хваном (зам. министра просвещения). 23 мая 1957 г. Такое отношение к университету подтверждается и публикациями в печати, которые с осени 1957 г. часто упоминали университет в связи с подрывной деятельностью «раскольников» в его стенах.

<sup>285</sup> Запись беседы Е. П. Титоренко (второй секретарь посольства) с Ю Сон Хуном (ректор Университета Ким Ир Сена). 11 сентября 1957 г.

зации ТПК. По ее итогам «Нодон синмун» опубликовала большую статью, посвященную опасным идеологическим тенденциям, вскрывшимся в ходе трёхмесячной кампании по борьбе против «фракционеров» и «врагов» в стенах университета<sup>286</sup>. Эту пространную публикацию можно считать первым официальным сигналом об отмене сентябрьских решений, поскольку статья ссылалась только на «решения августовского пленума», как будто бы отменивших их решения сентябрьского пленума вообще не существовало. В дополнение к этому, в этой статье - впервые после почти годового перерыва - были открыто названы «фракционерами» Чхве Чхан-ик, Пак Чхан-ок и другие ключевые участники августовского выступления. В «Нодон синмун» объяснялось, какие именно планы имелись у реакционеров: «Говоря о "допустимости фракций" они стремились подвести теоретическую базу под собственные фракционные действия; пользуясь завесой красивых фраз о "свободе дискуссий" и "свободе научных группировок", они стремились организовать антипартийный заговор»<sup>287</sup>. Университетские либералы, которые в условиях кажущихся послаблений попытались поднять вопрос о свободе академических дискуссий, были в центральной газете названы «цепными псами фракционеров». Как легко догадаться, эта характеристика имела для них самые печальные последствия.

По словам зам. министра образования Чан Ик-хвана и ректора университета Ю Сон-Хуна, среди жертв кампании был и известный историк, член Академии наук КНДР Ли Чхон-вон (один из отцов-основателей корейской марксистской историографии), многие другие ученые и преподаватели, а также до ста студентов и аспирантов<sup>288</sup>. Другой высокопоставленной мишенью кампании в университете стал Хон Нак-ун, секретарь парторганизации университета. Не позднее октября 1956 г. он был обвинен в связях с Чхве Чхан-иком (который в то время официально считался оправданным!), и затем изгнан со своего поста (в августе 1957 г.

<sup>286</sup> Нодон синмун. 6 августа 1957 г.

<sup>287</sup> Там же.

<sup>288</sup> Там же.

Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Ю Сон Хуном (ректор Университета Ким Ир Сена). 11 сентября 1957 г.

Между прочим, Ли Чхон-вон был одним из первых, кто употребил термин «чучхе» (хотя и в несколько отличной форме - «чучхесон»), но явно под влиянием недавней речи Ким Ир Сена). Этот термин прозвучал в его выступлении на III съезде ТПК 27 апреля 1956 г. См. текст его выступления на съезде: Нодон синмун. 28 апреля 1956 г.

«Нодон синмун» называла его «идеологическим изменником»<sup>289</sup>. Однако Хон Нак-ун проявил неожиданную строптивость. Когда его вызвали на собрание, он вместо того, чтобы раскаиваться, начал упрямо защищать свои «антипартийные взгляды». Немного позже северокорейский участник того собрания с негодованием вспоминал: «[Хон] на партсобрании выступал, но от своих идей не отказался: о повышении жизненного уровня народа, о развитии внутрипартийной демократии в ТПК и т. п.»<sup>290</sup>. Действительно, с осени 1956 г. подобные идеи в КНДР все чаще воспринимались как крамольные.

Типичной представляется судьба заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Сон Кун-чхана. Хотя он и не был особо значительной фигурой, его имя встречается в нескольких разрозненных документах, позволяющих реконструировать события его жизни в 1956 г. и 1957 г. В январе 1957 г. Сон Кун-чхан жаловался советскому дипломату на «идеологически вредные» тенденции среди студентов, вернувшихся из Венгрии<sup>291</sup>. К маю его уже подвергли критике за якобы выраженную им поддержку оппозиции (по-видимому, из-за доноса студентов)<sup>292</sup>. Позже Сон Кун-чхан был исключен из партии, в августе о нем крайне неблагоприятно отзывалась «Нодон синмун», а в начале сентября его арестовали как «фракционера», то есть сторонника августовской оппозиции (к концу 1957 г. принадлежность к «фракционерам» рассматривалась как достаточное основание для ареста)<sup>293</sup>. Такой сценарий был вполне типичен для того времени.

Чистки не ограничились научными работниками и интеллигенцией, и летом 1957 г. среди правящих кругов Северной Кореи

<sup>289</sup> Нодон синмун. 6 августа 1957 г.

<sup>290</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Цой Чен Хеном (аспирант кафедры основ марксизма-ленинизма Университета Ким Ир Сена). 4 ноября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68. Написание имени Чхве Чон-хёна (Ch'oe ChOng-hyOn) установлено по «Нодон синмун» за 6 августа 1957 г., где он упоминается как аспирант, выдвинувший обвинения против университетских «фракционеров», включая и своего бывшего учителя.

<sup>291</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Сон Кун Чаном (зав. кафедрой основ марксизма-ленинизма Университета Ким Ир Сена). 21 января 1957 г.

<sup>292</sup> Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь посольства) с Тянь Ик Хваном (зам. министра просвещения). 23 мая 1957 г.

<sup>293</sup> 11 сентября арест Сон Кун-чхана все еще относился к «последним новостям». Запись беседы Е. Л. Титоренко с Ю Сон Хуном. 11 сентября 1957 г.

развернулась самая серьезная из всех пережитых ими репрессивных кампаний. Эта чистка была гораздо масштабнее кампании против внутренней фракции, которая проводилась в 1953-1955 гг. «Собрания критики» и «идеологические проверки» проходили по всей стране. Эти специфические формы публичного унижения развились в Северной Корее под явным влиянием маоистского Китая, но имели и свои местные особенности. В обоих случаях жертва, обычно партийный руководитель или чиновник относительно высокого ранга, вызывался на расширенное заседание парторганизации, все участники которого были обязаны «критиковать» жертву. Когда страсти накалялись, разрешалось и даже поощрялось применение физических «мер убеждения», так что нередко собрание превращалось в избиение в самом буквальном, физическом, смысле слова. Обычно это продолжалось несколько дней, иногда и недель подряд. Например, один из преподавателей Центральной партийной школы, Ха Гап в начале ноября 1957 г. покончил жизнь самоубийством после месяца подобной «критики», которая была вызвана его былыми близкими отношениями с Со Хви<sup>294</sup>. Подобные формы внесудебного «правосудия» приобрели печальную известность во времена «культурной революции» в Китае. В Корее же использование собраний критики достигло пика популярности раньше, в конце 1950-х гг. Надо отметить, что такая практика весьма отличалась от сталинистской традиции: в Советском Союзе от жертвы репрессий не требовали «самокритики» и не подвергали многодневному публичному унижению со стороны бывших коллег. За некоторым исключением, жертв сразу отправляли в тюрьму, и уже там они получали свою долю унижений и пыток.

Именно в ходе этой кампании обычной практикой в КНДР стали публичные казни. У нас нет сведений о том, что среди жертв публичных расстрелов были и «фракционеры», хотя полностью исключать этого нельзя. Однако сам факт возрождения публичных казней является еще одним признаком отхода Северной Кореи от советских образцов. Даже при Сталине советская судебная система, при всех принципиальных различиях с Западом, в целом всегда копировала, хотя бы и поверхностно, внешние формы и традиции западного судопроизводства. Сталинские спецслужбы убивали людей в массовом порядке, но, как правило, пуле в за-

<sup>294</sup> Запись беседы В. С. Захарьина (зав. консульского отдела) с Пак Тхя Себом (советский гражданин). 12 ноября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

тылок предшествовал суд, пусть формальный и необъективный, но с официально назначенными судьями, с прокурором и, как правило, адвокатом. Публичные казни были допустимы только в исключительных случаях (на фронте или иногда в лагерях). Это обстоятельство, скорее всего, показывает, что политическая культура сталинской эпохи питала некоторое уважение к традициям европейского Просвещения и, соответственно, к общепринятой юридической процедуре. Стремление соблюсти внешние формы «просвещенного правосудия» являлось следствием специфической традиции советского коммунизма, его разночинно-демократических корней, которые уходили, с одной стороны, к радикальным российским демократам времен Чернышевского и Писарева, а с другой - к весьма близким им по духу европейским левым радикалам времен Парижской Коммуны и даже революций 1848 г. в Европе. Новорожденный «национальный сталинизм» Восточной Азии, изначально более националистический и в куда меньшей мере впитавший европейские традиции, мало заботился о сохранении этих формальностей, восходивших ко временам идейной молодости марксизма. Частью этого стал и постепенный отказ от ритуализированных показательных процессов, столь характерных для СССР сталинских времен. В восточноазиатском варианте «правосудие масс» тоже было публичным, но его организаторы не стремились создать впечатление, что они соблюдают все юридические формальности, унаследованные от старого режима.

Таким образом, главными жертвами репрессивной кампании оказались партийные работники, обвиняемые в действительных или мнимых связях с Чхе Чхан-иком и иногда с Пак Чхан-оком, то есть обычно принадлежавшие к яньаньской фракции (советские корейцы поначалу избежали чисток). Как в октябре 1957 г. заместитель председателя пхеньянского комитета партии Ли Тэ-пхиль рассказывал Титоренко, «в отдельных парторганизациях города сейчас проходят такие собрания (конкретно не назвал где). Цель их — разоблачить перед членами партии фракционистов данной парторганизации, раскрыть их связи с главными фракционистами, определить отношение каждого члена партии к фракционистам, поднять классовое сознание, выявить колеблющиеся элементы. Особенность этих собраний состоит в том, что наряду с разоблачением фракционистов они проводятся с целью выявления контрреволюционеров. В послевоенные годы в Пхеньян, сказал тов. Ли, пробрались реакционные элементы, которые в годы войны работали на американцев и лисынмановцев, убивали невин-

ных людей и т. д.»<sup>295</sup> Последнее замечание показывает, что кампания по борьбе с оппозиционерами начала принимать новое измерение. Нежелательные элементы теперь объявлялись не просто оппозиционерами, выступившими против воли партии - некоторые из них оказывались вражескими агентами, которые «работали на американцев и лисынмановцев, убивали невинных людей». Показательно, что единственной организацией, которую Ли Тэ-пхиль прямо упомянул в качестве гнезда «шпионов и вредителей», опять-таки оказался университет, «где среди студентов из Южной Кореи несколько человек оказались контрреволюционерами и шпионами».

С особой интенсивностью кампания по борьбе с оппозиционными элементами и их идеологическим влиянием развернулась в Академии наук КНДР, которая наряду с университетом имени Ким Ир Сена также воспринималась как опасный источник идеологической заразы. Партийные собрания, предназначенные для обсуждения и осуждения «фракционеров» начались там в августе и продолжались до ноября<sup>296</sup>. Порядок собраний был следующим: «Эти партсобрания с повесткой дня о самопризнании и укреплении партийной закалки членов ТПК проводятся в три тура: 1) Сначала как для членов ТПК, так и для беспартийных читается лекция о вредности фракционизма и необходимости укрепления единства партии. 2) Во втором туре конкретно разбирается вопрос о фракционистах, которые были вскрыты на августовском Пленуме ЦК ТПК и после него. 3) Третий тур самый длительный. В каждой первичной парторганизации на общем партсобрании обсуждаются отдельные члены данной парторганизации, которые были связаны с фракционистами или одобряли их, выступали с критикой линии ЦК ТПК и правительства КНДР»<sup>297</sup>.

Некоторых жертв подвергали «критике» по несколько дней или даже недель подряд. Например, 17 октября высокопоставленный сотрудник Академии наук рассказывал Е. Л. Титоренко, что на протяжении 12 дней в Академии «обсуждалось» поведение и взгляды некоего Ким Со Рёна (известна только русская транскрипция этого имени), бывшего члена Коммунистической партии Южной Кореи:

<sup>295</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Ли Дэ Пхилем (зам. председателя пхеньянского городского комитета ТПК). 10 октября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

<sup>296</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Тянь Чу Иком (член-корреспондент Академии наук КНДР). 17 октября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

<sup>297</sup> Там же.

«В период после XX съезда КПСС Ким Со Рен открыто говорил, что не нужно употреблять слова "наш любимый вождь Ким Ир Сен", что нужно повысить жизненный уровень народа и т. д. Есть данные, сказал Тянь, что Ким Со Рен — шпион, хотя последний это отрицает»<sup>298</sup>. Последнее замечание при всем его невольном трагикомическом звучании можно сопоставить с процитированными в предшествующем абзаце рассказами Ли Тэ-пхилиа о начавшейся охоте на шпионов. Как мы увидим, в 1957 г. тема борьбы со шпионажем и вредительством стала играть немалую роль в северо-корейской пропаганде. Конечно, объявить шпионом того же Пак Чхан-ока, бывшего сотрудника советской армейской разведки, было бы затруднительно. Однако бывшие южнокорейские подпольщики, сторонники низвергнутой внутренней группировки, находились в другом положении, и обвинения в шпионаже стали выдвигаться против них очень часто.

Как уже отмечалось, 6 августа 1957 г. «Нодон синмун» опубликовала первую большую статью, главной темой которой было осуждение деятельности августовской оппозиции. После этого подобные материалы стали появляться регулярно<sup>299</sup>.

С лета 1957 г. примиренческие решения сентябрьского (1956) пленума больше не упоминались в официальной печати. Кампания в прессе против «заговорщиков» достигла наивысшего размаха к началу 1958 г. и продолжалась, хотя и не столь интенсивно, вплоть до начала 1960-х гг. На протяжении этого периода практически ни одна большая статья, касавшаяся внутривнутрипартийных проблем, не обходилась без упоминания об интригах и коварных планах «фракционеров». Временами эти обвинения позволяли вдумчивому читателю догадаться и об истинных требованиях оппозиции. Так, в феврале 1958 г. официальное издание утверждало, что «не-

<sup>298</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко с Тянь Чу Иком. 17 октября 1957 г.

<sup>299</sup> Хорошими примерами могут служить статья Мун Сок-поля («Нодон синмун», 23 августа); передовая статья от 4 сентября; статья от 17 сентября, посвященная внутренней розничной торговле, в которой Юн Кон-хым (министр торговли до августовского инцидента) обвинялся в саботаже и т. д. Кстати говоря, в 1957—1959 гг. обвинение в саботаже (но не в шпионской деятельности!) широко применялось против оппозиции. Например, в августе 1959 г. печально известный Ли Сон-ун, секретарь пхеньянского горкома, обвинил Ким Сын-хва и Пак Ый-вана в том, что они умышленно саботировали внедрение новых строительных технологий (Yi Song-un. P'alwol ch'owonhui-wa tang taeryol-III t'ongil tangyol. [Августовский пленум и единство партии] // Kunloja. 1959. № 8).

которые фракционеры, пробравшиеся в органы исполнения наказаний и в суды, коварно использовали красивый предлог "защиты прав человека" для освобождения [из тюрем] немалого числа враждебных элементов»<sup>300</sup>. Там же заявлялось, что «антипартийные контрреволюционные раскольнические элементы [...] применяли беспринципные лозунги «демократии» и «свободы» для подрыва железного единства нашей партии»<sup>301</sup>. Однако в целом такие невольные разоблачения-оговорки встречались редко. Большинство обвинителей настаивало, что лидеры оппозиции всегда были предателями, которым до времени удавалось скрыть свою истинную сущность.

На протяжении второй половины 1957 г. число жертв кампании по борьбе с оппозицией быстро росло. Эта закономерность хорошо известна по сталинскому Советскому Союзу и многим другим режимам подобного типа - за действительными оппозиционерами в ссылку, тюрьмы или на казнь шли те, кто теоретически мог знать об их планах, или же те, кого оппозиционеры называли во время следствия, не выдержав давления и пыток. За этой второй волной жертв следовала третья - друзья и сотрудники тех, кто был обвинен в связях с реальными оппозиционерами. Все это означало, что количество жертв постоянно увеличивалось. Во все времена «охота на ведьм» имела тенденцию превращаться в самоподдерживающийся процесс.

Помимо диссидентов из интеллигенции главными объектами репрессий были партийные кадры, обвинявшиеся в реальных или мнимых связях с Чхе Чхан-иком и иногда с Пак Чхан-оком, часто просто потому, что принадлежали к яньаньской или советской фракциям (хотя, как уже упоминалось, до конца 1957 г. советские корейцы сравнительно редко оказывались жертвами преследований). В октябре 1957 г., по словам зам. министра юстиции, «из руководящих работников органов юстиции, суда и прокуратуры он один остался на прежнем посту». Среди тех, кто тогда потерял свои посты, были министр юстиции и генеральный прокурор, которых обвинили в «слишком мягком отношении к контрреволюционерам»<sup>302</sup>. Чистки также коснулись заместителя министра юстиции, заместителя генерального прокурора, главы верховного

<sup>300</sup> ChOngch'i chisik. 1958. № 2. С. 26.

<sup>301</sup> Там же. С. 15.

<sup>302</sup> Запись беседы О. В. Окопишниковой (первый секретарь посольства) с Ким Тхэк Еном (зам. министра юстиции). 14 октября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

суда и ряда начальников отделов министерства (некоторых из них объявили «фракционерными», а других просто обвинили в потере «революционной бдительности», так как они «выпустили досрочно из тюрем ряд контрреволюционеров»)<sup>303</sup>. Такое развитие событий представляется вполне закономерным, если принять во внимание, что это министерство играло ключевую роль в проведении репрессивных кампаний.

Не избежали репрессий и партийные работники. В середине 1958 г. высокопоставленный сотрудник организационного отдела ЦК сообщил советскому дипломату, что за один год с 1 июля 1957 г. по 1 июля 1958 г. из ТПК было исключено 3912 человек: большинство из них - за «антипартийную деятельность и поддержку фракционной группы»<sup>304</sup>. К тому же за этот период умерло 6116 членов ТПК, так что общее число исключенных и умерших членов партии (10 028) почти точно равнялось количеству вновь вступивших в ее ряды (10 029). Это значит, что численность партии за этот период не увеличилась (на 1 июля 1958 г. в ТПК насчитывалось 1 181 095 членов и 18 023 кандидатов в члены). Такой застой кажется особо примечательным, если вспомнить, что Ким Ир Сен всегда настаивал на быстром росте «партийных рядов».

В таких условиях члены яньаньской фракции, бежавшие в Китай после августовского противостояния, благоразумно предпочли не возвращаться на родину. У них не было никаких оснований верить, что Ким Ир Сен сдержит свое обещание и не станет их преследовать. Как мы знаем, семьи Со Хви, и Юн Кон-хым в конечном итоге были арестованы и, вероятно, казнены<sup>305</sup>. Однако пример Со Хви, Юн Кон-хыма и их друзей, спасшихся бегством в Китай, оказался притягательным для других жертв репрессивной кампании. Поскольку Китай явно не собирался выдавать перебежчиков (как нам известно, всем, кому удалось пересечь границу, было со временем предоставлено убежище), и китайская граница была близка и охранялась не слишком строго, число таких беглецов постоянно увеличивалось. В 1956 г. и 1957 г. в Китае укрылось несколько высокопоставленных севе-

<sup>303</sup> Запись беседы О. В. Оконишниковой с Ким Тхэж Еном. 14 октября 1957 г.

<sup>304</sup> Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Вон Хен Гу (зам. заведующего орготделом ЦК ТПК). 22 июля 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75.

<sup>305</sup> Kim Nak-jun. Pukhan 50 публ са [50 лет истории Северной Кореи]. С. 191-192.

рокорейских руководителей. В декабре в Китай бежали бывший секретарь парторганизации университета Ким Ир Сена (не Хон Нак-ун, чье решительное сопротивление упоминалось выше, а его предшественник) и бывший заместитель председателя пхеньянского городского комитета ТПК<sup>306</sup>. 17 декабря 1956 г. Пак Чжон-э рассказала временному поверенному в делах В. И. Пелишенко, что к этому времени в Китай бежало около девяти партийных и государственных чиновников разного ранга (четверо принадлежали к группе Юн Кон-хыма)<sup>307</sup>. В январе 1957 г. Нам Ир (тогдашний министр иностранных дел) сообщил Пелишенко, что еще двое предполагаемых членов оппозиции, посещавших Москву с официальным поручением, на обратном пути решили остаться в Китае<sup>308</sup>. В июле 1957 г. говорили о нескольких должностных лицах, арестованных при подготовке побега (однако невозможно точно установить степень достоверности этой информации)<sup>309</sup>. Таким образом, число беглецов достигло, по меньшей мере, полутора десятков, но не исключено, что в действительности их было гораздо больше. При этом заслуживает внимания то обстоятельство, что ни один влиятельный северокорейский политик не бежал в Южную Корею. Именно Китай и Советский Союз воспринимались членами оппозиции как естественное убежище. Можно предположить, что большинство этих людей, будучи всю свою жизнь убежденными коммунистами, рассматривали побег в капиталистическую Южную Корею как однозначное и очевидное предательство коммунистических идеалов, в то время как Китай и СССР расценивались ими как вполне приемлемые варианты для политического убежища.

Самым значимым в этой череде побегов был отказ бывшего посла КНДР в СССР Ли Сан-чжо вернуться на родину. Ветеран

<sup>306</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Ю Сон Хуном (ректор Университета Ким Ир Сена). 6 апреля 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

<sup>307</sup> Запись беседы В. И. Пелишенко (временный поверенный в делах) с Пак Ден Ай (заместитель председателя ЦК). 17 декабря 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

<sup>308</sup> Запись беседы В. И. Пелишенко (временный поверенный в делах) с Нам Иром (министр иностранных дел). 4 января 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

<sup>309</sup> Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Ан Ун Генем (преподаватель института народного хозяйства, бывший зав. 1-м отделом МИД КНДР). 8 сентября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72 (точное написание имени Ан Ун Гена установить не удалось).

революционного движения в Китае и заметный деятель яньаньской фракции, с конца 1940-х гг. Ли Сан-чжо играл значительную роль в северокорейской политике и в 1956 г. стал кандидатом в члены ЦК ТПК. С весны 1956 г. он стал активно критиковать Ким Ир Сена и его политику и, как мы помним, поддерживал тесные связи с группой Чхве Чхан-ика. В качестве посла он часто говорил с советскими официальными лицами о культе личности Ким Ир Сена, а также резко критиковал политические и экономические решения северокорейского руководства. В начале августа Ли Сан-чжо написал открытое письмо Ким Ир Сэну, которое он показал советским и китайским дипломатам и должностным лицам в Москве, но тогда так и не отправил<sup>310</sup>. В октябре, после августовского и сентябрьского пленумов, Ли Сан-чжо снова написал подобное письмо и теперь уже отослал его адресату<sup>311</sup>. К концу ноября Ли Сан-чжо был официально смещен со своего поста и получил приказ немедленно вернуться в КНДР, но благоразумно предпочел остаться в Советском Союзе (он неоднократно заявлял, что в случае возвращения он будет уничтожен)<sup>312</sup>. Его примеру последовали несколько корейских студентов, обучавшихся в СССР и также решивших стать «невозвращенцами».

В архиве МИД РФ сохранился перевод текста письма Ли Сан-чжо - по-видимому, сделанный в спешке, с опечатками и стилистическими несуразностями. Начинает свое письмо он с критики Ким Ир Сена и той политики самовосхваления и максимальной концентрации власти, которую проводит Ким Ир Сен. Ли Сан-чжо пишет: «С помощью власти, которая сосредоточена в руках подхалимов и тов. Ким Ир Сена, в стране создана атмосфера страха и голого подчинения, в условиях которой ныне живут коммунисты и весь народ. [...] В настоящее время в Пхеньяне даже кадровые работники избегают между собой встречи, так как боятся» (здесь и далее - стиль и орфография оригинала). Ли Сан-чжо обвиняет Ким Ир Сена в том, что тот уничтожает своих противников, порою прибегая и к убийствам. Далее автор письма сообщает, что отказывается возвращаться в КНДР и собирается перейти

<sup>310</sup> Запись беседы И. Ф. Курдюкова (зав. Дальневосточным отделом МИД СССР) с Ли Сан Чо (посол КНДР в СССР). 9 августа 1956 г.

<sup>311</sup> Запись беседы Б. Н. Верещагина (советник МИД) с Ким Хен Мо (зав. консульским отделом Посольства КНДР). 19 октября 1956 г.

<sup>312</sup> Запись беседы Б. Н. Верещагина (зав. Дальневосточным отделом МИД) с Ли Сан Чо (посол КНДР в СССР). 20 октября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

в Компартию Китая или же в КПСС. В конце письма содержится намек на то, что Ли Сан-чжо намерен заняться публичной политикой, направленной против Ким Ир Сена и его режима (но не против ТПК и северокорейского социализма): «Я лично не хотел бы, чтобы из-за меня возникли недоразумения между нашими странами. Но, если Вы продолжите свои преследования в отношении меня, то я попытаюсь вынести на суждение общественного мнения ваши несправедливые действия, идущие вразрез с истиной. Я представляю, что все это вызовет временное бурление в нашей Партии, но в перспективе мы сумеем ликвидировать диктаторство в Партии, обеспечим внутрипартийную демократию и коллективное руководство и спасем многих честных товарищей от систематической травли»<sup>313</sup>.

Северокорейские власти были взбешены поступком Ли Сан-чжо и попытались добиться выдачи беглого посла, но получили категорический отказ. Согласно слухам (в настоящее время подтвержденным) и некоторым доступным документам, особую роль здесь сыграл Ю. В. Андропов, будущий Председатель КГБ и Генеральный секретарь ЦК КПСС, тогда отвечавший за отношения с социалистическими странами и занявший твердую позицию по этому вопросу<sup>314</sup>. В соответствии с документам посольства ЦК КПСС направил Ким Ир Сену письмо, разъяснявшее позицию Москвы по «проблеме Ли Сан-чжо» и отношение советского руководства к другим северокорейским невозвращенцам. Хотя сам текст письма на момент написания данной работы недоступен, но его основные положения становятся понятны из других документов. Москва отказалась возвращать Ли Сан-чжо в Корею и предоставила ему убежище - хотя и не свободу политической деятельности<sup>315</sup>. Важной уступкой северокорейским требованиям был запрет Ли Сан-чжо постоянно жить в Москве и иных городах, где проживало

<sup>3.3</sup> Письмо Ли Сан Чо Ким Ир Сену. Приложение к Записи беседы Б. Н. Верещагина с Ким Хен Мо. 19 октября 1956 г.

<sup>3.4</sup> Особая роль, которую в переговорах с Пхеньяном играл Ю. В. Андропов, и его решительный отказ выдать перебежчика упоминается во многих документах, например в Записи беседы Н. М. Шестерикова (советник посольства) с Пак Гиль Бном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 17 февраля 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75.

<sup>3.5</sup> Запись беседы В. И. Пелишенко (поверенный в делах) с Ким Ир Сену. 30 января 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

В целом, «дело Ли Сан-чжо» вызвало много потрясений и соответственно упоминается во многих советских документах того времени.

значительное количество корейцев (позже он стал научным работником в Минске, занимаясь там исследованиями по средневековой истории Японии). Такой же линии в Москве придерживались в случае с Ким Сын-хва и другими перебежчиками: советские власти предоставляли им убежище на тех условиях, что они откажутся от контактов с северокорейскими гражданами в СССР и будут воздерживаться от публичных политических заявлений. Обычно, чтобы выполнить эти требования, беглецам не предоставляли прописки в Москве и Ленинграде<sup>316</sup>.

Похоже также, что советские власти воспрепятствовали первоначальным политическим планам Ли Сан-чжо, который намеревался как минимум разослать послам других социалистических стран письма «о положении в ТПК». По крайней мере, 20 октября зав. дальневосточным отделом МИД И. Ф. Курдюков «посоветовал» Ли Сан-чжо следовать инструкции из Пхеньяна, которая предписывала ему не наносить визитов другим послам и не отправлять им никаких письменных сообщений, а ограничиться прощальным визитом в МИД СССР (формально подразумевалось, что снятый с должности Ли Сан-чжо отбудет в Пхеньян)<sup>317</sup>. В любом случае планы Ли Сан-чжо начать открытую кампанию против Ким Ир Сена так и не были реализованы. С другой стороны, безрезультатными оказались и попытки Пхеньяна вернуть беглого посла, так что властям КНДР оставалось только ограничиться тех сотрудников посольства в Москве, которых они считали «сообщниками» Ли Сан-чжо. Например, в сентябре 1957 г. бывший высокопоставленный дипломат, к тому времени сам попавший в опалу, сообщил случайно встреченному им советскому коллеге, что «один из работников МИД КНДР, работавший ранее вторым секретарем корейского посольства в Москве арестован за связь с Ли Сан Чо [...] этот работник обвиняется в том, что помогал Ли Сан Чо

<sup>3.6</sup> Записи беседы Н. М. Шестерикова (советник посольства) с Пак Гиль Еном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 17 февраля 1958 г.

Возможно, имеет смысл полностью процитировать сказанное Пак Кильёном: «Далее Пак Гиль Ен доверительно сказал мне, что из Москвы от посла КНДР получена шифровка о том, что он был принят зав.отделом ЦК КПСС тов. Андроповым, который сообщил послу, что в связи с пожеланием, высказанным ЦК ТПК, Ли Сан Чо и Ким Сын Хва учиться и проживать в Москве не будут и будут направлены в периферийные города, где не проживают корейцы».

<sup>3.7</sup> Запись беседы Б. Н. Верещагина (зав. Дальневосточным отделом МИД) с Ли Сан Чо (посол КНДР в СССР). 20 октября 1956 г.

фабриковать и распространять клеветнические документы о руководстве ТПК»<sup>318</sup>.

Готовность Советского Союза принимать беженцев из КНДР объяснялась целым рядом причин. Помимо очевидных прагматических мотивов советские политики могли руководствоваться и гуманистическими соображениями — после смерти Сталина, когда в коллективном сознании активно возрождались идеи «социалистического гуманизма», советские чиновники вовсе не хотели отправлять на верную гибель людей, которые обратились к СССР за помощью и защитой. Сталинский произвол с отвращением и ужасом вспоминали не только интеллигенты на пресловутых «московских кухнях», но и пережившие 1937 г. функционеры в Кремле и на Старой площади. Однако некоторую роль в этих решениях могли играть и менее возвышенные мотивы — Москва могла рассматривать перебежчиков из КНДР как силу, которую в случае необходимости можно было бы использовать против Ким Ир Сена и его режима. Еще были очень свежи воспоминания о судьбе югославских студентов, государственных и партийных работников, которые отказались вернуться под власть «клики Тито» после разрыва между СССР и Югославией. Советские власти радушно приняли этих людей и затем активно использовали их в целях внутренней и международной пропаганды. Такую же аналогию можно провести и с Пхеньяном: в той неопределенной ситуации, что складывалась в конце 1950-х гг., Москве не помешало бы иметь под рукой десяток-другой влиятельных северокорейских оппозиционеров.

В этой связи встает один серьезный вопрос, на который мы должны попытаться ответить. С начала 1957 г. становилось все более очевидным, что Ким Ир Сен не собирается выполнять тех обещаний, дать которые в сентябре 1956 г. его вынудила советско-китайская делегация. Советское посольство располагало множеством фактов, не оставлявших сомнений в характере текущей

<sup>318</sup> Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Ан Ун Геном (преподаватель института народного хозяйства, бывший зав. 1-м отделом МИД КНДР). 8 сентября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72 (точное написание имени Ан Ун Гена установить не удалось). В марте 1959 г. Пак Киль-ён рассказывал, что все бывшие штатные сотрудники посольства Северной Кореи в Москве по возвращении в Пхеньян были уволены из министерства иностранных дел (было сделано только одно исключение). Запись беседы Н. Е. Торбенкова (советник посольства) с Пак Киль Еном (зам. министра иностранных дел). 15 марта 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

политической ситуации. Хорошо было известно в Москве и о том, что в Корее быстро набирает обороты кампания репрессий, направленная в первую очередь против яньаньской группы и местных реформаторов, то есть против потенциальных сторонников советского курса. Однако Советский Союз не предпринял никаких попыток заставить Пхеньян выполнять сентябрьские решения - по крайней мере, в имеющихся в нашем распоряжении источниках следов таких усилий найти не удастся. Каковы были причины такой пассивной политики? Доступные на настоящий момент советские документы не дают прямого ответа на этот вопрос. Возможно, такие документы существуют, но остаются засекреченными и недоступными. Впрочем, нельзя исключать и того, что из-за особой деликатности проблемы и, главное, ее тесной связи с советской внутренней политикой соображения по этому вопросу вообще никогда и никем не были доверены бумаге в полном объеме. Поэтому, чтобы объяснить советскую пассивность в 1957—1958 гг., мы вынуждены оперировать более или менее обоснованными предположениями.

Представляется вероятным, что в основе пассивности Москвы лежали в первую очередь глубинные перемены, происходившие в конце 1956 г. и начале 1957 г. как внутри СССР, так и на международной арене.

Первая и самая важная причина такого поведения Кремля, по видимому, состояла в том, что осенью 1956 г. коммунистический лагерь потрясли два кризиса, которые начались почти одновременно и имели самые серьезные последствия. В Польше и в Венгрии вспышки народного недовольства достигли доселе невиданных масштабов. Умеренная критика местных руководителей сталинистского толка, вначале дозволявшаяся и даже поощрявшаяся Москвой, стала толчком для гораздо более радикального движения. Можно предположить, что кризисы в Польше и Венгрии сделали советское правительство менее терпимым к инакомыслию любого вида и, соответственно, более склонным к его подавлению любыми способами, включая и классические сталинистские методы. Польша и особенно Венгрия ярко продемонстрировали, что итогом либеральных экспериментов может стать опасная дестабилизация, и это неприятное открытие значительно охладило стремление Москвы продолжать антисталинские кампании в Восточной Европе. По определению Хо Ун-бэ «маленькой искры венгерского восстания оказалось достаточно, чтобы сжечь бутон северокорейской демократии»<sup>3,9</sup>. Более того, вопреки первоначальным ожиданиям

<sup>3,9</sup> Lim Уп. *The Founding of a Dynasty*. P. 231.

Хрущёва, устранение некоторых политических ограничений не вызвало у населения особого желания активнее поддерживать режимы в восточноевропейских странах. Напротив, послабления только спровоцировали дальнейшее распространение недовольства, которое было направлено как против социалистической системы, так и против Советского Союза. Политическая либерализация, как это часто случается, не решила проблем, но вызвала к жизни лишь требования ещё больших уступок. Новые тенденции создавали прямую угрозу советским стратегическим интересам и заставляли Москву существенно умерить тот энтузиазм, с которым она поначалу распространяла идеи десталинизации среди стран социалистического лагеря. Эти опасения разделяли и китайские лидеры. Мао, с самого начала весьма неоднозначно относившийся к переменам, в конце 1956 г., ссылаясь на венгерские события, прямо предостерегал партию от опасности бесконтрольных реформ и потребовал не забывать о «классовой борьбе»<sup>320</sup>. В то же время кровопролитие в ходе венгерского восстания и его тяжелые международные последствия показали Москве, что применение силы обходится слишком дорого и что такого поворота событий следует по возможности избегать.

Необходимо упомянуть, что немалое впечатление на северо-корейское руководство произвела так называемая «Октябрьская декларация» советского правительства, официально принятая 31 октября 1956 г. Эта декларация была составлена в те дни, когда кризис в Венгрии приближался к своей кульминации, непосредственно накануне советской вооруженной интервенции. Сегодня этот документ, когда-то широко обсуждавшийся и комментировавшийся, оказался практически забыт. Показательно, что эту «декларацию» редко упоминают даже специалисты, изучающие историю взаимоотношений Советского Союза и стран Восточной Европы. Современные исследователи, в общем, вполне обоснованно воспринимают «Октябрьскую декларацию» как тактический маневр, который был необходим для того, чтобы усмирить наиболее беспокойные элементы в «странах народных демократий» и выиграть драгоценное время в Венгрии. Однако, как теперь известно из ставших доступными документальных источников, в декларации была и определенная доля искренности. Хотя последовавшие вскоре события в Венгрии сделали «Декларацию» политически бессмыслен-

<sup>320</sup> Об официальной реакции Китая на кризис в Восточной Европе 1956 г. См.: Teiwes Frederick. *Politics and Purges in China*. 2nd edition. New York, London: M. E. Sharpe, 1993. P. 180-182.

ной, опубликованные материалы дискуссий в Политбюро ЦК КПСС показывают, что в момент ее принятия и сам Хрущёв, и его окружение воспринимали этот текст вполне серьезно<sup>321</sup>.

Как уже говорилось, в Северной Корее к декларации отнеслись с большим вниманием. На следующий день после ее появления, 1 ноября, текст «Октябрьской декларации» был опубликован на первой полосе «Нодон синмун» и с этого момента политики и пресса регулярно стали ссылаться на нее.

«Декларация» стала выражением некоторого раскаяния советского руководства. В первом параграфе признавались «серьезные ошибки», имевшие место в отношениях между братскими странами: «...Были ошибки и действия, нарушавшие принципы равенства в отношениях между социалистическими странами». Однако далее утверждалось, что Москва полностью осознала былые ошибки и полна решимости их исправить: «XX съезд КПСС подчеркнул необходимость учитывать специфику и исторический опыт стран, ступивших на путь строительства новой жизни». В «Декларации» содержалось торжественное обещание впредь не нарушать суверенитета других социалистических стран. Авторы декларации также обещали обсудить возможность отзыва советских военных и технических советников, чья излишняя активность часто раздражала «народные демократии», и даже намекали, что предметом обсуждения может стать сам факт советского военного присутствия в этих странах<sup>322</sup>.

Главным образом «Декларация» предназначалась недовольным союзникам Советского Союза в Восточной Европе. Для руководи-

<sup>321</sup> Сегодня у нас есть документальная запись разговора, происходившего во время заседания президиума (политбюро) ЦК КПСС, состоявшегося 30 октября, на котором среди прочего обсуждалась и «Октябрьская декларация» (дается в обратном переводе с английского):

«Тов. Сабуров: Я согласен с необходимостью принятия "Декларации" и вывода войск. На XX съезде мы поступили правильно, но потом потеряли контроль над высвободившейся инициативой масс. Невозможно идти против воли людей. Мы потерпели поражение, отстаивая подлинно ленинские принципы руководства. Нам нужно прекратить плестись за событиями. [...] Мы должны пересмотреть наши отношения. Отношения надо строить на равноправной основе.

Тов. Хрущёв: Мы единодушны. В качестве первого шага мы примем "Декларацию»».

Этот разговор состоялся после обсуждения проекта «Октябрьской декларации». См.: Kramer Mark (translation and annotation). The «Malin Notes» on the Crises in Hungary and Poland, 1956 // CWINP Bulletin. № 8-9. P. 392-393.

<sup>322</sup> Автор использовал текст, опубликованный в «Нодон синмун» за 1 ноября 1956 г., так как именно он повлиял на развитие событий.

телей КНДР ключевыми словами этого документа были: «Прочный фундамент уважения полного суверенитета каждой социалистической страны... заложенный XX съездом КПСС». Это было обещанием отказаться от вмешательства во внутренние дела других социалистических стран. Независимо от действительных намерений Советского Союза, северокорейские лидеры восприняли (или притворились, что восприняли) «Октябрьскую декларацию» как данную Москвой гарантию невмешательства в дела других социалистических стран. Ким Ир Сен и его приближенные могли питать немалые сомнения по поводу искренности Москвы, но «Октябрьская декларация» давала им квазизаконную защиту, являясь неким официальным документом, на который можно было при необходимости ссылаться. Видимо, именно поэтому эта «Декларация» так широко упоминалась в печати.

Могли быть и другие причины того, что СССР остался в стороне, когда Ким Ир Сен снова начал репрессивную кампанию против оппозиции и вернулся к своей прежней политике. В частности, обозначившиеся расхождения с Китаем могли в немалой степени охладить стремление Советского Союза защищать людей, которые по большей части (и вполне обоснованно) воспринимались как агенты китайского влияния. Как мы помним, в 1956–1958 гг. жертвами гонений становились в основном лидеры яньаньской фракции, а их падение означало снижение китайского влияния в Пхеньяне. В новых условиях такой поворот событий едва ли волновал Москву. В то же время готовность СССР принимать перебежчиков из Северной Кореи и предоставлять им политическое убежище была среди прочего и явным предупреждением для Пхеньяна.

К ужесточению мер против оппозиции объективно толкали и события в Китае, где вспышка либерализма оказалась очень непродолжительной. В июне 1957 г. либерализм «движения ста цветов» внезапно сменился репрессивной «кампанией по борьбе с правыми»<sup>323</sup>. В ходе этой кампании различным видам публичного «поричания», ссылкам и арестам подверглись многие представители интеллигенции и другие инакомыслящие, в том числе и из среды тех партийных кадров, которые несколькими годами ранее слишком уж увлеклись либеральными идеями реформаторов. После короткого периода колебаний маоистский Китай взял курс на отказ от десталинизации и установление неограниченной личной

<sup>323</sup> Teiwes Frederick. Politics and Purges in China. P. 216—258.

диктатуры «Великого кормчего» - процесс, который вскоре привел к кровавому хаосу «культурной революции». Ким Ир Сен, свободно владевший китайским языком и регулярно читавший китайскую прессу, очень внимательно следил за событиями по ту сторону реки Ялуцзян и едва ли мог не заметить перемены в китайской официальной позиции. С его точки зрения, происходившее в Пекине свидетельствовало о том, что в новых условиях китайские власти не будут настаивать на проведении в жизнь примиренческих, пролиберальных, почти «ревизионистских» решений сентябрьского пленума.

Весьма вероятно, что на ситуацию в КНДР существенное влияние оказала и критическая ситуация, которая сложилась в Кремле летом 1957 г. В начале июля группа умеренных сталинистов, возглавлявшаяся Маленковым, Ворошиловым и Кагановичем, на пленуме ЦК открыто выступила против антисталинистской линии Хрущёва и попыталась заменить его менее радикальным и более предсказуемым политиком. Прибегнув к сложным политическим интригам и бюрократическим маневрам, Хрущёв сумел обеспечить себе поддержку большинства ЦК КПСС и вышел из ситуации победителем. Несмотря на то, что цели советской и корейской оппозиции были едва ли не диаметрально противоположными, ситуация в московских корридорах власти напомнила Ким Ир Сену недавний августовский инцидент в Пхеньяне. С формальной точки зрения, оба кризиса действительно имели немало общего: в обоих случаях группа недовольных функционеров попыталась обеспечить себе поддержку большинства членов ЦК для того, чтобы добиться смещения партийного лидера и последующего радикального изменения политического курса (при этом стоит отметить, что умеренные сталинисты в Советском Союзе были гораздо ближе к успеху, чем умеренные антисталинисты в Корее). В июле и августе 1957 г. в северокорейской печати появлялись пространные статьи, посвященные кризису в СССР. Это было тем более странно, что обычно северокорейские газеты либо вовсе умалчивали о столкновениях в руководстве других социалистических стран и разногласиях между «братскими партиями», либо освещали эти конфликты как малозначительные<sup>324</sup>. Ким Ир Сен мог предполагать, что действия Хрущёва против советских «фракционеров» станут косвенным оправданием его собственных жестких мер против

<sup>324</sup> Первая статья о событиях в Москве появилась в «Нодон синмун» 7 июля.

оппозиции<sup>325</sup>. Следует отметить, что кампания против фракционеров, до того проводившаяся без особой огласки, приобрела публичный характер всего через несколько недель после московского кризиса, в конце лета 1957 г.

До определенной степени итоги августовской и сентябрьской конфронтации были окончательно подведены осенью 1957 г., во время продолжительной беседы китайских и корейских руководителей. В ноябре 1957 г. представители сорока шести коммунистических партий собрались в Москве на празднование 40-й годовщины Октябрьской революции. Это была последняя встреча перед тем, как раскол между Советским Союзом и Китаем навсегда изменил ситуацию в мировом коммунистическом движении. Первые трещины в монолите «нерушимой советско-китайской дружбы» были уже заметны искушенному наблюдателю, хотя внешне все участники встречи старались продемонстрировать, что все остается по-прежнему. Как и ожидалось, Ким Ир Сен прибыл на встречу в сопровождении министра иностранных дел Нам Ира и нового «идеолога» ТПК Ким Чхан-мана, а также министра государственного контроля Пак Мун-гю. Визит Ким Ир Сена в Москву на этот раз продолжался три недели, с 4 по 21 ноября.

Всего год с небольшим прошел с момент предшествующей поездки Ким Ир Сена в Москву, но за это время международное и внутреннее положение КНДР изменилось радикальным образом. Ким Ир Сен и верные ему бывшие партизаны значительно укрепили свою власть в стране. Уцелевшие члены яньаньской и советской фракций больше не помышляли о протесте или сопротивлении, их главной заботой стало сохранение собственных жизней, что на практике чаще всего означало эмиграцию в СССР или Китай. С другой стороны, позиции Советского Союза и его возможность контролировать мировое коммунистическое движение серьезно пострадали в результате действия целого ряда факторов: назревающего разрыва с Китаем, подавления венгерского восстания, серьезных противоречий внутри советского руководства,

<sup>325</sup> Пэк Чун-ги также считает, что московский кризис 1957 г. оказал важное влияние на политическую жизнь Северной Кореи. Paek Chun-gi. Ch'ong'i On hu 1950 ny'ondae Pukhan-ui ch'ongch'i py'ondong-gwa kwon'lyOk chaep'an [Политические перемены и изменения в структуре власти в Северной Кореи в 1950-е гг. после (Корейской) войны]. С. 54—55. Аналогичного мнения придерживается и Со Тон-ман: SO Tong-man. Puk ChosOn sahoejuiii ch'eje s'onglip sa [История становления социалистической системы в Северной Кореи]. Seoul: SO'nn, 2005. С. 582.

и прежде всего в результате тех многочисленных социальных, политических и культурных последствий, к которым привела борьба с «культом личности». Много десятилетий спустя наблюдательный историк отметил, что коммунистический мир бесповоротно изменился после 1956 г., когда «...[коммунистическое] движение лишилось своей внутренней основы»<sup>326</sup>.

В этих условиях в Москве и состоялся разговор между Мао Цзэдуном и Ким Ир Сенем. После того как Ким Ир Сен вернулся домой, в Пхеньяне была проведена встреча руководящих работников высшего звена, на которой присутствовали около 150 человек. Ким Чхан-ман, член северокорейской делегации в Москве и восходящая звезда корейской иерархии (несколькими годами позже его тоже поглотит новая волна репрессий) собрал их, дабы рассказать об этой неофициальной, но крайне важной беседе китайского «Великого Кормчего» с северокорейским «Солнцем Нации». На этом собрании присутствовал и Пак Киль-ён, тогдашний начальник первого отдела МИД КНДР, который по происхождению был советским корейцем и охотно передавал в советское посольство свежие политические новости. Всего тремя днями позже он, цитируя Ким Чхан-мана, говорил советскому дипломату: «Т. Мао Цзэдун в беседе с Ким Ир Сенем несколько раз извинялся за неоправданное вмешательство КПК в дела Трудовой партии Кореи в сентябре прошлого года. Китайские товарищи, попросив устроить встречу между Мао Цзэдуном и Ким Ир Сенем накануне совещания, боялись, сказал в докладе Ким Чан Ман, что мы поставим вопрос о вмешательстве на московском совещании. Но мы были выше этого, оберегая авторитет братских партий. Решение сентябрьского Пленума ЦК в прошлом году было нам навязано извне, жизнь показала, что мы были правы на августовском Пленуме. Это горький опыт, который показывает, что нужно воспитывать у членов партии гордость за свою партию, бороться с космополитами, которые ориентируются на на свою, а на другие партии»<sup>327</sup>.

Ким Чхан-ман проинформировал собравшихся, что Пэн Дэ-хуай, присутствовавший на встрече, тоже принес Ким Ир Сену личные извинения как за «сентябрьский инцидент», так и за неко-

<sup>326</sup> Hobsbawm Eric. The Age of Extremes. New York: Vintage books, 1994. P. 73.

<sup>327</sup> Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Пак Киль Еном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 8 декабря 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

торые действия китайских войск, расположенных в Северной Корее. Ким Чхан-ман привел слова Пэн Ду-хуая о проведении китайцами незаконных разведывательных операций (возможно - хотя это и не совсем ясно из контекста, — направленных против Северной Кореи) и о «попытках печатать корейские деньги»<sup>328</sup>.

Без сомнения, покаяние Мао было прежде всего поступком искусственного в интригах и циничного политика. Планируя разрыв с Москвой, Великий Кормчий хотел быть уверенным в поддержке, или, по меньшей мере, в нейтралитете Ким Ир Сена. На деле извинения за сентябрьский инцидент ничего не стоили Мао, поскольку к тому времени стало ясно, что сентябрьские решения с самого начала были просто клочком бумаги. Поэтому Мао немного потерял, признав очевидное; Ким Ир Сен полностью контролировал ситуацию в КНДР и мог расправиться со своими врагами. Однако если для Мао извинения были легким способом достижения своих целей, для Ким Ир Сена они имели вполне реальное значение. Какими бы ни были действительные мотивы Мао, с точки зрения Ким Ир Сена, заявления Великого Кормчего были сродни капитуляции великой державы, и Ким горел понятным желанием проинформировать северокорейскую элиту об этом новом повороте событий, который он с полным основанием считал своей дипломатической победой.

С 3 по 5 декабря 1957 г. в Пхеньяне проходил расширенный Пленум ЦК. Вскоре один из его участников (им снова оказался Пак Киль-ён) сообщил о пленуме советскому дипломату<sup>329</sup>. Это было многочисленное собрание, так как помимо собственно членов ЦК в нем принимало участие необычно большое количество специально приглашенных партработников, так что на пленуме присутствовало до полутора тысяч функционеров - фактически все высшее руководство страны. Ким Чхан-ман снова рассказал о московской встрече Ким Ир Сена и Мао Цзэдуна и об извине-

<sup>328</sup> Запись беседы Б. К. Пименова с Пак Киль Еном. 8 декабря 1957 г.

По поводу высказываний Пэн Дэ-хуая Ким Чхан-ман сказал: «В частности, он признал, что были попытки среди китайских народных добровольцев печатать корейские деньги, собирать различного рода сведения».

Не вполне понятно, что здесь имеется в виду. Означало ли сказанное Пэн Дэ-хуаем, что китайские войска наладили производство фальшивых северокорейских банкнот для обеспечения собственных потребностей в местной валюте? Подобное поведение представляется слишком невероятным, однако похоже, что именно это толкование выглядит наиболее приемлемым.

<sup>329</sup> Там же.

ниях Мао. Затем Ко Пон-ги, сторонник Чхве Чхан-ика, к тому времени уже несколько месяцев находившийся под домашним арестом, выступил с речью, «вскрывающей» и «разоблачающей» планы «августовской оппозиции». До опалы Ко Пон-ги занимал должность первого секретаря пхеньянского горкома ТПК, традиционного оплота яньаньской фракции. Несомненно, что его выступление было составлено властями или, по меньшей мере, отредактировано ими (как открыто заявил своему советскому собеседнику Пак Киль-ён), и поэтому представляет гораздо больший интерес как пропагандистский трюк, а не как свидетельство о реальных планах оппозиции. Ко Пон-ги рассказал, что оппозиция собиралась назначить новым Председателем партии Пак Ир-у, а его заместителями - Чхве Чхан-ика, Пак Чхан-ока и Ким Сын-хва. В первый раз в числе активных участников заговора, а не просто как сторонник оппозиции, был упомянут Пак Ый-ван, заметный член советской фракции. Как мы уже говорили, в документах посольства нет никаких подтверждений того, что Пак Ый-ван знал о заговоре, хотя нет никаких сомнений, что его отношение к Ким Ир Сену было достаточно негативным (как мы помним, именно он пытался в апреле 1956 г. поговорить с Л. И. Брежневым о ситуации в КНДР).

Пан Хак-се, министр внутренних дел и руководитель всей северокорейской системы спецслужб, заявил, что оппозиция планировала поднять в стране вооруженное восстание. По нашим данным, именно тогда в документах посольства впервые появились такие обвинения, которым скоро предстояло стать официальными. Вслед за этим начались традиционные покаянные выступления остальных членов оппозиции. Единственным исключением стал Пак Ый-ван, со своей обычной прямоотой и мужеством отрицавший все обвинения. Когда Ким Чхан-ман завизжал: «Ты - Иван! Иван!» - намекая на его русские корни, Пак Ый-ван просто покинул помещение (фактически подписав себе смертный приговор — который, впрочем, ожидал бы его в любом случае). Другой жертвой был Ким Ту-бон, недавно смещенный с поста главы северокорейского государства. Пожилой интеллигент и ученый был впервые публично (или почти публично, так как все происходило на закрытом собрании высших партийных функционеров) обвинен в причастности к оппозиции. Ким Ту-бон покорно «осознал свою вину перед партией», хотя и использовал при этом весьма расплывчатые выражения. В число известных политиков, подвергшихся критике на пленуме, попал и Ким Чхан-хып, бывший министр связи, заклеенный самим Ким Ир Сенем как «предатель рабочего движения»

(более о его грехах ничего на настоящий момент неизвестно, и остается неясным, чем был вызван этот приступ высочайшего гнева в адрес министра)<sup>330</sup>.

Ораторы настаивали на суровом наказании для оппозиции, и иногда давали волю своей фантазии. Как впоследствии рассказывал участник пленума: «Председатель парткома Понгунского химзавода, например, заявил, что рабочие завода требуют, чтобы всех фракционеров бросили в кипящий карбидный котел, где температура кипения две тысячи градусов!»<sup>331</sup> Похожие живописные угрозы приверженцев Ким Ир Сена звучали и в печати, а следы их заметны и в более поздних публикациях. Так, авторы коллективной «Общей истории Кореи» в 1981 г. писали: «Рабочие Кансонского сталелитейного завода, так же как весь рабочий класс нашей страны, требовали, чтобы фракционерские ублюдки были отданы им, чтобы [они могли] разрезать каждого из них на куски»<sup>332</sup>. Вновь назначенный министр юстиции Хо Чжон-сук избежала столь готических образов и просто предложила, чтобы «...фракционеров судил народный суд». Ее пожелание, как мы увидим, вскоре было претворено в жизнь, хотя и не в классической для сталинизма форме показательного публичного судилища.

Декабрьский (1957) пленум официально отменил недолговечные сентябрьские решения. С этого момента чистки, направленные против действительных или потенциальных сторонников оппозиции получили официальное одобрение и безусловную поддержку высших властей. Ким Чхан-ман убеждал в своей речи на пленуме: «Это было проявление великодержавного шовинизма со стороны большой нации к малой. У нас были и есть люди, продолжал Ким Чан Ман, - любители прилета самолетов, имея в виду приезд товарищей Микояна и Пын Дэ-хуая в сентябре прошлого года. Мы этих людей знаем, пусть они выступят здесь на пленуме. Они не ориентируются на свою партию, а слепо верят другим. Напрасно они ждут прилета самолетов, больше их не бу-

<sup>330</sup> Запись беседы В. И. Пелищенко (советник посольства) с Нам Иром (министр иностранных дел). 9 октября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

По сведениям Со Дэ-сука, в сентябре 1957 г., то есть как раз накануне этого разговора между Пелищенко и Нам Иром, Ким Чхан-хып лишился своего министерского поста. См.: Suh Dae-sook. *Korean Communism, 1945—1980*. P. 463.

<sup>331</sup> Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Пак Киль Еном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 8 декабря 1957 г.

<sup>332</sup> ChosOn chOnsa [Полная история Кореи]. Т. 28. С. 294.

дет»<sup>333</sup>. Фразу Ким Чхан-мана про самолеты - действительно хлесткую - запомнили многие участники. Такой подход полностью противоречил прежней доктрине, которая уделяла особое внимание интернационализму и подчеркивала особую роль «братских стран». Эта речь также свидетельствовала о грядущих переменах в политике Северной Кореи. Замечание Ким Чхан-мана было умелым риторическим приемом, хотя в нем могла содержаться и фактическая неточность, ведь, как мы помним, В. В. Ковыженко сообщил, что Микоян и Пэн Дэ-хуай в сентябре 1956 г. приехали в северокорейскую столицу на поезде. Тем не менее Ким Чхан-ман оказался прав относительно «самолетов» с закордонными визитерами. Времена менялись, и Ким Ир Сен быстро становился неоспоримым хозяином ситуации в Северной Корее.

Декабрьский пленум стал сигналом к новой волне репрессий. Одновременно произошло дальнейшее усиление контроля государства над обществом. В конце 1950-х гг. уже упоминавшееся массовое перемещение «ненадежных элементов» достигло своего пика. Десятки тысяч людей, главное или даже единственное преступление которых состояло в том, что их дед был землевладельцем, или в том, что у них имелись близкие родственники на Юге, в насильственном порядке переселялись из городов в сельскую местность. Вдобавок репрессии пошли вглубь, затрагивая уж не только пхеньянскую верхушку, но и более глубокие слои корейского общества: жертвами репрессий становилось все большее количество низовых кадровых работников и рядовых членов партии, а также совершенно аполитичных беспартийных.

После декабрьского пленума значительно изменилось и описание «августовского инцидента» в официальной прессе. Заговорщики изображались теперь не только как раскольники, но и как предатели, планировавшие вооруженный мятеж и силовой захват власти. 11 апреля 1958 г. Ким Ён-чжу, младший брат Ким Ир Сена, который к тому времени уже был высокопоставленным работником в аппарате ЦК ТПК, рассказывал советскому дипломату о том, какие новые обвинения были выдвинуты в адрес заговорщиков. Теперь полагалось считать, что оппозиционеры тайно готовили в КНДР восстание и вообще собирались «спровоцировать в КНДР события наподобие венгерских». В то же время брат Вождя счел необходимым специально подчеркнуть, что «шпионами» и «ли-сынмановскими агентами» августовских фракционеров на тот мо-

<sup>333</sup> Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Пак Киль Еном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 8 декабря 1957 г.

мент считать все-таки не полагалось. Быть может, Ким Ир Сен опасался, что подобные обвинения в шпионаже вызовут сильное неудовольствие у СССР и Китая, чьи тесные связи с оппозицией были столь очевидны? Здесь имеет смысл привести пространную цитату из инвектив Ким Ён-чжу:

«В отличие от других фракционеров в ТПК группа Цой Чан Ика являлась ревизионистской и преследовала цели: после захвата власти прийти к соглашению с Ли Сын Маном на основе объявления Кореи "нейтральным" государством и отрыва КНДР от лагеря социалистических стран. Члены антипартийной группы Цой Чан Ика отрицали необходимость руководящей роли ТПК в государственном и экономическом строительстве, в армии, в развитии науки и техники, отрицали необходимость диктатуры пролетариата и скатились на путь антиправительственного и антигосударственного заговора. Фракционная группировка Цой Чан Ика [...] возникла не накануне августовского пленума ЦК в 1956 году, а значительно раньше — еще в 20-х годах, когда в Китае была образована так называемая группа "М-Л", в которой Цой Чан Ик играл главную роль. После освобождения эта группа исподволь продолжала свою раскольническую деятельность, направленную на подрыв единства ТПК. Воспользовавшись сложной международной обстановкой и трудностями в стране, группа Цой Чан Ика накануне августовского Пленума готовилась открыто выступить против ЦК в целях смены руководства и захвата "гегемонии" в партии. В то время мы еще не знали всех их заговорщицких планов, включавших вооруженное выступление и террористические акты против руководителей партии и правительства. ЦК отложил пленум на месяц и стремился выяснить претензии фракционеров и найти путь сохранения единства ЦК, надеясь на их перевоспитание. Однако, как показал августовский пленум ЦК в 1956 году, группировка Цой Чан Ика преследовала далеко идущие цели спровоцирования событий в КНДР наподобие венгерских. Мы считаем, [...] решения августовского пленума ЦК, положившие начало разоблачению предательских планов антипартийной фракционной группы Цой Чан Ика, историческими в борьбе за укрепление единства и сплоченности рядов партии. В настоящее время, продолжал Ким, фракционеры во главе с Цой Чан Иком, замышлявшие планы контрреволюционного заговора, арестованы и ведется следствие. Из показаний этих предателей видно, до какой низости они докатились, готовя такие же кровавые события в КНДР, какие произошли в Венгрии в конце 1956 года. Каждый день в ходе следствия приносит новые данные о замышлявшемся предательстве

и, хотя пока не обнаружено прямых данных о связях фракционной группы Цой Чан Ика с американской и лисынмановской агентурой, однако южнокорейские правящие круги явно рассчитывали на осуществление планов фракционеров, готовя в феврале-марте 1956 года провокацию в КНДР под видом "восстания населения Северной Кореи против коммунистического режима"<sup>334</sup>.

Кстати говоря, большие изменения в карьере Ким Ён-чжу, ранее ничем себя не прославившего, тоже были признаком новых времен. К началу 1959 г. брат Ким Ир Сена уже был заместителем заведующего орготделом ЦК ТПК, то есть вторым человеком в учреждении, которое ведало назначениями на высшие партийные посты (а косвенно — на все руководящие должности в стране). С 1961 г. Ким Ён-чжу стал членом ЦК ТПК, а потом даже некоторое время рассматривался как вероятный преемник Ким Ир Сена в случае преждевременной смерти последнего. Только в начале 1970-х гг., когда старший сын Вождя Ким Чжон Ир достиг того возраста, в котором его уже можно было рассматривать как потенциального преемника, Ким Ён-чжу бесследно исчез с политической арены. Как впоследствии выяснилось, он провел последующие годы в комфортабельной ссылке, и вновь был допущен в политику уже в 1990-х гг., в символическом качестве «ветерана-революционера».

В марте 1958 г. в Пхеньяне была созвана Первая конференция ТПК. В соответствии с Уставом ТПК, который в целом копировал Устав КПСС, партконференция представляла собой нечто вроде «малого съезда партии». Она созывалась в период между съездами в том случае, если возникала необходимость провести обсуждение неотложных партийных и государственных вопросов. Периодичность проведения конференций партийным уставом специально не оговаривалась, так что решение о проведении следующей конференции целиком зависело от ЦК. На практике в социалистических странах партийные конференции являлись достаточно редким явлением, и КНДР не являлась исключением. За все время существования ТПК состоялось только две партийные конференции.

<sup>334</sup> Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Ким Ён Дю (зам. заведующего орготделом ЦК ТПК). 11 апреля 1959 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75.

Сегодня не представляется возможным выяснить, что стоит за замечанием о мнимых планах «южнокорейских правящих кругов» организовать в КНДР восстание в феврале—марте 1956 г. Это слишком рано для «августовского пленума», так что, вероятно, Ким Ён-чжу намекал на какие-то другие группы, которые следовало на тот момент намеревалось связать с «августовскими фракционерами».

Как правило, решение о созыве конференции свидетельствовало о том, что партия и государство испытывают какие-то проблемы. Не была исключением и первая конференция ТПК. От других схожих мероприятий конференцию отличало слабое освещение ее деятельности в средствах массовой информации. В социалистических странах любое крупное партийное мероприятие всегда сопровождалось шквалом официальных отчетов о «небывалом воодушевлении», якобы охватившем все население страны, и о связанных с этим воодушевлением трудовых подвигах. Практически обязательной была публикация выступлений участников такого собрания - хотя на деле все эти выступления были стандартны и готовились по одному и тому же шаблону. Во время партийных съездов и конференций официальная пресса (в общем-то, тавтология, так как никакой другой прессы попросту не существовало) выпускала специальные номера, включавшие в себя весь этот обширный материал. Такова была установившаяся советская традиция, которой следовали и во время третьего съезда ТПК в 1956 г. Однако первая конференция ТПК освещалась прессой совершенно иначе. После ее открытия на первой странице «Нодон синмун» был помещено лишь краткое официальное сообщение о начале работы конференции и некоторые ее материалы, но три четверти статей номера с конференцией связаны не были! Также не были опубликованы в газете и тексты выступлений делегатов (что нарушало сложившуюся традицию). На страницах «Нодон синмун» появились лишь два основных доклада, с которыми выступили Ли Чон-ок («Ли Ден Ок» в советской массовой печати) и Пак Кым-чхоль.

В официальной повестке дня конференции числилось два вопроса. Во-первых, конференции предстояло утвердить первый пятилетний план. В соответствии с советской традицией долгосрочные планы развития экономики нуждались в формальном одобрении правящей партии. Обычно такое символическое одобрение давалось съездом партии, но и использование конференции в такой роли было вполне допустимым. Доклад по этому вопросу делал Ли Чон-ок, молодой технократ, только что вставший во главе северокорейской экономики (и удерживавший эту позицию вплоть до начала 1980-х гг.). Ли Чон-ок выступил на конференции с очень длинной и довольно скучной речью, полной экономических данных и прогнозов<sup>335</sup>.

<sup>335</sup> Текст речи занял несколько полных страниц в номере «Нодон синмун» от 4 марта 1958 г.

Однако главным вопросом была «борьба против фракционеров», и именно кампания по борьбе с оппозицией и была истинной причиной созыва конференции. Конечно же, от делегатов не ждали «обсуждения» сложившейся ситуации — все они были «осведомлены» о преступлениях своих прежних товарищей и начальников и всячески демонстрировали свою преданность Ким Ир Сену, осуждая поверженных лидеров. Именно о деятельности фракционеров шла речь во втором из опубликованных выступлений - в пространном докладе Пак Кым-чхоля. Доклад этот назывался «О дальнейшем укреплении партийного единства и солидарности». Пак Кым-чхоль начал свое выступление с тогда еще обязательного упоминания «нерушимого единства великого социалистического лагеря, руководимого Советским Союзом», а также произнес ритуальный панегирик мудрости Ким Ир Сена, возглавляющего «главные силы корейских коммунистов». Затем Пак Кым-чхоль перешел к основной теме — преступлениям злобных фракционеров. В начале своего доклада он кратко изложил историю антипартийных группировок в ТПК. Сначала он упомянул о «шпионах американского империализма» Пак Хон-ёне и Ли Сын-ёпе, потом — о Хо Ка-и и Пак Ир-у, которые были «фракционерами и сторонниками теории индивидуального героизма» (кор. кэин ёньунъчжуйчжа), и, наконец, перешел к Чхве Чхан-ику, Пак Чхан-оку и их сторонникам.

Следуя новыми обвинениями в их адрес, он заявил: «Стало очевидным, что клика Чхве Чхан-ика не только совершала антипартийные раскольнические действия, но, пошла по пути предательства революции». Однако обвинения были весьма расплывчатыми — членам оппозиции вменялся «сговор с врагами», «пропаганда свободы деятельности фракций» и т. д. По словам Пак Кым-чхоля, «воспользовавшись тем, что партия испытывает немалые трудности и во внутренней, и во внешней политике, оппозиционеры дошли до того, что открыто предали партию и революцию, составив антипартийный заговор». Впрочем, некоторые из сделанных Пак Кым-чхолем замечаний проливали свет на требования оппозиции. Пак Кым-чхоль утверждал, что «Чхве Чхан-ик и его сторонники-фракционеры преступали законы народной демократии под прикрытием "прав человека" и "уважения к законам", чтобы освободить контрреволюционные элементы, понесшие заслуженное наказание по приговору народного суда». В этом случае речь явно шла о предпринятой оппозиционерами попытке ограничить размах политических репрессий. В то же время Пак Кым-чхоль не выдвинул против оппозиционеров обвинений в подготовке военного переворота, хотя известно, что их высказывали другие делегаты конференции. Как уже гово-

рилось, речи делегатов в то время не были опубликованы «Нодон синмун» (даже выступление самого Ким Ир Сена увидело свет гораздо позже). Впрочем, в заявлении об «антипартийном заговоре», который якобы организовали Чхве Чхан-ик, Пак Чхан-ок и их сторонники, можно было увидеть и намек на еще более серьезное обвинение в подготовке вооруженного мятежа.

Мы можем предполагать, что причиной этого необычно сдержанного освещения работы конференции в печати, а также попытки представить ее как мероприятие, посвященное главным образом экономическим вопросам, могло быть именно стремление не привлекать излишнего внимания к «фракционному вопросу». Такой подход мог быть санкционирован самим Ким Ир Сеном. Во всяком случае, незадолго до начала конференции Нам Ир сказал советскому дипломату, что «[в]опрос о фракционерах [на конференции] займет небольшое место»<sup>336</sup>. Вряд ли это было действительно так, поскольку нападки на реальных и мнимых сторонников оппозиции составляли значительную часть выступлений на конференции, но власти, несомненно, пытались убедить широкие массы и особенно иностранных наблюдателей в том, что «фракционный вопрос» на конференции не имел большого значения. О причинах такой скрытности можно только догадываться. Возможно, Ким Ир Сен боялся, что слишком прямая атака может неблагоприятно сказаться на внутренней политической стабильности, или на столь важных для Северной Кореи взаимоотношениях с СССР и Китаем.

Неопубликованные речи участников конференции были полны выпадов против «предателей» и «заговорщиков». По данным Ким Хак-чжуна, главной мишенью нападок был Ким Ту-бон, присутствовавший в зале заседаний и вынужденный выслушивать бесконечные обвинения со стороны своих бывших товарищей. При этом часть обвинений носила весьма личный характер. В частности, как утверждает Ким Хак-чжун, на конференции утверждалось, что Ким Ту-бон нелегально доставал афродизиаки и сексуальные тонизирующие средства, поскольку его новая жена была гораздо моложе его<sup>337</sup>. По данным советского посольства, против Ким Ту-бона были выдвинуты и более серьезные обвинения. Один из основателей корейского коммунистического движения был объявлен шпионом и вредителем (впрочем, в те времена такова была обычная судьба

<sup>336</sup> Запись беседы В. И. Пелищенко (советник посольства) с Нам Иром (министр иностранных дел). 4 января 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

<sup>337</sup> Kim Hak-jun. Pukhan 50 pубл sa [50 лет истории Северной Кореи]. С. 196-198.

многих основателей сталинистских партий, попавших в жернова созданной ими системы). Во время работы конференции два ее участника сообщили Е. Л. Титоренко о том, к каким замечательным открытиям пришли северокорейские руководители в ходе расследования деятельности бывшего главы северокорейского государства: «Как сейчас установлено, Ким Ду Бон (Ким Ту-бон. - А. Л.) никогда не был коммунистом. Он - националист. В период, когда Ким Ду Бон был руководителем "Корейской лиги национальной независимости", он участвовал в убийствах китайских коммунистов, жил на средства Чан Кайши»<sup>338</sup>.

Конференция заклемила и остальных «фракционером» (Чхве Чхан-ика, Пак Чхан-ока и др.). При этом оппозицию снова обвинили в подготовке вооруженного выступления против Ким Ир Сена и его сторонников. Следствием этого обвинения стало значительное увеличение списка жертв, теперь включавшего в себя и нескольких видных военачальников, главным образом, из яньаньской фракции - очевидно, без наличия «генералов-заговорщиков» версия о готовившемся перевороте выглядела бы менее убедительной.

Хотя речи делегатов конференции и не были опубликованы в открытой печати, их изложение можно найти в материалах советского посольства. 5 марта за пространной речью Пак Кым-чхоля последовали выступления Пан Хак-се (министра внутренних дел), Хо Чжон-сук (министра юстиции), Ким Тхэ-гына (начальника политуправления КНА) и ряда других высших руководителей страны. «Выступавшие рассказывали о вреде фракционизма, истории фракционизма в ТПК (Ха Ан Чен), о том, как готовился заговор против нынешнего руководства ЦК ТПК и правительства (Пан Хак Се). Ким Тхэ Гын в своем выступлении рассказал о причастности к заговору некоторых ответственных военных, назвал фамилию командира IV корпуса, части которого дислоцировались около Пхеньяна»<sup>339</sup>. Ян Ке, известный «яньаньский» функционер, бывший глава секретариата Кабинета Министров, к тому времени объявленный заговорщиком, рассказал о действиях, которые оппозиция якобы предпринимала в 1956 г. На конференции Ким Ир Сен и его приближенные использовали ту же тактику, что и в декабре 1957 г., когда Ко Пон-ги, другой предполагаемый сторонник оппозиции, выступил с «разоблачением» ее планов перед собрани-

<sup>338</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Цой Сын Хуном (заместитель председателя комитета ТПК провинции Ю. Хамгён) и Чу Чхан Чуном (зам. зав. отделом пропаганды и агитации ЦК ТПК). 5 марта 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75.

<sup>339</sup> Там же.

ем высших партийных руководителей. Излишне говорить, что в обоих случаях покаянно-разоблачительные речи составлялись властями и содержащаяся в них информация никоим образом не может считаться правдивой (хотя в некоторых случаях власти могли заставить своих марионеток сказать и правду — если таковая соответствовала интересам Ким Ир Сена и его окружения). Однако то, что речи произносили бывшие оппозиционеры, придавало подобным «разоблачениям» некоторую убедительность — по крайней мере, в глазах более доверчивой части слушателей.

После конференции репрессии продолжились. В июне 1959 г. новый пленум Центрального Комитета исключил из своего состава десять членов ЦК, что составило почти одну седьмую его состава. Все исключенные обвинялись в «поддержке антипартийной деятельности», причем двое из них принадлежали к советской фракции, трое — к внутренней фракции, а пятеро — к яньаньской. Среди введенных в состав ЦК новичков было четверо бывших партизан, двое советских корейцев и двое бывших местных подпольщиков, но следует отметить, что только четверо бывших партизан сохранили свои позиции в следующем составе ЦК, который был «избран» на IV съезде ТПК в 1961 г.<sup>340</sup> Все остальные вновь назначенные политики оставались в составе ЦК ТПК всего лишь два года.

<sup>340</sup> Запись беседы Н. Е. Торбенкова (советник посольства) с Пак Киль Ёном (зам. министра иностранных дел). 6 июля 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

Из Центрального Комитета были исключены: Хён Чон-мин (HyOn Chong-min), Ли Ю-мин (Yi Yu-min), Хо Сон-тхэк (HO SOng-t'aek), Чо Ён (Cho YOng), Хо Пин (HO Pin), Чин Пан-су (Chin Pan-su), Ли Квон-му (Yi Kwon-mu), Чхве Сон-хак (Ch'oe Chong-hak), Ким Вон-бон (Kim Won-bong), и «Ли Сан-хёк (Yi Sang-hyOk)». Последнее имя отсутствует в доступных списках ЦК и других документах, но весьма вероятно (практически бесспорно), что Пак Киль-ён или его советский собеседник ошиблись, и «Ли Сан-хёк» на самом деле означает *Ким Сан-хёк*. Хо Пин и Чхве Сон-хак были советскими корейцами, Чин Пан-су, Ли Квон-му, Ли Ю-мин, Чо Ён и Хён Чон-мин принадлежали к бывшим яньаньским эмигрантам, а Ким Вон-бон, Хо Сон-тхэк и Ким («Ли») Сан-хёк — уцелевшими южнокорейскими коммунистами.

Их заменили вновь избранные члены ЦК Чон Чхиль-сон (ChOng Ch'il-sOng), Сок Сан (SOk San), О Чин-у (O Chin-u), «Kim Chun-sam» (последний неизвестен, указана должность «зам. министра внутренних дел»), Ким Пон-юль (Kim Pong-yul), Хён Пхиль-хун (HyOn P'il-hun), Пак Се-чхан (Pak Se-ch'ang), Ан Ён (An YOng) и Квон Ён-тхэ (Kwon YOng-t'ae). Четверо из них были бывшими партизанами (Сок Сан, О Чин-у, Ан Ён и Квон Ён-тхэ), двое представляли советскую фракцию (Ким Пон-юль и Пак Се-чхан), один был из внутренней группировки (Чон Чхиль-сон, вскоре он был репрессирован), и один — уроженцем Севера (Хён Пхиль-хун).

Между тем участники «августовских событий» и их мнимые сторонники исчезали один за другим. Как мы помним, советские документы, составленные до августа, упоминают только семерых участников заговора: Чхве Чхан-ика, Пак Чхан-ока, Юн Кон-хыма, Со Хви, Ким Сын-хва, Ли Пхиль-гю и Ли Сан-чжо. С некоторыми оговорками в их число можно включить Ким Ту-бона, поскольку он знал, по крайней мере, о некоторых планах оппозиции. Из этих восьмерых «настоящих» заговорщиков, чья непосредственная вовлеченность в события не вызывает никаких сомнений, пятерым в 1956 г. удалось бежать в СССР или Китай. Трое остальных — Чхве Чхан-ик, Пак Чхан-ок и Ким Ту-бон — остались в Северной Корее. Чхве Чхан-ик и Пак Чхан-ок были арестованы в сентябре 1957 г. Ким Ту-бон (с «гостевым билетом» — то есть не в почетном качестве делегата конференции) появился на первой конференции ТПК, где он подвергся публичным оскорблениям. Однако начиная с 1958 г. «августовский инцидент» стали представлять как результат широко-масштабного заговора, и, чтобы сделать эту новую версию убедительной, северокорейские власти нуждались в гораздо большем количестве «заговорщиков». В результате многие видные члены советской и яньаньской фракций были задним числом обвинены в том, что они с самого начала являлись соучастниками заговора.

В конце 1959 г. Пан Хак-се, тогда еще министр внутренних дел, встретился с советником советского посольства Пелищенко и кратко рассказал тому о событиях, связанных с продолжающимся «расследованием» деятельности оппозиции. Он сказал, что к тому времени расследование «августовского инцидента» было в целом завершено. По его словам, проводилось два независимых расследования, одно из которых вело министерство внутренних дел, а другое — соответствующие службы министерства национальной обороны. Пан Хак-се не объяснил, почему вдруг потребовалось два отдельных следствия, но можно предположить, что военная юстиция имела дело с обвинением в «военном заговоре», якобы существовавшем среди генералов. Следователями МВД было обработано 80 виновных, и «примерно такое же количество» обвиняемых «выявили» и военные следователи. Это означает, что к концу 1959 г. около 160 бывших партийных работников и высокопоставленных военных были объявлены активными участниками «августовского дела»<sup>341</sup>. Принимая во внимание методы, которыми пользовались

<sup>341</sup> Запись беседы В. И. Пелищенко (советник посольства) с Пан Хак Се (министр внутренних дел). 24 октября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

северокорейские следователи, не стоит удивляться, что большинство обвиняемых послушно признали свою вину. В ходе разговора Пан Хак-се показал Пелишенко копию заявления Пак Чхан-ока, в котором тот признавал все обвинения, включая и самое фантастическое из них — подготовку военного переворота («Пан Хак Се достал из сейфа и зачитал мне на русском языке некоторые места из показаний Пак Чан Ока. Из зачитанного следует, что Пак Чан Ок признал свою виновность в фракционной антипартийной деятельности, направленной на смещение руководства партии и государства различными путями, вплоть до применения вооруженной силы. При этом Пак Чан Ок рассчитывал на занятие поста председателя ЦК ТПК и в этом случае Цой Чан Ику намечался пост Председателя Кабинета Министров КНДР»)<sup>342</sup>.

Теперь следовало ждать суда. По словам Пан Хак-се, на тот момент Президиум ТПК еще не решил, будет ли суд открытым или состоится в тайне. Он говорил, что «[н]о степени виновности и раскаяния обвиняемые будут разбиты на три группы. Первая группа - руководители фракционеров, совершившие тяжкие преступления: Цой Чан Ик (быв. зам. премьера), Пак Чан Ок (быв. зам. премьера), Ким Вон Сур (быв. зам. министра обороны) и другие, в том числе некоторые военные. Вторая группа - обвиняемые (так в тексте. - А. Л.), полностью раскрывшие и осудившие свою преступную деятельность. Третья группа — лица, не полностью раскрывшие и осудившие свои преступления перед партией и государством. В соответствии с этим будет применено и различное наказание». Первая группа, объяснил Пан Хак-се, будет приговорена к смерти. Пан Хак-се также упомянул, что «МВД считает, что высшую меру наказания следует применить в отношении 20—30 чел. из числа обвиняемых. Однако т. Ким Ир Сен высказывает мнение, что высшую меру наказания следует применить к возможно меньшему числу обвиняемых — к 3—4 чел.»<sup>343</sup>. Эта информация об особом мнении Ким Ир Сена представляет интерес, однако не ясно, можно ли ей полностью доверять. Также примечательно, что по крайней мере несколько обвиняемых были упомянуты как «лица, не полностью раскрывшие и осудившие свои преступления перед партией и государством». Это означает, что они не были сломлены во время допросов и не признали свою вину. Это был выдающийся акт мужества, достойный всякого восхищения, и жаль, что имена этих отважных людей пока остаются неизвестными.

<sup>342</sup> Запись беседы В. И. Пелишенко с Пан Хак Се. 24 октября 1959 г.

<sup>343</sup> Там же.

Этот разговор происходил незадолго до самого суда, поэтому можно предположить, что Пан Хак-се специально проинформировал советское посольство, стремясь подготовить Москву к тому, что должно было вскоре произойти. Несколько неожиданным было то, что северокорейские лидеры решили порвать со сталинистской традицией и не планировали показательного «открытого» процесса. Несколько месяцами позже, в феврале 1960 г., Пан Хак-се сказал Пелишенко, что Чхве Чхан-ик и Пак Чхан-ок вместе с другими подлинными и мнимыми участниками августовского заговора были тайно осуждены в январе 1960 г. Примечательно, что среди подсудимых не упоминался Ким Ту-бон. Возможно, он избежал суда, или, что более вероятно, к 1960 г. его уже просто не было в живых. На закрытом судебном процессе председательствовал Ким Ик-сон, тогдашний председатель Центральной Контрольной Комиссии, который уже имел некоторый опыт участия в подобных мероприятиях - именно он возглавлял суд во время показательного процесса над членами внутренней фракции в 1953 г. (т. н. «дело Ли Сын-ёпа») <sup>344</sup>. Другими судьями были Ли Хё-сун (бывший маньчжурский партизан, секретарь пхеньянского горкома ТПК), Со Чхоль (тоже бывший партизан, глава армейского политуправления) и Ким Кён-сок (опять-таки бывший партизан, заведующий административным отделом ЦК ТПК) <sup>345</sup>.

По словам Пан Хак-се, на суде предстали 35 обвиняемых. Из них 20 были казнены, а 15 получили длительные сроки тюремного заключения. Это означало, что приговор был настолько суровым, насколько этого требовал министр внутренних дел, и что Ким Ир Сен отказался от своих первоначальных рекомендаций подходить к обвиняемым более мягко (если это действительно было его мнение, а не выдумка Пан Хак-се или домыслы правительственных пропагандистов) <sup>346</sup>. Среди приговоренных к смерт-

<sup>344</sup> В некоторых южнокорейских публикациях Ким Ик-сон упоминается как бывший член советской группировки (см.: Pukhan inmyong sajŏn. С. 97). Однако автор, много занимавшийся историей советской группировки, никогда не встречал это имя в данном контексте, что позволяет считать утверждение о его советском происхождении сомнительным.

<sup>345</sup> Там же. Возможно, список не полон, поскольку в документе упоминается, что трибунал состоял из *пяти* членов, тогда как по именам названо только *четыре*.

<sup>346</sup> О тайном процессе и приведении приговора в исполнение рассказал глава северокорейской тайной полиции Пан Хак-се.

Запись беседы В. И. Пелишенко (советник посольства) с Пан Хак Се (министр внутренних дел). 12 февраля 1960 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 9, папка 85.

Насколько известно автору, факт проведения тайного суда и последовавшей казни до последнего времени не был известен историкам.

ной казни были упомянуты имена обоих лидеров «августовской группы»: Пак Чхан-ока и Чхве Чхан-ика. Список казненных также включал упоминавшегося выше Ко Пон-ги, бывшего секретаря пхеньянского комитета ТПК, и «яньаньских генералов»: Ким Вон-суля, Ян Ке и Ким Уна. Пан Хак-се также сообщил, что к моменту разговора приговор уже был приведен в исполнение. Если это действительно так, то все оппозиционеры были казнены в январе или начале февраля 1960 г. Однако есть убедительные причины сомневаться в правильности данного утверждения Пан Хак-се. Ким Ун, якобы расстрелянный в 1960 г., был вполне живым и в 1970-х гг. Он действительно был одним из «яньаньских генералов», ставших жертвами чисток, и, как другие мнимые «фракционеры», исчез с политической арены после 1958 г. Тем не менее, он неожиданно вернулся в 1968 г. и позже отличился на дипломатическом поприще.

Это противоречие напоминает нам, сколь много «белых пятен» пока остается в истории Северной Кореи<sup>347</sup>. Расхождение между утверждениями Пан Хак-се и тем неопровержимым фактом, что якобы расстрелянный Ким Ун остался в живых, можно объяснить тем, что: а) Пелишенко ошибся, записывая свой отчет, и на самом деле Пан Хак-се во время беседы либо вовсе не упомянул Ким Уна, либо назвал его среди тех, кто был приговорен к тюремному заключению (принимая во внимание опыт и квалификацию Пелишенко, это кажется маловероятным, но тем не менее возможным); б) Пан Хак-се намеренно включил Ким Уна в перечень казненных генералов, чтобы по каким-то неизвестным нам причинам ввести в заблуждение Пелишенко (и Москву) в отношении участи Ким Уна; в) Пан Хак-се солгал, когда сказал, что к моменту разговора приговор был приведен в исполнение, в то время как в действительности, по крайней мере, некоторые осужденные на тот момент были живы. Сейчас пока невозможно с полной уверенностью остановиться на одном из этих положений, хотя наиболее вероятным

<sup>347</sup> О судьбе Ким Уна после 1968 г. см.: Pukhan inn)Ong sajOn. С. 89-90. Между прочим, политическое воскрешение Ким Уна не является чем-то уникальным. Скорее, наоборот: для КНДР подобные возвращения из политического небытия являются достаточно обычной практикой. Похожей была судьба и нескольких других северокорейских политиков, осужденных и исчезнувших бесследно, но уцелевших в ссылке или тюрьме и впоследствии вернувшихся на политическую арену (среди прочих следует упомянуть такие известные имена, как Чхве Кван и Пак Чжон-э). В КНДР, в отличие от СССР сталинских времен исчезновение государственного деятеля не всегда являлось окончательным.

автору представляется третье из них. Ким Ун мог быть одним из смертников, которым сохранили жизнь, и в конце концов дожить до своей реабилитации (можно предположить, что возвращение Ким Уна в политику в 1968 г. было связано и с расколом в партизанской фракции и расправой с «капсанской группой» в 1967—1968 гг. - но этот вопрос находится за пределами хронологических и тематических рамок данной работы).

Следует заметить, что в начале 1960-х гг. многие верили в смерть Ким Уна. Например, известный советский военный кореевед и историк Г. К. Плотников в 1990 г. во время разговора с автором этих строк мимоходом заметил, что Ким Ун был казнен в «начале 1960-х гг.» (очевидно, Г. К. Плотников не знал о возвращении Ким Уна на политическую арену)<sup>348</sup>. В то же время, Г. К. Плотников, на протяжении многих лет работавший в Генштабе Советской Армии и имевший доступ ко многим закрытым материалам, явно что-то слышал о судьбе Ким Уна. Видимо, придется признать, что эту загадку невозможно решить без работы с северокорейскими архивами, которая станет возможной только через несколько десятилетий.

Сейчас же по этому поводу мы можем делать только достаточно спекулятивные предположения. Можно, например, вспомнить о том, как в октябре 1959 г. Пан Хак-се заявлял, что Ким Ир Сен якобы считал необходимым расстрелять «только» трех-четырёх оппозиционеров, тогда как министр внутренних дел склонялся к более суровому наказанию. Возможно, окончательное решение по поводу судьбы заговорщиков было компромиссом между этими двумя точками зрения. Нельзя исключать того, что 20 человек были приговорены к смерти (как того требовал министр), но только трое или четверо из них были действительно казнены (как предлагал Ким Ир Сен). Впрочем, это — только предположения.

Разговаривая с Пелишенко, Пан Хак-се упомянул, что готовится второй судебный процесс, на котором будет фигурировать «около 150» обвиняемых (эта цифра хорошо согласуется с уже упоминавшейся оценкой - 160 человек, которые оказались под следствием как участники «заговора»). Однако он не объяснил, по какому принципу всех подсудимых разделили на две группы. Судя по приводившемуся выше списку, включавшему Пак Чхан-ока, Чхве Чхан-ика и другие ключевые фигуры оппозиции, можно предположить, что в январе перед судом предстали те, кто воспринимался как более серьезные фигуры, тогда как относительно второстепенные деятели должны были стать жертвами следующего процесса.

<sup>348</sup> Интервью с Г. К. Плотниковым. Москва, 1 февраля 1990 г.

На настоящий момент, нам неизвестно, состоялся ли планировавшийся второй процесс - по крайней мере, в доступных нам документах посольства он не упоминается. Это может быть объяснено стремительным ухудшением отношений между СССР и Северной Кореей, в результате которого доступ советского посольства к важной политической информации оказался очень ограничен. По крайней мере, в официальной северокорейской прессе информация об этих процессах так и не появилась (это относится и к первому закрытому процессу, о котором советским дипломатам рассказал Пан Хак-се).

Тем не менее яростные нападки на «августовскую группу» не прекращались еще несколько лет. Иногда эти публикации содержали еще более серьезные обвинения. В памфлете 1962 г., посвященном «нерушимому единству партии», в частности, говорилось: «Клика Чхве Чхан-ика... состоявшая главным образом из элементов, которые [в колониальный период] капитулировали и превратились в прислужников японского империализма, или из элементов, состоявших на службе у империалистических агрессоров в качестве шпионов Чан Кайши и лакеев американского империализма. После освобождения при поддержке американского империализма они начали проводить фракционную раскольническую политику. Они заняли вероломную двуличную позицию, притворяясь, что преданы партии, тогда как тайно противостояли партии»<sup>349</sup>. Этот пассаж сопровождался замечанием о том, что оппозиция действовала под «прямым руководством» «американского империализма»<sup>350</sup>. Таким образом, в начале 1960-х гг. северокорейская официальная пропаганда практически объявила лидеров «августовской оппозиции» еще и американскими шпионами. Однако эти обвинения все-таки не стали нормой. В этом отношении официальная интерпретация действий августовской оппозиции отличалась от той характеристики, которая была дана Пак Хон-ёну и его товарищам по внутренней фракции (тех, как известно, обвинили в шпионаже в пользу США и Японии). На протяжении последующих десятилетий в официальной северокорейской исторической мифологии «августовские заговорщики» фигурировали как «раскольники» и «предатели», но не как «шпионы».

<sup>349</sup> Chosŏn kongsanjūiti undong-iii wanjŏnhan t'ongil-ui silhaeng [Достижение полного единства корейского коммунистического движения]. Pyongyang: Chosŏn nodongdang ch'ulp'ansa, 1962. С. 32.

<sup>350</sup> Там же. С. 33.

## 9. СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ МЕНЯЕТ КУРС

К лету 1957 г. стало ясно, что решения сентябрьского пленума похоронены окончательно, причем отказ от них произошел с молчаливого согласия тех самых сил, которые когда-то навязали эти решения Пхеньяну. В то время как многие «маленькие Сталины» Восточной Европы один за другим теряли власть в результате вспышек народного недовольства и из-за интриг своих коллег, положение Ким Ир Сена после кризиса упрочилось настолько, что ему уже более не следовало опасаться того, что кто-то из руководства страны отважится бросить ему прямой вызов.

Победа Ким Ир Сена и его националистически-сталинистского курса имела самые серьезные последствия как для страны в целом, так и для большинства ее обитателей. В конце 1950-х гг. в северокорейском обществе начали происходить существенные изменения. Северная Корея 1945—1957 гг. была, в общем-то, вполне типичной «народной демократией», внутренняя политика которой вполне соответствовала тем стандартам, которые Советский Союз навязывал всему «лагерю народной демократии» (хотя, конечно, определенная местная специфика существовала всегда). Однако в конце 1950-х гг., когда руководство КНДР отказалось следовать идеям десталинизации, начался отход Северной Кореи от советских образцов. Отход этот никогда не был полным, но отношение к советским заимствованиям с этого времени изменилось. Большая часть советских общественно-политических институтов, имплантированных на корейскую почву в предшествующее десятилетие, была сохранена, хотя в Пхеньяне больше уже не упоминали, что такие организации, как Демсомол или Детский союз являются копиями советских прототипов (в более ранние времена из советского происхождения этих институтов никто не делал секрета). Однако пхеньянские руководители не просто остались верны сталинизму, они начали модификацию этой системы в соответствии со своими собственными нуждами и представлениями о том, как

должно быть устроено идеальное общество. В некоторой степени такая политика являлась отражением усиливающегося влияния маоистского Китая, и многие из перемен, происходивших в КНДР в конце 1950-х гг., могли быть реакцией на те новости, что тогда приходили из КНР. Однако следует иметь в виду, что, несмотря на очевидную связь новых тенденций с переменами в Китае, маоистские идеи не смогли бы укорениться в Северной Корее, если бы они не нашли там благоприятной почвы.

Общее направление перемен прослеживалось достаточно явно — это был курс на усиление контроля правительства над обществом и экономикой; на жесткое подавление реального и потенциального инакомыслия; еще большее ограничение международных связей, в том числе и связей с другими социалистическими странами; на «закручивание гаек» в области искусства и культуры; на установление квазирелигиозного культа богоподобного Вождя. В общем, это был курс на сохранение и усиление классических сталинистских принципов.

В то же время «новый» северокорейский сталинизм имел отчетливый националистический привкус. В общем-то, в этом смысле он не так уж сильно отличался от других вариантов сталинизма, включая и его советский оригинал (по крайней мере, в позднем варианте, времен приснопамятной «борьбы с космополитизмом»). До начала 1960-х гг. Советский Союз активно боролся с националистическими тенденциями в зависимых странах, поскольку там национализм неизбежно вступал в противоречие с интересами Москвы и отчасти подрывал советское/русское лидерство. Дозволялось проявление лишь определенных элементов национальной самобытности, которые не создавали особых политических проблем для Москвы. К ним относились, например, истории о великих победах над иностранными захватчиками, в тех случаях, конечно, когда эти захватчики происходили из стран, которые в 1950-х гг. принадлежали к «враждебному» и «империалистическому» лагерю (например, борьба болгар против турок, конфликты Польши и Германии и т.д.). Не была исключением и Северная Корея, где такой «контролируемый» национализм допускался и даже поощрялся с конца 1940-х гг. и, естественно, имел четкую антияпонскую направленность. Однако с начала 1960-х гг. северокорейская ситуация серьезно изменилась и в новых условиях идея корейского патриотизма начала освобождаться от прежних ограничений. В новой ситуации Пхеньян более не собирался делать реверансы в сторону Москвы и «великого советского народа», «великой русской культуры» (подобные выражения быстро исчезли

из официальной риторики в 1959-1961 гг.). В культуре и политике основной упор делался на исконные местные традиции, зачастую радикально переосмысленные или даже просто выдуманные, в то время как внешние связи и заимствования преуменьшались или отрицались. Режим, совсем недавно пришедший к власти при откровенной и прямой помощи иностранной державы - обстоятельство, о котором тогда прекрасно помнило большинство населения, - стремился «национализироваться».

Без сомнения, эти тенденции в первую очередь служили интересам Ким Ир Сена и его ближайшего окружения, поэтому именно они часто инициировали их. Однако такая политика была бы невозможна без поддержки «снизу». Предлагаемый Ким Ир Сеном синтез национализма и сталинизма стал отражением идеалов и ценностей значительного числа партийных кадров среднего и низшего звена и, вероятно, более широких народных масс. Эти люди, происходившие главным образом из крестьянской среды, поддерживали режим в том числе и потому, что считали его «истинно корейским». Все, связанное с Советским Союзом, было для них иностранным, более того, достаточно чуждым в культурном отношении, так что призывы к ограничению советского влияния в целях укрепления национальной самобытности звучали для них очень убедительно. Можно предположить, что многие корейцы приветствовали новую политику, воспринимая ее как попытку избавиться от надоедливого советского присутствия, сохранить и укрепить «истинно корейскую» сущность режима.

Среди главных факторов, которые создали основу для такого поворота к национализму, следует назвать весьма успешную образовательную политику КНДР. Исследователи неоднократно отмечали, что создание современной школьной системы с преподаванием на национальном языке часто является эффективным способом формирования национального самосознания и патриотизма<sup>351</sup>. Поколение корейцев, родившееся после 1945 г., стало первым в истории страны поколением, которое в массовом порядке обучалось на родном языке и получило образование, основанное на идеях национальной идентичности. Если в 1944 г. только 23 % корей-

<sup>351</sup> См., например: Hobsbawm Eric. Nations and Nationalism since 1780: Programs, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 91-92. Историк европейского национализма Дж. Ллобера, например, писал: «Сознание французской идентичности было создано обязательным школьным образованием, развитием средств связи и всеобщей воинской обязанностью». Llobera Josep R. The God of Modernity: The Development of Nationalism in Western Europe. Oxford: Berg Publishers, 1994. P. 216.

ских мужчин и всего лишь 5 % женщин имели хоть какое-нибудь формальное образование<sup>352</sup>, то уже к середине 1950-х гг. практически все дети школьного возраста посещали, по крайней мере, начальную школу. Учебные программы неизбежно усиливали национальное самосознание. Тема «героической борьбы за независимость» фигурировала в учебниках по истории, языку, другим гуманитарным предметам. В отличие от многих стран Восточной Европы, в которых национальный миф был связан с борьбой против русских завоевателей (Польша, Венгрия), в Корее в роли «коварных иноземцев» выступали японцы и в случае с Северной Кореей, американцы<sup>353</sup>. Тем не менее такой подход, хотя и не направленный прямо против русских и Советского Союза, привел к тому, что впервые в корейской истории множество простых людей получили воспитание, важным элементом которого стал дух национализма. Идеалы нового, «справедливого» и «подлинно корейского» общества, свободного от иностранного угнетения и контроля (и, по возможности, даже от иностранного влияния) не могли не встретить поддержки у бывших крестьян, недавно превратившихся в горожан, у партийных работников низшего звена или военнослужащих.

Северная Корея была далеко не единственной страной, в которой происходили подобные процессы. Ситуация в Пхеньяне во многом напоминала обстановку в других странах «национального сталинизма», к которым относились Румыния, Албания и, отчасти, Северный Вьетнам. По сравнению с другими социалистическими государствами, во всех этих странах был очень высок процент сельского населения, нынешних или недавних крестьян. Ни одна из них до прихода к власти коммунистов не знала демократии (некоторым исключением является Румыния, но и там демократическая традиция была очень слаба), а уровень образования был там очень низким даже по скромным меркам социалистического лагеря.

Рост национализма сопровождался усилением радикальных тенденций в северокорейской внутренней политике. В конце 1958 г. советские дипломаты обратили внимание на изменение формулиро-

<sup>352</sup> Yi, Hyang-gyu. Pukhan sahoejuui pot'ong kyoyuk-ui hyOngSng: 1945-1950 [Создание системы начального образования в Северной Корее: 1945—1950], Seoul: Seoul National University, 2000. С. 52-53.

<sup>353</sup> Рейд корабля «Генерала Шерман» и высадка американского десанта на о-ве Канхвадо — эти два эпизода занимают заметное место в северокорейских учебниках, которые трактуют их как примеры полуторавековой истории «американской империалистической агрессии против корейского народа».

вок, использовавшихся в северокорейских официальных документах. В декабре того года Ким Ир Сен внезапно объявил, что Северная Корея завершит построение социализма «в течение 4—5 лет». По-видимому, это заявление было сделано под влиянием китайских экспериментов, поскольку Мао тогда тоже внезапно объявил, что социализм в Китае можно построить гораздо быстрее, чем это намечалось изначально. Эти заявления Пхеньяна вызвали скрытое недовольство Советского Союза. С точки зрения советских идеологов, новая позиция Пхеньяна звучала достаточно еретически, поскольку в соответствии с ортодоксальным советским марксизмом-ленинизмом считалось, что переходный период в «странах народной демократии» должен длиться многие годы и даже десятилетия. Особенно это относилось к таким странам, как Северная Корея, которая была достаточно слабо развитой даже по сравнению с другими «странами народной демократии». Новые программные заявления выражали стремление Пхеньяна ускорить темп социальных и экономических преобразований и сокрушить любое противодействие этому процессу<sup>354</sup>. Для северокорейских лидеров, воспитанных на классических сталинских традициях, это стремление «вперед, к полному социализму» имело особый смысл. Как уже упоминалось, теория «народной демократии» была объективно дискриминационной по отношению к новым социалистическим государствам с их якобы «незрелым» социалистическим обществом, и на деле неявно усиливала представления о советском превосходстве. После 1957 г. такие идеи в Пхеньяне более не приветствовались. Лидеры Северной Кореи добивались равенства со «старшим братом» как в политической реальности, так и в идеологической символике. Руководство КНДР стремилось в кратчайшие сроки перестроить северокорейское общество в соответствии с требованиями ортодоксального ленинизма или, скорее, классического сталинизма, ускорив таким образом переход от отчасти незрелой «народной демократии» к полноценному «социалистическому обществу». Можно предположить, что это стремление отчасти возникло под влиянием перемен в Китае, где как раз тогда побеждал маоистский радикализм.

Самым ярким примером новой радикализации внутренней политики КНДР была поспешная коллективизация сельского хозяйства. Ортодоксия подразумевала, что в социалистической стране все крестьяне должны быть членами сельскохозяйственных коопе-

<sup>354</sup> Служебный дневник А. М. Пузанова, советского посла. Запись от 5 января 1959 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 15. Д. 7, папка 81.

ративов, контролируемых государством. В КНДР коллективизация началась в 1954-1955 гг. и к концу 1956 г. около 80,9% хозяйств было вынуждено вступить в кооперативы. К концу 1957 г. уже 95,6% северокорейских крестьян стали членами сельхозкооперативов<sup>355</sup>. Политический кризис не замедлил этот процесс - наоборот, кажется, что именно после августовских событий пхеньянские лидеры решили увеличить темп преобразований в деревне. В апреле 1956 г. в заключительной резолюции III съезда ТПК было четко сказано, что нет необходимости ускорять коллективизацию, которая должна быть «постепенной» и «добровольной»<sup>356</sup>. Однако именно 1956 г. стал годом усиленной коллективизации. Вероятно, это было еще одним проявлением китайского влияния, так как в сентябре 1955 г. Мао тоже отказался от прежней осторожности и потребовал ускорения коллективизации. В результате этого «прилива коллективизации» к концу 1956 г. около 83 % всех крестьянских хозяйств Китая вошли в «передовые производственные» кооперативы (цифра эта не очень отличается от корейского уровня в 80,9 %, достигнутого в то же время)<sup>357</sup>.

Схожая участь постигла частную торговлю и ремесло. Если раньше существование мелких частных предприятий допускалось, хотя им и приходилось действовать в очень жестких рамках, то с конца 1956 г. частные предприниматели и ремесленники-индивидуалы стали испытывать все усиливавшееся давление, и в конечном итоге к 1958 г. частный сектор прекратил свое существование<sup>358</sup>. Поворотным пунктом здесь стал ноябрь 1957 г., когда Кабинет Министров КНДР одобрил Постановление № 102, которое с 1 декабря 1957 г. запрещало всю частную торговлю зерном. При этом сельхозкооперативам разрешалось продавать излишки зерна только государству. Те, кто раньше занимался частной торговлей или индивидуальной ремесленной деятельностью, должны были немедленно вступить в кооперативы или получить другую официальную работу, так как в противном случае они лишались права на получение продуктовых карточек и, значит, оставались бы без средств к существованию в прямом смысле слова<sup>359</sup>. Полная лик-

<sup>355</sup> Официальная информация о темпах коллективизации содержится, в частности, в: ChosOn chOnsa [Полная история Кореи]. Т. 28. С. 235; Т. 29. С. 69.

<sup>356</sup> Нодон синмун. 30 апреля 1956 г.

<sup>357</sup> Brugger Bill. Contemporary China. London: Croom Helm, 1977. P. 125.

<sup>358</sup> ChosOn chOnsa [Полная история Кореи]. Т. 29. С. 79—83.

<sup>359</sup> Данные меры должны были ликвидировать частную торговлю. Архив министерства иностранных дел Венгрии, XIX—J—1—j Korea 1945—1964, 11th box, 24/b, 00254/1958. Документ и его перевод предоставил Балаш Шалонтай.

ликвидация частной торговли была весьма радикальным шагом, особенно если учесть, что, с ортодоксальной точки зрения, частные торговцы должны были «вливаться» в социалистическую экономику постепенно, в результате долгого процесса трансформации. Документы венгерского посольства показывают, что в конце 1950-х гг., когда Пхеньян начал ускоренную ликвидацию частной торговли и ремесленного производства, некоторые восточноевропейские дипломаты выражали свою обеспокоенность по поводу возможных негативных последствий такой поспешной национализации<sup>360</sup>. Этот радикализм тоже мог быть вызван китайским влиянием, поскольку в октябре 1955 г. Мао предложил распространить «прилив» социалистических преобразований и на частное предпринимательство, которое к 1956-1957 гг. прекратило свое существование в Китае<sup>361</sup>.

Сталинистская традиция утверждала, что эти изменения в сельском хозяйстве и частном ремесленном производстве означают уничтожение последних остатков несоциалистических элементов в корейской экономике, что должно привести к быстрому развитию общества в направлении зрелого «полного социализма». Эти изменения усилили давление, которому подвергалось население страны, но, насколько это известно, эти реформы не встретили значительного сопротивления снизу.

Эту политическую пассивность масс можно объяснить несколькими факторами. Самой очевидной, хотя, возможно, и не самой значимой причиной можно считать тот жесткий и эффективный политический контроль, который власти осуществляли над населением страны, решительные и умелые действия тайной полиции, осуществлявшиеся при поддержке партийных и государственных структур. Действительно, с 1957 г. признаки «затягивания гаек» были налицо.

Важной частью кампании по ужесточению контроля над обществом стали показательные суды над «южнокорейскими шпионами и диверсантами», а также «предателями», сотрудничавшими с южнокорейской и американской армией во время короткой оккупации Севера «силами ООН» в октябре-декабре 1950 г. Целая волна таких процессов прошла в 1957 г., причем они весьма широко освещались в печати и зачастую проходили при большом стечении публики. Например, один из первых процессов такого рода, который прохо-

<sup>360</sup> Посольство Венгрии в КНДР. Отчет, 22 октября 1954, КА, 11. doboz, 22/a, 08103/2/1954. Документ и его перевод предоставил Балаш Шалонтай.

<sup>361</sup> Brugger Bill. *Contemporary China*. P. 126.

дил в Верховном Суде в декабре 1956 г., собрал 1300 зрителей!<sup>362</sup> Северокорейская печать очень часто писала о подобных процессах на протяжении первой половины 1957 г. Наказания отличались суровостью, обычной практикой стали смертные приговоры<sup>363</sup>.

Обычным явлением стали и обвинения во «вредительстве», которые обычно выдвигались против инженерно-технического состава. Так, на заводе механического оборудования, которые строили при венгерском техническом содействии в Кусоне, в 1958—1959 гг. по обвинению во «вредительстве» было арестовано несколько инженеров. Один из них совершил самоубийство в тюрьме, а остальные предстали перед судом в декабре 1958 г. Естественно, они признали все обвинения — в частности, им приписывались планы убийства работавших на объекте венгерских специалистов<sup>364</sup>.

Известно, что в это время сеульские власти активно отправляли на Север своих агентов, так что некоторая часть осужденных за шпионаж могла действительно быть связана с лисынмановскими спецслужбами. Вряд ли мы когда-нибудь с полной точностью узнаем, кто из обвиняемых на деле был агентом южнокорейской и/или американской разведки. Судя по опыту сталинского Советского Союза и маоистского Китая, можно предположить, что лишь меньшинство осужденных действительно были как-либо связаны с правительством Южной Кореи. Показательные судебные процессы, публичные казни и постоянные призывы к «революционной бдительности» определяли общую атмосферу в стране. Пресса объясняла, что либеральные послабления предыдущих лет причинили серьезный ущерб делу корейской революции: «[Некоторые кадры] неправильно поняли и исказили... политику партии, нацеленную на продолжение революции. Враждебные элементы, те, кто совершил серьезные контрреволюционные преступления или явные попытки контрреволюционных действий, тем не менее, поступают необдуманно, прямо отрицая это [причастность к контрреволюционным акциям] или убеждая в своем раскаянии. Такая потеря бдительности представляет немалую угрозу для нашей революции» (из статьи, опубликованной в ежемесячнике «Кынлочжа» в июле 1957 г.)<sup>365</sup> Та же статья утверждала, что «революционную бдитель-

<sup>362</sup> Нодон синмун. 15 декабря 1956 г.

<sup>363</sup> Эти процессы упоминаются даже в поздних северокорейских текстах: Chosŏn ch'ŏnŏsa [Полная история Кореи]. Т. 29. С. 57-58.

Pukhan Ch'onglam. С. 302.

<sup>364</sup> Balazs Szalontai. Kim Il Sung in the Khrushchev Era. P. 125.

<sup>365</sup> Pak Tong-hwan. Hyŏkmyŏngŏk kyŏnggaksŏng-ul cheghohaja [Повысим революционную бдительность]! // Kŏnloja. 1957. № 5. С. 65.

ность» необходимо проявлять и в связи с недоразоблаченными «фракционерными»: «Мы должны усилить нашу бдительность в отношении оставшихся фракционеров, [которые] могли сохраниться в нашей партии и препятствовать ее деятельности»<sup>366</sup>.

30 мая 1957 г. президиум (политбюро) ЦК ТПК принял резолюцию, которая называлась «О превращении борьбы против контрреволюционных элементов в общепартийное и общенародное движение». Резолюция эта была связана именно с развернутой весной 1957 г. кампанией по борьбе со шпионажем, однако сейчас очевидно, что этот документ имел исключительное значение для всей последующей истории КНДР. Именно эта резолюция легла в основу окончательного разделения всего населения страны на несколько десятков наследственных социально-политических категорий — печально известной северокорейской системы «сонбун». Каждый житель КНДР в зависимости от своего происхождения, своей деятельности до 1945 г. и своих заслуг (или прегрешений) перед режимом включался в одну из многочисленных групп, которые со временем приобрели наследственный характер. В конечном счете эта классификация стала отличительным признаком северокорейской социальной структуры. Грандиозная полицейско-бюрократическая работа по анализу семейных связей и биографии всего населения страны и его последующего формального разделения на 51 группу потребовала немало времени и была завершена только в начале 1970-х гг., но первые серьезные попытки в этом направлении были предприняты именно в 1957 г.

Другим важным политическим решением было введение «системы ответственности пяти семей» (кор. о хо тамдан чже). Эта система, впервые введенная в июле 1958 г., со временем превратилась в систему инминбан («народные группы»), которая является еще одной уникальной особенностью современного северокорейского общества<sup>367</sup>. В соответствии с этой системой каждый северокореец входит в такую «народную группу» вместе со всеми своими соседями, причем глава «народной группы» имеет немалые полномочия по контролю над повседневной жизнью ее членов. Объединение-«пятиворка» еще не являлось полным аналогом позднейших групп «инминбан», но оно уже отвечало за идеологическое воспитание и «политическую надежность» своих членов, а также предоставляло людей для разного рода мобилизационных

<sup>366</sup> Pak Tong-hwan. HyOkmyOngjOk kyOnggaksOng-ul chegohaja! С. 67.

<sup>367</sup> Kim Hak-jun. Pukhan 50 nyBn sa [50 лет истории Северной Кореи]. С.198.

кампаний. У таких низовых групп круговой поруки, во все времена являвшихся эффективным инструментом контроля над всем населением, было множество прообразов в истории Восточной Азии, но вот в советской традиции их аналоги практически отсутствовали.

Примерно в то же время правительство начало принудительное переселение «ненадежных элементов» в отдаленные горные районы страны (печально известное Постановление Кабинета Министров № 149)<sup>368</sup>. 1958-1959 гг. были периодом крупномасштабных чисток среди простого народа, эпохой, когда стала развёртываться, пожалуй, самая масштабная «охота на ведьм» в истории Северной Кореи.

Ё Чон — один из сторонников яньаньской фракции, сумевший впоследствии бежать в Китай, вспоминал: «1958 и 1959 гг. были бесконечным кошмаром и для меня, и для всего народа. День заднем люди жили как в страшном сне»<sup>369</sup>. Понятно, что похожим образом можно описать чувства большинства советских партийных кадров в разгар сталинских репрессий или же чувства китайской партийно-государственной элиты во время «культурной революции». Даже если упоминание «всего народа» в данном контексте и было некоторым преувеличением, представители элиты — парработники, генералитет, интеллигенция и вообще люди с «сомнительными связями» и «сомнительным прошлым» имели все основания, чтобы воспринимать сложившуюся ситуацию именно таким образом.

Из-за специфики доступных на настоящий момент источников мы лучше осведомлены о чистках среди партийных лидеров, чем о массовом терроре. Однако имеющиеся данные свидетельствуют, что к концу 1950-х гг. массовый террор тоже усилился и достиг беспрецедентных масштабов. Недавно обнаруженные материалы впервые предоставляют нам сведения о масштабах репрессий. В феврале 1960 г. Пан Хак-се, министр внутренних дел КНДР, сообщил советскому дипломату, что в ходе кампании с октября 1958 по май 1959 г. северокорейские спецслужбы «разоблачили» приблизительно 100 000 «враждебных и реакционных элементов». Чтобы в полной мере оценить масштаб этой статистики, надо вспомнить, что число врагов, «раскрытых» северокорейскими спецслужбами в период с 1945 (или 1948 г. — текст можно понимать двояко) по 1958 г.,

<sup>368</sup> Pukhan ch'onglam. С. 302-312.

<sup>369</sup> Цит. по: Kim Hak-jun. Pukhan 50 публ са. С. 201.

тоже составило 100 000 человек!<sup>370</sup> Иными словами, всего за девять-десять месяцев 1958—1959 гг. преследованиям по политическим мотивам подверглось больше людей, чем за первые десять или даже тринадцать лет северо-корейской истории. Цифра окажется еще более впечатляющей, если мы вспомним, что в 1945-1958 гг. в Северной Корее общество отнюдь не было демократическим, что это были годы «зависимого сталинизма». Кроме того, это десятилетие было отмечено кровавой войной, когда особо жесткие меры безопасности были необходимы. И тем не менее эти бурные годы оказались менее жестокими, чем конец 1950-х гг. Пан Хак-се сказал своему собеседнику, что только малое число судебных процессов завершалось казнями, а большинство «реакционных элементов» приговаривались к «перевоспитанию». Однако несложно догадаться, что подобное «перевоспитание» на практике означало отправку в лагерь. Не случайно, именно эти годы стали временем, когда была создана современная северо-корейская система лагерей - в более ранние времена просто не существовало необходимости в том, чтобы размещать такое количество политических преступников. Опять-таки не исключено, что на проведение данной кампании существенное влияние оказали события в Китае, где также начались широкомасштабные преследования «правых».

На этом фоне 27 августа 1957 г. состоялись первые послевоенные выборы в Верховное Народное Собрание КНДР. Сами по себе эти выборы не имели практического значения, поскольку проводились они по испытанной сталинистской схеме «один кандидат на одно место». К тому же в Северной Корее тогда использовалась система двух урн — отдельно для бюллетеней «за» и «против» официальных кандидатов: если избиратель был настолько храбр (или наивен), чтобы решиться голосовать против правительственного кандидата, и направлялся к предназначенной для этого урне под бдительным взором местных кадров, то он сразу попадал в черный список. Результат был предсказуемым — 99,92 % (начиная с последующих выборов 1962 г. Ким Ир Сен ввел и вовсе уникальную традицию: в КНДР стали официально утверждать, что в очередных выборах приняло участие 100,0 % зарегистрированных избирателей, и при этом 100,0 % из них проголосовало за правительственных кандидатов!). Хотя выборы были явным фарсом, а «выборные» учреждения — политически беспомощными, сам

<sup>370</sup> Запись беседы В. И. Пелишенко (советник посольства) с Пан Хак Се (министр внутренних дел). 2 февраля 1960. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 9, папка 85.

факт их проведения имел символическое значение. Это были первые выборы с 1948 г., и их проведением руководство КНДР стремилось продемонстрировать, что оно пользуется поддержкой населения. Ким Ир Сен с гордостью провозгласил в своем выступлении 27 ноября 1957 г.: «Иностранные гости, недавно посетившие нашу страну, были удивлены, что в нашей стране проведены выборы, в то время как кое-где (в Венгрии. - *А. Л.*) происходит антиправительственное восстание и ситуация принимает серьезный оборот».

Выборы имели и еще ряд примечательных особенностей. Из тех 527 депутатов, что были избраны в ВНС в 1948 г., только 75 были переизбраны в ВНС во второй раз в 1957 г. Такая высокая степень ротации показывает, как сильно изменился состав северокорейской элиты<sup>371</sup>. Во-вторых, Верховное Народное Собрание 1957 г. было значительно меньшим по численности, по сравнению с ВНС созыва 1948 г.: в его состав входили всего лишь 215 депутатов. Северокорейские лидеры отказались от формальных претензий на общенациональное представительство, поэтому ВНС 1957 г. в отличие от своего предшественника не включало в свой состав так называемых «представителей Южной Кореи», якобы «нелегально избранных» на Юге — отсюда и его меньшая численность. Еще одним знаменательным признаком политических перемен было отстранение Ким Ту-бона, который с 1948 г. стоял во главе Верховного Народного Собрания и формально являлся главой северокорейского государства. Выборы состоялись всего за несколько месяцев до его формальной опалы и бесследного исчезновения, но было уже ясно, что политического будущего у патриарха корейских коммунистов нет. В 1957 г. пост председателя ВНС занял хорошо знакомый нам Чхве Ён-гон, который и оставался на этой важной в символическом плане, но политически незначительной должности вплоть до самой своей смерти в 1976 г.

Кроме того, в 1957 г. произошла самая знаменитая из той бесконечной череды мобилизационных кампаний, которые впоследствии стали столь типичными для северокорейского общества. Именно тогда началось широко разрекламированное «движение Чхонлима». Названо оно было в честь легендарного крылатого коня корейских сказок, который одним прыжком преодолевал расстояние в тысячу ли (около 300 км). Можно предположить, что изначально это движение являлось подражанием советским схемам, в первую очередь начавшемуся примерно в то же время движению «бригад коммуни-

<sup>371</sup> Kim Hak-jun. Pukhan 50 nyun sa. С. 194.

стического труда», которое широко пропагандировалось советской прессой с конца 1958 г. Впрочем, куда более явными были, опять-таки, китайские влияния, так что вскоре «движение Чхонлима» превратилось в несколько ослабленное северокорейское подобие китайского «большого скачка». Людей побуждали работать все больше и больше, делать все возможное для выполнения высоких (часто — совершенно нереальных) производственных планов. Необычайно интенсивная пропаганда создавала на рабочих местах атмосферу исключительного напряжения, которая во многом напоминала ситуацию на передовой во время войны.

Сохранившиеся свидетельства дипломатов, которым довелось посетить «великие стройки Чхонлима», не оставляют сомнений в том, каким именно образцам следовали организаторы этого движения в 1958—1959 гг. Как и в маоистском Китае времен «большого скачка», руководство всех уровней обещало достичь невероятного рывка в производстве за неправдоподобно короткие сроки. Местные чиновники соревновались в том, кто возьмет на себя более дерзкие обязательства, и казалось, что никто из них не замечал явной невыполнимости многих обещаний. Например, венгерским дипломатам сообщили, что сельхозкооператив деревни Кончхон обязался довести в 1959 г. урожайность до 410 центнеров риса и 108 центнеров кукурузы с гектара. Цифры эти являются достаточно фантастическими сами по себе (нормальной среднемировой урожайностью риса в наше время считается 35-40 центнеров с гектара). Однако они начинают казаться совершенно фантастическими, если учесть, что в 1957 г. урожайность в том же самом кооперативе составила соответственно 45 центнеров риса и 23 центнера кукурузы с гектара. Таким образом, подразумевалось, что урожайность будет повышена примерно в десять раз!<sup>372</sup> 20 ноября 1958 г. Ким Ир Сен заявил, что в 1959 г. Северная Корея по выпуску продукции сможет... сравняться с Японией (явное влияние заявления Мао, который тоже грозился догнать Англию, но хотя бы отводил на это несколько больше времени — 15 лет)<sup>373</sup>. Конечно, Япония 1959 г. еще не была тем индустриальным гигантом, каким она стала спустя десятилетие, но все равно подобное заявление было откровенно фантастическим.

Единственным способом для достижения этих результатов представлялась всеобщая трудовая мобилизация. Подразумевалось, что «сознательные» массы смогут совершить чудеса, если только они

<sup>372</sup> Balazs Szalontai. Kim Il Sung in the Khrushchev Era. P. 122.

<sup>373</sup> Ibid.

будут работать с полной самоотдачей и на пределе собственных физических возможностей. Действительно, конец 1950-х гг. для всех корейцев был временем изнурительного труда, хотя нельзя исключать и того, что этот труд многими тогда воспринимался как необходимость на пути к процветанию. Восточноевропейские дипломаты, которые с некоторым недоумением наблюдали за всем происходящим, писали, что четыре-пять часов дополнительного неоплачиваемого труда после обычного рабочего дня стали нормой. Вполне в духе Мао на физические работы бросали всех: в сентябре 1958 г. ряд министерств и ведомств, включая Министерство металлургии, отправили 50 % всех своих чиновников на производство<sup>374</sup>. На стройки мобилизовывали студентов, домохозяек, школьников. Д. Я. Ли, выходец из семьи советских корейцев, который как раз в 1958 г. стал студентом физико-математического факультета Университета Ким Ир Сена, вспоминает: «После окончания я поступил на физико-математический факультет Ким Дэ (Университет Ким Ир Сена. — *А. Л.*). Однако настоящей учебы не было: почти все время мы проводили на работах. Строили, в частности, Тэсонсан под лозунгом «Построим самый большой в Азии парк!». Копали, сажали деревья. Работали с утра до вечера, но обстановка энтузиазма была вполне искренней. В газетах постоянно публиковали цифры, из которых следовало, что экономика КНДР будет и дальше расти невиданными темпами, и в обозримом будущем даже обгонит СССР. Основания для этого находили в темпах роста первых послевоенных лет — действительно, очень высоких»<sup>375</sup>.

Совершенно маоистскими были попытки наладить производство металлов и цемента в примитивных условиях. 10 ноября 1958 г. венгерский дипломат сообщал своему руководству: «В соответствии с китайским примером, всюду строятся малые местные доменные печи и печи для производства цемента»<sup>376</sup>. Неудивительно, впрочем, что вскоре Чон Иль-ён, высокопоставленный партийный функционер, в беседе с дипломатами признал, что качество выплавленного таким образом металла оставляет желать лучшего<sup>377</sup>. Как и в Китае, попытки поставить доменную печь в каждом поселке означали лишь нецелесообразную трату сил и средств.

«Движение Чхонлима» с его явным маоистским оттенком означало перенос центра тяжести с материального стимулирования на

<sup>374</sup> Balazs Szalontai. Kim И Sung in the Khrushchev Era. P. 122.

<sup>375</sup> Интервью с Дмитрием Янбаровичем Ли. Москва, 16 января 2001 г.

<sup>376</sup> Balazs Szalontai. Kim И Sung in the Khrushchev Era. P. 122.

<sup>377</sup> Ibid. P. 125.

стимулирование идеологическое. Этот «дешевый» подход мог казаться оправданным в условиях послевоенной Северной Кореи, с ее хронической бедностью и нехваткой ресурсов. Подобные методы «идеологической мобилизации» применялись и в сталинском Советском Союзе (достаточно вспомнить про стахановское движение 1930-х гг.), но наиболее широко этот политический и социальный прием стал использоваться в Китае времен Мао. Впрочем, несмотря на все пропагандистские заявления того времени, результаты подобной политики в Корее оказались менее катастрофическими, чем в Китае. Надежды на то, что «трудовой энтузиазм» сумеет компенсировать нехватку опыта и ресурсов, оказались иллюзорными. Тем не менее «движение Чхонлима» было еще одним подтверждением того, что КНДР начала постепенно отходить от «ревизионистских» идей хрущевского СССР, где власти, хотя неохотно и непоследовательно, стали отказываться от своих изначальных надежд на идеологические средства поощрения и постепенно пришли к мысли, что без соответствующей оплаты труда люди хорошо работать не будут — по крайней мере, если речь идет не о коротких «штурмах» во имя четко поставленной и всем понятной тактической цели, а о систематическом многолетнем труде.

Новые веяния, как всегда, нашли свое отражение в литературе и искусстве. Как уже говорилось выше, короткий период 1956-1958 гг., несмотря на происходившие тогда преследования талантливых писателей из Южной Кореи, был самым либеральным временем в истории северокорейского искусства. Официальное требование покончить со «схематизмом» было воспринято писателями и деятелями искусства как разрешение творить более свободно, с меньшей оглядкой на идеологические предписания. Однако этот период относительной свободы продлился недолго. С конца 1958 г. самыми популярными лозунгами литературной политики стали «воспитание всадников крылатого коня Чхонлима» и «борьба против ревизионизма» (в последнем лозунге все чаще слышался намек на Советский Союз и «разлагающее» советское влияние). На практике это означало, что на писателей и художников снова налагались жесткие политические ограничения, что период относительной терпимости по отношению к идеологическим вольностям заканчивался. От деятелей искусств теперь требовалось прославление партии и вождя, а также обличение «классовых врагов» и их «ревизионистских прихвостней»<sup>378</sup>.

<sup>378</sup> Kim SOng-su. 1950 nyBndae Pukhan munhak-kwa sahoejuui riOllijum. С. 146-154.

Рассказ о КНДР конца 1950-х гг. был бы неполным без упоминания о тех внушительных свершениях в экономике, которыми был отмечен этот период. Официальные отчеты об «успехах» и «трудовых победах» следует воспринимать весьма критически, однако темпы экономического роста КНДР на самом деле были впечатляющими. О выполнении Первого пятилетнего плана было объявлено в 1960 г., на два года раньше намеченного. По официальным данным, к середине 1959 г. объем промышленного производства вырос в 2,6 раза, по плану это должно было произойти только к концу 1961 г. По тем же сведениям в 1960 г. объем промышленного производства в 3,5 раза превысил уровень 1956 г.<sup>379</sup> Хотя эти цифры явно преувеличены, даже самый скептически настроенный наблюдатель вынужден согласиться, что достижения северокорейской экономики конца 1950-х гг. выглядели весьма внушительно, особенно по сравнению с бедственным положением Юга. Согласно большинству современных оценок, ВВП Северной Кореи с 1956 по 1960 г. возрос почти вдвое - с 1,007 до 1,848 миллиарда долларов США (по курсу того периода)<sup>380</sup>.

Можно только догадываться о том, в какой мере такой прирост был следствием щедрой советской и китайской экономической помощи, но результаты послевоенного восстановления экономики, без сомнения, не обманули ожиданий северокорейского руководства и партийных кадров, а также и всего населения. Высокие темпы экономического роста не привели к улучшениям в повседневной жизни народа (это, в общем-то, и не планировалось изначально), но воодушевление от быстрого и успешного развития страны разделялось многими корейцами, тем более что его умело подогревала пресса. Печать Северной Кореи и, шире, всех социалистических стран всегда отличалась немалой любовью к сообщениям о действительных или мнимых экономических достижениях и связанных с ними трудовых подвигах. Но даже на этом фоне нельзя не отметить, что в корейских газетах 1957 г. и 1958 г. публиковалось необычно много статей на экономические темы. Страницы газет были заполнены отчетами со стройплощадок и фабрик. Таблицы и схемы иллюстрировали уже одержанные экономические победы и сообщали о планах грядущих свершений. Подборки новостей были полны сообщениями о впечатляющих по местным

<sup>379</sup> ChosOn chOnsa [Полная история Кореи]. Т. 29. С. 225-226.

<sup>380</sup> Наиболее свежие оценки реального ВВП Северной Кореи см.: Hamm Taik-young. *Arming the Two Koreas: State, Capital and Military Power*. London & New York: Routledge, 1999. P. 127.

меркам технологических достижениях, таких, например, как выпуск первых корейских тракторов и грузовиков<sup>381</sup>.

В разговорах с иностранными дипломатами корейские руководители предавались весьма смелым мечтам. Например, еще в 1956 г., то есть до начала лихорадочного развертывания движения «Чхонлима», чехословацкий посланник Макуч заметил, что северокорейские руководители думают о выходе продукции своего машиностроения на мировой рынок и всерьез говорят о поставках машин и оборудования в страны Юго-Восточной Азии. По мнению представителя самой на тот момент развитой из восточноевропейских стран социалистического лагеря, подобные планы Пхеньяна были абсолютно необоснованными. Последующие события показали, что чешский посланник был прав в своем скептицизме, но о многом говорит уже сам факт того, что подобные разговоры велись в северокорейских правительственных кругах. Ярый (и искренний) национализм и революционный энтузиазм в сочетании с недостатком опыта и образования создавали питательную среду для весьма причудливых идей. В полной мере это тенденция проявилась позднее, в 1960-х и 1970-х гг., однако истоки ее прослеживаются с середины 1950-х гг. Еще в 1955 г. посол ГДР Рихард Фишер заметил в беседе со своим советским коллегой: «Желание корейских друзей опережает их возможности» (стиль оригинала. — *А. Л.*)<sup>382</sup>. Это высказывание оставалось вполне актуальным и в последующие десятилетия.

Несомненно, что население в целом и особенно партийные кадры связывали очевидные экономические успехи в первую очередь с политикой Ким Ир Сена. Это способствовало дальнейшему укреплению его власти, так же как экономический рост в Советском Союзе 1930-х гг. содействовал упрочению политического влияния Сталина.

В то же время похоже, что даже сами власти не вполне осознавали, какую роль в этом экономическом росте играли щедрые советские и китайские субсидии, о которых все реже говорилось

<sup>381</sup> «Нодон синмун» за 15 ноября 1958 г. сообщила о выпуске первого корейского трактора «Чхонлима». Это подавалось как главная новость: сверху первой страницы было помещено внушительных размеров заглавие, и вся первая страница, как и значительная часть остальных полос, была посвящена данному событию. Таким же образом 18 ноября 1958 г. «Нодон синмун» подавала сообщения о выпуске первого северокорейского экскаватора, а 19 ноября 1958 г. — первого северокорейского грузовика.

<sup>382</sup> Дневник посла В. И. Иванова за 25 июля - 25 августа 1955 г. Запись от 28 июля. КЧИ, документы 1955 г.

в северокаорейской прессе. В конечном итоге эта недооценка иностранной экономической помощи и связанное с ней «головокружение от успехов» привело к ряду неосторожных политических решений начала 1960-х гг., которые едва не спровоцировали прекращение советской помощи в условиях, когда шансов найти ей адекватную замену не было.

Другой особенностью периода 1957-1960 гг. было постепенное сокращение советского присутствия в Корее. В начале 1957 г. в соответствии с уже упоминавшейся «Октябрьской декларацией», было значительно сокращено число находившихся в КНДР советских советников. Это, кстати, произошло по инициативе советской стороны, в соответствии с новой линией на постепенное свертывание сети советников в странах «народной демократии», где их присутствие воспринималось как досадное и ненужное напоминание о политической зависимости местных режимов от СССР. В начале 1957 г. в 17 корейских министерствах и приравненных к ним ведомствах у министров имелись «главные советники» из СССР, которые направляли и в некоторой степени контролировали деятельность соответствующих министерств (эта цифра не включает армию и спецслужбы). В январе—феврале 1957 г., после консультаций с корейскими властями, девять из семнадцати советников министерского уровня были отозваны<sup>383</sup>. Вскоре за ними последовали остальные, хотя часть технического персонала и военные советники оставались в Северной Корее вплоть до начала 1960-х гг., а время от времени появлялись и в более поздние времена.

Символически и практически важным жестом северокаорейских властей было принятое ими в 1957 г. решение о переводе на корейский язык обучения во всех классах шестой средней школы (кор. че юк кодынъ хаккё), в которой обучались дети находившихся на корейской службе советских корейцев и других советских жителей Пхеньяна. Преподавание в этом весьма привилегированном учебном заведении, готовившем молодых советских корейцев к поступлению в советские вузы, до этого осуществлялось на русском языке. Учебные планы там тоже были в основном советскими, хотя и с некоторой «кореизацией» (там были уроки по корейской истории и преподавался базовый курс корейского языка). Эта школа была весьма специфическим учреждением, крайне изолированным от корейского окружения, и контакты между ее учениками и их

<sup>383</sup> Запись беседы В. И. Пелишенко (временный поверенный в делах) с Нам Иром (министр иностранных дел). 4 января 1957 г.

«чисто корейскими» сверстниками были сведены к минимуму. Бывший ученик Шестой школы, сын высокопоставленного сотрудника сначала советских, а потом северокорейских разведывательных служб, вспоминает: «Мы держались особняком, и отношение к местным было натянутым. Мы относились к местным свысока. Мы были богаче, мы принадлежали к верхушке, мы были в целом лучше образованы. Нас, когда мы шли группой, легко узнавали на улице. Выдавал нас и иной внешний вид (хорошее питание), и манера одеваться и держаться. Наши девушки, например, купались и вполне могли появиться на пляже в купальниках - немыслимый для местных девушек поступок. Местные нас тоже не любили. Мы к ним — свысока, а они к нам - с завистью, а то и просто с ненавистью»<sup>384</sup>.

Можно предположить, что сам факт существования такой школы рассматривался большинством корейцев как символ особых привилегий и особой роли СССР в культуре и образовании Северной Кореи. В этой связи следует отметить, что советское посольство также неоднократно выражало опасения по поводу тех политических последствий, которые может иметь существование такого специфического учебного заведения<sup>385</sup>. Замена языка преподавания в конце 1957 г. привела к предсказуемому результату, который, в общем, и входил в планы властей. Советские корейцы, стремившиеся дать своим детям хорошее образование, не собирались отправлять их в корейские вузы, уровень которых был значительно ниже советских. Закрытие русской школы в Пхеньяне заставило некоторых советских корейцев отправить свои семьи или, по крайней мере, детей-старшекласников назад в СССР, где можно было лучше подготовиться к поступлению в советские

<sup>384</sup> Интервью с Дмитрием Янбаровичем Ли. Москва, 16 января 2001 г.  
<sup>385</sup> Ещё 28 февраля 1955 г., то есть во времена, когда отношения Москвы и Пхеньяна казались безоблачными, посол С. П. Суздаев в беседе с министром иностранных дел КНДР Нам Иром выразил свое беспокойство по поводу существования такой школы, так как «отдельное обучение детей корейских работников в советской школе могло бы быть не совсем правильно истолковано местными корейскими гражданами». См.: Дневник посла С. П. Суздаева за 28 февраля — 11 марта 1955 г. Запись от 28 февраля. КЧИ, документы 1955 г. Из этой записи, а также записи от 1 марта ясно, что принципиальное решение о постепенном свертывании образования на русском языке было принято именно в это время, в начале марта 1955 г., и при этом не вызвало никаких возражений посольства (скорее, наоборот, посольство активно поддерживало именно такой подход).

высшие учебные заведения<sup>386</sup>. Во многих случаях именно отъезд детей в СССР в 1957-1958 гг. провоцировал и отъезд всей семьи.

Так как в новой ситуации Советский Союз все больше воспринимался как источник идеологической опасности, то северокорейское руководство стало постепенно ограничивать неофициальные контакты с СССР и советскими гражданами. Самым явным каналом советского влияния, помимо советских корейцев, были студенты из КНДР, обучавшиеся в СССР. Это была единственная категория северокорейцев, постоянно находившаяся в «идеологически опасной» среде и имевшая возможность общаться с идеологически неблагонадежным советским населением. К тому же их контакты было практически невозможно отследить. В 1957-1958 гг. число студентов, обучавшихся за границей, было значительно сокращено. В мае 1957 г. зам. министра образования проинформировал советского дипломата, что КНДР больше не будет посылать студентов в другие страны «народной демократии», исключение делалось только для СССР. В результате многие студенты, не завершившие курс обучения, были отозваны на родину. В начале 1958 г. правительство предприняло следующий шаг — в СССР было решено отправлять только аспирантов<sup>387</sup>. По-видимому, на это повлияло решение нескольких северокорейских студентов остаться в Москве и явное нежелание СССР выдавать этих перебежчиков.

16 декабря 1957 г. Советский Союз и Северная Корея подписали новое соглашение о гражданстве. В соответствии с этим соглашением двойное гражданство безоговорочно запрещалось, а тем, у кого оно на тот момент имелось, предписывалось сделать выбор. Этот документ был логическим завершением более ранних тенденций, поскольку и Москва, и Пхеньян уже с начала 1950-х гг. подталкивали бывших советских корейцев к отказу от гражданства СССР. Однако в политической атмосфере конца 1950-х гг. это соглашение было еще одним ударом по уже деморализованным

<sup>386</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Тянь Чу Иком (член-корреспондент Академии наук КНДР). 17 октября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Интересную информацию о Шестой школе предоставила автору Людмила Мефодиевна Ким (Ким Миль-я), дочь Ким Чэ-ука. Интервью с Л. М. Ким. Ташкент, 27 января 1991 г.

<sup>387</sup> Запись беседы В. С. Захарьина (зав. консульским отделом) с Пак Киль Еном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 28 января 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75.

советским корейцам, многие из которых к тому времени сохраняли советское гражданство только формально (они не потрудились продлить или заменить просроченные советские паспорта обычным порядком). Эти люди оказались перед трудным выбором. Они могли либо окончательно отказаться от советского гражданства и таким образом потерять всякую надежду на защиту со стороны все еще относительно влиятельного посольства СССР, либо стать советскими гражданами и тогда лишиться высоких постов и хорошей работы в северокорейском госаппарате. Вскоре стало ясно, что последнее решение почти автоматически означает также и возвращение в СССР. В конечном счете большинство советских корейцев сделало мудрый выбор, благоразумно решив, что жизнь дороже карьеры, и остались в гражданстве СССР. Однако новое соглашение подрывало саму основу существования советской фракции и еще больше ограничивало советское влияние на внутреннюю политику Северной Кореи.

Вскоре после этого Пхеньян одержал еще одну дипломатическую победу, на этот раз - в отношениях с Китаем. В 1958 г. было заключено соглашение о выводе китайских войск (так называемых «китайских народных добровольцев») с территории КНДР. Необходимые документы были подписаны в феврале 1958 г., во время визита Чжоу Эньлая в Пхеньян, а к октябрю того же года последний китайский солдат покинул КНДР (хотя китайские военные советники оставались в стране еще некоторое время)<sup>388</sup>. Фактически вывод китайских войск мало изменил военно-стратегическую расстановку сил — в случае начала новой войны или возникновения чрезвычайной ситуации китайские вооруженные силы могли вернуться в Северную Корею в течение нескольких дней, поэтому степень безопасности КНДР практически не уменьшилась<sup>389</sup>. В то же время это событие предоставило все еще единому коммунистическому лагерю важное преимущество с пропагандистской точки зрения: американские войска по-прежнему оставались в Южной Корее, тогда как Север был якобы свободен от иностранного военного присутствия. Кроме того, подобно соглашению о граждан-

<sup>388</sup> Kim Hak-jun. Pukhan 50 публ са. С. 428.

<sup>389</sup> В китайском черновике Совместной декларации, объявлявшей о выводе китайских войск, содержалось заявление о том, что в случае войны китайские войска будут возвращены. Корейская сторона требовала, чтобы это обещание было исключено из окончательного текста Совместной декларации. См.: Записи беседы Н. М. Шестерикова (советник посольства) с Пак Гиль Еном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 17 февраля 1958 г.

стве с СССР, соглашение о выводе китайских войск также имело важные внутрисполитические последствия: оно существенно ограничивало возможности для прямого вмешательства во внутреннюю политику КНДР со стороны Москвы или Пекина. Прямая китайская интервенция в интересах каких-либо внутрисполитических сил всегда была маловероятной, но после вывода войск такая возможность была полностью исключена.

Примерно в то же время советские корейцы начали ощущать, что и они все чаще становятся объектом репрессивных кампаний. Как уже упоминалось, вначале главное острие репрессий было направлено против яньаньской фракции. Такая тактика была оправданна: так как в августе 1956 г. именно бывшие «китайские корейцы» составляли большинство участников и сторонников оппозиции, с ними первыми и следовало покончить. Однако после уничтожения яньаньской фракции произошло неизбежное: Ким Ир Сен обратил свое внимание на советскую фракцию, последнюю группировку в руководстве КНДР и ТПК, которая не была связана с ним лично.

К тому времени стало ясно, что любое советское вмешательство, прямое или косвенное, крайне маловероятно. Как мы помним, в 1957 г. был арестован лидер советских корейцев и активный участник августовских событий Пак Чхан-ок. Осенью 1958 г. последовали новые аресты советских корейцев. Среди первых жертв были бывший глава штаба северокорейского военно-морского флота Ким Чхиль-сон, еще один высокопоставленный офицер Ким Вон-гиль и Пак Ый-ван, хорошо известный своей прямоотой вице-премьер, столь упорно отказывавшийся выступать с «самокритикой» во время пленума ЦК<sup>390</sup>. Как мы помним, к тому времени официально считалось, что Пак Ый-ван был одним из руководителей августовского заговора (что, скорее всего, не соответствовало действительности). В 1959 г. аресты и «идеологические проверки» советских корейцев стали обычным делом. Люди исчезали один за другим. Одних арестовывали, других снимали с постов и ссылали в сельскую местность в кооперативы и шахты на «перевоспитание» или же в лучшем случае переводили на низшие должности. По оценкам самих советских корейцев, по меньшей мере 45 высокопоставленных партийных работников из советской группировки (то есть приблизительно четверть ее изначаль-

<sup>390</sup> Интервью с Зоей Пак (вдова Ким Чхиль-сона). Ташкент, 1 февраля 1991 г. По ее сведениям, Ким Чхиль-сон был арестован 28 ноября 1958 г.

ной численности) подверглись репрессиям и погибли в конце 1950-х и начале 1960-х гг.<sup>391</sup>

Советское посольство обычно не оказывало поддержки советским корейцам, хотя в случае с менее значительными фигурами советское гражданство само по себе давало некоторую защиту<sup>392</sup>. Когда советские корейцы обращались за разрешением вернуться в СССР, такое разрешение им давалось, но по своей инициативе посольство не вмешивалось в происходящее и не предпринимало целенаправленных попыток спасти тех, кто мог стать жертвой чисток (во всяком случае, сегодня о таких попытках нам ничего неизвестно). Единственным исключением представляется деятельность В. П. Ткаченко, будущего зав. корейским сектором ЦК КПСС, а тогда — молодого дипломата, благодаря решительным действиям которого был спасен не один человек. По меньшей мере в одном случае энергично действовал и аппарат советского военного атташе, организовав выезд из страны Пак Киль-нама, бывшего советского офицера (речь об этом любопытном эпизоде пойдет ниже). Однако такие акции были исключением и скорее отражали личную позицию дипломатов и офицеров, а не официальную политическую линию Москвы. В целом же посольство пассивно наблюдало за происходившей стране расправой над советскими корейцами<sup>393</sup>.

<sup>391</sup> Mirok ChosOn minjujuiii konghwaguk [Тайная история КНДР]. Seoul: Chung'ang ilbo sa, 1991. С. 371-372.

<sup>392</sup> Соответствовало это действительности или нет, пока судить сложно. Например, Александр Сон (сын видного советско-корейского парработника Сон Вон-сика), который в конце 1950-х гг. являлся офицером северокорейских ВВС, убежден, что именно советское гражданство спасло его от ареста в 1960 г., когда террор в армии достиг беспрецедентного размаха. Интервью с Александром Соном. Ташкент, 31 января 1991 г.

<sup>393</sup> Периоды такой пассивности уже были. Балаш Шалонтай обратил внимание автора на то обстоятельство, что в 1920-х гг. в Монголии значительная часть правящей элиты состояла из бурят (по сути — советских монголов), игравших там примерно ту же роль, что и советские корейцы в ранней истории КНДР. В конце 1930-х гг. Чойбаласан, по-видимому, с одобрения СССР провёл чистки среди бурят и заменил их на местных монголов, в целом куда менее образованных. Это открыло перспективы грандиозного карьерного роста для местных кадров и укрепило контроль Чойбаласана над страной. Однако сходство между этими двумя случаями только внешнее, поскольку «советские монголы», по-видимости, были принесены в жертву в целях усиления политической стабильности заведомо просоветского режима, тогда как в Северной Корее наиболее вероятными причинами советской пассивности были, во-первых, стремление избежать дальнейшего осложнения все более непростых отношений с Пхеньяном и, во-вторых, невозможность эффективного вмешательства.

Нарастающее ухудшение советско-корейских отношений и усиление чисток означало, что связи с СССР перестали быть основой привилегированного статуса советских корейцев. Напротив, в новой ситуации контакты с СССР стали потенциально опасными. В середине 1959 г. потерял работу и подвергся унизительно-разгромной «критике» Ю Сон-хун, советский кореец и бывший ректор университета Ким Ир Сена. Его, в частности, обвиняли в сознательном насаждении в университете советских традиций<sup>394</sup>. В МВД приблизительно в то же время высшие чиновники советско-корейского происхождения тоже стали жертвами хорошо отрежессированной критической кампании. У одного из них даже поинтересовались, «чьи интересы он защищает - компартии Советского Союза или ТПК?» До 1957 г. такой вопрос был бы невозможным, так как официально считалось, что интересы «братских партий» не могут различаться по определению<sup>395</sup>.

Некоторые советские корейцы, особенно находившиеся на службе в вооруженных силах и полиции, попали в список тех заговорщиков, которые в 1956 г. якобы планировали военный переворот. Как уж упоминалось, это обвинение было, по всей вероятности, беспочвенным, однако после декабрьского (1957) Пленума оно стало занимать все более заметное место в официальной северокорейской риторике. Соответственно, и список подозреваемых тоже постоянно расширялся. Большинство обвиняемых принадлежало к «яньаньским генералам», что вполне объяснимо: яньаньская группа стояла за «августовским кризисом» и именно ее члены традиционно были широко представлены в армейском руководстве. Тем не менее некоторые советские корейцы тоже оказались среди жертв кампании. Их обвиняли не только в поддержке Пак Чхан-ока или иногда в критике политики Ким Ир Сена, но и в более тяжком преступлении — в тайной подготовке вооруженного переворота. К примеру, в ночь на 22 сентября 1959 г. Пак Иль-му, начальник автобронетанкового управления Корейской Народной Армии, был внезапно арестован военной контрразведкой и провел 18 дней в тюрьме. По его собственным словам, он «за время нахождения под стражей неоднократно допрашивался о трудовой деятельности в СССР и КНДР, об отношениях к политике ЦК ТПК и правительства в период август-

<sup>394</sup> Запись беседы Б. С. Захарьина (зав. консульским отделом посольства) с Югаем Н. А., Юн Е. К. и Тюгаем М. Ф. 16 ноября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

<sup>395</sup> Там же.

товского пленума ЦК ТПК 1956 г., о связях с советскими корейцами». От него требовалось предоставить свидетельства своей непричастности к Пак Чхан-оку и другим «фракционерам»<sup>396</sup>. По его словам, «во время ареста обращались грубо. На допросах держали со связанными руками, оскорбляли, пытались избить. Перед освобождением предупредили, чтобы он ничего нигде не рассказывал, в том числе и в Советском Посольстве»<sup>397</sup>.

Примерно в то же время (возможно, в тот же самый день) был арестован и подвергся четырехдневному допросу и Пак Киль-нам, генерал КНА, начальник инженерного управления министерства обороны КНА<sup>398</sup>. Это был один из редких (более того, исключительных) случаев вмешательства советского посольства (точнее, аппарата военного атташе). После освобождения из заключения Пак нашел убежище в советском посольстве, где жил в квартире военного атташе, генерала Мальчевского. После нескольких недель переговоров и переписки с северокорейскими властями Пак Киль-нам в сопровождении советских офицеров был доставлен на вокзал и отправлен в СССР, причем советской поездной бригаде были даны инструкции обеспечить безопасность пассажира<sup>399</sup>. В официальном заявлении, которое северокорейские власти вскоре передали в советское посольство, и Пак Иль-му, и Пак Киль-нам обвинялись во «фракционной деятельности» и участии в заговоре. Так, утверждалось, что Пак Иль-му выражал поддержку венгерскому восстанию и вместе с генералом Чхве Ином, видным деятелем яньаньской фракции, обсуждал план антиправительственного восстания в Корее. Пак Киль-нама обвинили в финансовых злоупотреблениях и в том, что он «допустил серьезные вредительские действия», во время некоего важного строительства (по словам его сына, речь шла о бункере для Ким Ир Сена)<sup>400</sup>.

<sup>396</sup> Запись беседы Б. С. Захарьина (зав. консульским отделом посольства) с Паком Петром Ивановичем. 10 октября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

<sup>397</sup> Там же.

<sup>398</sup> Запись беседы В. С. Захарьина (зав. консульским отделом) с Пак Николаем (возвращающийся в СССР советский кореец). 5 ноября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

<sup>399</sup> Интервью с Г. К. Плотниковым. 1 февраля 1990 г. Москва. Интервью с Романом Николаевичем Паком. Алма-Ата, 16 декабря 2001 г. (Р. Н. Пак — сын Пак Киль Нама).

<sup>400</sup> Материалы на Пак Киль Нама (перевод с корейского). АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81. Материалы на Пак Иль Му (перевод с корейского). АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

Это обвинение выглядело абсурдным, однако были и другие, более правдоподобные. Например, документы сохранили ранние замечания Пак Иль-му и Пак Киль-нама о тяжелой жизни простого населения КНДР. Без сомнения, эти искренние и полные сочувствия замечания в новых условиях истолковывались как доказательство «контрреволюционной деятельности». В частности, в переданной в посольство северокорейскими властями справке говорилось: «Кроме этого, Пак Киль Нам, занимая важный военный пост, клеветал на правильную политику ТПК и правительство Республики. В начале 1947 года, выступая перед своими заместителями, сознательно извращал политику партии, заявляя, что мяса и масла народ не видит, что рыбу забирают насильно, народ не в состоянии приобретать вещи, так как не может добыть средств к существованию. Передавая ложные слухи, клеветал на правильную политику нашей партии»<sup>401</sup>.

С серьезными проблемами столкнулся даже Кан Чин, занимавший видное положение в коммунистическом подполье до 1945 г., подвергшийся преследованиям по политическим мотивам в конце 1940-х гг. и, казалось, к середине 1950-х гг. уже основательно забытый всеми. Кан Чин, работавший скромным переводчиком, потерявший все политические связи, хотя и сохранивший советское гражданство, был обвинен в... «терроризме»<sup>402</sup>. На настоящий момент трудно сказать, почему власти вдруг вспомнили о человеке, который давно уже находился в опале и не у дел, и решили расправиться с ним окончательно (насколько можно судить, Кан Чин был репрессирован).

Учитывая данные обстоятельства, можно по достоинству оценить предусмотрительность замминистра внутренних дел Пак Пён-юля, который рассказывал автору этих строк, что после обращения за разрешением вернуться в СССР перестал появляться на службе под предлогом вдруг случившегося с ним затяжного приступа гипертонии. Он скрывался шесть месяцев, до тех пор, пока не были подготовлены все необходимые для отъезда бумаги<sup>403</sup>.

<sup>401</sup> Материала на Пак Киль Нама (перевод с корейского). АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

<sup>402</sup> Запись беседы Б. С. Захарьина (зав. консульским отделом посольства) с Ли Чхан Чоном (зав. консульским отделом МИД КНДР). 31 октября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81. Установить точное написание имени Ли Чхан Чона не удалось.

<sup>403</sup> Интервью с Пак Пён-юлем. Москва, 25 января 1990 г.

В 1960 г. репрессии продолжились. Основными их жертвами стали те советские и яньаньские корейцы, которые в 1956 г. публично выразили одобрение решений сентябрьского пленума. Теперь открытая поддержка этих решений, в свое время вроде бы официально утвержденных и даже одобренных самим Ким Ир Сенем, стала считаться враждебным актом. Именно такие обвинения привели к смещению Ли Мун-иля (сотрудник ЦК ТПК), Со Чхун-сика (секретаря комитета ТПК провинции Сев. Пхёнъян) и других высокопоставленных советских корейцев<sup>404</sup>. В качестве наказания их отправили в деревню, где они должны были вести жизнь простых крестьян и активно заниматься физическим трудом. В таком наказании опять-таки видны следы влияния маоистского подхода — как уже говорилось, Великий Кормчий тоже любил подвергать опальных чиновников целительному воздействию тяжелого физического труда. Следует отметить, что к подобным мероприятиям в КНДР прибегали и в более ранние времена. Так, еще в начале 1953 г. попавший в немилость у вождя ветеран коммунистического движения Чу Ён-ха был направлен заведовать птицефермой, а потом был отчасти прощен и назначен преподавателем в пединститут (по крайней мере, так в 1953 г. сказал венгерском дипломату Пак Ён-бин). Как известно, Сталин предпочитал иные и, надо отметить, менее гуманные методы, расправляясь со своими врагами.

Некоторые советские корейцы пытались приспособиться к новым условиям. Часть из них (например, Пан Хак-се, Нам Иль, Пак Чжон-э) даже приняла активное участие в репрессивных кампаниях, надеясь таким образом заслужить доверие Ким Ир Сена. Однако подавляющее большинство бывших советских граждан реалистично оценивали создавшуюся политическую ситуацию и делали все возможное, чтобы немедленно вернуться в СССР. Массовый исход советских корейцев из КНДР начался в 1958 г., после первых арестов, и продолжался до конца 1961 г. Остается неизвестным, была ли разрешена подобная «добровольная репатриация» яньаньским корейцам. По отдельным упоминаниям таких «возвращенцев» можно судить, что по крайней мере в некоторых случаях китайским корейцам также разрешался выезд из страны, но похоже, что возвращение яньаньцев трудно сравнить с широкомасштабным

<sup>404</sup> Запись беседы Н. Е. Торбенкова (советник посольства) с Пак Док Хваном (советник МИД КНДР). 13 июня 1960 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

выездом на родину советских корейцев<sup>405</sup>. Хотя точные данные пока не известны, можно предположить, что более половины из почти 200 советских корейцев, занимавших в КНДР заметные посты, сумело вернуться в СССР.

Эмиграция (или, скорее, реэмиграция) спасла жизнь многим советским корейцам, но такой поворот событий был выгоден также Ким Ир Сёну и его окружению. Главной целью Ким Ир Сёна было не столько физическое, сколько политическое уничтожение советской и яньаньской фракций, и лучшим способом для достижения этой цели было вытеснение потенциально опасных людей из политической жизни и желательно из страны вообще. Как правило, убивать их было совсем необязательно: будучи изгнанными из страны, они более не представляли политической угрозы. «Идеологические проверки», «собрания критики» и выборочные аресты известных советских корейцев были составными частями этой кампании устрашения.

В конце 1950-х гг. советским корейцам, как правило, не препятствовали, если они сами выражали желание покинуть КНДР. В 1959 г. начальник Генерального штаба созвал специальное собрание всех высших офицеров из числа советских корейцев и открыто заявил, что те из них, кто хочет вернуться в СССР, могут это сделать<sup>406</sup>. Примерно тогда же Нам Ир, все еще находившийся на посту министра иностранных дел, сказал советскому дипломату, что Пхеньян «не будет возражать», если те, кто выбрал советское гражданство, обратятся с просьбой о возвращении в СССР<sup>407</sup>. Летом 1960 г. северокорейский дипломат рассказал сотруднику посольства о собрании личного состава МИДа, на котором выступал зав. международным отделом ЦК ТПК Пак Ён-гук. По словам участника собрания: «Пак Ён Гук [...] на совещании послов КНДР в социалистических странах в начале апреля с. г. сообщил, что в настоящее время все бывшие советские корейцы, желающие возвра-

<sup>405</sup> Например, известно, что критик Ким Ман-сон, выходец из Маньчжурии, который с 1950 г. находился в КНДР, в конце 1950-х гг. вернулся в КНР в связи с репрессивными кампаниями в Северной Корее. Об этом факте бегло упоминается в недавнем исследовании Пак Хён-ок. См.: Park Hyun Ok. *Two Dreams in One Bed: Empire, Social Life and Origins of the North Korean Revolution in Manchuria*. Durham and London: Duke University Press, 2005. P. 280, footnote 1.

<sup>406</sup> Интервью с Сим Су-чхолом. Ташкент, 17 января 1991 г.

<sup>407</sup> Запись беседы В. И. Пелишенко (советник посольства) с Нам Иром (министр иностранных дел). 14 февраля 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

таться в Советский Союз, могут это сделать, и препятствий со стороны властей КНДР им не будет оказано». Персоналу министерства иностранных дел было также объявлено, что все дипломаты советско-корейского происхождения могут выехать в СССР, если они того пожелают<sup>408</sup>. Во всех этих случаях проглядывает некий общий подход, и это позволяет предположить, что и в МИДе, и в Генштабе следовали неким общим инструкциям, составленным и одобренным где-то на самом верху, вероятнее всего - самим Ким Ир Сенем.

Иногда предложение покинуть КНДР делалось в частном порядке. Например, бывший ректор университета Ким Ир Сена Ю Сон-хун сначала подвергся критике и был снят с должности, а уж затем получил совет выехать в СССР, чтобы там «отдохнуть и укрепить здоровье» (с явным намеком на то, что возвращение лучше бы отложить на неопределенный срок)<sup>409</sup>.

В то же время северокорейские спецслужбы пытались преследовать наиболее активных врагов режима и за пределами КНДР. Решение посла в СССР Ли Сан-чжо не возвращаться на родину, принятое им в 1957 г., вдохновило на аналогичные поступки и некоторых северокорейских студентов в Москве. К тому времени они уже несколько лет прожили в постсталинском Советском Союзе, свободно говорили по-русски, так что идеалы «оттепели», столь влиятельные в Москве 1957 г., определили их мировоззрение. Эти образованные молодые идеалисты живо восприняли лозунги десталинизации и разделяли общие для тогдашней московской интеллигенции мечты о новом, гуманном и человечном варианте социализма. Студенты не могли не видеть того, что на их родине быстро укрепляется диктатура Ким Ир Сена, которая им не без основания казалась ужесточенным вариантом диктатуры Сталина. Поэтому на рубеже 1957 г. и 1958 г. группа северокорейских студентов ВГИКа обратилась к советским властям с просьбой о предоставлении им политического убежища. Эта просьба была удовлетворена, что вызвало немалое возмущение Пхеньяна.

Решение СССР предоставить политическое убежище послу Ли Сан-чжо и студентам-оппозиционерам могло быть вызвано не толь-

<sup>408</sup> Запись беседы Н. Е. Торбенкова (советник посольства) с Пак Док Хваном (советник МИД КНДР), 13 июня 1960 г.

<sup>409</sup> Интервью с С. П. Югаем (племянник Ю Сон-хуна). Москва, январь 1990 г.

Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь МИД СССР) с Ю Сон Хуном. 20 февраля 1960 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 16. Д. 5, папка 85.

ко гуманитарными и идеологическими соображениями, но и политическими расчетами: решение принять перебежчиков из КНДР являлось также и предупреждением Пхеньяну, еще одним способом продемонстрировать советское недовольство новой политикой Ким Ир Сена, его упрямым нежеланием следовать советам Москвы. Однако с точки зрения Пхеньяна, такая позиция по отношению к эмигрантам означала, что Москва и в меньшей степени Пекин превратились не только в источник политической и идеологической опасности, но и в базу для потенциальной северокорейской оппозиции, которую при возникновении политической необходимости могли поддерживать из Кремля (подобно тому, как в начале 1950-х гг. в СССР выращивали антититовскую эмиграцию, а в конце 1960-х гг. — эмиграцию антимаоцзэдуновскую). Теперь мы знаем, что Москва так никогда и не использовала перебежчиков для того, чтобы оказывать влияние на политику Северной Кореи, но в 1959-1960 гг. предсказать это было невозможно.

Как отмечалось выше, с 1957 г. Пхеньян провел ряд мероприятий, направленных на сокращение числа студентов, обучающихся в СССР. Одновременно были предприняты шаги для того, чтобы преподать урок «ненадежным элементам» в студенческой среде. В ноябре 1957 г. северокорейские спецслужбы попытались похитить самого беспокойного из всех северокорейских студентов в Москве. Жертвой неудачного похищения был не кто иной, как писатель и поэт Хо Ун-бэ (Хо Чжин), тесно связанный с Ли Сан-чжо. В это время Хо Ун-бэ обучался на сценарном факультете ВГИКа. Несмотря на свою молодость, Хо Ун-бэ, происходивший из заметной семьи корейских революционеров и борцов за независимость, уже был ветераном Корейской войны и имел звание майора, весьма престижное по тем временам. Приехав в Москву на учебу, Хо Ун-бэ попал под влияние той идейной и культурной атмосферы, которая тогда существовала во ВГИКе (любопытно, кстати, что на формирование его антисталинских взглядов большое влияние оказал сосед по общежитию, польский студент Ежи Гоффман, будущий знаменитый режиссер, автор «Потопа»)<sup>410</sup>. Очень быстро Хо Ун-бэ стал неформальным лидером той группы студентов ВГИКа, которые впоследствии отказались вернуться в КНДР. С конца 1956 г. он неоднократно выступал с открытой критикой политики Пхеньяна на студенческих собраниях в Москве.

410 Интервью с Чхве Сон-ок, вдовой Хо Ун-бэ. Москва, 18 января 2006 г.

Раздражение северокорейских властей по поводу деятельности Хо Ун-бэ является вполне понятным<sup>411</sup>. Первая попытка похитить Хо Ун-бэ, предпринятая 27 ноября 1957 г., завершилась провалом, так как ему удалось, выбравшись из окна посольского туалета, ускользнуть с охраняемой территории посольства КНДР<sup>12</sup>. Из материалов советского посольства известно, что готовилось новое похищение, но оно было сорвано советскими властями. Не позднее 17 февраля 1958 г. советским властям стало известно, что группа сотрудников северокорейских спецслужб выехала в Москву с целью захвата Хо Ун-бэ. После этого, как ясно из рассказов жены Хо Ун-бэ, власти «настоятельно посоветовали» тому немедленно уехать в Среднюю Азию, что он и сделал (так, похоже, и не узнав, что эти настоятельные советы были реакцией на полученную из Пхеньяна информацию)<sup>413</sup>. В Средней Азии Хо Ун-бэ провел несколько лет, но потом вернулся в Москву, где преподавал в вузах и тайно работал над большим исследованием истории Северной Кореи, которое (под псевдонимом «Лим Ын») он и опубликовал в 1982 г. в Японии.

Однако вскоре после этого новое — на этот раз успешное — похищение северокорейского гражданина нанесло новый удар по и без того натянутым советско-корейским отношениям. Осенью 1959 г. Ли Сан Гу, аспирант Московской консерватории, попросил политического убежища в СССР (к тому времени он направил на имя Верховного Народного Собрания КНДР письмо с резкой критикой политики Ким Ир Сена). Его просьба о предоставлении убежища была принята к рассмотрению. 16 октября Ли Сан-гу встретился с советским чиновником, памятным нам по августовским событиям Г. Е. Самсоновым, который без особого энтузиазма попытался убедить музыканта вернуться домой («В ходе беседы разъяснил Ли Сан Гу, что содержащаяся в его письме критика политики ТПК и правительства КНДР является ошибочной и свидетельствует об отрыве Ли Сан Гу от корейской действительности. Посоветовал ему закончить аспирантуру, вернуться на ро-

<sup>411</sup> «Пак Гиль Ен сообщил о том, что министерство внутренних дел КНДР направило в Москву двух своих сотрудников для того, чтобы принять принудительные меры к выдворению из Москвы в КНДР корейского студента Хо Ун Пэ, отказавшегося от гражданства КНДР и вернуться обратно в Корею». См.: Запись беседы Н.М. Шестерикова (советник посольства) с Пак Киль Еном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 17 февраля 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75.

<sup>4.2</sup> Интервью с Чхве Сон-ок, вдовой Хо Ун-бэ. Москва, 18 января 2006 г.

<sup>4.3</sup> Интервью с Чхве Сон-ок, вдовой Хо Ун-бэ. Москва, 17 января 2006 г.

дину и своим трудом оправдать доверие правительства КНДР, направившего его на учебу в Советский Союз»<sup>414</sup>. Не вняв предупреждениям, Ли Сан Гу решил скрыться из общежития, что вызвало немалое беспокойство в посольстве КНДР. Советник посольства 17 ноября встретился с зам. зав. дальневосточным отделом М. С. Капицей (будущий зам. министра иностранных дел СССР) и сообщил тому об исчезновении Ли Сан-гу, а также о том, что музыкант вообще-то не вызывает политического доверия: «Ли Сан Гу является политически неустойчивым элементом. Родился он в Южной Корее, до освобождения Кореи учился в Японии, затем жил в Маньчжурии»<sup>415</sup>. Двумя днями позднее ставки были подняты: беглый музыкант теперь оказался уже не просто «политически неустойчивым элементом», но и шпионом. Посетивший МИД первый секретарь посольства КНДР Ким У-чжон сообщил, что «в Посольстве есть материалы, изобличающие Ли Сан Гу в том, что он является японским агентом» (у сталинистов их противники всегда превращались в иностранных агентов с совершенно замечательной быстротой). Он попросил содействия КГБ в поисках Ли Сан Гу, так как, по его словам, «Посольство опасается, что Ли Сан Гу, по-видимому, будет пытаться укрыться в японском или американском посольствах в Москве»<sup>416</sup>. Последняя выдумка должна была убедить советских властей, что захват беглеца послужит их же собственным интересам, хотя сомнительно, что осведомленный Е. Л. Титоренко, к которому пришли северокорейские дипломаты, поверил их утверждениям.

Однако тут произошло неожиданное: 24 ноября Ли Сан-гу (в некоторых других советских документах его также называют «Ли Сан-ун» - причина такого расхождения неизвестна) был похищен в самом центре Москвы. Предоставим слово архивному документу: «Сотрудник КГБ СССР полковник Лебедев сообщил мне по телефону подробности задержания Ли Сан Гу. 24 ноября с. г. группа

<sup>4.4</sup> Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь МИД) с Ли Сан Гу (гражданин Северной Кореи). 16 октября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

<sup>4.5</sup> Запись беседы М. С. Капицы (зам. зав. Дальневосточным отделом) с Пак Док Хва (советник посольства КНДР). 17 ноября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

<sup>4.6</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь МИД) с Ким У Ченом Пак Док Хва (советник посольства КНДР). 19 ноября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81. «Ким У Чен», упоминаемый в советских документах, это Ким У-чжон (Kim U-jong), в итоге ставший видным северокорейским дипломатом.

сотрудников Корейского Посольства подъехала на автомашине к Консерватории им. Чайковского, где в это время находился Ли Сан Гу, и предложила ему сесть в автомашину. Однако он отказался выполнить их требование, тогда пять корейцев силой посадили его в автомашину и увезли в Посольство»<sup>417</sup>. Немедленно после этого (25 ноября, то есть уже на следующий день) музыканта отправили в Пхеньян. Его дальнейшая судьба нам неизвестна, однако очевидно, что его шансы остаться в живых были близки к нулю.

Этот инцидент оставил по себе немалую память и даже стал темой «широко известного в узких кругах» анекдота про памятник Чайковскому, у подножия которого и произошло похищение: «и с тех пор Чайковский там так и остался изумленный, с разведенными руками» (Чайковский на памятнике изображен дирижирующим самому себе).

Шутки эти на десятилетия стали частью МИДовско-КГБшного фольклора, но тогда, осенью 1959 г., весь эпизод вызвал беспрецедентно жесткую реакцию со стороны советских властей — в дело счел необходимым вмешаться сам Н. С. Хрущёв. 7 декабря 1959 г. министр иностранных дел СССР А. А. Громыко передал послу КНДР ноту протеста в связи с похищением и потребовал объяснений. Через несколько дней посол КНДР в Москве Ли Син-пхаль был отозван в Пхеньян, а северокорейское правительство было вынуждено принести официальные извинения. Как можно догадаться, вина за происшествие была возложена на слишком рьяных чиновников<sup>418</sup>. Наконец, вечером 19 декабря 1959 г. посол А. М. Пузанов по поручению Москвы лично посетил резиденцию Ким Ир Сена и заявил северокорейскому руководителю протест по поводу похищения музыканта. Форма и время визита — около 10 часов

<sup>4.7</sup> Запись телефонного разговора с 1-м секретарем посольства КНДР в Москве тов. Ким У Ченом. Записано Е. Л. Титоренко. 26 ноября 1959 г. Цитируется приложенная к записи справка.

<sup>4.8</sup> Интервью с В. П. Ткаченко. Москва, 23 января 1990 г. В. П. Ткаченко — кореевед, дипломат и партийный работник, с начала 1960-х и до августа 1991 г. работал в секторе Кореи в ЦК КПСС. См. также: Официальный дневник советского посла в КНДР, 1—15 февраля 1960 г. Запись от 1 февраля. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 16. Д. 6, папка 85.

Следует обратить внимание на то, что имя жертвы изменилось с «Ли Сан-гу (Yi Sang-gu)» в ранних документах на «Ли Сан-ун (Yi Sang-un)» в большинстве более поздних. Принимая во внимание важность этих документов и самого инцидента, а также хорошее знание корейского языка рядом советских дипломатов (по крайней мере, самим Е. Л. Титоренко), вероятность ошибки практически исключается, а причина такой замены остаётся неизвестной.

вечера - были, как можно предположить, специально выбраны таким образом, чтобы подчеркнуть исключительную важность вопроса. Ким Ир Сен, как и следовало ожидать, стал обвинять во всем посла Ли Син-пхалю и его сотрудников, а также выразил свое сожаление по поводу всего происшествия. А. М. Пузанов записал в отчете о беседе: «При первых же словах заявления [...] Ким Ир Сен был встревожен и с крайней озабоченностью сказал: "Как все это нехорошо"»<sup>419</sup>. Однако все эти лицемерные сожаления и покаяния никак не помогли Ли Сан-гу.

Требование советской стороны об отзыве посла не имело прецедентов в истории отношений между социалистическими странами. Новым послом в Москве стал уже упоминавшийся Ли Сон-ун, бывший манчжурский партизан, ранее занимавший пост секретаря пхеньянского городского комитета ТПК. До 1956 г. он принимал активное участие в борьбе с внутренней группировкой, а позже внёс немалый вклад в дело уничтожения советской и яньаньской фракций. Можно предположить, что назначение этого верного борца с оппозицией послом в Москву могло иметь и политический подтекст — в начале 1960-х гг. Москва воспринималась Пхеньяном как вероятный опорный пункт антикимовских сил, и поэтому имело смысл держать в советской столице проверенного борца с ересью и оппозицией.

Были приняты меры и в отношении тех корейцев, кто мог подвергнуться ревизионистскому советскому влиянию непосредственно в КНДР. В конце 1950-х гг. военный атташе сообщил в Москву о том, что начали исчезать переводчики, ранее работавшие с советскими военными советниками. Вскоре стало известно, что пропавших переводчиков отправили в деревню на «перевоспитание». Официально советской стороне было объяснено, что «среди переводчиков были шпионы», однако вряд ли это объяснение могло кого-нибудь ввести в заблуждение<sup>420</sup>. Похожие претензии в декабре 1960 г. высказывали чехословацкий посол Станислав Когоушек (Kohousek) и венгерский посол Карой Прат (Prath). В разговорах со своим советским коллегой А. М. Пузановым они пожаловались, что самые талантливые и добросовестные корейские работники их

<sup>419</sup> Запись беседы А. М. Пузанова (посол СССР в КНДР) с Ким Ир Сенем, 19 декабря 1959 г. КЧИ, документы за 1959 г.

<sup>420</sup> Интервью с Г. М. Плотниковым. Москва, 1 февраля 1990 г. Сам Г. М. Плотников датирует этот инцидент 1958 г., однако, принимая во внимание ненадежность человеческой памяти, правильнее будет говорить о «конце 1950-х гг.».

посольств были внезапно отозваны северокорейской стороной, которая выдвинула против них обвинения в «политической ненадежности». Еще одной темой, регулярно обсуждавшейся на встречах послов социалистических стран, было постепенное усиление изоляции посольств «братских государств»: северокорейская охрана якобы «дружественных» иностранных миссий делала все возможное, чтобы не допускать в иностранные представительства посетителей-корейцев<sup>421</sup>. Очень скоро, в начале 1960-х гг., и советское посольство, и иные иностранные представительства стали напоминать осажденные крепости, тщательно охраняемые и совершенно недоступные для граждан КНДР.

Среди тех многочисленных перемен, которые были прямо или косвенно связаны с его постепенным сползанием КНДР к «национальному сталинизму», следует упомянуть наступление на две «непролетарские» партии: Демократическую партию и партию Чхондогё-чхонъудан, название которой можно перевести как «Партия молодых друзей Небесного пути». Первая воспринималась или, по крайней мере, официально считалась «партией христиан и мелкой буржуазии», вторая же объединяла последователей местного религиозного культа Чхондогё (в основном это были крестьяне из отдаленных районов страны). На первом этапе северокорейской истории, в 1945-1948 гг., обе эти партии обладали значительной поддержкой населения и играли заметную роль в реальной политике. Однако к середине 1950-х гг. они превратились в марионеток правящего режима, и их численность резко сократилась. В 1956 г. во всей партии Чхондогё-чхонъудан было 1742 члена, в Демократической партии членов было немногим больше<sup>422</sup>. Партии сохраняли, главным образом, для поддержания фикции «единого фронта» и в целях зарубежной пропаганды. В принципе,

<sup>421</sup> Посольство Венгрии в КНДР, Отчет, 15 августа 1960 г., KTS, 8. doboz, 5/f, 0033/RT/1960; Посольство Венгрии в КНДР, Отчет, 8 декабря 1960 г., KTS, 5. doboz, 5/ca, 001/RT/1961; Посольство Венгрии в КНДР, Отчет, 18 февраля 1961 г., KTS, 6. doboz, 5/c, 003629/1961. Все документы любезно предоставлены Balazs Szlantai. Существует и советский отчет о беседе Пузанова с Прагом и Когоушеком, который совпадает по содержанию с венгерскими документами и также содержит изложение жалоб послов на исчезновение наиболее добросовестных корейских сотрудников, см.: Официальный дневник А. М. Пузанова (посла СССР в КНДР). Запись от 7 декабря 1960 г. КЧИ, документы за 1960 г.

<sup>422</sup> Запись беседы Курбацкого Н. П. (атгаше) с Пак Син Доком (зав. орготделом партии Ченудан) 21 августа 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

существование «непролетарских» партий в обществе переходного периода разрешалось и даже поощрялось теорией «народной демократии». Соответственно, эти партии рассматривались как показатель принадлежности Северной Кореи именно к такому переходному обществу: подразумевалось, что страна движется к социализму, но все еще не достигла достаточной общественной зрелости.

В своем стремлении построить «зрелый социализм» в максимально короткие сроки и преобразовать общество в соответствии с принципами ленинизма (в сталинистской интерпретации), руководители Северной Кореи не могли оставить без внимания «непролетарские партии». Начиная с 1955—1956 гг. их подвергали разнообразным ограничениям, однако настоящая атака на них была предпринята в 1958 г. Летом 1958 г. Ким То-ман, заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК ТПК, в беседе с советским дипломатом прямо раскрыл намерения лидеров ТПК. Он сказал, что поскольку среди лидеров обеих некоммунистических партий имеются «ненадежные элементы», то в партиях необходимо провести радикальные чистки. В частности, Ким То-ман рассказал о готовящейся расправе с руководством непролетарских партий: «Мы намерены наиболее реакционно настроенных из них, человек 20, арестовать, а с остальными вести воспитательную работу. Мы считаем, что многочисленные и не играющие никакой политической роли непролетарские партии и группы, входящие в ВДОФ, отмирают. Это естественный процесс, мы не думаем, что эти партии надо искусственно поддерживать»<sup>423</sup>. Примечательно, что советский дипломат тогда не согласился с Ким То-маном и отметил, что такие партии необходимы, в том числе и для проведения «правильной политики» по отношению к Югу.

7 ноября 1958 г. на приеме в советском посольстве все тот же Ким То-ман рассказал, что только что был раскрыт «реакционный заговор» в Демократической партии и в партии Чхондогё-чхонъудан. 10 ноября советское посольство получило официальный документ, кратко информировавший об этом «заговоре». Главные обвинения были направлены против председателей обеих непролетарских партий. Ким Таль-хён (партия Чхондогё-чхонъудан) и Хон Ки-хван (Демократическая партия) объявлялись «попутчиками», которые пошли на сотрудничество с коммунистами только ради достижения безопасности и привилегий. Это было, в общем-

<sup>423</sup> Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Ким До Маном (зав. отделом пропаганды и агитации ЦК ТПК). 20 августа 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 9, папка 75.

то, чистой правдой. Однако дальше в документах звучали уже совсем неправдоподобные обвинения. Ким Таль-хён, верой и правдой служивший режиму на протяжении более десяти лет, объявлялся «наемником японского империализма», который якобы тайно сотрудничал с Ли Сын-ёпом и Пак Хон-ёном и, конечно же, был связан с Чхве Чхан-иком и другими «фракционерными». Стиль документа живо напоминал обвинения времен «московских процессов» 1937—1938 гг. (которым он во многом и подражал): «Ким Дар Хен и Ким Бен Де, сговорившись со шпионской бандой Ли Сын Еба, в период нашего временного отступления, приняли решение в так называемом "комитете по проведению чрезвычайных мер" убивать членов Трудовой партии и их семьи; в этих целях они засылали в различные районы своих агентов для организации восстания и организовывали убийства отдельных членов Трудовой партии, их семей, а также патриотов. Реакционная группировка верхушки партии Ченудан в сговоре с антипартийным элементом, контрреволюционером Цой Чан Иком организовала заговор для осуществления антиправительственного переворота»<sup>424</sup>.

Когда авторы пытались конкретизировать обвинения, они давали полную волю своей фантазии. Пожалуй, здесь следует привести пространную цитату, которая дает ясное представление о стиле северокорейских документов той эпохи: «Переехав на север, Ким Бен Де установил связи с Ли Сын Ебом и продолжал выполнять шпионские задания (Ли Сын-ёп — один из руководителей Компартии Южной Кореи, расстрелян как «шпион и вредитель» в 1953 г. — *А. Л.*). Осенью 1948 г., получив от Ли Сын Еба задание организовать шпионскую сеть в партии Ченудан, он вместе с Ким Дар Хеном выполнил задание по ее организации. После этого он передал Ли Сын Ебу список шпионской сети. В феврале 1949 г. Ким Бен Де, получив от Ли Сын Еба указание подготовить и организовать восстание, провел вместе с Ким Дар Хеном подготовку к восстанию и доложил Ли Сын Ебу о состоянии дел. Ли Сын Еб, заявив, что больших врагов (руководящие кадры ТПК и Кабинета Министров) он (Ли Сын Еб) берет на себя, дал Ким Бен Де задание

<sup>424</sup> Материалы о разоблачении реакционного заговора в партии Ченудан, Демократической партии и в Комитете по ускорению мирного объединения страны в составе южнокорейских деятелей. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 9, папка 75.

Стоит отметить, что деятельность обвиняемых по-прежнему оценивалась и как антикоммунистическая, и как антисоветская, несмотря на все попытки ограничить советское влияние, традиционные формулировки все еще сохранялись!

поднять силами партии Ченудан восстание на местах и захватить в свои руки местные органы власти. 26 июня 1950 г. Ли Сын Еб дал Ким Бен Де указание организовать восстание к тому моменту, когда Народная Армия будет отступать (согласно официальной версии считалось, что война была начата США и Южной Кореей, так что злодеи должны были помочь коварно напавшим империалистам. - *А. Л.*)»<sup>425</sup>. Следует также напомнить, что несколькими месяцами ранее Ким То-ман ни о каком террористическо-шпионском центре не говорил, а объяснял запланированные аресты чисто прагматическими соображениями.

В Демократической партии главной жертвой репрессивной кампании стал председатель партии Хон Ки-хван. Его обвиняли в шпионаже и «контактах с американскими империалистами», а также — разумеется! — связях с фракционной группой Чхе Чхан-ика<sup>426</sup>.

Атака на некоммунистические партии была только частью более широкой кампании по ликвидации организаций, более или менее обеспечивавших режиму либеральный фасад, чтобы сохранялась видимость коалиции «Объединенного фронта». В новых условиях эти остатки внутреннего единого фронта можно было с легкостью отбросить, и это было сделано в типично сталинистской манере. В конце 1958 г. пхеньянские власти объявили о раскрытии заговора в так называемом «Комитете содействия мирному объединению». Этот комитет (кор. Пхйбньхва тхониль чхокчжин хйОпхве) состоял главным образом из тех южнокорейских политиков, которые в начале Корейской войны не успели выехать из Сеула, были там захвачены северокорейской армией и в итоге согласились сотрудничать с Пхеньяном. В основном это сотрудничество сводилось к тому, что плененные сановники подписывали разного рода пропагандистские заявления, в обмен на что им сохраняли жизнь и даже предоставляли некоторые привилегии. Комитет был официально основан в начале 1956 г., но просуществовал совсем недолго. В 1958 г. многие из его видных членов (Чо Со-ан, Ким Як-су и другие) были обвинены в шпионаже и подрывной деятельности. Официальное обвинение гласило, что «по указке американцев» они совместно с некоторыми лидерами Демократической партии и партии Чхондогё-чхонъудан «пытались организовать реакционную группу, направленную против Трудовой партии [Кореи]»<sup>427</sup>.

<sup>425</sup> Там же. В цитате убрано дробление на абзацы.

<sup>426</sup> Там же.

<sup>427</sup> Там же.

После таких обвинений Ким Таль-хён, Хон Ки-хван и другие лидеры некоммунистических партий были обречены. В феврале 1959 г. их дела все еще находились в стадии расследования, однако они уже признали себя виновными<sup>428</sup>. 16 февраля 15 депутатов Верховного Народного Собрания, обвиненных в подготовке заговора, специальным постановлением Президиума ВНС были лишены иммунитета и депутатских привилегий<sup>429</sup>. Естественно, арестов было гораздо больше, поскольку далеко не все жертвы новой кампании входили в северокорейский «парламент». Доступные на настоящий момент источники не позволяют проследить дальнейшую судьбу заключенных. Показательные суды над ними не проводились, и все они исчезли без лишнего шума.

В феврале 1959 г. Ким То-ман признал, что и Демократическая партия, и партия Чхонъудан практически прекратили свое существование, их местные ячейки были уничтожены, сохранились только центральные органы (существующие и по сей день, главным образом, в целях зарубежной пропаганды и «политики объединенного фронта» в отношении Южной Кореи)<sup>430</sup>. В то же время были сохранены, по крайней мере, на бумаге, Центральные комитеты обеих партий, игравшие теперь роль пропагандистской приманки. В августе 1959 г. глава организационного отдела ЦК ТПК сказал, что в новых условиях уже не было необходимости сохранять «непролетарские» партии. По его словам: «Наличие хотя и малочисленных партий Ченудан и Демократической партии не способствовало достижению единения всех слоев населения вокруг ТПК». Тот же чиновник с редкостной прямоотой объяснял советскому дипломату, какова была ситуация с этими партиями и почему их вывески все-таки по-прежнему представляли некоторую ценность: «Демократическая партия и партия Ченудан существуют только номинально. Каких-либо организаций этих партий на местах, в уездах и провинциях нет, т. е. фактически нет рядовых членов партии, имеются только центральные комитеты, находящиеся в Пхеньяне. [...] Центральные комитеты этих партий в Пхеньяне [...] сохранены в расчете привлечения на сторону демократических

<sup>428</sup> Запись беседы А. М. Юдина (первый секретарь посольства) с Ким До Маном (зав. отделом пропаганды и агитации ЦК). 11 февраля 1959 г. АВП РФ. Ф. 102. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

<sup>429</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Цой Хак Реном (зав. юридическим отделом Президиума ВНС КНДР). 16 марта 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

<sup>430</sup> Запись беседы А. М. Юдина (первый секретарь посольства) с Ким До Маном (зав. отделом пропаганды и агитации ЦК). 11 февраля 1959 г.

сил определенных слоев населения Юга страны. В составе этих центральных комитетов в настоящее время находятся люди, преданные ТПК и правительству Республики, их деятельность проводится в расчете главным образом на определенные слои населения Южной Кореи»<sup>431</sup>. Этого откровенного чиновника звали Ким Ён-чжу (Ким Ен Дю в принятой тогда транскрипции), и, будучи младшим братом Ким Ир Сена, он был более чем в курсе текущих планов северокорейского руководства.

Другой комплекс реформ, вызвавший неодобрение Советского Союза и его официальных представителей в КНДР, был связан с быстрым возрождением культа личности Ким Ир Сена. Сам по себе культ личности не был чем-то новым для Северной Кореи. Более того, с самого начала формирования северокорейского государства, с 1945-1948 гг. культ Вождя являлся важной составной частью политической жизни страны. В этом не было ничего необычного. Классический сталинизм, помимо установления одного «главного культа» всемогущего и всеведущего «главного вождя» (в случае с СССР — Сталина), предполагал также и создание второстепенных «малых культов», хотя, очевидно, и подчиненных главному. Не составлял исключения и СССР, где руководители республик или даже крупных министерств получали в те времена свою долю обязательного восхваления. Разумеется, объектами обязательного поклонения становились и «маленькие Сталины», лидеры режимов «народной демократии». Уже с конца 1940-х гг. в северокорейской прессе имя Ким Ир Сена часто сопровождалось титулом «сурёнъ» (вождь). Однако в 1956—1957 гг. поток славословий существенно сократился. Кроме того, слово «сурёнъ» тогда стало появляться значительно реже (если появлялось вообще)<sup>432</sup>, вместо него обычно использовали менее эмоционально нагруженный титул «сусанъ» («премьер-министр», официальная должность Ким Ир Сена на тот момент). В 1958 г. культ Ким Ир Сена был восстановлен и очень быстро достиг того уровня, на котором находился накануне 1956 г. Впоследствии он непрерывно усиливался, и к началу 1970-х гг. дошел до высшей точки своего развития, временами приобретая

<sup>431</sup> Запись беседы А. М. Юдина (первый секретарь посольства) с Ким Ен Дю (зав. орготделом ЦК ТПК). 7 августа 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

<sup>432</sup> Со Тон-ман отмечает, что с конца февраля 1957 г. термин «сурёнъ» на некоторое время полностью исчез со страниц «Нодон синмун». См.: SO Tong-man. Puk ChosOn sahoejuui ch'eje sOnglip sa [История становления социалистической системы в Северной Корее]. С. 532.

совершенно гротескные формы, которые и поныне хорошо памятливы бывшим читателям журнала «Корея». Верность вождю объявлялась высшей патриотической добродетелью. Летом 1957 г. Хван Чан-ён, недавний выпускник Московского университета, ставший впоследствии главным пхеньянским идеологом, написал в подготовленной им брошюре: «Всем известно, что фракционеры демагогически называют "культом личности" ту любовь и уважение, которое массы испытывают по отношению к лидерам нашей партии, и, поступая таким образом, пытаются разделить массы и вождей, уничтожить уважение и доверие масс к нашей партии и ее лидерам»<sup>433</sup>.

Судя по публикациям в «Нодон синмун», возрождение культа Ким Ир Сена стало особо заметным в последние месяцы 1958 г. Начиная с ноября—декабря его имя стало все чаще появляться на страницах этой газеты, порой в сопровождении восторженных панегириков, адресованных «вождю корейского народа». Развитию этого процесса способствовал и официальный визит Ким Ир Сена в Китай и Северный Вьетнам (с 21 ноября по 10 декабря 1958 г.). В этот период северокорейскую печать наводнили статьи, прославлявшие величие и мудрость Ким Ир Сена. Большинство из них были взяты из китайских средств массовой информации, которые награждали Кима щедрыми эпитетами, обычно предназначенными одному лишь председателю Мао. За переводными славословиями вскоре последовали и корейские. Как отметила Ким Сок-хян, на всем протяжении истории КНДР изменения в способах представления вождя в пропаганде часто связывалось с заявлениями иностранных средств массовой информации или зарубежных поклонников Ким Ир Сена. Только после того, как иностранцы делали несколько заявлений в «новом стиле», к ним присоединялись северокорейские издания<sup>434</sup>. Влияние этого визита на развитие культа личности могло проявляться и другим образом. Не исключено, что Ким Ир Сен и его окружение попытались перенести на корейскую почву культ Мао, который при непо-

<sup>433</sup> Hwang Chang-yŏp. Yŏksa paljŏn-esŏ inmin taejung yŏkhal-gwa kaein-yŏ yŏkhal [Роль личности и народных масс в историческом процессе]. Pyongyang: Chosŏn Nodongdang Ch'ulp'ansa, 1957. С. 35.

<sup>434</sup> Kim Sŏk-hyang. Pukhan-ui myŏngŏl-gwa k'nyŏmil [Праздники Северной Кореи]. Рукопись, часть книги Ким Сок-хян, будет опубликована в ближайшее время. Автор выражает благодарность Ким Сок-хян за предоставление этого интересного материала.

средственным знакомстве вполне мог произвести на них немалое впечатление. В любом случае уже в январе 1959 г. посол А. М. Пузанов, с неодобрением отмечая в своем официальном дневнике резкое усиление культа личности, связал это обстоятельство именно с недавней поездкой Ким Ир Сена в Китай<sup>435</sup>.

На возрождение культа личности указывали не только все более частые упоминания имени Ким Ир Сена в официальной печати. На публичных мероприятиях снова появились его портреты, а в газетах гораздо подробнее стала освещаться его официальная деятельность, разнообразные поездки по стране и встречи с «массами»<sup>436</sup>. С конца 1958 г. по всей Северной Корее в массовом порядке появляются «кабинеты изучения революционной деятельности Маршала Ким Ир Сена» (кор. ким иль сонъ вонсу хёкмёнъ хвальдон ёнгусиль). Позже официальная историография заявляла по этому поводу: «За короткий период в конце 1958 г. и первой половине 1959 г. "кабинеты изучения революционной деятельности Маршала Ким Ир Сена" были организованы почти во всех правительственных учреждениях, на заводах, в сельскохозяйственных кооперативах и школах нашей страны»<sup>437</sup>. В декабре 1958 г. в одной только провинции Сев. Пхёнъян действовали 863 таких «кабинета»<sup>438</sup>. Размах и согласованность этого движения говорит о том, что оно возникло не спонтанно, усилиями особо усердных местных чиновников, а было организовано из центра.

Эти новые веяния в северокорейской официальной идеологии вызвали недовольство советских дипломатов. В СССР после смерти Сталина обожествление правителя «вышло из моды», и, когда в конце 1970-х гг., окружение Брежнева предприняло вялую попытку возродить эту традицию, эти усилия были скорее воспри-

<sup>435</sup> Официальный дневник А. М. Пузанова (посла СССР в КНДР). Запись от 9 января 1959 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 15. Д. 7, папка 81.

<sup>436</sup> Так, первый корейский грузовик, изготовленный в ноябре 1958 г., покинул заводские ворота, будучи украшен огромным портретом Ким Ир Сена (фотография в «Нодон синмун» за 19 ноября 1958 г.).

<sup>437</sup> ChosOn chOnsa [Полная история Кореи]. Т. 29. С. 171.

<sup>438</sup> Нодон синмун. 13 декабря 1958 г. Эти данные были приведены в большой статье Чу Кван-ока (Chu Kwan-ok), заместителя председателя провинциального комитета ТПК провинции Сев. Пхёнан. Это самое раннее из обнаруженных нами в северокорейской печати упоминаний «кабинетов для изучения революционной деятельности Маршала Ким Ир Сена» (возможно, что существуют и более ранние упоминания этого своеобразного института).

няты как повод для шуток и не имели серьёзного политического значения. Поэтому быстрое усиление культа личности Ким Ир Сена рассматривалось советскими наблюдателями как еще один показатель того, что Северная Корея идет «неверным курсом». В январе 1959 г. посол А. М. Пузанов в своем официальном дневнике подробно описал очевидные признаки усиления культа личности Ким Ир Сена. Так как посол был достаточно осторожным политиком, его слова звучали нейтрально, однако не составляет труда заметить, что он не одобрял происходившие перемены<sup>439</sup>.

<sup>439</sup> Официальный дневник А. М. Пузанова (советский посол). Запись от 5 января 1959 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 15. Д. 7, папка 81.

## 10. РОЖДЕНИЕ «ПАРТИЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВА»

В конце 1950-х гг. существенным изменениям подверглась официальная трактовка недавнего прошлого страны. В новой версии истории Северной Кореи, широко распространившейся с конца 1957 г., особое внимание уделялось реальным или вымышленным деяниям Ким Ир Сена и его маньчжурских партизан. Если раньше Ким Ир Сена представляли как *главного* лидера корейских коммунистов в колониальные времена, то с конца 1950-х гг. Ким Ир Сена стали изображать как *единственного* подлинного руководителя, который существовал в корейском коммунистическом движении по меньшей мере с начала 1930-х гг. Все остальные коммунистические руководители изображались либо как верные солдаты Ким Ир Сена, либо как предатели и агенты враждебных сил. На этом этапе пропагандистская машина еще не утверждала, что Великий Вождь играл ключевую роль в корейской политике уже в 1920-е гг., то есть во времена, когда ему было 14-18 лет, однако и до подобных заявлений было уже не так далеко.

Новый миф активно распространялся в официальной печати, на страницах которой появилось огромное количество публикаций, посвященных маньчжурским партизанам и их былым победам. В 1958 г. в ежемесячном журнале «Кынлочжа», официальном печатном органе ЦК ТПК, было опубликовано 11 статей на исторические темы. Еще 10 статей появились в 1959 г. Однако среди публикаций 1958 г. только две были связаны с деятельностью партизанских отрядов, а вот в 1959 г. уже семь из десяти статей рассказывали о подвигах (большой частью придуманных или, по крайней мере, преувеличенных) маньчжурских воинов Ким Ир Сена.

Новый официальный подход к истории удовлетворял трем важным требованиям: во-первых, подчеркивалась особая роль Ким Ир Сена, изображавшегося Единственным Истинным Вождем корей-

ского коммунистического движения; во-вторых, корейскому коммунизму придавался более «национальный» вид; в-третьих, по возможности «удревнялась» история Трудовой партии Кореи, которая теперь казалась до неприличия короткой. Как отмечал в своей статье Ли Сон-ун, «несмотря на то, что история нашей партии коротка, у нее глубокие корни»<sup>440</sup>. Статья, опубликованная в 1957 г. в майском номере «Кынлочжа», заявляла примерно то же самое, но в дополнение подчеркивала особую роль Ким Ир Сена: «В Корее в период правления японского империализма не была восстановлена единая марксистско-ленинская партия, однако истинными коммунистами, преданными товарищу Ким Ир Сenu, была создана организационная и идеологическая база для [будущего] основания марксистско-ленинской партии»<sup>441</sup>. Для нас, знакомых с теми трагикомическими формами, которые обожествление Ким Ир Сена приняло в 1970-1980-х гг., фраза о «преданности Ким Ир Сenu» может представляться вполне безобидной, но в условиях 1957 г. ее появление было важным показателем того, что официальные мифотворцы начали создавать образ Великого Вождя, всезнающего руководителя коммунистического движения с момента его возникновения. Авторы таких публикаций делали вполне предсказуемый вывод: «Главные исторические корни всех этих [достижений КНДР] лежат в антияпонской революционной борьбе, которую с 1930-х гг. вели истинные коммунисты, возглавляемые товарищем Ким Ир Сеном»<sup>442</sup>.

В декабре 1957 г. в журнале «Кынлочжа» Хван Чан-ёп опубликовал разгромную рецензию на недавно вышедшую монографию Ли Чхон-вона «Борьба за гегемонию пролетариата в Корее»<sup>443</sup>. В пространный рецензии содержалась резкая политическая критика Ли Чхон-вона, ведущего корейского историка, члена-корреспондента АН КНДР, который был отцом-основателем северокорейской марксистской историографии и в отличие от большинства своих коллег ни-

<sup>440</sup> P'alwol chOwonhui-wa tang taeryOl-iii t'ongil tangyOl [Августовский пленум и единство партийных рядов] // Kunloja. 1959. № 8.

<sup>441</sup> Yim Ch'un-ch'u. «Panil minjok haebang t'ujaeng-e issOsO kyOnsilhan kongsanjuiHjadiil-mui yOkhal [Роль истинных коммунистов в антияпонской национально-освободительной борьбе]» // Kunloja, 1957, № 5. Показательно, что статья эта была написана (или, по крайней мере, подписана) Лим Чхун-чху, партийным функционером высокого ранга.

<sup>442</sup> Kim Si-jung. Uri tang-i kyesiinghaniin pich'naniin hyOkmyOngjOk chOnt'ong [Славные революционные традиции, продолжаемые нашей партией] // Kiinloja. 1958. № 7.

<sup>443</sup> Hwang Chang-yOp, Kim Hu-sOn. Yi Ch'Ong-wOn chO ChosOn-e issOsO p'uroret'ariat'u hegemoni-rul wihan t'ujaeng-e taehayo [По поводу книги Ли Чхон-вона «Борьба за гегемонию пролетариата в Корее»] // Kiinloja. 1957. № 12.

когда не сотрудничал с японской колониальной администрацией. Долгое время Ли Чхон-вон являлся директором Института истории Академии Наук. Он впал в немилость летом 1957 г., несмотря на все свои попытки избежать опалы. Главное обвинение, выдвинутое против него Хван Чан-ёпом, заключалось в том, что в своей книге, которая рассматривала историю северокорейского коммунистического движения, Ли Чхон-вон несколько раз положительно отзывался о коммунистах из низвергнутой внутренней группировки, которых, согласно новой мифологии, следовало изображать ненадежными и тщеславными фракционерами или просто предателями, агентами японской полиции и американской разведки. Другим прегрешением историка было то, что он не придал «должного значения» маньчжурским партизанам Ким Ир Сена, которые теперь считались единственными «настоящими корейскими коммунистами» 1930-х гг.

Было бы ошибочным полагать, что столь резко критиковавшаяся книга Ли Чхон-вона была актом некоего «скрытого диссидентства». Несмотря на редкую принципиальность и стойкость, проявленную им в колониальные времена, Ли Чхон-вон, став крупным функционером режима, принимал более чем активное участие в восхвалении Ким Ир Сена. В начале 1957 г., когда над головой Ли Чхон-вона стали сгущаться тучи, академик активно критиковал «фракционеров, в частности, своего бывшего покровителя Чхве Чхан-ика. Именно Ли Чхон-вон в январе 1957 г. опубликовал в «Нодон синмун» статью с жесткими нападками на «фракционеров, которые были разоблачены на августовском пленуме». Это была одна из первых публикаций, в которой содержалась открытая критика Чхве Чхан-ика и его группы<sup>444</sup>. Впрочем, как уже говорилось выше, все эти лихорадочные усилия Ли Чхон-вону не помогли: летом 1957 г. он был снят со всех своих постов.

Таким образом, в критиковавшейся Хван Чан-ёпом книге Ли Чхон-вона, равно как и в других трудах историка, а также работах его коллег-конкурентов и будущих обвинителей, содержалась та версия корейской истории, которая официально считалась «правильной» на момент выхода книги. Сам Ли Чхон-вон стал жертвой репрессий, скорее, по причинам личного характера: из-за своих давних связей со южнокорейскими коммунистами и яньаньскими активистами, в первую очередь с Чхве Чхан-иком. Когда официальная точка зрения на историю внезапно изменилась, книги Ли Чхон-вона стали легкой мишенью для обвинений. Однако нельзя забывать, что абсолютно такой же критике можно было подвергнуть

<sup>444</sup> Нодон синмун. 9 января 1956 г.

любую работу на схожую тематику, увидевшую свет в КНДР до начала 1957 г. Работы столпов режима и официально признанных историков исключением из этого правила не являлись. Любопытно сложилась и дальнейшая судьба рецензента. Как известно, со временем именно Хван Чан-ёп дал окончательное определение концепции чучхе и превратил ее в некое подобие стройной идеологической системы. Впоследствии, в 1997 г., он стал также и самым высокопоставленным перебежчиком, ушедшим из КНДР на Юг.

С начала 1958 г. в массовой печати также стало быстро увеличиваться число материалов, посвященных героическим деяниям маньчжурских партизан. В номере «Нодон синмун» за 4 июля 1958 г. целая полоса была отведена «революционным традициям» партизан, и особенно сражению при Почхонбо (этот партизанский рейд 1937 г., в ходе которого партизаны заняли и несколько часов удерживали небольшой городок на маньчжуро-корейской границе, впоследствии стал краеугольным камнем мифа о Ким Ир Сене)<sup>445</sup>. Вскоре после этого в «Нодон синмун» стал широко употребляться новый идеологический штамп — «славные революционные традиции» (кор. пичханьин хёкмёнъ чонтхонъ), использовавшийся главным образом для описания партизанского движения в Маньчжурии 1930-х гг.<sup>446</sup> Эта фраза появилась неожиданно и сразу же была подхвачена всей прессой, так что, скорее всего, она была создана идеологическими органами, а затем уже целенаправленно внедрена в печать.

Новая кампания в сфере идеологии была одобрена лично Ким Ир Сеном, все чаще упоминавшим в своих выступлениях анти-

<sup>445</sup> Этот номер «Нодон синмун», вероятно, был первым, где упоминалось новое изобретение северокорейской пропаганды — лозунг, якобы некогда написанный на коре деревьев антияпонскими партизанами. Регулярное обнаружение все новых и новых «деревьев с лозунгами» стало традицией, которая существует и в настоящее время. Эти деревья всегда «находили» во время крупных идеологических кампаний, и - о чудо! - вновь обнаруженные лозунги всегда точно соответствовали текущей идеологической линии. Однако стоит заметить, что самый первый такой лозунг, якобы найденный на дереве возле Почхонбо и приведенный в «Нодон синмун» за 4 июля, не содержал ссылок на Ким Ир Сена. Возможно даже, хотя и маловероятно, что этот лозунг был подлинным и что его действительно некогда написали партизаны.

<sup>446</sup> Первая (или одна из первых) статья с новым лозунгом, написанная Ким Ын-ёпом (Kim Op-uOp), появилась в «Нодон синмун» за 10 июля. До этого «революционные традиции» не имели постоянного эпитета или назывались «ёнъгванъсыроун» (славными), как, например, в ряде статей, опубликованных 4 июня, и статье в номере за 5 июня. Начиная с июля 1958 г. северокорейская печать стала широко использовать выражение «славные революционные традиции» (кор. пичханьин хёкмёнъ чонтхонъ) как устойчивую и практически неизменную формулу.

японских партизан и их подвиги и все более охотно призывавшим партию и народ «учиться на примере партизан». В феврале 1958 г., во время посещения воинской части № 324, Ким Ир Сен произнес длинную речь, в которой он прямо заявил, что истинная история северокорейских вооруженных сил началась не в 1948 г., когда была официально основана Корейская Народная Армия, а гораздо раньше - в 1932 г. Это было понятно уже из первых слов его речи: «Наша Народная армия - наследница славных традиций антияпонского партизанского движения. Как регулярная армия, КНА была образована 8 февраля 1948 г. Однако наш народ обрел свою армию не после Освобождения. КНА была создана 10 лет назад, но уже с 1932 г. у корейского народа были антияпонские, антифеодальные вооруженные силы, которые на деле принадлежали народу»<sup>447</sup>. В этом пассаже отчетливо видна идея, которая постоянно подчеркивалась северокорейской пропагандой в конце 1950-х гг.: официальная история политических институтов КНДР может на первый взгляд показаться короткой, но в действительности у них глубокие исторические корни, которые восходят к партизанскому движению в Маньчжурии 1930-х гг.

Этот новый подход к освещению истории корейского коммунистического движения лег в основу работы по политическому образованию, и корейцы принялись изучать «новую» историю своей страны. Например, в пространной статье Хан Пхё-ёпа («Кынлочжа», март 1959 г.) обсуждалась необходимость перестройки системы политического образования в соответствии с новой линией, которая требовала считать партизан Ким Ир Сена единственными представителями «истинного коммунизма» в Корее<sup>448</sup>.

Стремительному развитию культа партизан и Ким Ир Сена способствовал выход первого тома «Воспоминаний антияпонских партизан» (кор. «Хангиль ппальчхисан чхамгачжадыль-ый хвесангы»). За первым томом последовало еще три. Эта книга была не-

<sup>447</sup> Kim Il-sŏng. Chosŏn inmingun-un hang'il mujang t'ujaeng-ui kyesŏngja ida [Корейская Народная Армия - наследница традиций антияпонской вооруженной борьбы] // Kim Il-sŏng. Chŏjak sŏnjip [Избранные труды]. Т. 2. С. 65.

<sup>448</sup> Han P'yo-ubŏp. Hupŏn sigi tang sasang saŏp-esŏ-ŏn myŏch'kkaji munje [Некоторые вопросы идеологического образования на современном этапе] // Kiinloja. 1959. № 3.

В 1958-1960 гг. почти в каждом номере центрального партийного журнала «Кынлочжа» публиковались работы, подписанные Ким Ир Сенем и бывшими маньчжурскими партизанами. Излишне говорить, что все другие участники коммунистического движения либо вовсе игнорировались, либо изображались как «фракционеры» и даже «предатели».

медленно объявлена главным средством идеологического воспитания, так что каждый взрослый житель Северной Кореи был обязан прочитать ее и затем регулярно «обсуждать» прочитанное на специальных собраниях. Страну буквально наводнили публикации подобного рода. По официальным данным, суммарный тираж «Воспоминаний антияпонских партизан» и других книг о партизанском движении, изданных в 1957-1960 гг., составил 95,8 миллиона экземпляров!<sup>449</sup> Это означает, что на каждого мужчину, женщину и ребенка приходилось приблизительно по девять экземпляров таких книг<sup>450</sup>. Эта цифра окажется еще более примечательной, если учесть, что за этот период было издано «всего» 12,1 млн экземпляров книг, посвященных текущей политике ТПК<sup>451</sup>. А после того, как в декабре 1958 г. Президиум ТПК принял специальное решение по обязательному изучению «великих революционных традиций», кампания по пропаганде материалов партизанского движения приобрела официальный и всеобщий характер<sup>452</sup>.

В новой версии истории коммунистического движения право именоваться «истинными коммунистами» (кор. кёнсильхан конъсанчжуйчжа - стандартная формула того периода) получали только те, кто с самого начала однозначно поддерживал Ким Ир Сена. Оценивая происходившие тогда в Северной Корее перемены, важно обратить внимание на то обстоятельство, что в новой ортодоксии партизанское движение изображалось как *одновременно* коммунистическое и национальное. При этом официальная пропаганда всегда умалчивала о том, что корейские партизанские отряды сражались в составе китайских коммунистических сил, действовавших в Маньчжурii<sup>453</sup>.

<sup>449</sup> ChosOn chOnsa [Полная история Кореи]. Т. 29. С. 171.

<sup>450</sup> По сведениям Н. Эберштадта, единственного иностранного специалиста, который был допущен к данным северокорейских переписей, по состоянию на 1960 г. население Северной Кореи составляло 10 млн 586 тыс. человек. См.: Eberstadt Nicholas. Korea Approaches Unification. New York & London: M. E. Sharpe, 1995. P. 59.

<sup>451</sup> ChosOn chOnsa. Т. 29. С. 372.

<sup>452</sup> ChosOn chOnsa. Т. 29. С. 171.

<sup>453</sup> Примечательно, что одна из самых ранних публикаций на эту тему начиналась так: «В 1932 г. тов. Ким Ир Сен вступил в коммунистическую партию» (см.: Yi Na-yOng. ChosOn minjok haebang t'ujaeng sa [История национально-освободительной борьбы корейского народа]. Pyongyang: ChosOn nodongdang ch'ulp'ansa, 1958. С. 338), но при этом не упоминалось, что это была *китайская* Коммунистическая партия. Однако по сравнению с более поздними биографиями в данном тексте содержалось зерно истины, так как любой читатель мог догадаться, в какую именно партию вступил Ким Ир Сен, ведь в конце концов корейской коммунистической партии тогда еще просто не существовало.

Вопреки историческим фактам, о которых тогда еще помнили очень многие, партизанские отряды Ким Ир Сена были изображены как совершенно независимая корейская национальная армия, которая якобы боролась с японцами в основном самостоятельно и лишь в некоторых случаях действовала совместно с китайскими подразделениями.

Главная цель всей этой кампании была очевидна: «национализировать» корейский коммунизм и связать всю его историю с Ким Ир Сеном. Корейский коммунизм в новой версии истории страны изображался как сугубо местное движение, которое развивалось в Корее (или, по крайней мере, корейцами) вполне независимо, при минимальной поддержке внешних сил, и которое к 1945 г. стало играть значительную роль в политической жизни страны. При этом неизменно подчеркивалось, что решающим фактором достижения этого успеха было «выдающееся руководство», которое осуществлял Ким Ир Сен. В новой версии официальной истории иностранное влияние на корейское коммунистическое движение и любые зарубежные связи корейских коммунистов замалчивались или вовсе отрицались. Августовскую оппозицию стали обвинять еще и в том, что она, выражая сомнения в величии Ким Ир Сена и преклоняясь перед иностранными идеологическими веяниями, стремилась исказить «великие революционные традиции» Кореи, воплощенные в партизанском движении<sup>454</sup>.

Все непартизанские коммунистические организации, существовавшие в стране до 1945 г., отныне рассматривались как питательная среда для «фракционализма», а то и как логово зловещих предателей и платных агентов империализма. С особым презрением в новой исторической ортодоксии полагалось относиться к «Армии справедливости» (кор. Ыйёнъгун), то есть к тем корейским коммунистическим отрядам в Китае, которые подчинялись Ким Ту-бону, Чхве Чхан-ику и другим эмигрантам из Яньани. В упоминавшейся ранее речи Ким Ир Сена, произнесенной в феврале 1958 г., по этому поводу говорилось следующее: «Можем ли мы следовать традициям Ким Ту-бона "Лиги Независимости" и его "Армии справедливости", которая ни разу не сразилась с японцами и обращалась в бегство, едва услышав о приближении японцев? Мы не можем следовать этой антимарксистской традиции»<sup>455</sup>. Конечно, некото-

<sup>454</sup> Yi Song-un. P'alwol ch'owonhui-wa tang taeryol-ui t'ongil tangyul [Августовский пленум и единство партийных рядов]...

<sup>455</sup> Kim Il-sŏng. Chosŏn inmingun-in hang'il mujang t'ujaeng-ui kyesŏmgja ida [Корейская Народная Армия - наследница традиций антияпонской вооруженной борьбы] // Kim Il-sŏng. Ch'ojak sŏnjip [Избранные труды]. Т. 2. С. 71.

рая доля правды в его словах имелась: с военной точки зрения, успехи «Армии справедливости» действительно были весьма скромными. Однако точно то же самое можно было сказать и о деяниях самого Ким Ир Сена: вопреки распространявшимся впоследствии легендам, все операции подчинявшихся ему партизан носили сугубо локальный характер, а численность тех частей, которыми командовал будущий Великий Вождь и Непобедимый Полководец, даже в лучшие времена измерялась несколькими сотнями человек. Разумеется, можно возразить, что политическое значение маньчжурского сопротивления было куда большим, чем его военные успехи. Это, конечно, так, но опять-таки то же самое можно сказать и об «Армии справедливости» Ким Ту-бона.

Другой характерной тенденцией, которая стала проявляться в корейской печати с конца 1950-х гг., было стремление если не уменьшить роль Советской Армии в Освобождении Кореи, то уж, по крайней мере, не распространяться на эту тему. В соответствии с новой мифологией, Ким Ир Сен должен был предстать главным освободителем страны, и упоминания о роли иностранцев в изгнании колонизаторов были нежелательны. В то же время северокорейская пресса по-прежнему была переполнена новостями из СССР и активно славил советские достижения — число статей на советские темы начало постепенно сокращаться только с 1959 г. Однако уже в 1957 г. в советском посольстве отметили, что в северокорейской печати стало появляться все меньше статей, в которых речь шла о роли советской помощи в восстановлении и развитии северокорейской экономики. В июле 1957 г. советник посольства Г. Е. Самсонов счел необходимым обратить на этот факт внимание заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ТПК, сказав, что в КНДР «совершенно недостаточно пропагандируется братская безвозмездная помощь СССР, КНР и стран народной демократии»<sup>456</sup>. Разумеется, его северокорейский собеседник охотно признал существующие «недоработки» и пообещал их в скором времени исправить, однако на практике об иностранной помощи пхеньянские газеты писали всё реже и реже, а примерно с 1960 г. перестали писать совсем.

Поворот к национализму и культу Вождя, произошедший в идеологии в конце 1950-х гг., изменил северокорейское общество. В 1950-х гг. Ким Ир Сен сумел использовать противоречия

<sup>456</sup> Запись беседы Г. Е. Самсонова (советник посольства) с Ли Ир Генгом (зав. отделом агитации и пропаганды ЦК ТПК). 15 июля 1957 г. КЧИ, документы за 1957 г., № 168, 31 июля 1957 г.

внутри правящей элиты и уничтожить всех своих противников по очереди, сталкивая их друг с другом. Победа Ким Ир Сена над соперниками была окончательно закреплена на IV съезде ТПК, который был отмечен беспрецедентным восхвалением «Великого Вождя» (такое восхваление являлось отчасти и прямым вызовом антисталинской риторике, которая в тот момент доминировала в «советском секторе» мирового коммунистического движения).

Четвертый съезд ТПК проходил сентябре 1961 г. в Пхеньяне. Уже в первый день его работы «Нодон синмун» применила к съезду хорошо известный советский штамп: IV съезд был назван «съездом победителей» (кор. сынъличжа-ый тэхве)<sup>457</sup>. Как известно, это выражение широко использовалось в советской публицистике и официальной историографии для описания XVII съезда ВКП(б), который проходил в 1934 г. Позднее, уже во времена хрущевских реформ, стало известно, что две трети делегатов XVII съезда были репрессированы, и с тех пор это выражение, которое в свете новой информации было трудно воспринимать всерьез, исчезло из советского официального лексикона. Однако пропагандисты из «Нодон синмун» использовали хорошо известный им старый советский штамп, который так и остался в северокорейском обиходе. Поэтому IV съезд ТПК в северокорейских публикациях и поныне часто именуется «съездом победителей» (скорее всего, сейчас северокорейские журналисты и официозные историки просто не подозревают ни о советском происхождении самого термина, ни о тех разоблачениях, которые сделали невозможным употребление этого Термина на его исторической родине). Пока не ясно, какая часть делегатов IV съезда ТПК разделила печальную судьбу большинства делегатов XVII съезда ВКП(б), но ясно, что таких было немало: 1960-е гг. были в КНДР временем массовых репрессивных кампаний среди партийного аппарата и чиновничества.

В работе IV съезда ТПК принимали участие 1157 делегатов с правом решающего голоса (всего было избрано 1160 делегатов), и 73 делегата с правом совещательного голоса. В соответствии с установившейся традицией, главный доклад на съезде был сделан Ким Ир Сеном. Доклад этот был в основном посвящен экономическим планам, однако немало внимания было уделено и внутривнутриполитическим проблемам. В частности, Ким Ир Сен заявил, что «успешно решена великая историческая задача по достижению полного единства корейского коммунистического движения, решительному ук-

<sup>457</sup> Нодон синмун. 11 сентября 1961 г.

реплению единства и монолитности партии, уничтожению корней фракционализма». Конечно, «единство», о котором речь шла в докладе, означало единство под руководством самого Ким Ир Сена.

Действительно, именно на IV съезде руководство ТПК было фактически монополизировано бывшими маньчжурскими партизанами. Изменения в составе высших правящих структур ТПК требуют более подробного рассмотрения, поскольку они прямо указывают на те кардинальные перемены, которые произошли в КНДР и ТПК между 1956 г. и 1961 г.

В 1961 г. ЦК ТПК состоял из 85 членов и 50 кандидатов в члены, то есть по сравнению с 71 членом и 45 кандидатами в 1956 г. его численность возросла. И в ТПК, и в большинстве других правящих коммунистических партий каждый последующий ЦК был многочисленнее предыдущего (еще одно подтверждение закона Паркинсона?). Из 85 членов ЦК, «избранных» в 1961 г., только треть (28 человек) входила в его состав в 1956 г. Примечательно, что из 11 «партизан» были переизбраны все, за исключением Ю Кён-су, умершего в 1958 г. В 1961 г. к этим 10 ветеранам присоединились еще 27 бывших маньчжурских партизан, которые стали членами ЦК впервые! Шестеро из партизан-«новичков» раньше были кандидатами в члены ЦК (некоторые из них стали его членами еще до съезда, в ходе кооптационных пополнений конца 1950-х гг.), но большинство из них появилось в списках ЦК впервые. «Партизанская фракция» оказалась представлена гораздо внушительнее (37 человек), чем любая другая из традиционных группировок. Если учесть, что в 1945 г. вместе с Ким Ир Сеном в Корею вернулось не более 130 бывших маньчжурских партизан, и к 1961 г. некоторые из них уже умерли или погибли, то получается, что приблизительно каждый третий бывший партизан в 1961 г. стал полноправным членом ЦК! Такое положение сохранялось до конца 1970-х гг., и именно оно было одной из причин того, что Вада Харуки назвал КНДР «партизанским государством».

Очевидно, что это резкое увеличение численности и влияния бывших партизан произошло за счет всех остальных фракций. Вероятно, в наибольшей степени пострадали советские корейцы — только двое из них (Нам Иль и Пак Чжон-э) остались в составе ЦК в 1961 г. Даже Пан Хак-се, отец-основатель северокорейских спецслужб, не был переизбран в состав ЦК в 1961 г. К тому же в ноябре 1960 г. его сняли с должности министра внутренних дел, так что какое-то время казалось, что Пан Хак-се станет еще одной жертвой им же созданного механизма репрессий (впрочем, Пан

Хак-се повезло: он избежал судьбы Ягоды и Ежова, его опала продлилась недолго, и на следующем съезде Пан Хак-се восстановил свое членство в ЦК). Положение яньаньской фракции было немногим лучше, так как только трое из ее представителей оказались в составе ЦК созыва 1961 г.: Ким Чхан-ман, Ха Ан-чхон и Ким Чхан-док. От уничтоженной несколькими годами ранее внутренней фракции в ЦК 1961 г. вошел только один человек, который вдобавок не занимался политикой и был мало связан с Пак Хон-ёном и иными бывшими руководителями коммунистического подполья. Этим человеком стал Пэк Нам-ун, известный историк-марксист, получивший общенациональную известность еще в колониальные времена и перебравшийся на Север в 1948 г. В ЦК состава 1961 г. оставалось еще несколько коммунистов с опытом подпольной работы в период до 1945 г., но после 1945 г. все эти люди находились на Севере и не имели тесных связей с Коммунистической партией Южной Кореи. Помимо многочисленных партизан в ЦК состава 1961 г. были также широко представлены молодые функционеры и технократы, которые сделали свои карьеры после 1945 г., то есть на протяжении пятнадцатилетнего правления Ким Ир Сена. К этой категории можно было отнести 30—35 членов ЦК.

Политический комитет (новое название политбюро) ЦК ТПК в 1961 г. состоял из 11 членов. Большинство мест (шесть) в его составе принадлежало бывшим маньчжурским партизанам; два места занимали уцелевшие советские корейцы Нам Иль и Пак Чжон-э. Яньаньская фракция была представлена только Ким Чхан-маном, который доказал свою надежность активным участием в репрессивных кампаниях против оппозиционеров. Двое оставшихся членов Политбюро, Чон Иль-рён и Ли Чон-ок, были уроженцами Северной Кореи, которые сделали карьеру уже после освобождения и большую часть жизни занимали руководящие посты в экономике. Строго говоря, они не принадлежали ни к одной фракции и были первыми «технократами», которые вошли в состав политбюро ЦК ТПК (как мы помним, в составе собственно ЦК технократы появились ранее, еще на III съезде в 1956 г.). Впоследствии Ли Чон-ок, известный в советской печати как «Ли Ден Ок», долгое время занимал пост премьер-министра страны.

Таким образом, победа Ким Ир Сена была полной. Из высших партийных органов были удалены все ненадежные элементы. Высший уровень внутрипартийной иерархии был практически монополизирован преданными Вождю (хотя, увы, и не слишком образованными) участниками маньчжурского сопротивления. С начала

1960-х гг. КНДР управляли именно партизаны, часто при помощи молодых технократов. Последние начали свое карьерное продвижение уже после освобождения и по своему мировоззрению и ценностям тоже принадлежали к «людям Ким Ир Сена». Все возможные каналы опасного советского влияния были надежно перекрыты, и толпы северокорейцев отныне без особых проблем могли быть мобилизованы на строительство бесконечных монументов Великому Вождю, Солнцу Нации, Непобедимому Стальному Полководцу.

Наше исследование почти завершено, но читателю может быть интересна дальнейшая судьба некоторых основных персонажей нашего повествования. К сожалению, большинство из них сгинуло в бесконечных репрессивных кампаниях. С конца 1950-х гг. Ким Ир Сен решительно отбросил сталинскую традицию показательных процессов, так что конец многих из них и поныне скрыт завесой тайны. Узнать что-нибудь о последних годах их жизни будет невозможно до тех пор, пока не падет или не претерпит существенных изменений тот режим, создателями и жертвами которого они были.

Некоторые участники описываемых нами событий нашли убежище за границей. Ким Сын-хва и Ли Сан-чжо провели остаток жизни в Советском Союзе. Ким Сын-хва стал известным историком и жил в Алма-Ате (автор этих строк в студенческие годы активно читал его работы), а Ли Сан-чжо преподавал и занимался научной работой в Минске. Юн Кон-хым и Со Хви так и остались в Китае. Их жены, по сообщению Ким Хак-чжуна, были арестованы и погибли в Северной Корее. Уже в 1960-е гг. Со Хви, опасаясь, что Пекин принесет его в жертву ради укрепления союза с КНДР, попытался бежать из Китая в СССР, но был арестован и некоторое время провел в китайской тюрьме. Он умер в 1993 г. в Китае. Юн Кон-хым тоже окончил свои дни в Китае, в 1978 г. Кан Сан-хо, зам. министра внутренних дел, пытавшийся перехватить Юн Кон-хыма на пути к китайской границе, и Пак Киль-ён, зам. министра иностранных дел КНДР, столь охотно общавшийся с советскими дипломатами, в конце 1950-х гг. тоже выехали в СССР, где и дожили до глубокой старости (Кан Сан-хо умер в 2000 г.).

Для человека, не слишком знакомого с внутренними механизмами сталинистского государства, может показаться странным, что политики, занявшие сторону Ким Ир Сена во время августовского кризиса, едва ли преуспели больше, чем их противники. Нам Иль и Пак Чжон-э, советские корейцы, входившие в ближайшее окружение Ким Ир Сена в конце 1940-х гг., дожили до конца 1960-х гг.,

хотя постепенно и утратили свое политическое влияние. В 1976 г. Нам Иль при достаточно подозрительных обстоятельствах погиб в автомобильной катастрофе, а Пак Чжон-э исчезла с политической сцены в конце 1960-х гг. Её считали репрессированной, но неожиданно для всех она вновь появилась на политической сцене в середине 1980-х гг., хотя так и не вернула себе первоначального политического статуса. Та же участь постигла Хан Соль-я, «литературного гения» и, пожалуй, едва ли не самого усердного из кимирсеновских подхалимов: по неизвестной нам пока причине он был репрессирован в начале 1960-х гг., но остался в живых и был формально реабилитирован в 1969 г., незадолго до своей смерти. Ким Чхан-ман, еще один активный создатель культа личности Ким Ир Сена, который принимал весьма активное участие в чистках 1957 г. и 1958 г., впоследствии некоторое время считался главным идеологом режима (в 1961 г. он находился на пятом месте в официальном списке ЦК), но в конце концов тоже был репрессирован в 1966 г. По слухам, он вскоре умер, работая на полях захолустного сельхозкооператива. Такой же печальный конец ждал и Пак Кым-чхоль, еще одного недоброжелателя советской и яньваньской фракций, который в 1961 г. находился на четвертом месте в списке северокорейского ЦК. Пак Кым-чхоль бесследно исчез в 1967 г. когда внутренний раскол в партизанской фракции привел к чисткам среди «капсанцев», то есть тех, кто до 1945 г. не состоял непосредственно в партизанских формированиях, а занимался поддержкой их операций в качестве гражданских подпольщиков. Возможно, из всех основных героев нашей истории один только Чхе Ён-гон, сыгравший в событиях лета 1956 г. достаточно двусмысленную роль, избежал опалы и умер в 1976 г. на вершине власти и прчета, будучи третьим лицом в партийной иерархии Северной Кореи<sup>458</sup>.

<sup>458</sup> Основные биографические данные взяты из «Pukhan inmyon sajOn». Сведения о дальнейшей судьбе Юн Кон-хыма и Со Хви содержатся в работе Ким Хак-чжуна: Kim Hak-jun. Pukhan 50 nyOn sa [50 лет истории Северной Кореи]. С. 191-192. О смерти Юн Кон-хыма упоминается: Mirok ChosOn minjujuui konghwaguk: Na [Тайная история Корейской Народно-Демократической Республики. Часть 2]. Seoul: Chung'ang ilbo sa, 1993. С. 76. Информация о Кан Сан-хо и Пак Киль-ёне получена автором от них самих при личной встрече. Автор выражает свою особую благодарность генералу Кан Сан-хо за помощь и поддержку. О репрессиях в отношении Пак Кум-ч'Ол см. Ch'oe SOng Pukhan chOngch'i sa. С. 166-167. О судьбе Хан СОЛ-я см.: Myers Bryan. Han SOL-ya...

**ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:  
ОППОЗИЦИЯ, КИМ ИР СЕН  
И СЕВЕРОКОРЕЙСКАЯ ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА  
В СЕРЕДИНЕ 1950-х гг.**

Попытка оппозиционеров свергнуть Ким Ир Сена и начать северокорейскую десталинизацию в конечном итоге окончилась провалом. В отличие от Болгарии, Польши и Венгрии в КНДР режим сталинистского типа успешно пережил острый политический кризис. Ким Ир Сен не стал еще одним Червенковым, Берутом или Ракоши. В отличие от всех этих «маленьких Сталиных», ныне полузабытых правителей Восточной Европы, Ким Ир Сен с переменным успехом правил Северной Кореей еще четыре десятилетия и в свой срок сумел передать власть по наследству. Почему это произошло? Почему в роковом 1956 г. все усилия оппозиции пошли прахом?

Августовские события в значительной мере являлись результатом влияния извне. Однако нельзя недооценивать и их местные корни: лозунги и планы августовской оппозиции во многом отражали стремления заметной части партийных функционеров и многих представителей интеллигенции в самой Корее. Эти люди не были «диссидентами» в том смысле, который стали придавать этому термину в позднейшие времена, и их политические цели безусловно не выходили за пределы традиционного ленинистского социализма. «Августовская группа» хотела создать более гуманную и менее жесткую разновидность государственного социализма, которая бы давала населению больше материальных и культурных благ, но при этом они собирались оставить нетронутыми политические и социальные основы системы и сохранить жесткий контроль партии над обществом. Как и все политики, борясь за благое дело, они не забывали и о собственных карьерных интересах, но вряд ли их нужно за это упрекать.

Конечно, значительную роль в конечной победе Ким Ир Сена сыграли его личные качества: его дальновидность, его выдающиеся способности к тактическому маневрированию и к плетению интриг в духе Макиавелли, наконец, его яркая харизма, без которой ни один диктатор не может удержать власть. Ему удалось изолировать оппозицию и взять под контроль ход августовского пленума. Однако успех Ким Ир Сена был не просто победой хитрости (или мудрости) будущего Великого Вождя, Солнца Нации над простодушным (или глупостью) его оппонентов. Для понимания причин поражения оппозиции следует учитывать и общую ситуацию в стране, а Северная Корея в 1956 г. по многим параметрам разительно отличалась от, скажем, Польши или Венгрии.

В Северной Корее идеи реформ, столь сильные в Восточной Европе, пользовались гораздо меньшей поддержкой населения, и признаки серьезного недовольства наблюдались там практически только среди верхушки интеллигенции, части студенчества и партийных функционеров. Это означало, что оппозиция едва ли могла рассчитывать на массовую поддержку, которая сыграла важную, а то и решающую роль в Польше и Венгрии.

Одной из причин этого политического спокойствия могла быть эффективная работа северокорейских спецслужб, однако существовали и другие факторы, на некоторых из которых, пожалуй, стоит остановиться подробнее. Например, в отличие от стран Восточной Европы Северная Корея не была подвержена «наглядному воздействию» процветания и политических свобод, которыми наслаждаются капиталистические соседи. Большинство восточноевропейских социалистических стран на западе граничили с государствами, обладавшими гораздо более высоким уровнем политической свободы и материального благосостояния, в то время как Северная Корея таких соседей не имела.

В середине 1950-х гг. уровень жизни в обеих Кореях был примерно одинаковым. Известно, что по макроэкономическим показателям тогда лидировал Север. Однако политика форсированной индустриализации и связанное с ней превосходство Севера в выпуске чугуна и цемента не обеспечивали более высокого уровня жизни. Автор не имеет намерения начинать здесь дискуссию о сравнительном уровне жизни в двух корейских государствах в 1950-х гг. - для такой дискуссии пока не хватает материалов. Однако автор все же хотел бы привести выдержки из беседы Ли Сан-чжо, посла КНДР в СССР, с советским дипломатом в июне 1956 г.: «На мой вопрос о положении населения в Южной Корее,

Ли Сан Чо сказал, что экономическое положение на Юге несколько лучше, чем на Севере. Жизненный уровень рабочего Южной Кореи (при условии, если он имеет работу) выше, чем жизненный уровень рабочего КНДР, однако реальная зарплата рабочих на Юге несколько ниже, чем она была при японцах. Ли Сан Чо сказал далее, что, по его наблюдениям, материальная обеспеченность трудящихся в КНДР раз в десять ниже, чем в Советском Союзе» (напоминаю, что речь идет о Советском Союзе середины 1950-х гг.)<sup>459</sup>.

В любом случае, даже если уровень жизни на Юге и был выше, чем на Севере, разрыв в реальных доходах, который тогда существовал между двумя корейскими государствами, не мог быть слишком велик. С демократическими свободами в обеих частях страны обстояло не лучшим образом. Южнокорейский режим Ли Сынгмана никоим образом нельзя считать образцом либеральной демократии - до середины 1950-х гг. он мог успешно соперничать с режимом Ким Ир Сена в КНДР по части жесткости обращения как с политической оппозицией, так и с населением в целом.

К тому же на Севере материальные лишения переживались несколько легче из-за того, что причины их на тот момент были (или, по крайней мере, казались) очевидными: прошло только три-четыре года после опустошительной войны, везде сохранялись следы беспощадных бомбардировок, причинивших серьезный урон северо-корейским городам и экономике в целом. Крестьянство было обложено тяжелыми налогами, но еще не было загнано в коллективные хозяйства сталинистского типа, поэтому у многих крестьян были основания надеяться, что все их трудности носят временный характер, так как земля, которую они с таким трудом обрабатывают, является их собственностью.

Стоит добавить, что Корея отличалась от восточноевропейских стран и почти полным отсутствием демократических традиций. Северная Корея никогда не знала демократии, и можно предположить, что сама концепция демократии была тогда чужда большинству населения. Подавляющее большинство корейцев не только никогда не участвовали в выборах или любых других демократических мероприятиях, но и никогда не являлось гражданами в строгом смысле этого слова. Во всяком случае, в отношении гражданских свобод КНДР того времени ненамного отставала от Кореи

<sup>459</sup> Запись беседы И. Ф. Курдюкова (зав. Дальневосточным отделом МИД СССР) с Ли Сан Чо (посол КНДР в СССР). 16 июня 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

1910—1945 гг., когда, будучи второстепенной колонией иностранной монархии, страна жила под деспотическим управлением японских правителей. В отличие от жителей многих восточноевропейских стран у северокорейцев не было воспоминаний о демократическом прошлом или о гражданских свободах, которых их лишил коммунистический режим.

Тем не менее, вопреки распространённому представлению, массовое оппозиционное движение в коммунистических странах не всегда разворачивалось под либерально-демократическими лозунгами. Ни в Венгрии, ни в Польше до прихода коммунистов к власти в середине 1940-х гг. не было подлинной демократии, и жители этих стран привыкли к авторитарным режимам еще со времен Пильсудского и Хорти. В этих странах массовое антикоммунистическое движение было вызвано национальными, экономическими и отчасти религиозными причинами, а не «чисто» демократическими идеями. Ситуация в Северной Корее отличалась и в этом отношении. В середине 1950-х гг. в КНДР религия не являлась важным политическим фактором. Политически активный, националистический, прозападный (и в конечном счете антикоммунистический) протестантизм играл существенную роль в духовной жизни Северной Кореи до 1945 г., однако к началу 1950-х гг. его влияние было существенно подорвано агрессивной антирелигиозной пропагандой, постоянными полицейскими преследованиями и массовой эмиграцией религиозных активистов, а также очевидной связью протестантских общин с США (бомбардировки Пхеньяна и других городов КНДР американскими ВВС отнюдь не вызывали у северокорейцев теплые чувства к американцам). Большинство бывших правых националистов из интеллектуальных и религиозных кругов, которые в принципе могли возглавить недовольных, бежали на Юг в бурный период 1945-1951 гг., когда такой побег было возможен и, более того, временами легко осуществим.

Несмотря на то, что режим Ким Ир Сена был изначально создан Советским Союзом, он был национальной властью, сменившей ненавистную колониальную администрацию. В этом заключается важное отличие Северной Кореи от Польши, Венгрии и большинства других стран Восточной Европы. Если уж на то пошло, оснований апеллировать к корейскому патриотизму было больше у Ким Ир Сена, а не у его оппонентов, которые слишком явно были связаны с границей, открыто ссылались на зарубежные авторитеты и пропагандировали «импортированные» концепции. В конце 1950-х гг. в Северной Корее националистические идеи и настрое-

ния можно было мобилизовать в поддержку местного сталинизма, а не против него. Этим же парадоксом умело пользовались поборники «национал-сталинизма» в других странах, в частности руководители Румынии и Албании. Очевидно, что сам Ким Ир Сен отлично чувствовал эти народные настроения. С 1955 г. он всё сильнее делает акцент на «корейскости» своего режима, умело представляет себя воплощением качеств и добродетелей «истинного корейца», защитником исконных корейских традиций от разлагающего иностранного (на практике — российско-советского) влияния. Вероятно, националистический подтекст новых идей встретил положительный отклик у многих, включая интеллигенцию и партийные кадры среднего уровня, которые устали от обязательного преклонения перед всем советским и российским и были готовы принять более независимую, более национально-ориентированную политику, которую олицетворял Ким Ир Сен. Конечно же, многие из них приветствовали бы эту политику с куда меньшим энтузиазмом, если бы они знали, чем в конечном итоге она обернется для их страны и них самих - однако видеть будущее человеку не дано.

Кроме того, следует учитывать, что оппозиция была значительно ослаблена массовой эмиграцией 1945-1951 гг. Основную массу уехавших на Юг составляли представители привилегированных слоев: бывшие землевладельцы, мелкие предприниматели и торговцы, второстепенные чиновники колониальных учреждений, христианские миссионеры и активисты. В соответствии с наиболее надежными из доступных на настоящий момент подсчетами Северную Корею в течение 1946—1949 гг. покинуло от 456 тысяч до 829 тысяч человек<sup>460</sup>. Число беженцев, ушедших на Юг во время войны 1950—1953 гг., тоже исчислялось сотнями тысяч (от 400 тысяч до 650 тысяч, по различным оценкам)<sup>461</sup>. Это означает, что с 1945 по 1953 г. на капиталистический Юг перебралось более 10 % всего населения Северной Кореи. Ни одна другая социалистическая страна не знала такого масштабного исхода потенциальных «враждебных элементов».

Следует принять во внимание и принудительную депортацию этнических японцев, численность которых до 1945 г. была весьма значительной (к концу 1930-х гг. на всем Корейском полуострове проживало около 650 тысяч японцев, а к 1945 г. их количество

<sup>460</sup> Пак Myong-rim. Hanguk chOnjaeng-ui palpal-gwa kiwOn (II). С. 357.

<sup>461</sup> Uri-pip chinan 100 ny5n tong'an OttOkhe sarassilkka? [Как мы жили последние сто лет?] Seoul: YOksa pip'yOng sa, 1998. Т. 2. С. 44. См. также: Foley James. Ten Million Families: Statistic or Metaphor? // Korean Studies. № 1. 2001.

могло достигать 800—900 тысяч человек)<sup>462</sup>. Именно японцы составляли основную часть управленческой, культурной и экономической элиты, которая в неколониальных обществах естественным образом состоит из «местных»<sup>463</sup>. За два года (1945—1946) всех этнических японцев заставили покинуть Корейский полуостров — редкий случай когда политика Северной и Южной Кореи почти полностью совпадала. К этой масштабной этнической чистке никогда не привлекалось особого внимания за рубежом, в том числе и в самой Японии, но ее воздействие на корейскую социальную структуру было весьма существенным: большинство чиновников высшего и среднего уровня, многие предприниматели и квалифицированные специалисты были изгнаны из страны, оставив свои рабочие места местным уроженцам, которые таким образом получили неожиданные возможности для социального продвижения.

Эти массовые депортации привилегированных слоев, состоявших как из корейцев, так и из японцев, сделали северокорейское общество куда более однородным, чем общества большинства других социалистических стран. В КНДР было меньше тех, кто хотел вернуть былое богатство и привилегии, и потому был готов приветствовать любую оппозицию, любое смягчение режима. Большинство тех, кто остался на Севере, в колониальные времена были либо крестьянами, либо неквалифицированными рабочими. Новая власть не только не отняла у них сколько-нибудь значительных материальных благ или общественного положения, но, наоборот, дала им надежду и открыла новые горизонты. Не последнюю роль в этом сыграло внедрение массового образования, а также широкое привлечение «рабочих и крестьян» в бюрократический аппарат и на военную службу, в том числе и на командные должности. Более того, коммунистический режим впервые в истории страны дал большинству ее населения по меньшей мере теоретическую возможность повысить свой социальный статус. В КНДР было немало людей, подвергавшихся систематической дискриминации, так называемых «элементов с плохим классовым происхождением». Однако, как бы ни было велико количество этих людей, они не составляли большинства населения КНДР, в то время как дискрими-

<sup>462</sup> Grajdanzev Andrew. *Modern Korea*. New York: Institute of Pacific relations, 1944. P. 76.

<sup>463</sup> В начале 1940-х гг. в Корее было 246 тысяч чиновников и государственных служащих японской национальности. См.: Cumings Bruce. *Korea's Place under the Sun: A Modern History*. New York, London: Norton & Company, 1997. P. 153.

нируемые из поколения в поколение крестьяне и крепостные-ноби составляли большинство населения страны во времена династии Ли (Чосон), то есть до конца XIX века. В конечном счете новая система преград на пути «наверх», разработанная уже в КНДР, постепенно опять превратила северокорейскую элиту в закрытую наследственную касту, попасть в которую для простого человека стало практически невозможно. Однако это произошло много позже, уже в 1960-е гг. и 1970-е гг.<sup>464</sup>

Была и ещё одна важная причина, по которой массовое недовольство в Северной Корее по своим масштабам значительно уступало тому, что в те годы можно было бы наблюдать в Венгрии и Польше. Правящие круги КНДР сумели скрыть внутренние разногласия, конфликт в верхах начал разворачиваться довольно поздно, и большинство населения о нем просто ничего не знало. В Восточной Европе открытые раздоры внутри номенклатуры или, по меньшей мере, широко распространявшиеся слухи о таких раздорах немало способствовали зарождению массового протеста. Такая информация давала возможность критически настроенным группам населения рассчитывать на то, что они получат поддержку «сверху» и тем самым воодушевляла умеренную оппозицию (то есть тех, кто был готов удовлетвориться тем или иным вариантом «социализма с человеческим лицом»). Сообщения о раздорах в номенклатурной верхушке провоцировали на активные действия и более радикальные антикоммунистические круги, лидеры которых видели, что некогда монолитный противник переживает внутренние трудности и отчасти деморализован. Умеренная реформистская политика Имре Надя и Эдварда Охаба подготовила почву для падения сталинистских режимов в Венгрии и Польше. В Корее не наблюдалось ни особого смягчения политического режима, ни заметных для населения раздоров в партийно-государственном руководстве.

Таким образом, у оппозиции было мало шансов заручиться поддержкой населения. Однако наличие массового движения (не важно, демократического, националистического или какого-либо еще) не являлось обязательным условием успеха оппозиции. Например, в Болгарии в 1956 г. замена сталинистского ортодокса Червенкова

<sup>464</sup> В этой связи нужно упомянуть о событиях 1968—1969 гг., когда в Северной Корее прошла волна арестов генералитета (часть кампании по уничтожению т. н. «капсанцев»). В ходе этой кампании из военных академий в СССР было отозвано около 40 % слушателей, так как они оказались детьми или близкими родственниками репрессированных генералов. Balazs Szalontai. Kim Il Sung in the Khrushchev Era. P. 224.

на более либерального Живкова совершилась практически по тому же плану, который Чхве Чхан-ик и Пак Чхан-ок пытались осуществить в Северной Корее — в результате запутанных переговоров и соглашений партийных иерархов и их тайных консультаций с Москвой, но без явной поддержки и, в общем-то, даже без участия народных масс. Болгарский опыт показывал, что, в принципе, и северокорейские заговорщики вполне могли добиться успеха. Слабость массовой поддержки снижала их шансы на победу, но тем не менее отсутствие в Корее массового движения протеста не было непреодолимой преградой для реализации их планов. Ким Ир Сена можно было свергнуть посредством хорошо спланированной и проведенной бюрократической интриги. Однако члены оппозиции упустили эту возможность. Основной причиной их поражения помимо их собственных тактических ошибок и дальновидности их противников был недостаток поддержки среди партийных кадров среднего и высшего звена, чья позиция в условиях отсутствия массового движения и оказалась решающей.

Большинство функционеров среднего звена не понимали и не принимали мотивы оппозиции, заговорщики представлялись им «посторонними», и даже «полуиностранцами». Высшие и средние партийные руководители, как показали дальнейшие события, предпочли поддержать Ким Ир Сена, а не его оппонентов. Августовская атака на Ким Ир Сена провалилась именно из-за действий (или, скорее, бездействия) большинства Центрального Комитета, не поддержавшего оппозицию. Как мы помним, в судьбоносное утро 30 августа к оппозиционерам не примкнул ни один член ЦК ТПК, который бы не был их сторонником по меньшей мере с июля. Как вспоминал В. В. Ковыженко, «было известно, что Ким Ир Сена поддерживает большинство как рядовых корейских коммунистов, так и партийных работников, в том числе и членов ЦК. Как в таком случае его можно было бы снять?»<sup>465</sup> Хотя В. В. Ковыженко в данном случае имел в виду сентябрьские события, это его замечание вполне применимо и в отношении августовского кризиса.

Балаш Шалонтай справедливо обратил внимание на то обстоятельство, что все режимы, которые в конце концов смогли дистанцироваться от СССР, носили диктаторский характер. Это относится не только к режиму Ким Ир Сена в КНДР, но и к режиму Энвера Ходжи в Албании, Георгиу-Дежа и Чаушеску - в Румынии, Мао Цзэдуна — в Китае. Он объясняет это тем, что в менее

<sup>465</sup> Интервью с В. В. Ковыженко. Москва, 2 августа 1991 г.

диктаторских странах часть высшего руководства из идейных или оппортунистически-карьерных соображений могла вступить в союз с Москвой, но такой поворот событий был маловероятен в тех странах, в которых существовал ярко выраженный режим единоличной власти. Как пишет Шалонтай: «Диктатор, который проводил жесткую линию и пользовался поддержкой большинства членов Политбюро и ЦК, был [для советской дипломатии и оппозиции] крепким орешком»<sup>466</sup>. По сути, Шалонтай выражает здесь ту же самую мысль, что была высказана и В. В. Ковыженко.

Причины поддержки, которой пользовался Ким Ир Сен, во многом связаны с тем обновлением состава северокорейской правящей элиты, которое произошло после 1945 г. К 1956 г. основная масса номенклатуры среднего и низшего звена состояла из уроженцев Северной Кореи, вступивших в партию уже после освобождения страны. Их мировоззрение сформировалось под влиянием Корейской войны и быстро усиливающегося культа личности Ким Ир Сена. Кроме того, эти люди в целом были гораздо менее образованы, чем их предшественники из более раннего поколения корейских коммунистов. В 1958 г. из 40 028 секретарей первичных партийных организаций 55,6 % имели только начальное образование, и всего 23,6 % — среднее<sup>467</sup>. Хотя советский документ ничего не сообщает относительно образования оставшихся 20,8 %, можно предположить, что они вообще не учились в школе. В этом нет ничего удивительного, так как в 1944 г. никакого формального школьного образования не было у 77 % корейских мужчин<sup>468</sup>. Излишне говорить, что вчерашним крестьянам и неквалифицированным или полуквалифицированным рабочим идеи демократии были малознакомы и, скорее всего, малопонятны. С другой стороны, более простые для восприятия национал-патриотические лозунги встречали у них горячий отклик.

Эти новые кадры были настроены гораздо более националистически, чем коммунисты старшего поколения, которые в своем большинстве подолгу жили за границей, свободно говорили на иностранных языках и с уважением относились к иностранной куль-

<sup>466</sup> Balazs Szalontai. Kim Il Sung in the Khrushchev Era. P. 83.

<sup>467</sup> Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь советского посольства) с Вон Хен Гу (зам. заведующего орготделом ЦК ТПК). 21 июня 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75.

<sup>468</sup> Yi Hyang-gyu. Pukhan sahoejuuii pot'ong kyoyuk-ui hyOngSng. 1945-1950 [Создание системы начального образования в Северной Корее: 1945—1950]. С. 52-53.

туре. Отношение этих более молодых чиновников к высокомерным «иностранцам» из яньаньской и советской фракций было не слишком доброжелательным. Этот факт нашел отражение даже в документах посольства, хотя обычно советские дипломаты старались обходить такие опасные вопросы. Так, например, советник Филатов признавал наличие трений между местными кадрами и представителями зарубежных корейцев и писал: «Считаю, что указанные выше советские корейцы допустили ряд серьезных ошибок. Прежде всего они неправильно и высокомерно относились к местным кадрам, игнорировали их и не выдвигали на руководящую работу»<sup>469</sup>. В начале 1956 г. первый секретарь посольства И. С. Бяков встретился с Сон Чин-пха, видным членом советской фракции, только что вернувшимся после «трудового перевоспитания» (он отработал месяц чернорабочим на стройке в наказание за «безответственные высказывания о культе личности»). Как пишет его собеседник, Сон Чин-пха, «начал говорить о нездоровых настроениях в народе в отношении советских корейцев». К сожалению, у Сон Чин-пха не оказалось возможности высказать свое мнение в более развернутой форме — как только был затронут этот деликатный вопрос, осторожный дипломат решил резко сменить тему, не забыв предварительно сделать своему собеседнику выговор за то, что тот вообще коснулся этой проблемы<sup>470</sup>.

О разногласиях и трениях между «местными» и «иностранцами», в том числе и в повседневной жизни, упоминала и часть информаторов автора. Ким Мир-я, дочь Ким Чэ-ука, в середине 1950-х гг. училась, как и многие дети политиков советско-корейского происхождения, в средней школе № 6. Она не только хорошо помнила обстановку 1950-х гг., но и была тонким наблюдателем, свободным от тех идеологических стереотипов, которые влияли на восприятие ситуации ее родителями. Ким Мир-я вспоминала: «Тогда мы обо всем об этом, разумеется, не задумывались, но сейчас, уже задним числом вспоминая и анализируя, я понимаю, что относились к нам плохо. Мы были на особом положении, чужие и вместе с тем привилегированные. Конечно, местным это не могло

<sup>469</sup> Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чан Оком (зам. премьера Кабинета Министров КНДР и член президиума ЦК ТПК). 12 марта 1956 г.

<sup>470</sup> Запись беседы И. С. Бякова (первый секретарь посольства) с Сон Дин Фа (бывший редактор журнала «Новая Корея»). 15 февраля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

нравиться»<sup>471</sup>. Похожее мнение высказывает и В. Н. Дмитриева, известный советский специалист по Корее, многие годы преподававшая корейский язык в МГИМО. Вспоминая свою первую поездку в Пхеньян в 1948-1949 гг. Дмитриева так ответила на мой вопрос об отношении местного населения к советским корейцам: «[Восприятие советских корейцев местным населением было] в целом — плохое или, скорее, сдержанное. Приехали образованные, уверенные в себе, сытые, сразу получили высокие назначения - это многим не нравилось»<sup>472</sup>. Нет оснований считать, что так относились исключительно к советским корейцам. Вероятнее всего, восприятие членов яньаньской фракции было похожим. Для местных функционеров среднего и низшего уровня и китайские, и советские корейцы оставались надменными и непонятными чужаками, тогда как Ким Ир Сена удалось стать для них «своим». Не случайно северокорейская пропаганда постоянно подчеркивала местные корни Ким Ир Сена и «его» движения, преуменьшая или замалчивая его связи с границей. Например, тот факт, что в 1941-1945 гг. Великий Вождь находился в СССР, был официально признан северокорейской печатью только в середине 1990-х гг., уже после смерти самого Ким Ир Сена.

Нужно добавить, что конфликт между оппозицией и Ким Ир Сеном воспринимался современниками главным образом как столкновение амбиций, как борьба отдельных людей за собственное политическое влияние, вмешиваться в которую желающих среди северокорейской номенклатуры не было.

Некоторые из имеющихся в нашем распоряжении материалов дают нам возможность понять, как северокорейские чиновники воспринимали политическую ситуацию в судьбоносном 1956 г. В ноябре 1956 г. Е. Л. Титоренко встретился с Чхве Чон-хёном, своим бывшим однокурсником по университету Ким Ир Сена, который затем поступил в аспирантуру при «идеологической» кафедре основ марксизма-ленинизма того же вуза (в документах посольства он упоминается как Цой Чен Хен). С некоторыми оговорками Чхве Чон-хёна можно было считать молодым номенклатурным работником, так как, по всей видимости, он успешно продвигался по пути к креслу партийного функционера. Его дальнейшая судьба нам неизвестна, но события 1956-1957 гг. показали, что аспирант уже тогда обладал некоторыми необходимыми для успешной чи-

<sup>471</sup> Интервью с Ким Мир-я (Ким Людмилой Мефодиевной). Ташкент, 27 января 1991 г.

<sup>472</sup> Интервью с Валентиной Дмитриевой. Москва, 30 января 1990 г.

новничьей карьеры качествами, в частности — беспощадностью и беспринципностью. Во время упоминавшейся выше кампании по борьбе с фракционерами, которая проходила в университете летом 1957 г., Чхве Чон-хён торжественно отрёкся от своего руководителя, упоминавшегося нами выше профессора Сон Кун-чхана, который на тот момент заведовал кафедрой основ марксизма-ленинизма. Из разговора Е. Л. Титоренко и Чхве Чон-хёна видно, что аспирант был знаком со слухами, ходившими среди университетской интеллигенции и местных партийных функционеров, и располагал достоверной информацией, относившейся к августовскому пленуму, однако ничего не знал о визите делегации Микояна—Пэна в сентябре.

Рассказывая о том, как в университете восприняли августовский и сентябрьский пленумы, Чхве Чон-хён сказал: «В ТПК имели место различные группировки, о которых знают многие члены ТПК, в том числе: группировка во главе с Пак Хен Еном — бывших членов компартии Южной Кореи, группировка советских корейцев во главе с Пак Чан Оком и группировка китайских корейцев во главе с Пак Ир У и Цой Чан Иком. Все они, заискивая перед Ким Ир Сенем и Цой Ен Генем, стремились занять ведущие посты в правительстве и партии, были карьеристами. Среди них Цой Чан Ик был авторитетным и более умным. Он в 30-х годах был руководителем кружка по распространению марксизма-ленинизма в Корее. До освобождения Кореи жил в Китае»<sup>473</sup>. Это высказывание представляет собой вполне здравую оценку происходящего, абсолютно свободную от симпатии по отношению к оппозиции или лозунгам «борьбы против культа личности» и «коллективного руководства». По сути, оппозиция рассматривается просто как еще одна группа рвущихся к власти политиканов, а не как борцы за идею, пусть даже «реакционную» и «контрреволюционную». Вожди оппозиции или, по крайней мере, часть из них, могли искренне верить в свои лозунги, но партийные кадры среднего и низшего уровня их не понимали и им не верили. Однако примечательно, что взгляды Чхве Чон-хёна были во многом свободны и от влияния официальной пропаганды - даже Пак Хон-ёна он не называл «американским шпионом», как полагалось бы официально, а просто включил в список «честолюбцев».

То обстоятельство, что в кругах северокорейской номенклатуры преобладало именно такое отношение к происходящему, во многом подтверждается и сведениями, полученными корреспондентом

<sup>473</sup> Запись беседы Е. Л. Титоренко с Цой Чен Хеном. 4 ноября 1956 г.

«Правды» Р. Г. Окуловым и корреспондентом ТАСС Г. В. Васильевым во время их беседы с зам. министра связи КНДР Син Чхон-тхэком<sup>474</sup>. То, что данная информация была получена журналистами, а не дипломатами, не случайно, так как последние обычно избегали спорных вопросов и делали все возможное, чтобы избежать риска для собственной карьеры. За небольшим исключением (в первую очередь это относится к Е.И. Титоренко), документы посольства весьма скучны, лишены независимых суждений и критического взгляда на ситуацию. Оценки происходящего, если они давались вообще, редко выходят за пределы официально установленных рамок и газетных формулировок. Советские журналисты, хотя и находились под контролем государственных и партийных чиновников, были готовы задавать щекотливые вопросы, а в случае необходимости — и делать «неудобные» выводы.

Во время длительного и откровенного разговора с советскими журналистами, который произошёл вечером на квартире Г. В. Васильева, Син Чхон-тхэк, среди прочего, высказал и свое отношение к «августовскому инциденту». Он сказал: «Группировка, выступившая на августовском пленуме ЦК, которой руководил Цой Чан Ик, не имела принципиальной программы. Они не против строительства социализма и коммунизма. Единственная цель - это борьба за власть, за то, чтобы расставить своих людей на руководящие посты, в первую очередь в ЦК. Для этого они собирались в уголках, строили разные планы, вели себя несолидно, непорядочно. Они должны были бы, если видели ошибки в политике ТПК, обратиться к самому "хозяину" [имеется в виду Ким Ир Сен] или обратиться в ЦК братских компартий. На наше (Окулова и Васильева. - А. Л.) возражение, что это внутренние партийные дела ТПК, в которые никто не собирается вмешиваться, он сказал, что, во всяком случае, не нужно было выступать на собрании, на пленуме с критикой руководства»<sup>475</sup>. Как и в случае с Чхве Чон-хёном, оценка ситуации была весьма циничной, но и вполне здравой.

Поскольку мнения или, скорее, настроения, выраженные Син Чхон-тхэком и Чхве Чон-хёном, практически совпадают, можно предположить, что большинство северокорейских партийных работников оценивали ситуацию в стране похожим образом. Функционеры среднего звена не стремились поддержать оппозиционе-

<sup>474</sup> Запись беседы Р. Г. Окулова (корреспондент «Правды») и С. В. Васильева (корреспондент ТАСС) с Син Чхон Тхэком (заместителем министра связи). 3 февраля 1957 г.

<sup>475</sup> Там же.

ров. Чиновники не желали участвовать в смертельно опасном предприятии, в основе которого, как они считали, лежала циничная борьба за власть, им не хотелось способствовать амбициям людей, которым они не очень доверяли. Требования демократизации и либерализации не произвели особого впечатления на новых членов партийной бюрократии, чей жизненный опыт и образование способствовали выработке иммунитета к идеям подобного рода. Опозиция осталась относительно изолированной группировкой как по отношению к партии, так и к обществу в целом. Ее поддержало лишь небольшое число студентов, интеллигентов и образованных партийных кадров (чаще всего связанных с границей или живших там какое-то время).

. . .

В ходе кризиса 1956 г. столкнулись две тенденции, существовавшие в руководстве КНДР. Эти тенденции отражали те два пути, по которым могла пойти северокорейская история. Один путь был представлен Ким Ир Сенем и его окружением, которое собиралось проводить более независимый, более националистический, но одновременно и более репрессивный и в конечном итоге более жесткий политический курс. Другую линию олицетворяла оппозиция, которая выступала за проведение более гибкой, более либеральной и мягкой по отношению к населению, но также и ориентированной на границу политики. Тактика Ким Ир Сена заключалась в нанесении превентивного удара в конце 1955 г., маневрировании в начале 1956 г., отражении внезапных мощных атак в августе и сентябре и в окончательном закреплении результатов своей победы, которое проводилось начиная с весны—лета 1957 г.

Конфронтация 1956 г. и ее последствия были лишь одним звеном в длинной цепи событий, развернувшихся как внутри страны, так и за ее пределами. Эти события были результатом тех серьезных перемен в коммунистическом мире, которые произошли там после смерти Сталина и распространения реформаторских идей. Северная Корея, где сталинские идеи и методы встретили самый радушный прием, тем не менее не была заповедником сталинизма. Как и во многих других социалистических странах, часть политической элиты была готова сойти с проторенной дороги и начать реформы. Как и в других странах, реформаторов в высшей номенклатуре поддержала интеллигенция. Однако в целом сопротивление сталинизму в КНДР было слабым, так как, по сравнению с большинством социалистических государств, оно там имело весьма ограниченную социальную базу.

Сторонники умеренных реформ не смогли изменить политический курс КНДР. Наоборот, кризис 1956 г., завершившийся полной победой Ким Ир Сена, в конечном итоге способствовал значительному усилению его личной власти. В 1956 г. Ким Ир Сен сделал второй и решающий шаг на пути к абсолютной власти (первый шаг в этом направлении относится к 1945—1946 гг., когда благодаря решительной советской поддержке именно Ким Ир Сен стал главой формирующейся северокорейской администрации).

Три главных следствия кризиса 1956 г. и последовавших за ним репрессивных компаний оказали решающее влияние на ход корейской истории.

Во-первых, смертельный удар был нанесен по системе фракций, которая в значительной степени ограничивала личную власть Ким Ир Сена на протяжении первых полутора десятилетий северокорейской истории. Несмотря на то, что часть бывших членов различных непартизанских группировок пережила кризис, эти группировки лишились своих лидеров, были запуганы и изолированы. Система фракций прекратила свое существование, а вместе с ней исчезла и система сдержек и противовесов, изначально заложенных в политической системе Северной Кореи. Ким Ир Сен теперь мог стать (и неизбежно становился) диктатором в полном смысле этого слова.

Во-вторых, прямое и недвусмысленное советско-китайское вмешательство в сентябре 1956 г. не повлекло каких-либо значительных изменений, хотя это обстоятельство и стало понятно лишь спустя некоторое время. Ни Москва, ни Пекин не смогли заставить Ким Ир Сена выполнить обещания, данные под их нажимом. Из этого обстоятельства и сам Ким Ир Сен, и его союзники, и его враги сделали вывод, что при определенных условиях, действуя достаточно изобретательно и осторожно, северокорейское руководство может игнорировать давление Москвы и Пекина и поступать по собственному усмотрению. Это было первым шагом к тому особому положению, которое занимала Северная Корея в социалистическом лагере в последующие десятилетия. Как известно, в конечном итоге КНДР вошла в ту группу стран, которые сумели освободиться от былой зависимости от СССР и приступить к постройке того варианта социализма, который их руководство считало наиболее подходящим.

В-третьих, Северная Корея окончательно порвала с идеями реформированного государственного социализма, более либерального, чем его сталинский прототип. То независимое положение, которого руководство ряда социалистических стран смогло добиться

в 1956-1960 гг., не обязательно пошло на пользу их населению. Скорее, наоборот: примеры Румынии при Чаушеску, Албании при Ходжа и маоистского Китая ясно свидетельствуют, что в социалистических государствах, избавившихся от навязчивой опеки СССР, уровень благосостояния и интеллектуальной свободы в целом оказался заметно ниже, чем в тех странах, которые до самого конца мировой социалистической системы оставались под контролем Москвы (единственным исключением из этого правила является Югославия времен Тито, но там независимость от СССР означала не сохранение сталинских институтов, а более радикальную либерализацию). Ограниченные и незавершенные, но все равно в целом благотворные реформы хрущевского типа, произошедшие в большинстве социалистических стран в 1955—1960 гг., в Северной Корее были остановлены и свернуты на самом начальном этапе. Вместо либерализации в Северной Корее началось последовательное ужесточение сталинистских институтов.

После событий 1956 г. в КНДР даже самые осторожные дискуссии по поводу культа личности приравнивались к государственной измене. Это создало идеальные условия для беспрецедентного распространения культа личности Ким Ир Сена и неограниченного усиления его власти. Движение к менее деспотическим и более эффективным формам государственного устройства, которое казалось вполне возможным в 1950-х гг., было прервано. Северокорейский государственный социализм превратился в один из самых жестких, самых тиранических и в конечном итоге самых экономически неудачных режимов подобного рода. Северная Корея, которая изначально имела немалые стартовые преимущества, в конце концов катастрофически отстала от Южной и к началу XXI века превратилась в беднейшую страну Восточной Азии. Скорее всего, экономическая победа капиталистического Юга над социалистическим Севером была предопределена изначально, но при других поворотах северокорейской истории разрыв между Севером и Югом едва ли достиг бы таких гигантских масштабов.

1956—1960 гг. стали поворотной точкой в истории Северной Кореи, периодом окончательного оформления режима Ким Ир Сена в том виде, в котором он просуществовал до начала 1990-х гг. В 1945—1956 гг. Северная Корея была всего лишь второстепенной «народной демократией», во многих отношениях такой же, как многие коммунистические страны Восточной Европы. Однако те перемены, что произошли в КНДР в 1956—1960 гг., определили неповторимое лицо этой страны и превратили КНДР в одно из самых специфических государств социалистического содружества.

## ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

**Записи бесед, официальные дневники и другие документы МИД СССР. Записи расположены в хронологическом порядке, в ссылке указывается дата беседы, а не дата составления самой «Записи» (обычно «Запись» составлялась в течение недели после проведения беседы).**

Запись беседы В. А. Васюкевича (первый секретарь посольства) с Пак Чан Оком (секретарь ЦК ТПК). 4 апреля 1953 г. Архив внешней политики Российской Федерации (далее - АВП РФ). Ф. 0102. Оп. 9. Д. 9, папка 44.

Запись беседы С. П. Суздалева (посол СССР в КНДР) с Пак Чан Оком (зам. председателя Кабинета Министров и председатель Госплана КНДР). 31 января 1955 г. Коллекция «Чунан ильбо» (далее - КЧИ), документы за 1955 г.

Запись беседы В. А. Васюкевича (первый секретарь Дальневосточного отдела) с А. К. Гришаевым (советник председателя Центрального Комитета потребительской кооперации КНДР). 8 февраля 1955 г. КЧИ, документы за 1955 г.

Дневник посла С. П. Суздалева за 28 февраля - И марта 1955 г. КЧИ, документы 1955 г.

Запись беседы В. Петухова (советник Дальневосточного отдела МИД СССР) с Л. Г. Гольдиной (возвратившаяся из КНДР сотрудница посольства СССР). 28 марта 1955 г. КЧИ, документы за 1955 г. № 561/дв, 4/IV.55.

Дневник посла В. И. Иванова за 25 июля — 25 августа 1955 г. КЧИ, документы 1955 г.

Запись беседы А. М. Петрова (советник посольства) с Сон Ден Фа (бывший редактором журнала «Новая Корея»). 15 декабря 1955 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Ы Ваном (зам. премьера). 24 января 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы И. С. Бякова (первый секретарь посольства) с Сон Дин Фа (бывший редактор журнала «Новая Корея»). 15 февраля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы И. С. Бякова (первый секретарь посольства) с Ли Хо Гу (заместитель председателя Центрального правления КОКС). 18 февраля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы С. Н. Филатова с Пак Ы Ваном. 21 февраля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Ен Бинном. 25 февраля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чан Оком (заместитель премьера Кабинета Министров КНДР и член президиума ЦК ТПК). 12 марта 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы В. К. Лисикова (секретарь посольства) с Ким Сен Юром (председатель Пхеньянского городского комитета Демократической партии Северной Кореи). 8 мая 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы В. И. Иваненко (первый секретарь Дальневосточного отдела МИД СССР) с Пак Киль Еном (посол КНДР в ГДР). 17 мая 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Ким Сын Хва (министр строительства). 24 мая 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь посольства) с Ки Сек Поком (референт в Министерстве гос. контроля). 31 мая 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы И. Ф. Курдюкова (зав. Дальневосточным отделом МИД СССР) с Ли Сан Чо (посол КНДР в СССР). 16 июля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

Запись беседы И. Ф. Курдюкова (зав. Дальневосточным отделом МИД СССР) с Ли Сан Чо (посол КНДР в СССР). 16 июня 1956. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

Запись беседы А. М. Петрова (временный поверенный в делах СССР) с Ли Пхиль Гю (начальник департамента стройматериалов при Кабинете Министров КНДР). 14 июля (исправлено на 20 июля. — *А. Л.*) 1956 г. Машинописный вариант. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы А. М. Петрова (временный поверенный в делах СССР) с Ли Пхиль Гю (начальник департамента стройматериалов при Кабинете Министров КНДР). 14 июля (исправлено на 20 июля. — *А. Л.*) 1956 г. Рукописный вариант. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68. Л. 333—340.

Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Пак Чан Оком (зам. премьера, членом ЦК ТПК). 21 июля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Цой Чан Иком (зам. премьера, член Президиума ЦК ТПК). 23 июля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Ким Сын Хва (министр строительства, член Центрального комитета ТПК). 24 июля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы А. М. Петрова (временный поверенный в делах) с Нам Иром (министр иностранных дел). 24 июля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы С. Н. Филатова (советник посольства) с Юн Кон Хымом (министр торговли). 2 августа 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы И. Ф. Курдюкова (зав. Дальневосточным отделом МИД СССР) с Ли Сан Чо (послом КНДР в СССР). 9 августа 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

Запись беседы И. Ф. Курдюкова (зав. Дальневосточным отделом МИД СССР) с Ли Сан Чо (послом КНДР в СССР). 11 августа 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

Запись беседы Н. П. Курбацкого (атташе) с Пак Син Доком (зав. орг. отделом партии Ченудан) 21 августа 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь посольства) с Ко Хи Маном (заведующий отделом ЦК ТПК по строительству и транспорту). 31 августа 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Дневник советника посольства Н. М. Шестерикова. Запись от 16 сентября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы С. П. Лазарева (первый секретарь Дальневосточного отдела МИД СССР) с Ко Хи Маном (член делегации Верховного Народного Собрания). 18 сентября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

Объяснительная записка А. М. Петрова на имя посла В. Иванова. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68, лист 332.

Письмо Н. Т. Федоренко, заместителю министра иностранных дел, от В. Иванова, посла СССР в КНДР. 28 сентября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Письмо Ли Сан Чо Ким Ир Сёну. Приложение к Записи беседы Б. Н. Верещагина (советник МИД) с Ким Хен Мо (заведующий консульским отделом Посольства КНДР). 19 октября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

Запись беседы Б. Н. Верещагина (зав. Дальневосточным отделом МИД) с Ли Сан Чо (посол КНДР в СССР). 20 октября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 4, папка 68.

Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Цой Сын Хуном (заместитель председателя ТПК провинции Рянган). 23 октября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Цой Чен Хеном (аспирант кафедры основ марксизма-ленинизма университета Ким Ир Сена). 4 ноября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы В. И. Пелишенко (советник посольства) с Пак Ким Чером (заместитель председателя ЦК ТПК). 22 ноября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь посольства) с Ли Сон Уном (председатель Пхеньянского городского комитета ТПК). 23 ноября 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Запись беседы В. И. Пелишенко (временного поверенного в делах) с Пак Ден Ай (заместитель председателя ЦК). 17 декабря 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы В. И. Пелишенко (временного поверенного в делах) с Нам Иром (министр иностранных дел). 4 января 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Сон Кун Чаном (зав. кафедрой основ марксизма-ленинизма Университета Ким Ир Сена). 21 января 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы В. И. Пелишенко (временный поверенный в делах) с Ким Ир Сенем. 30 января 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы Р. Г. Окулова (корреспондент «Правды») и С. В. Васильева (корреспондент ТАСС) с Син Чхон Тхэком (заместитель министра связи). 3 февраля 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 72.

Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Ю Сон Хуном (ректор университета Ким Ир Сена). 7 февраля 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы В. И. Пелишенко (временный поверенный в делах) с Ким Ир Сенем. 12 февраля 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Ю Сон Хуном (ректор университета Ким Ир Сена). 6 апреля 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь посольства) с Тян Ик Хваном (зам. министра просвещения). 23 мая 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы Ю. И. Огнева (атташе посольства) с Нам Он Еном (зам. начальника управления информации при Кабинете Министров КНДР). 6 июня 1957 г. АВП РФ, Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы Г. Е. Самсонова (советник посольства) с Ли Ир Генном (зав. отделом агитации и пропаганды ЦК ТПК). 15 июля 1957 г. КЧИ, документы за 1957 г., № 168, 31 июля 1957 г.

Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Ан Ун Генем (преподаватель института народного хозяйства, бывший зав. 1-м отделом МИД КНДР). 8 сентября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Ю Сон Хуном (ректор университета Ким Ир Сена). 11 сентября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы В. И. Пелищенко (советник посольства) с Нам Иром (министр иностранных дел). 9 октября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Ли Дэ Пхилем (зам. председателя пхеньянского городского комитета ТПК). 10 октября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы О. В. Оконишников (первый секретарь посольства) с Ким Тхэк Еном (зам. министра юстиции). 14 октября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Тянь Чу Иком (член-корреспондент Академии наук КНДР). 17 октября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

К беседе с партийно-правительственной делегацией КНДР. Справка. КЧИ, документы 1957 года. № 1172/8в, 22/Х-57 г.

Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Пак Киль Еном (заведующий 1-м отделом МИД КНДР). 22 октября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы В. С. Захарьина (зав. консульским отделом посольства) с Пак Тхя Себом (советский гражданин). 12 ноября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Пак Киль Еном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 28 ноября 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Пак Киль Еном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 8 декабря 1957 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 13. Д. 6, папка 72.

Запись беседы В. С. Захарьина (зав. консульским отделом посольства) с Пак Киль Еном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 28 января 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75.

Запись беседы Н. М. Шестерикова (советник посольства) с Пак Гиль Еном (зав. 1-м отделом МИД КНДР). 17 февраля 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75.

Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Цой Сын Хуном (заместитель председателя комитета ТПК провинции Ю. Хамгён) и Чу Чхан Чуном (зам. зав. отделом пропаганды и агитации ЦК ТПК). 5 марта 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75.

Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Ким Ен Дю (зам. заведующего Орготделом ТК ТПК). 11 апреля 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75.

Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Вон Хен Гу (зам. заведующего орготделом ЦК ТПК). 21 июня 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75).

Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Ким До Маном (зав. отдела пропаганды и агитации ЦК ТПК). 20 августа 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 9, папка 75.

Материалы о разоблачении реакционного заговора в партии Ченудан, Демократической партии и в Комитете по ускорению мирного объединения страны в составе южнокорейских деятелей. Документ передан посольству 7 ноября 1958 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 9, папка 75.

Дневник посла А. М. Пузанова. Запись от 5 января 1959 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 15. Д. 7, папка 81.

Дневник посла А. М. Пузанова. Запись от 7 декабря 1960 г. КЧИ, документы за 1960 г.

Дневник посла А. М. Пузанова. Запись от 9 января 1959 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 15. Д. 7, папка 81.

Дневник советского посла в КНДР, 1—15 февраля 1960 г. Запись от 1 февраля. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 16. Д. 6, папка 85.

Запись беседы В. И. Пелишенко (советник посольства) с Нам Иром (министр иностранных дел). 4 января 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

Запись беседы А. М. Юлина (первый секретарь посольства) с Ким До Маном (зав. отдела пропаганды и агитации ЦК). 11 февраля 1959 г. АВП РФ. Ф. 102. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

Запись беседы В. И. Пелишенко (советник посольства) с Нам Иром (министр иностранных дел). 14 февраля 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

Запись беседы Н. Е. Торбенкова (советник посольства) с Пак Киль Еном (зам. министра иностранных дел). 15 марта 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь посольства) с Цой Хак Реном (зав. юридическим отделом Президиума ВНС КНДР). 16 марта 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

Запись беседы Б. К. Пименова (первый секретарь посольства) с Ким Ен Дю (зам. заведующего орготделом ЦК ТПК). 11 апреля 1959 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 14. Д. 8, папка 75.

Запись беседы Н. Е. Торбенкова (советник посольства) с Пак Киль Еном (зам. министра иностранных дел). 6 июля 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

Запись беседы А. М. Юлина (первый секретарь посольства) с Ким Ен Дю (зав. орготделом ЦК ТПК). 7 августа 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

Запись беседы Б. С. Захарьина (зав. консульским отделом посольства) с Паком Петром Ивановичем. 10 октября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

Запись беседы Г. Е. Самсонова (первый секретарь МИД) с Ли Сан Гу (гражданин Северной Кореи). 16 октября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

Запись беседы В. И. Пелишенко (советник посольства) с Пан Хак Се (министр внутренних дел). 24 октября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

Запись беседы Б. С. Захарьина (зав. консульским отделом посольства) с Ли Чхан Чоном (зав. консульским отделом МИД КНДР). 31 октября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

Материалы на Пак Киль Нама (перевод с корейского). Переданы в посольство 31 октября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

Материалы на Пак Иль Му (перевод с корейского). Переданы в посольство 31 октября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

Запись беседы В. С. Захарьина (зав. консульским отделом посольства) с Пак Николаем (возвращающийся в СССР советский кореец). 5 ноября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

Запись беседы Б. С. Захарьина (зав. консульским отделом посольства) с Н. А. Югаем, Е. К. Юн и М. Ф. Тюгаем. 16 ноября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 10. Д. 9, папка 81.

Запись беседы М. С. Капицы (зам. зав. Дальневосточным отделом МИД) с Пак Док Хва (советник посольства КНДР). 17 ноября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь МИД) с Ким У Ченом Пак Док Хва (советник посольства КНДР). 19 ноября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

Запись телефонного разговора с первым секретарем посольства КНДР в Москве тов. Ким У Ченом. Записано Е. Л. Титоренко. 26 ноября 1959 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 8, папка 81.

Запись беседы А. М. Пузанова (посол СССР в КНДР) с Ким Ир Сенем. 19 декабря 1959 г. КЧИ, документы за 1959 г.

Запись беседы В. И. Пелишенко (советник посольства) с Пан Хак Се (министр внутренних дел). 2 февраля 1960 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 9, папка 85.

Запись беседы В. И. Пелишенко (советник посольства) с Пан Хак Се (министр внутренних дел). 12 февраля 1960 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 15. Д. 9, папка 85.

Запись беседы Е. Л. Титоренко (второй секретарь МИД СССР) с Ю Сон Хуном. 20 февраля 1960 г. АВП РФ. Ф. 0541. Оп. 16. Д. 5, папка 85.

Запись беседы Н. Е. Торбенкова (советник посольства) с Пак Док Хваном (советник МИД КНДР). 13 июня 1960 г. АВП РФ. Ф.0541. Оп. 15 дело 8, папка 81.

Дневник временного поверенного в делах А. М. Петрова. 19 июня — 10 июля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Дневник временного поверенного в делах А. М. Петрова. 20 июля — 3 августа 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Дневник временного поверенного в делах А. М. Петрова. 9—15 февраля 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

Дневник временного поверенного в делах А. М. Петрова. 17 февраля - 2 марта 1956 г. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 12. Д. 6, папка 68.

**Документы Архива Министерства иностранных дел Венгрии (в хронологическом порядке, перевод предоставлен Б. Шалонгаем)**

Архив Министерства иностранных дел Венгрии. XIX—J—1—j Korea 1945-1964, 11th box, 24/b, 00254/1958.

Архив Министерства иностранных дел Венгрии. XIX-J-1-j Korea 1945-64, box 4, 5/a, 003133/1956.

Посольство Венгрии в КНДР, Отчет, 15 августа 1960 г. Архив Министерства иностранных дел Венгрии. KTS, 8. doboz, 5/f, 0033/RT/1960 г.

Посольство Венгрии в КНДР, Отчет, 8 декабря 1960 г., KTS. Архив Министерства иностранных дел Венгрии. 5. doboz, 5/ca, 001/RT/1961 г.

Посольство Венгрии в КНДР, Отчет, 18 февраля 1961 г. Архив Министерства иностранных дел Венгрии. KTS, 6. doboz, 5/c, 003629/1961 г.

**Интервью автора с участниками событий (в алфавитном порядке, по фамилиям интервьюируемых)**

Интервью с Ким Чханом. Ташкент, 15 января 1991 г. Ким Чхан, советский кореец, в период работы в КНДР — директор Государственного банка, член ЦК ТПК.

Интервью с В. Н. Дмитриевой. Москва, 30 января 1990 г. В. Н. Дмитриева — кореевед, преподаватель МГИМО.

Интервью с Кан Сан-хо. Ленинград, 31 октября 1989 г. Кан Сан-хо — советский кореец, в период работы в КНДР занимал ряд заметных постов, в том числе зам. министра иностранных дел.

Интервью с Л. М. Ким. Ташкент, 27 января 1991 г. Л. М. Ким (Ким Мир-я) - дочь Ким Чэ-ука, советского корейца, занимавшего ряд руководящих постов в КНДР.

Интервью с В. В. Ковыженко. Москва, 2 августа 1991 г. В. В. Ковыженко - дипломат и партийный работник.

Интервью с Л. Я. Ли. Москва, 16 января 2001 г. Д. Я. Ли — сын Ли Янбара, советского корейца, сотрудника КГБ, работавшего в Северной Корее.

Интервью с Зоей Пак. Ташкент, 1 февраля 1991 г. Зоя Пак — вдова Ким Чхиль-сона, советского корейца, работавшего в КНДР.

Интервью с Пак Иль-саном. Петербург, 4 февраля 2001 г. Па Иль-сан - сын Паа Чхан-ока, в момент его ареста находился в СССР на учебе, в КНДР не вернулся.

Интервью с Пак Пён-юлем. Москва, 25 января 1990 г. Пак Пён-юль — советский кореец, в период работы в КНДР занимал ряд руководящих постов.

Интервью с Р. Н. Паком. Алма-Ата, 16 декабря 2001 г. Р. Н. Пак — сын Пак Киль Нама, советского корейца, занимавшего ряд командных должностей в северокорейской армии.

Интервью с Г.К.Плотниковым. Москва, 1 февраля 1990г. Г. К. Плотников, советский офицер и военный историк, специалист по Корее.

Интервью с Сим Су-чхолом. Ташкент, 23 января 1991 г. Сим Су-чхоль, советский кореец, в период работы в КНДР был начальником Управления кадров Генштаба КНА (вооруженных сил Северной Кореи).

Интервью с Сим Су-чхолом. Ташкент, 17 января 1991 г.

Интервью с Соном Александром. Ташкент, 31 января 1991 г. Александр Сон — сын Сон Вон-сика, советского корейца, в период работы в КНДР - зав. отделом ЦК ТПК.

Интервью с В.Д.Тихомировым. Москва, 25 сентября 1989г. В. Д. Тихомиров - кореевед, дипломат и партийный работник, сотрудник ЦК КПСС и КГБ СССР.

Интервью с В. П. Ткаченко. Москва, 23 января 1990 г. В. П. Ткаченко - кореевед, дипломат и партийный работник, с начала 1960-х гг. и до августа 1991 г. работал в секторе Кореи в ЦК КПСС (на протяжении долгого времени заведовал этим сектором).

Интервью с Чхве Сон-ок. Москва, 17 января 2006 г. Чхве Сон-ок — вдова Хо Ун-бэ, корейского поэта, журналиста и историка, отказавшегося вернуться в КНДР в 1957 г.

Интервью с Чхве Сон-ок. Москва, 18 января 2006 г.

Интервью с С. П. Югаем. Москва, январь 1990 г. С. П. Югай — племянник Ю Сон-хуна, советского корейца, в период работы в КНДР — ректора.

#### **Статьи и книги на русском и английском языках**

Bell John. The Bulgarian Communist Party from Blagoev to Zhivkov. Stanford: Hoover Institution Press, 1986.

Biskupski Mieczyslaw. The History of Poland. Westport, CT: Greenwood Press, 2000.

Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945—1963. Edited by Odd Arne Westad. Washington: Woodrow Wilson Center Press; Stanford: Stanford University Press, 1998.

- Brugger Bill. Contemporary China. London: Croom Helm, 1977.
- Cheng Yinghong. Beyond Moscow-Centric Interpretation: An Examination of the China Connection in Eastern Europe and North Vietnam during the Era of De-Stalinization // *Journal of World History*. № 4. 2004.
- Cumings Bruce. Korea's Place under the Sun: A Modern History. New York, London: Norton & Company, 1997.
- Eberstadt Nicholas. Korea Approaches Unification. New York & London: M.E.Sharpe, 1995.
- Fairbank John, Goldman Merle. China: A New History. Cambridge (Mass.), London: Belknap Press of Harvard University Press, 1998.
- Foley James. Ten Million Families: Statistic or Metaphor? // *Korean Studies*. № 1. 2001.
- Gluchowski L. W. Khrushchev, Gomulka, and the «Polish October» // *Cold War International History Project Bulletin*. №5 (1995).
- Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York: Institute of Pacific relations, 1944.
- Hamm Taik-young. Arming the Two Koreas: State, Capital and Military Power. London & New York: Routledge, 1999.
- Hobsbawm Eric. Nations and Nationalism since 1780: Programs, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Hobsbawm Eric. The Age of Extremes. New York: Vintage books, 1994.
- Hoxha Enver. The Artful Albanian: Memoirs of Enver Hoxha. London: Chatto & Windus, 1986.
- Koon Woo Nam. The North Korean Communist Leadership, 1945—1965: A Study of Factionalism and Political Consolidation. Alabama: University of Alabama Press, 1974.
- Kramer Mark (translation and annotation). The «Malin Notes» on the Crises in Hungary and Poland, 1956 // *Cold War International History Project Bulletin*, № 8-9.
- Lees Lorraine. Keeping Tito Afloat: The United States, Yugoslavia, and the Cold War. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1997.
- Lim tJn. The Founding of a Dynasty in North Korea. Tokyo: Jiyu-sha, 1982.
- Llobera Josep. The God of Modernity: The Development of Nationalism in Western Europe. Oxford: Berg Publishers, 1994.
- Mansourov Alexander. Stalin, Mao, Kim, and China's Decision to Enter the Korean War, September 16-October 15, 1950: New Evidence from the Russian Archives // *Cold War International History Project Bulletin*. № 6. Winter 1995-1996.
- Masao Okonogi. North Korean Communism: in Search of Its Prototype // *New Pacific Currents*. Honolulu: University of Hawaii, 1994.
- Myers Brian. Han S6l-ya and North Korean Literature. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994.

Park Hyun Ok. *Two Dreams in One Bed: Empire, Social Life and Origins of the North Korean Revolution in Manchuria*. Durham and London: Duke University Press, 2005.

Rothschild Joseph. *Return to Diversity: A Political History of East Central Europe Since World War II*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1993.

Scalapino Robert and Lee Chong-sik. *Korean Communism*, vol. 1. Berkeley: University of California Press, 1972.

Shen Zhihua. *Sino-North Korean Conflict and its Resolution during the Korean War // Cold War International History Project Bulletin*. Issue 14/15 (Winter 2003 - Spring 2004).

Suh Dae-Sook. *Korean Communism 1945—1980: A Reference Guide to the Political System*. Honolulu: Hawaii University Press, 1981.

Suh Dae-suk. *Kim Il Sung: The North Korean Leader*. New York: Columbia University Press, 1988.

Sullivan Lawrence. *Leadership and Authority in the Chinese Communist Party: Perspectives from the 1950s // Pacific Affairs*. 1986. № 4.

Szalontai Balazs. *Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet-DPRK Relations and the Roots of North Korean Despotism, 1953-1964*. Stanford: Stanford University Press, 2005.

Teiwes Frederick. *Politics and Purges in China*. 2nd edition. New York, London: M.E.Sharpe, 1993.

Tismaneanu Vladimir. *Understanding national Stalinism: reflections on Ceausescu's socialism // Communist and Post-Communist Studies*. 1999. №2.

История Албанской Партии Труда. Тирана, 1981.

Ким Сын Хва. *Очерки по истории советских корейцев*. Алма-Ата: Наука, 1965.

Кузовкин Геннадий. *Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней «оттепели» // Корни травы: Сб. статей молодых историков*. М.: Звенья, 1996.

Отношения Советского Союза с Народной Кореей: Документы и материалы. М.: Наука, 1981.

#### **Статьи и книги на корейском языке**

1946, 1947, 1948 пубндo Pukhan kyOngje t'onggye charyojip [Статистический справочник экономики Северной Кореи за 1946, 1947, 1948 гг.]. Ch'unch'on: Hanlim taehakkyo ch'ulp'anbu, 1994.

ChosOn chOnsa [Полная история Кореи]. Pyongyang: Kwahak paek kwa sajon ch'ulp'an sa, 1981.

ChosOn kongsanjuui undong-ui wanjOnhan t'ongil-ui silhaeng [Достижение полного единства корейского коммунистического движения]. Pyongyang: ChosOn nodongdang ch'ulp'ansa, 1962.

ChosOn mal sajOn [Словарь корейского языка]. Pyongyang: Kwahakwon ch'ulp'ansa, 1961-1962.

Han P'yo-yOp. HyOn sigi tang sasang saOp-esO-ui myOch' kkaji munje [Некоторые вопросы идеологического образования на современном этапе] // Kiinloja. 1959. № 3.

Hwang Chang-yOp, Kim Hu-sOn. Yi Ch'Ong-wOn ch6 ChosOn-e issOso p'iiret'ariat'ii hegemoni-rul wihan t'ujaeng-e taehayo [По поводу книги Ли Чхон-вона «Борьба за гегемонию пролетариата в Корее»] // Kiinloja. 1957. № 12.

Hwang Chang-yOp. YOksa palJOn-esO inmin taejung yOkhal-gwa kaein-йо yOkhal [Роль личности и народных масс в историческом процессе]. Pyongyang: ChosOn Nodongdang Ch'ulp'ansa, 1957.

Kim Hak-jun. Pukhan 50 nyOn Sa [Пятьдесят лет истории Северной Кореи]. Seoul: Tong'a Ch'ulp'ansa, 1995.

Kim И Sbnг chbjak sbnjip [Избранные труды Ким Ир Сена]. Pyongyang: ChosOn Nodongdang ch'ulp'ansa, 1967-

Kim Nam-sik. Namnodang yOngu [Изучение Трудовой партии Южной Кореи]. Seoul: Tolpegai, 1984.

Kim Si-jung. Uri tang-i kyesunghanun pich'nanun hybkmybngjбk chOnt'ong [Славные революционные традиции, продолжаемые нашей партией] // Kunloja. 1958. № 7.

Kim S6k-hyang. Pukhan-ui myOngjOl-gwa ki'nyOmil [Праздники Северной Кореи]. Рукопись.

Kim SOng-su. 1950 nyOndae Pukhan munhak-kwa sahoejuui riOllijum [Социалистический реализм и северокорейская литературы 1950-х годов] // HyOndae Pukhan yOngu. 1999. № 2.

Mirok ChosOn minjujuui konghwaguk [Тайная история КНДР]. Seoul: Chung'ang ilbo sa, 1991.

Mirok ChosOn minjujuui konghwaguk: Na [Тайная история Корейской Народно-Демократической Республики. Часть 2]. Seoul: Chung'ang ilbo sa, 1993.

NongOp hyOpdonghwa undong-iii smngli [Победа движения за коллективизацию сельского хозяйства]. Т. 1. Pyongyang: ChosOn Nodongdang Ch'ulp'ansa, 1958.

Paek Chun-gi. ChOngiOn hu 1950 nyOndae Pukhan-ui chOngch'i pyOndong-gwa kwonlyOk chaep'an. [Политические перемены и изменения в структуре власти в Северной Корее в 1950-е гг. после (Корейской) войны] // HyOndae Pukhan yOngu. Vol. 2. № 2 (1999, весна).

Pak My5ng-lim. Hanguk chOnjaeng-ui palbal-gwa kiwOn (II) [Истоки и начало Корейской войны. II]. Seoul: Nanam, 1998.

Pak Sang-hong. ChikOp tongmaeng saOp-eso chegitwenta myOch' kaji munje [Некоторые проблемы деятельности профсоюзов] // Kunloja. 1957. № 7.

Рак Tong-hwan. HyOkmyOngOk kybnggaksbng-ml cheghaja [Повысим революционную бдительность!] // Kiinloja. 1957. № 5.

Pukhan ch'onglam [Северокорейское обозрение]. Seoul: Pukhan yOnguso, 1985.

Pukhan inmyOng sajOn [Биографический словарь Северной Кореи]. Seoul: Chungang ilbo sa, 1990

SO Tong-man. Puk ChosOn sahoejuui ch'eje sOnglip sa [История становления социалистической системы в Северной Корее]. Seoul: SOin, 2005.

Taejung chOngch'i yOng'O sajOn [Популярный словарь политических терминов]. Pyongyang: ChosOn Nodongdang ch'ulp'ansa, 1959.

Uri-nun chinan 100 nyOn tong'an OtOkhe sarassulkka? [Как мы жили последние сто лет?] Seoul: YOksa pip'yOng sa, 1998.

Wada Haruki. Kim И Sбng-gwa manju hang'il chOnjaeng [Ким Ир Сен и антияпонская война в Маньчжурии]. Seoul: Ch'angjak-kwa pip'yOn sa, 1992.

Yi Hyang-gyu. Pukhan sahoejuui pot'ong kyoyuk-ui hyOngsOng: 1945-1950 [Создание системы начального образования в Северной Корее: 1945-1950]. Диссертация на степень д-ра. Seoul: Seoul National University, 2000.

Yi Na-yOng. ChosOn minjok haebang t'ujaeng sa [История национально-освободительной борьбы корейского народа]. Pyongyang: ChosOn nodongdang ch'ulp'ansa, 1958.

Yi Song-un. P'alwol chOnwonhiii-wa tang taeryOl-ui t'ongil tangyOl [Августовский пленум и единство партийных рядов] // Kiinloja. 1959. № 8.

Yi Song-un. P'alwol chbwonhui-wa tang taeryOl-ui t'ongil tangyOl. [Августовский пленум и единство партии] // Kiinloja. 1959. № 8.

Yim Ch'un-ch'u. Panil minjok haebang t'ujaeng-e issOsO kyOnsilhan kongsanjuuijadul-uu yOkhal [Роль истинных коммунистов в антияпонской национально-освободительной борьбе] // Kiinloja. 1957. № 5.

### **Периодическая печать**

Нодон синмун. 1954—1960.

Кынлочжа. 1955-1960.

## ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Ан Ён 247  
Ан Ун Ген 225, 229  
Андропов Ю.В. 227, 228
- Берут Болеслав 140  
Брежнев Л. И. 106, 148, 200, 238, 295  
Бухарины. И. 191  
Бяков И. С. 61, 81, 98, 319
- Вада Харуки (Wada Haruki) 24, 27, 110, 114, 306  
Васильеве. В. 151, 191, 322  
Васюкевич В. А. 24, 48  
Верещагин Б. Н. 34, 226-229  
Вон Хен Гу 37, 108, 224, 318  
Ворошилов К. Е. 234
- Габрусенко Т. В. 86.  
Георгиу-Деж Г. 317  
Гере Эрно 203  
Голдман Мерл (Merle Goldman) 120  
Гольдина Л. Г. 41  
Гомулка Владислав 161, 172, 173, 201  
Гоффман Ежи 283  
Гришаев А. К. 48  
Громько А. А. 286
- Дмитриева В. Н. 320
- Ежов Н. И. 307  
Ё Чон 263
- Жданов А. А. 70  
Живков Т. 317
- Захарьин В. С. 219, 273, 277-277
- Иваненко В. И. 95, 106, 149, 155  
Иванов В. И. 126, 129, 131, 132, 168, 270, 278  
Игнатъев А.М. 40  
Имре Надь 316
- Каганович Л.М. 234  
Кадор Янош 214  
Кан Кон 112  
Кан Сан-хо 15, 118, 139, 153, 171, 177, 180, 182, 193, 194, 308, 309  
Кан Чин 279  
Капица М. С. 285  
Кардель Эдвард 214  
Квон Ён-тхэ 247  
Ки Сек Пок см. Ки Сок-пок  
Ки Сок-пок 66, 68, 69, 74, 76, 80, 83, 85, 86, 96, 107, 112
- Ким Вон-бон 247  
Ким Вон-гиль 275  
Ким Вон-суль (Ким Вон Сур) 249, 251  
Ким Вон Сур см. Ким Вон-суль  
Ким Дю Бон см. Ким Чу-бон  
Ким Ёль 67  
Ким Ён-чжу (Ким Ён Дю) 185, 240-242, 293  
Ким Ён Дю см. Ким Ён-чжу  
Ким Ён-чхан 114  
Ким Ик-сон 250  
Ким Иль 152, 153  
Ким Ир Сен 2, 6-9, 11, 13, 17, 19, 24, 26-28, 31-37, 42, 45, 48-56, 59, 60, 62, 64, 65, 67, 69-79, 81, 84, 87-93, 95, 96, 98-100, 102-108, 112, 113, 115-119, 121-126, 128-131, 133-144, 146-154, 156, 158, 161-172, 175-182, 184-192, 195, 196, 199-210, 212, 215-217, 221, 222, 224, 226-229, 233-242, 244-247, 249, 250, 252, 254, 256, 258, 264-266, 270, 275, 277, 278, 280-283, 286, 287, 293-314, 317, 318, 320-325  
Ким Кан 193, 194  
Ким Кён-сок 250  
Ким Кын-иль 111  
Ким Л.М. см. Ким Миль-я  
Ким Миль-я (Ким Мир-я, Ким Людмила Мефодиевна) 273, 319, 320  
Ким Му-чжон (Му Чжон) 28, 33, 113  
Ким Нам-чхон 63, 68, 83-86  
Ким Пон-юль 247  
Ким Сан-хён (Ли Сан-хён) 247  
Ким Сен Юр см. Ким Сон-юль  
Ким Со Рён 221, 222  
Ким Сок-Хян 14, 294  
Ким Сон-су (Kim Song-su) 208, 268  
Ким Сон-юль (Ким Сен Юр) 57  
Ким Су-чхоль 15, 38, 281  
Ким Сын-хва 99, 106, 111, 112, 126, 135, 146-151, 154, 160, 163, 166, 182, 191-193, 209, 222, 228, 238, 248, 308  
Ким Таль-хён (Ким Дар Хен) 56, 289, 290, 292  
Ким То-ман (Ким До Ман) 289, 291, 292  
Ким Ту-бон (Ким Ду Бон) 27-29, 35, 107, 115, 134, 135, 146, 148, 149, 154, 166, 182, 186, 191, 204, 238, 245, 246, 248, 250, 265, 303, 304  
Ким Ту-сам 112  
Ким Тхэ-гын 246

- Ким Тхэк Ен 223  
 Ким Ун 113, 251, 252  
 Ким У-чжон (Ким У Чен) 285, 286  
 Ким Хак-чжун (Kim Hak-jun) 13, 104, 111, 148, 177, 182, 184, 185, 192, 195, 224, 245, 262, 263, 265, 274, 308, 309  
 Ким Хван-иль 111, 114  
 Ким Хве-иль 114  
 Ким Хен Мо 34, 226, 227  
 Ким Хэ Ир 179  
 Ким Чан Ман см. Ким Чхан-ман  
 Ким Чжон Ир 242  
 Ким Чу-бон (Ким Дю Бон) 129, 168, 187  
 Ким Чхан 15, 150  
 Ким Чхан-док 307  
 Ким Чхан-ман (Ким Чан Ман) 107, 115, 133, 135, 152, 153, 235, 236-240, 307, 309  
 Ким Чхан-хып 238, 239  
 Ким Чхиль-сон 275  
 Ким Чхэк 112  
 Ким Чэ-ук 69, 112, 273, 319  
 Ким Ын-ёп 300  
 Ким Як-су 291  
 Ко Пон-ги 160, 238, 246, 251  
 Ко Хи-ман (Ко Хи Ман) 138-140, 147, 165, 166, 178-182, 184, 187, 188, 192, 193  
 Ковыженко В. В. 15, 197, 199-204, 240, 317  
 Когоушек Станислав (Kohousek) 287, 288  
 Курбацкий Н. П. 288  
 Курдюков И. Ф. 124, 146, 151, 159, 171, 226, 228, 312  
  
 Лазареве. П. 41, 139, 165, 166, 188, 192  
 Лебедев Н. Г. 285.  
 Ленин В. И. 6, 10, 45, 105, 109, 118, 183, 194, 200  
 Ли Ги Ен см. Ли Ки-ён  
 Ли Д.Я. 267, 272  
 Ли Ден Ок см. Ли Чон-ок  
 Ли Ён-хо 112  
 Ли Ир Ген 304  
 Ли Квон-му 247  
 Ли Ки-ён (Ли Ги Ен) 62, 98  
 Ли Мун-иль 280  
 Ли Пхиль-гю 126-134, 147, 153-155, 158, 167-171, 178-182, 187, 191, 193, 194, 205, 209, 248  
 Ли Сан-гу (Ли Сан Гу) 284-287  
 Ли Сан-хён см. Ли Сан-хён  
  
 Ли Сан-чжо (Ли Сан Чо) 34, 65, 90, 107, 121, 124, 127, 129, 130, 146, 147, 151, 154, 159, 160, 163, 165, 171, 191, 225-228, 248, 282, 283, 308, 311, 312  
 Ли Сан Чо см. Ли Сан-чжо  
 Ли Син-Пхаль 286, 287  
 Ли Сон-ун (Li Song-un) 176, 195, 207, 211, 222, 287, 298, 303  
 Ли Сын Еб см. Ли Сын-ёп  
 Ли Сын-ёп (Ли Сын Еб) 244, 250, 290, 291  
 Ли Сын-ман (Ли Сын Ман) 25, 46, 157, 185, 241, 312  
 Ли Тхэ-чжун 63, 68, 74, 83-86  
 Ли Тэ-пхиль 220-222  
 Ли Хё-сун 90, 112, 115, 250  
 Ли Хо-гу (Ли Хо Гу) 98  
 Ли Чон-ок (Ли Ден Ок) 114, 116, 122, 152, 153, 190, 243, 307  
 Ли Чон-сик (Lee Chong-sik) 13, 33  
 Ли Чу-ён 105, 199  
 Ли Чхан Чон 279  
 Ли Чхон-вон 190, 217, 298, 299  
 Ли Ю-мин 247  
 Лим Хва 63, 83-85  
 Лим Хэ 101, 110, 152, 153, 198, 199  
 Лим Чхун-чху 298  
 Лим Ын см. Хо Ун-бэ  
 Лисиков В. К. 57  
 Ллобера Дж. (Josep R. Llobera) 256  
 Лю Дин-и 120, 121  
  
 Майерс Брайан (Brian Myers) 14, 62, 68  
 Макиавелли Н. 311  
 Макуч 270  
 Маленков Г.М. 234  
 Мальчевский 278  
 Мансуров А. 33  
 Мао Цзэ-дун 34, 52, 64, 70, 102, 119, 120, 157, 171-175, 198-200, 204, 206, 231, 236-238, 258-260, 266-268, 294, 317  
 Маркс К. 45, 105  
 Масао Оконоги (Masao Okonogi) 14, 53, 54, 79, 155, 182  
 Микоян А. И. 12, 122, 166, 172, 197-206, 239, 240, 321  
 Мун Сок-поль 222  
  
 Нам Иль (Нам Ир) 48, 80, 112, 115, 122, 124, 125, 136-138, 152, 153, 162, 165-167, 225, 235, 239, 245, 271, 272, 280, 2816 306-309  
 Нам Ир см. Нам Иль  
 Нам Кун-у (Nam Koon Woo) 54, 177

- Нам Он Ен (Нам Семен Тимофеевич) 57, 58  
 Нам Семен Тимофеевич см. Нам Он Ен  
 О Ки-соп 114  
 О Чин-у 247  
 Оконишников О.В. 223  
 Окулов Р.Г. 151, 191, 322  
 Ом Хо-Сок 63, 85, 86  
 Отто Гротеволь 90  
 Охаб Эдвард 161, 316  
  
 Пак Вива 118  
 Пак Ден Ай см. Пак Чжон-э  
 Пак Док Хва 285  
 Пак Док Хван 280, 282  
 Пак Ён-бин (Пак Ен Бин) 55, 58-60, 66, 67, 69, 71, 74, 76-80, 83, 85, 86, 105, 106, 150, 280, 281  
 Пак Зоя 275  
 Пак Иль-му (Пак Иль Му) 277-279  
 Пак Иль-сан 74  
 Пак Ир-у 33-35, 50, 64, 65, 113, 127, 160, 171, 238, 244, 321  
 Пак Киль-ён (Пак Киль Ен) 95, 105, 106, 149, 155, 160, 166, 192, 193, 202, 204, 228, 229, 236-240, 247, 273, 284, 308, 309  
 Пак Киль-нам (Пак Киль Нам) 276, 278, 279  
 Пак Кым-чхоль (Пак Кым Чер) 55, 84, 85, 89, 94, 95, 142, 150, 152, 153, 207, 211, 243, 244, 246, 309  
 Пак Мён-рим (Пак Myong Rim) 127, 314  
 Пак Мун-гю 235  
 Пак Николай 278  
 Пак П.И. 278  
 Пак Пён-юль 279  
 Пак Р. Н. 278  
 Пак Се-чхан 247  
 Пак Си-Ён 63  
 Пак Син Док 288  
 Пак Тхя Себ 219  
 Пак Хё-сам ИЗ  
 Пак Хон-ён (Пак Хен Ен) 25, 32, 43, 63, 64, 75, 83, 103, 117, 118, 195, 244, 253, 290, 307, 321  
 Пак Чжон-э (Пак Ден Ай) 16, 55, 87, 90, 122, 124, 125, 133, 137, 138, 142-144, 165-167, 179, 225, 307  
 Пак Чон-э 105, 114, 115, 152, 153, 225, 251, 280, 306, 308, 309  
 Пак Чхан-ок (Пак Чан Ок) 35, 47, 53-55, 64-71, 74, 76, 77, 79, 80, 83-90, 105, 106, 111, 112, 122, 133-135, 137, 138, 147, 149-151, 153, 155, 156, 159, 160, 162, 176, 181, 182, 187, 189-191, 205, 210, 217, 220, 222, 223, 238, 244-246, 248-252, 275, 277, 278, 317  
 Пак Ёй-ван (Пак Ё Ван, Пак И Ван) 16, 65, 69, 78, 80, 87-91, 95, 105, 106, 110, 112, 116, 123, 141, 148, 222, 238, 275  
 Пан Хак-се (Пан Хак Се) 112, 137, 139, 160, 238, 246, 248-253, 263, 264, 280, 306, 307  
 Пелишенко В. И. 41, 160, 207, 211, 215, 225, 227, 239, 245, 248-252, 264, 271, 281  
 Петров А. М. 60, 80, 81, 98, 125, 126-132, 136-139, 155, 162, 163, 165-170  
 Петухов В. 41  
 Пильсудский Б. 313  
 Пименов Б. К. 37, 108, 160, 166, 185, 192, 193, 202, 204, 224, 225, 229, 236, 237, 239, 240, 242, 289, 318  
 Писарев Д. И. 220  
 Плотников Г. К. 15, 202, 203, 252, 278  
 Плотников Г. М. 203, 287  
 Пол Пот 52  
 Пономарев Б. Н. 125, 201-203  
 Прат Карой (Prath) 287, 288.  
 Пузанов А. М. 258, 286-288, 295, 296  
 Пэк Нам-ун 307  
 Пэк Чун-ги (Paek Chun-gi) 65, 67, 75, 235  
 Пэн Дэ-хуай 71, 197, 200-202, 205, 206, 236, 237, 240  
  
 Ракоши Матиаш 45, 122, 161, 162, 201, 203, 310  
 Ротшильд Дж. (Rothschild Joseph) 117, 201  
  
 Сабуров 232  
 Самсонов Г. Е. 107, 138, 147, 178, 180, 184, 187, 188, 193, 195, 207, 211, 215, 216, 218, 284, 285, 304  
 Сидихменов В. Я. 201  
 Сим Су-чхоль 15, 38, 281  
 Син Чхон-гхэк 151, 191, 322  
 Скалапино Р. (R. Scalapino) 13, 33  
 Со Дэ-сук (Suh Dae-suk) 13, 33, 73, 111, 153, 158, 159, 164, 177, 211, 239  
 Со Со-ан 291  
 Со Тон-ман (So Tong-man) 14, 235, 293

- Со Хви 113, 147, 178—185, 187, 191, 193, 194, 205, 209, 219, 224, 248, 308, 309  
 Со Чхоль 250  
 Со Чхун-сик 280  
 Сок Сан 139, 247  
 Сон Кун-чхан (Сон Кун Чан) 213, 214, 218, 321  
 Сон Чин-пха (Сон Дин Фа) 60, 61, 81, 319  
 Сталин И. В. 2-5, 19, 20, 33, 39, 44-46, 50, 51, 54, 89, 90, 93, 94, 104, 105, 119, 120, 140, 142, 144, 191, 202, 214, 219, 229, 254, 270, 280, 293, 295, 323  
 Суздалев С. П. 47, 48, 272
- Тен Дюн Тхяк см. Чон Чун-тхэк  
 Тен Сон Он 57, 58  
 Тен Юр см. Чон Юль  
 Тито 42, 214, 229, 325  
 Титоренко Е.Л. 41, 189-191, 210, 211, 213-218, 220, 221, 225, 246, 273, 282, 285, 286, 292, 320-322  
 Тихомиров В. Д. 203  
 Ткаченко В. П. 15, 41, 276, 286  
 Торбенков Н. Е. 229, 247, 280, 282  
 Тункин Г. И. 40  
 Тэн Дон Хек 76  
 Тюгай М. Ф. 277
- Федоренко Н. Т. 168  
 Филатове. Н. 53, 55, 58-60, 65, 67, 69-71, 76-79, 87, 88, 90, 91, 95, 99, 110, 124, 133-135, 139-142, 146, 148-152, 156, 162, 164, 165, 212, 319  
 Фишер Рихард 270  
 Фэрбэнк Джон (John Fairbank) 120
- Ха Ан-чхон (Ха Ан Чен) 246, 307  
 Ха Гап 219  
 Хан Ир-му 112  
 Хан Пхё-ёп 301  
 Хан Сан-ду 152, 153, 179  
 Хан Соль-я 14, 60-65, 67, 68, 70, 73, 77, 83-87, 97, 99, 114, 133, 152, 153, 309  
 Хван Чан-ёп (Hwang Chang-yop) 294, 298-300  
 Хён Пхиль-хун 247  
 Хён Чон-мин 247  
 Хегай А. И. см. Хо Ка-и  
 Хо Ка-и (Хегай А.И.) 30, 33-35, 75, 78, 83, 84, 88, 103, 112, 133, 134, 244
- Холодович А.А. 16, 17, 34, 57  
 Хо Пин 90, 112, 247  
 Хо Сон-тхэк 247  
 Хо Ун-бэ (Лим Ын) 125, 158, 159, 163, 164, 166, 177, 186, 230, 283, 284  
 Хо Чжон-сук 97, 239, 246  
 Хо Ши Мин 52  
 Ходжа Энвер 181, 184, 188, 317, 325  
 Хон Ки-хван 289, 291, 292  
 Хон Нак-ун 217, 218, 225  
 Хон Сун-хван 210  
 Хон Сун-чхоль 85  
 Хорти М. 313  
 Хрущёв Н. С. 5, 39, 44, 46, 94, 102, 109, 118, 120, 124, 125, 175, 184, 200, 201, 231, 232, 234, 286
- Цой Ен Ген см. Чхве Ён-гон  
 Цой Сын Хун см. Чхве Сын-хун  
 Цой Чан Ик см. Чхве Чхан-ик  
 Цой Чен Хен см. Чхве Чон-хён
- Чайковский П.И. 286  
 Чан Ик-хван 215-217  
 Чан Кайши 157  
 Чаушеску Н. 317, 325  
 Червенков В. 93, 161, 162, 310, 317  
 Чернышевский Н.Г. 220  
 Чжоу Бао-чжун 26  
 Чжоу Энь-лай 274  
 Чистов В.В. 201  
 Чин Пан-су 247  
 Чо Ён 247  
 Чо Ман-сик 56  
 Чон Ир-ён (Чон Иль-рен, Чон Иль-ёй, Тен Ир Лен) 115, 179, 307  
 Чон Тон-хёк 66, 76, 83, 85  
 Чон Чун-тхэк (Тен Дюн Тхяк) 114, 153, 179  
 Чон Чхиль-сон 247  
 Чон Юль (Тен Юр) 66, 68, 76, 83, 85  
 Чу Ён-ха 280  
 Чу Кван-ок (Chu Kwan-ok) 295  
 Чу Чхан Чун 246  
 Чхве Ён-гон (Цой Ен Ген) 54-59, 89, 90, 107, 112, 123, 133, 139, 153, 154, 159, 179-181, 198, 199, 265, 309, 321  
 Чхве Кван 251  
 Чхве Сон 13, 177, 182  
 Чхве Сон-ок 283, 284  
 Чхве Сон-хак 247  
 Чхве Сон-хун 190  
 Чхве Сын-хи 68

- Чхве Сын-хун (Цой Сын Хун) 189, 190, 191, 246  
 Чхве Хён 112  
 Чхве Чон-хак 112  
 Чхве Чон-хён (Цой Чен Хен) 218, 320-322  
 Чхве Чхан-ик (Цой Чан Ик) 34, 35, 50, 53, 59, 89, 115, 134, 135, 139—141, 147, 150, 152—154, 159, 160, 163, 164, 171, 175, 176, 178-181, 184, 185, 187-191, 195, 196, 205, 210-212, 217, 220, 223, 226, 238, 241, 242, 244-246, 248-253, 290, 291, 299, 303, 317, 321, 322  
 Чэн Ин-хун (Cheng Yinghong) 174  
 Чэнь Цзянь 174, 197, 200, 206
- Шабшин Г. Ф. 40  
 Шалонтай Балаш (Szalontai Balazs) 14, 15, 38, 43, 45, 48, 49, 61, 96, 97, 169, 183, 186, 195, 213, 259-261, 266, 267, 276, 316-318  
 Шестериков Н. М. 191, 196, 227, 228, 274, 284  
 Штыков Т. Ф. 40, 70  
 Шэнь Чжи-хуа (Shen Zhihua) 171
- Эберштадт Н. (Eberstadt Nickolas) 302  
 Энгельс Ф. 105
- Ю Кён-су 112, 306  
 Ю Сон-хуг 282  
 Ю Сон-хун 210, 211, 213-218, 225, 277, 282  
 Югай Н. Ю. 277  
 Югай С. П. 282  
 Юлина А. М. 292, 293  
 Юн Е. К. 277  
 Юн Кон-хым (Юн Гон Хым) 113, 124, 135, 142, 147, 171, 178-181, 187, 191, 193, 194, 199, 205, 209, 222, 224, 225, 248, 308, 309
- Ягода Г. Г. 307  
 Ян Ке 246, 251  
 Ян Куй-сун 174
- Bell John 93  
 Biskupski Mięczyslaw 173  
 Brugger Bill 259, 260
- Cheng Yinghong см. Чэн Ин-хун  
 Chu Kwan-ok см. Чу Кван-ок  
 Cumings Bruce 315
- Eberstadt Nickolas см. Эберштадт Н.  
 Fairbank John см. Фэрбэнк **Джон**  
 Foley James 37, 314
- Gluchowski L. W. 173  
 Goldman Merle см. Голдман Мерл  
 Grajdanzev Andrew 315
- Hamm Taik-young 269  
 Hobsbawm Eric 236, 256  
 Hoxha Enver 181  
 Hwang Chang-yop см. Хван **Чан-ён**
- Kim Chun-sam 247  
 Kim Hak-jun см. Ким **Хак-чжун**  
 Kim Hu-son 298  
 Kim Nam-sik 114  
 Kim Song-su см. Ким **Сон-су**  
 Kramer Mark 173, 232  
 Kohousek см. Когоушек  
 Станислав
- Lee Chong-sik см. Ли **Чон-сик**  
 Li Song-un см. Ли **Сон-ун**  
 Llobera Josep R. см. Любера Дж.  
 Lorraine Lees 214
- Masao Okonogi см. Масао **Оконоги**  
 Myers Brian см. Майерс **Брайан**
- Nam Koon Woo см. Нам Кун-у
- Paek **Chun-gi** см. Пэк **Чун-ги**  
 Pak Myong Rim см. Пак **Мён-рим**  
 Pak Sang-hong 182  
 Pak Tong-hwan 261  
 Prath см. Прат Карой
- Rothschild Joseph см. **Ротшильд Дж.**
- Scalapino R. см. Скалапино Р.  
 Shen Zhihua см. Шэнь Чжи-хуа  
 So Tong-man см. Со **Тон-ман**  
 Suh Dae-suk см. Со **Дэ-сук**  
 Sullivan Lawrence 120, 198  
 Szalontai Balazs см. Шалонтай **Балаш**
- Teiwes Frederick 231, 233  
 Tismaneanu Vladimir 4
- Yi Hyang-gyu 257, 318
- Wada Haruki см. Вада Харуки

## ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Азия 19, 267  
Азия Восточная 4, 7, 20, 52, 157, 220, 263, 270, 325  
Азия Средняя 29, 30, 284  
Албания 4, 5, 92, 93, 141, 188, 257, 314, 317, 325  
Амноккан (Ялуцзян), река 194, 234  
Англия 266  
Андун, кит. уезд 194
- Болгария 4, 32, 93, 161, 189, 191, 310, 316, 317  
Будапешт 123, 203, 212
- Варшава 123, 174, 200, 206  
Венгрия 4, 5, 32, 45, 47, 118, 122, 123, 169, 174, 189, 191, 201, 203, 211, 213-215, 218, 230, 231, 241, 257, 259, 260, 265, 288, 310, 311, 313, 316  
Восточная Германия 42, 90, 95, 192  
Вьетнам 4, 44, 45, 257, 294
- Германия 5, 18, 19, 255  
Германская Демократическая Республика (ГДР) 4, 95, 106, 149, 155, 270  
Грузия 5
- Дальний Восток 14, 162, 201
- Европа 220  
Европа Восточная 4, 6, 20, 21, 24, 39, 42, 44-46, 92, 104, 118, 122, 134, 157, 174, 176, 206, 213, 231, 232, 254, 257, 310, 311, 313, 325  
Европа Центральная 19
- Китай (КНР) 4, 5, 7, 18, 26-28, 34, 35, 44, 45, 47, 49, 61, 102, 113, 14, 119-121, 127, 133, 134, 155—157, 170, 171, 173-175, 181, 185, 188, 189, 191, 193, 195, 198, 199, 201, 204, 205, 209, 216, 219, 224-227, 231, 233, 235, 241, 245, 248, 255, 258-261, 263, 264, 266-268, 274, 281, 294, 295, 303, 304, 308, 317, 321, 325  
Корея Южная 14, 17, 19, 24, 25, 32, 43, 83, 103, 114, 157, 162, 179, 221, 222, 225, 261, 265, 268, 274, 285, 290-293, 307, 312, 315, 321, 325
- Кусон 261  
Кэсон 208
- Ленинград 171, 180, 194, 228
- Маньчжурия 26, 27, 30, 32, 114, 285, 300-302  
Минск 63, 228, 308  
Монголия 90, 164, 276  
Москва 4, 5, 7, 9, 12, 20, 22, 35-38, 40, 41, 44, 46-48, 59, 80, 83, 89, 90, 97, 100, 107, 113, 117, 118, 121-126, 128, 136, 138-142, 146, 147, 159-161, 163-164, 171-175, 187, 189, 192, 198-206, 210, 212, 225-237, 250-252, 255, 267, 272, 273, 275, 276, 278, 279, 282-287, 317, 318, 320, 324, 325
- Пекин 7, 32, 35-37, 102, 170-175, 184, 189, 194, 198-201, 206, 210, 234, 275, 283, 308, 324  
Познань 123, 140  
Польша 5, 42, 47, 118, 140, 161, 172—174, 189, 199, 201, 203, 211, 215, 230, 255, 257, 310, 311, 313, 316  
Почхонбо, город 300  
Прага 161  
Пула, город 214  
Пхеньян 7, 9, 12, 14, 15, 33, 36, 38-41, 43, 45, 46, 50, 61, 63, 66, 70, 72, 84, 95-97, 100, 122-126, 136, 152, 160, 161, 164, 166, 177, 180, 182, 184, 188, 189, 194, 195, 197—203, 206, 212-215, 220, 226-230, 233, 234, 236, 237, 242, 246, 254, 255, 257, 258, 260, 270-274, 276, 281-284, 286, 287, 291, 292, 305, 313, 320  
Пхёнан Северная, пров. 280, 295  
Пхёнан Южная, пров. 215
- Россия 29, 42, 140, 183  
Румыния 4, 5, 92, 93, 141, 192, 257, 314, 325  
Рянган, пров. 190, 191
- Саривон 48  
Сеул 18, 23, 25, 26, 28, 33, 113, 139, 291  
Советский Союз (СССР) 2-5, 7, 9, 10, 16, 18, 20, 23, 26, 28-31, 34, 38, 40-44, 46, 47-49, 50-52, 54,

- 55, 60, 61, 65, 74, 80, 81, 83, 88,  
 90, 94, 95, 98, 99, 101, 104-106,  
 108, 109, 114, 118, 119, 121, 122,  
 124, 125, 127-130, 133, 134, 136,  
 139, 144, 146, 147, 149-151, 155-  
 157, 159, 160-163, 165, 168, 170,  
 171, 173, 174, 176, 178, 183, 184,  
 188, 191-193, 195, 198, 199, 203-  
 206, 208, 210, 212, 214, 216, 219,  
 220, 223, 225, 226, 228-235, 241,  
 244, 245, 248, 251, 253-258, 261,  
 267, 268, 270, 271-288, 293, 295,  
 304, 308, 311-313, 316, 317, 320,  
 324, 325
- Соединенные Штаты Америки (США)  
 18, 32, 46, 253, 269, 291, 313
- Токио 113
- Улан-Батор 164
- Хабаровск 26, 30
- Хамгён Северная 48, 90
- Хамгён Южная 127, 246
- Чехословакия 32, 92, 191
- Чунцин, город ИЗ
- Югославия 44, 214, 216, 229, 325
- Ялуцзян см. Амноккан, река
- Янган-до, пров. 189
- Яньань 26-28, 30, 31, 113, 303
- Япония 24, 228, 253, 266, 284, 285, 315

## ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Академия наук КНДР 114, 190, 217, 221, 273, 299  
Академия наук СССР 191  
Академия общественных наук при ЦК КПСС 192
- Большой скачок, влияние на КНДР 265-268  
Буряты 276
- Верховное Народное Собрание (ВНС) КНДР 21, 29, 114, 139, 165, 178, 188, 284, 292  
- выборы в ВНС 264-265  
Верховный Суд КНДР 261  
Визиты, северокорейских делегаций  
- в СССР и Восточную Европу (1956 г.) 121-124, 140, 164, 176  
- в СССР (1957 г.) 235  
- во Вьетнам и Китай (1958 г.) 294  
Вопросы истории, журнал 119  
Воспоминания антияпонских партизан 301-302  
Вредительство, обвинения в ... 63, 220-222, 245, 261, 278  
Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК) 282-283
- Генеральный Штаб КНА 38, 112, 127, 282, 334  
Госплан КНДР 35, 54, 64, 65, 69, 79, 122, 134, 182  
Гражданство советских корейцев 29, 273-274, 276, 281, 284
- Демократическая партия 56-58, 180, 288-292  
Деревья с лозунгами 300  
Десталинизация 4, 44, 60, 92, 174, 175, 205, 231, 233, 282, 310  
- в СССР 44, 50, 51, 59, 103, 118, 123, 193  
- в Восточной Европе 46, 92, 103, 141  
Догматизм 71-72, 96
- Инминбан (народные группы) 262  
Интеллигенция в КНДР 155, 195, 263  
- ее недовольство 118, 211-218, 310
- Кабинет Министров КНДР 23, 47, 53, 88, 91, 130, 134, 140, 142, 246, 249, 263, 290
- Кабинеты изучения революционной деятельности Маршала Ким Ир Сена 295  
Карточная система снабжения 47-48, 155, 259  
Китайская Красная Армия см. Народно-Освободительная Армия Китая  
Китайские войска в КНДР 28, 36, 131, 168, 172, 237, 273-274  
Коллективизация сельского хозяйства 21, 258-259  
Коминтерн 22, 24  
Комитет содействия мирному объединению 291  
Консерватория (московская) 284, 286  
Конференция ТПК (Первая) 242-248  
Концепция мирного сосуществования 45-46, 72, 74, 93, 144, 184-185  
Корейское общество культурных связей с границей 98  
Краткий курс истории ВКП(б) 183  
Культ личности 50, 59, 82, 85, 90, 91, 93, 94, 103-105, 120, 142-145, 161, 175, 255  
- Ким Ир Сена 7, 8, 45, 50, 62, 81, 91-93, 103-105, 107, 125-126, 128, 130, 133, 135, 137, 142, 142-145, 154, 169, 180-181, 186, 195, 216, 226, 293-296, 304, 309, 319, 325  
- Сталина 3, 44, 50, 60, 119, 140, 142-145, 214  
- Пак Хон-ёна 103-104  
Культура иностранная, борьба против ее влияния 74-76, 96-99, 207-208, 255-258  
Культурная революция в КНР 120, 219, 234, 263  
Культурное влияние России—СССР в КНДР 38, 74-76, 96-99, 238, 255  
Кынлочжа, журнал 10, 261, 297, 298, 301
- Литературная политика 60-71, 73, 75-78, 82-87, 100, 112, 207-208, 268
- МакКьюн-Рейшауэр (McCune Reichauer), система 16  
Месячник корейско-советской дружбы 98  
Министерство внутренних дел КНДР 127, 193, 194, 210, 248, 277, 284  
Министерство государственного контроля КНДР 107  
Министерство иностранных дел КНДР 229, 281, 282

- Министерство культуры и пропаганды КНДР 62, 86, 98  
 Министерство обороны КНДР 278  
 Министерство образования КНДР 97, 153, 217, 273  
 Министерство строительства КНДР 99, 112, 126, 135, 146, 149, 209  
 Министерство юстиции КНДР 223-224, 239, 246  
  
 Народно-Освободительная Армия Китая (НОАК) 28  
 Национализм в КНДР 9, 42, 52, 72-76, 93-97, 220, 246, 255-257, 270, 298, 302-304, 313-314  
 — в странах соц. лагеря 4-5, 42, 71, 172, 313-314  
 Национальный сталинизм 4-6, 8, 254-257, 288, 314  
 Новая народная партия 28, 38  
 Нодон синмун, газета 10, 17, 49, 66, 68, 72, 75, 82-87, 94-96, 101, 102, 104, 106, 111, 119, 122, 144, 178, 190, 199, 205, 207, 208-213, 217, 218, 232, 234, 243, 259, 261, 270, 294, 295, 299, 305  
  
 Образование 43, 215, 256-257, 318  
 — членов партизанской группировки 27  
 — членов советской группировки 29, 67, 74  
 Общество корейско-советской дружбы 98  
 Октябрьская (1956 г.) декларация 231-233, 271  
  
 Партизанская фракция 30, 31-32, 35, 53, 110, 130, 142, 152, 182, 195, 216, 252, 287, 297-309  
 — ее история 26-27  
 — усиление влияния 55-59, 76, 112, 115, 235, 247, 297-309  
 Партия Чхондогё-чхоньудан (партия Ченудан) 56, 288-291  
 Пленумы ЦК ТПК  
 — апрельский (1955) 55, 64  
 — декабрьский (1955) 66-69, 76, 78, 79, 83, 95  
 — августовский (1956) 134-137, 139, 158, 176-196, 199, 205, 215, 217, 221, 241, 278, 299, 311, 317, 321-322  
 — сентябрьский (1956) 200-205, 208-210, 217, 222, 234, 236, 254, 280, 321-322  
  
 — декабрьский (1957) 160, 166, 239-241, 257  
 — июньский (1959) 247  
 Погунский химический комбинат 239  
 Полиция см. Министерство внутренних дел  
 Помощь иностранная 42, 47, 49, 122, 155-156, 269  
 — ее использование 179  
 — ее замалчивание 270-271, 304  
 Посольства иностранные в КНДР (кроме советского) 14, 48, 95-96, 260, 266, 287-288  
 Посольство КНДР в СССР 225-229, 284-286  
 Посольство СССР в КНДР 9, 12, 38-42, 54, 57, 59, 66, 80-82, 89, 94-95, 107, 118, 121, 123, 124, 126-129, 132-136, 139-142, 146-150, 158, 161-170, 187, 191, 196, 212, 213, 229, 236, 245, 246, 248, 250, 272, 274, 276, 278, 304, 319, 322  
 — обстановка и комплектование 38-42  
 — отношение к «августовской оппозиции» 161-170  
 Похищения, северокорейских граждан 283-286  
 Правда, газета 93, 119, 322  
 Принцип коллективного руководства 44-45, 77, 92, 104, 106, 115, 135, 144, 198, 227, 321  
 Продовольственная ситуация 43, 47-49, 64, 179, 259-260, 266  
 Промышленность  
 — национализация 20-21  
 — успехи 269-271  
 — приоритетность тяжелой промышленности 53-54, 104, 154-156, 181-182  
 Профсоюзы 147, 179, 182-185, 209  
 Процессы политические  
 — «августовских заговорщиков» 249-253  
 — «внутренней группировки» 32, 63, 250  
 — Пак Хон-ёна 32  
 — «шпионов и коллаборационистов» 260-261  
  
 Религия 20, 21, 288, 313, 314  
  
 Советская Армия 26, 31, 128, 252, 304  
 Советская фракция 16, 38, 112, 121, 143-144, 162, 247, 267, 271-274, 284, 319-320  
 — история 29-31, 33, 35, 51

- роль в августовской оппозиции 121, 136-138, 149-151
- конфликты с яньаньской фракцией 53, 59, 78, 88, 150, 153, 196
- «литературная кампания» 1955—56 гг. 14, 50-99, 134, 137, 143
- репрессии и ликвидация фракции 33, 80-82, 223, 271-282, 306-308
- контакты с посольством и советским руководством 67, 95, 105-107, 135-138, 148, 149, 150, 155, 162-167, 236
- Средняя школа № 6 (с преподаванием на русском языке) 271-273, 319
- Ссылка (как мера наказания) 60, 81, 242, 251, 264, 275, 280, 287, 319
- Сталинизм (см. также Национальный сталинизм) 10, 46-47, 53-54, 84, 86, 93, 104, 118, 156, 161, 172-175, 183, 187, 201, 203, 211-213, 219, 234, 254-257, 264, 288, 293, 310, 312, 323
- Сто цветов, кампания 120-121, 175, 233
- Студенты из КНДР за границей 213—215, 218, 226, 273, 282-287
- Студенчество КНДР (политическая активность) 213-218, 221, 225-226, 282-287, 311, 323
- Съезд КПК (Восьмой) 120, 198
- Съезды КПСС
  - Семнадцатый 305
  - Двадцатый 5, 84, 89, 90, 94, 102, 104, 107, 118, 119, 140, 145, 148, 181, 198, 232
  - Двадцать первый 101
- Съезды ТПК
  - Первый 110
  - Второй 100
  - Третий 66, 70, 80, 91, 100-117, 243, 259, 307
  - Четвертый 108, 247, 305-307
- ТАСС 322
- Технократы (в руководстве КНДР) ИЗ, 122, 243, 307-308
- Университет Ким Ир Сена 45, 99, 210, 267, 277, 282, 320
  - оппозиционные настроения в университете 213—215, 221, 225-226
  - чистки в университете 216—218, 221
- Уровень жизни в КНДР 154-155, 182, 218, 222, 279, 311-312
- Формализм (кор. хёнъсикчжуи) 71—72, 77, 96
- Фракции и фракционизм (см. также Яньаньская фракция, Партизанская фракция, Советская фракция) 22-24, 30-37, 245
- ЦК КПСС 9, 71, 106, 108, 109, 119, 149, 161, 165, 166, 197, 227, 232, 234, 276
  - критика в адрес Ким Ир Сена 124, 125, 138
- ЦК ТПК (см. также Пленумы ЦК ТПК) 24, 58-60, 64, 77, 81, 84, 87-88, 91, 130, 141, 142, 147, 149, 150, 158, 224, 242, 246, 262, 277, 281, 289, 292, 297, 304
  - состав ЦК 108-116, 247, 306-309
- Чосон чонса (Общая история Кореи) 182—183 239
- Чучхе 7, 71-73, 79, 96, 217, 300
- Чхонлима, движение 265-268
- Шпионаж, обвинения в ... 32, 53, 63, 83, 103, 221-222, 244, 245, 253, 260-262, 285, 287, 290-291, 321
- Эмиграция из КНДР
  - в Южную Корею 36—37, 313
  - в СССР 192, 225-226, 280-283, 308
  - в Китай 181, 193-194, 224-225, 308
- Яньаньская фракция 24, 27, 28, 30, 33-35, 37, 53, 55, 59, 64, 67, 78, 84, 88, 107, 117, 134, 144, 147-150, 152, 153, 157, 159, 160, 170, 171, 193-199, 202, 204, 220, 223, 224, 235, 238, 246-248, 251, 263, 275, 277, 280, 281, 287, 299, 307, 309, 319, 320
  - ее конфликты с советской фракцией 53, 59, 78, 88, 150, 153, 196
  - ее связи с Китаем 28, 157, 170—171, 175, 204
  - ее роль в армии 28, 33, 89, 159
  - ее уничтожение 195-197, 199, 223, 230, 246-248, 263, 275, 277, 280, 287, 307

## СОДЕРЖАНИЕ

Введение . . . . .	3
О транскрипции . . . . .	16
1. Исторический фон: Северная Корея и ее руководство в середине 1950-х гг. . . . .	18
2. 1955: советская фракция под ударом . . . . .	50
3. Третий съезд ТПК . . . . .	100
4. Заговор . . . . .	117
5. «Августовская группа» накануне августа: участники, цели, методы. . . . .	146
6. Августовский пленум . . . . .	178
7. Визит советско-китайской делегации и сентябрьский пленум. . . . .	197
8. Разгром оппозиции. . . . .	206
9. Северная Корея меняет курс. . . . .	254
10. Рождение «партизанского государства». . . . .	297
Вместо заключения: оппозиция, Ким Ир Сен и северокорейская правящая элита в середине 1950-х гг. . . . .	310
Источники и литература . . . . .	326
Именной указатель . . . . .	339
Географический указатель . . . . .	344
Предметный указатель . . . . .	346

*Массово-политическое издание*

**Андрей Николаевич Ланьков**

**Август, 1956 год:  
Кризис в Северной Корее**

Художественный редактор А. К. Сорокин  
Художественное оформление П. П. Ефремов  
Компьютерная верстка И. Д. Звягинцева  
Корректор Н. В. Филиппова

ЛР №066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 14.10.2008.  
Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 22. Заказ №1851. Тираж 2000 экз.

Издательство «Российская политическая энциклопедия»  
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82  
Тел. 334-81-87 (дирекция)  
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»  
121099, Москва, Шубинский пер., 6  
Отсканировал:  
paredox  
<http://paredox-wczoraj.livejournal.com/>